

ISSN 0042—8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

7/95

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7/95

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК
ВКП(б) 1937 года 3

СТАТЬИ

А. Н. Сахаров — Война и советская дипломатия:
1939—1945 гг. 26

Т. С. Прусис — В сделках с неприятелем: черно-
морская торговля в 1809—1810 годах 46

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

М. Ц. Арзаканян — Эдуар Балладюр 59

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Х.-А. Якобсен — Вторая мировая война: некоторые
итоги 78

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Генерал А. И. Деникин — Очерки русской смуты 91

СООБЩЕНИЯ

И. В. Домнин — Русское военное зарубежье: дела,
люди и мысли (20—30-е годы) 109

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

В. В. Поликарпов — Виккерс на Волге (1913—1917 гг.)	121
--	-----

Л Ю Д И. С О Б Ы Т И Я. Ф А К Т Ы

А. И. Тарасов — «Всесоюзная демократическая партия»	133
И. Ф. Цветков — Инженер-кораблестроитель В. И. Юркевич	140
В. В. Уздеников — Монеты императора Ивана Антоновича	146
Д. М. Туган-Барановский — Наполеон как журналист	149

И С Т О Р И О Г Р А Ф И Я

Е. Ю. Зубкова, А. И. Куприянов — Ментальное измерение истории: поиски метода	153
Е. А. Паламарчук — А. А. Аникеев. Историография Восточной Германии: подъем и кризис	161
В. П. Михеенков — Д. А. Аманжолова. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш	162
Л. А. Кирилина — И. И. Костюшко. Аграрная реформа 1848 г. в Австрии	163
Н. И. Платунов — С. Ф. Блуменау. Споры о революции во французской исторической науке второй половины 60-х — 70-х годов	165
А. В. Чудинов — С. В. Кондратьев. Юристы в предреволюционной Англии. (Политические и правовые воззрения)	166
Б. В. Носов — Л. Кондзеля. Между изменой и службой Речи Посполитой. Фридрих Мошиньский в 1792—1793 годах	167
В. Н. Токмаков — И. Л. Маяк. Римляне ранней Республики	170

П И С Ь М А В Р Е Д А К Ц И Ю

А. Л. Литвин, И. И. Шарифжанов — Неоправданное реформирование исторического образования в школе	173
--	-----

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

4 марта 1937 года. Вечернее заседание

А н д р е е в (председательствующий). Слово имеет т. Гамарник.

Г а м а р н и к. Товарищи, все, сказанное т. Сталиным в его докладе о недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников в партийных организациях, целиком и полностью относится и к армейским партийным организациям. Большое число этих недостатков в партийной работе, о которых говорил т. Сталин, имеет место и в работе армейских партийных организаций. И, товарищи, совершенно ясно, что эти недостатки в условиях армии еще более нетерпимы и опасны, чем в гражданских партийных организациях.

Тов. Сталин вчера говорил, что японо-германское троцкистское вредительство и шпионаж задело все наши государственные и партийные организации. К нашему несчастью, оно задело, как об этом уже вам докладывал т. Ворошилов, и отдельные звенья нашей Красной армии. Тов. Ворошилов вам здесь назвал ряд фамилий больших командиров, которые оказались троцкистами-бандитами. Троцкистскими бандитами оказались и отдельные политработники. Так, например, мы имели группу троцкистов, вскрытых в последние месяцы, в нашей Военно-политической Толмачевской академии.

Принимали ли мы меры борьбы против врагов нашей партии? Я должен сказать, что ряды нашей армейской парторганизации мы чистили, особенно после злодейского убийства т. Кирова. В той же самой Толмачевке мы провели очень большую чистку, очистили, как нам тогда, в 1935 г., казалось, от всех сомнительных элементов, а последнее время была обнаружена законспирированная группка троцкистских врагов, которые формально в оппозициях никогда участия не принимали, обманывали партийную организацию, а на деле оказались заядлыми врагами нашей партии и народа, связанными с троцкистскими шпионами и вредителями, работавшими вне Красной армии.

Характерно также и то, что во время проверки партийных документов

по армии было исключено троцкистов и зиновьевцев 233 человека. При обмене партийных документов было разоблачено и исключено из партии 75 троцкистов и зиновьевцев. А после обмена мы исключили из партии 244 троцкиста и зиновьевца, то есть вы видите, что и в порядке проверки мы не все проверили, в порядке обмена не все доделали и уж только после обмена, то есть уже с новыми партийными документами, мы исключили 244 человека.

Товарищи, у нас сейчас, как докладывал т. Ворошилов, осталось в армии (то, что нам известно), осталось немного людей в командном и в политическом составе, которые в прошлом принадлежали к различным антипартийным группировкам. Но все эти факты говорят, товарищи, о том, что своевременной и достаточной бдительности целый ряд армейских партийных организаций не проявили. Многие из наших партийных организаций оказались слепыми и мало бдительными, а, товарищи, совершенно ясно, что если т. Сталин неоднократно указывал, что основное качество большевика, необходимое большевику, — это высокая классовая бдительность, то совершенно ясно, что это качество особо должно быть присуще военным коммунистам, военным большевикам. Наши коммунисты, коммунисты, работающие в Красной армии, они должны быть особо бдительными, и каждый из нас с вами понимает, что в условиях армии это качество особо необходимо каждому коммунисту.

Тов. Сталин вчера говорил нам о том, что надо бороться с гнилой теорией, заключающейся в том, что нас-де, мол, миллионы, а врагов только единицы. Причем т. Сталин говорил, что это особо надо учитывать в условиях армии. Он говорил, что стоит одному врагу — шпиону, диверсанту — пробраться в армию, пробраться в штаб дивизии, в штаб корпуса, в штаб армии в любой роли — крупного ли работника, командира ли, штабного ли работника, переписчика ли, шифровальщика ли, машинистки ли — такой враг даже один может причинить нам неисчислимые бедствия, особенно в военное время, он может продать любой оперативный план дивизии, корпуса, армии, фронта и т. д. Я думаю, что т. Сталин был совершенно прав, когда он заострил внимание всех нас против этой гнилой теории, и особенно заострил внимание военных работников.

Я должен, товарищи, одновременно сказать, что из уст т. Сталина мы — военные работники — слышим это не в первый раз, слышим не только на этом пленуме. Из уст т. Сталина мы об этом слышали не раз и в течение многих лет. Я, например, должен вам привести такой факт. Я помню, когда еще в декабре 1931 г. ЦК послал меня на Дальний Восток в связи с усилением, вы знаете, нашей армии на Дальнем Востоке, то среди целого ряда напутствий, которые давал т. Сталин, он мне сказал: особое внимание обратите на состав работников штабов Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии, что надо тщательно посмотреть, чтобы там не было чуждых людей, сомнительных людей не было. Я еще мог бы привести ряд фактов с указанием на то, как т. Сталин неоднократно нам говорил и указывал на сугубо необходимую военным работникам бдительность.

В том же году, в связи с той же поездкой, в конце 1931 г., я помню, в Центральном Комитете т. Сталин поставил вопрос о том, что необходимо в срочном порядке перебросить частицу нашей авиации на Дальний Восток, и Центральным Комитетом была послана телеграмма т. Эйхе — Сибкрайкому, он помнит, вероятно, и Дальневосточному крайкому, чтобы в срочном порядке были построены ангары для приема авиации, и я помню, что т. Сталин предложил нам написать проект такой телеграммы, но при этом предупредил: не печатайте эту телеграмму на машинке, напишите от руки и дайте мне и т. Молотову на подпись.

Он исходил из того, что тогда все-таки переброска на Дальний Восток делалась сугубо секретно, он исходил из того, чтобы машинистка, даже, видимо, самая проверенная, не была информирована об этом мероприятии. Тут я должен еще рассказать. Тогда уже встал вопрос о переброске нескольких сибирских дивизий на Дальний Восток. Тов. Сталин нас предупредил: не отдавайте об этом приказа из Москвы, а вот Гамарник поедет, пусть

там, на месте, в Новосибирске, скажет командующему о переброске дивизий на Дальний Восток. И я должен сказать, что только самый узкий круг, даже у нас в Наркомате, знал об этих мероприятиях. И вот т. Эйхе помнит, что приехал я с группой наших военных работников в Новосибирск, и там все эти мероприятия были проведены. К чему это я все говорю? К тому, что тогда была проявлена величайшая бдительность и конспирация, которые принимались нами, как я говорил, по указанию т. Сталина. И благодаря этому нам ведь удалось в первые месяцы совершить значительные переброски на Дальний Восток. Причем, по свидетельству ОГПУ, японцы первое время не знали о наших перебросках, во всяком случае, не знали о размерах наших перебросок.

Но, товарищи, всегда ли мы проявляем такую бдительность? Нет, конечно, ни в коей мере, эту бдительность, которая является тем качеством, которое очень и очень необходимо воспитывать среди всего нашего командного и начальствующего состава, партийного и беспартийного. Мы товарищи, военные большевики, должны как можно скорее и полнее извлекать уроки из вредительства, диверсий и шпионажа японо-германских троцкистских агентов. Мы должны проверить все участки нашей работы, проверить людей, покопаться и поискать вредителей и шпионов.

Я думаю, что товарищ Сталин был совершенно прав, когда он сказал в своем докладе о том, что далеко не все троцкистские кадры выявлены, извлечены, изолированы и ликвидированы. Тут нам предстоит еще огромнейшая работа. А у нас, товарищи, есть очень много участков, где враг может нам вредить. Возьмем такой вопрос, как вопрос питания наших бойцов. У нас там не всегда дело обстоит благополучно. Мы получаем сводки о том, что у нас в том или ином полку в пищу попадает стекло, там вдруг появляются желудочные заболевания красноармейцев. Не всегда мы докапываем до конца источники этих фактов. Второй вопрос — это вопрос об умундировании, вещевом снаряжении. Тов. Молотов об этом уже напоминал в своем заключительном слове. В свое время в 1935 г. по инициативе т. Сталина это дело у нас было основательно проверено, и были вскрыты очень крупные недостатки в этом деле, которые заставили Центральный комитет партии провести специальное совещание по этим вопросам при ЦК с участием тт. Сталина, Молотова и других членов Политбюро. Это — области, где нам нужно быть очень начеку, потому что здесь мы можем иметь факты вредительства, если не быть достаточно бдительными. Третья область работы — наше строительство. Мы строим очень много в последние годы в связи, как вы знаете, с большим расширением нашей Рабоче-Крестьянской Красной армии. И тут у нас немало неполадок и не исключены случаи и факты вредительства.

Такой вопрос, как состояние оружия, состояние наших оружейных складов, боеприпасов, ведь здесь нам могут очень много вредить. Наши враги, шпионы, вредители, они могут нам нанести ущерб еще на самом заводе, там, где изготавливается оружие и боевое имущество. Они могут нам очень много вредить, проникнув на любой склад. Тов. Сталин уже здесь говорил о том, что стоит одному врагу индивидуально пролезть на наши артиллерийские склады, и он может нанести большой ущерб, даже не в военное время. И если сегодня, в мирное время, мы не будем большевистски ставить вопрос о бдительности, то враг, безусловно, попытается к нам пробраться. Вы знаете, что целый ряд складов у нас находятся в непосредственной близости с крупными промышленными центрами и городами. Нужна ли тут бдительность величайшая? Конечно, нужна.

Дальше, вопрос аварийности в авиации, в мотомеханизированных частях. Тов. Каганович здесь говорил о крушениях, почему же нам не сказать об авариях? У нас, товарищи, тоже есть порядочное количество и аварий и катастроф в наших авиационных частях и в танковых частях. Этими вопросами неоднократно занимался Центральный Комитет партии, собирал по этому вопросу, особенно по авиации, совещания в ЦК партии. Несколько таких совещаний были при ЦК партии. В последнее время дело стало несколько лучше в этой области. Но все же и сейчас у нас еще есть

целый ряд неполадок в этой области. И тут, конечно, тоже никак нельзя исключить возможности вредительства. Поэтому и здесь надо смотреть, копать все, как следует.

И, наконец, такой вопрос, как сохранение военной тайны. Вопрос сохранения военной тайны, это что означает? Это означает секретность документов, это означает всюду иметь надежных людей, поставить дело так, чтобы все наши штабы были гарантированы, что у них нельзя вытаскать, нельзя уворовать секретный документ. И вот т. Сталин здесь абсолютно правильно нам говорил, ссылаясь на исторические примеры, что если капиталистические страны посылают свои контрразведки в другие страны, то тем более все страны посылают свои разведки к нам. Было бы невероятно глупо считать, что японцы не рыщут и не пытаются добраться до наших штабов, что этого не делают немцы и что этого не делают, как здесь говорил т. Сталин, «союзники».

Это все, товарищи, должно заставить нас повесить всячески свою бдительность. Чем же, товарищи, объяснить у нас такое положение, что троцкистские шпионы и диверсанты сумели проникнуть и в армию, в ряды ее партийной организации? Я, товарищи, думаю, что тут надо учитывать, конечно, специфичность работы Красной армии. Я думаю, что в основном это происходит в силу тех же причин, что и в гражданских организациях, то есть в силу крупных недостатков в нашей партийно-политической работе, в силу крупных недостатков в большевистской воспитательной работе наших кадров.

Надо прямо сказать, что наши Политотделы и партийные организации за последнее время стали значительно лучше, ближе и конкретнее заниматься вопросами боевой подготовки, овладением боевой техники. Сами политработники стали лучше изучать военное дело. Огромное количество у нас политработников сейчас сдали экзамен за нормальную военную школу. Подавляющее большинство политработников сдали экзамен за этот год за нормальную военную школу. Кроме того, большая часть политработников сдали экзамены на летчиков, танкистов. Мы наших политработников авиационных частей в специальных школах обучаем в течение нескольких месяцев летному делу.

Часть политработников перешли на командную работу, в частности, в авиации очень много командиров из бывших политработников. Это все, конечно, очень хорошо, и этой работы мы, конечно, ни в какой мере и в дальнейшем не имеем права ослаблять. Не должны ослаблять и не будем ослаблять. Вопросы боевой подготовки, конечно, должны остаться в центре всей нашей работы парторганизаций и политорганов. Но, товарищи, надо признать, что часто это шло за счет ослабления партийно-политической работы. Многие работники не представляли, что главное в их работе — это политическое воспитание людей, воспитание в большевистском духе. Главное в их работе — воспитывать преданных партии, преданных делу Ленина — Сталина большевиков. Многие товарищи не представляли, что хорошая, подлинно большевистская работа — это решающее условие для хорошей боевой подготовки. Некоторые по нашей же вине, по вине политорганов, плохо большевистски воспитанные командиры даже считали, что время, отведенное на политработу, является потерянным временем для боевой подготовки.

Тов. Сталин говорил в своем докладе о том, что лозунг овладения техникой надо добавить лозунгом о большевистском воспитании. Это не только целиком и полностью относится к нашей армии, но я полагаю, что для армии этот лозунг должен звучать еще сильнее. Ведь совершенно ясно, что нам нужен командный, начальствующий состав, не только в совершенстве владеющий военным делом — это совершенно обязательное условие, но и высоко политически сознательный, политически вооруженный, беззаветно преданный делу Ленина — Сталина, делу социализма. Совершенно ясно каждому командиру: для того, чтобы быть полноценным командиром, авторитетным для бойцов, которые должны ему полностью и целиком доверять, потому что он поведет их в бой, где каждый боец рискует своей

жизнью, он должен быть одновременно и политическим руководителем. (М о л о т о в. Тов. Гамарник, надо хотя бы один конкретный случай прокритиковать насчет политработы. Вы ни одного конкретного случая не прокритиковали.) Я прокритиковал. (М о л о т о в. Нет, у вас все «в ряде случаев».) Я сказал, что все целиком к нам относится. (С м е х. С т а л и н. По Сибирскому округу как у вас? В о р о ш и л о в. Вот вы об этом расскажите.) Зам. начальника ПУОКРА... (С т а л и н. И по части Северо-Кавказского округа, вы читали?)

Г а м а р н и к. Я последний материал не видел. Мне говорят, что есть. Товарищ Сталин, товарищ Молотов, я говорил, что нам надо очень много покопаться, что у нас есть люди арестованные, вредители, шпионы, об этом докладывал т. Ворошилов вчера и позавчера. Я тут давал ряд фактов, относящихся к политработе. То, что мы имели в Толмачевке, вскрыто не нами, а НКВД. Невзирая на то, что мы чистили Северо-Кавказский округ, там есть целый ряд вредителей. (В о р о ш и л о в. Заместитель начальника связи и начальник... С т а л и н. Помощник начальника штаба.) Это я знаю. (М о л о т о в. Вот и скажите то, что вы знаете.) Я сказал, что я знаю. Дублировать т. Ворошилова вряд ли целесообразно. Основное он говорил. Я должен сказать, что у нас в ряде случаев не ослабла военная подготовка и овладение военной техникой и внимание со стороны парторганизации. Но мы обязаны улучшить работу в направлении указаний т. Сталина, чтобы усилить нашу работу по большевистскому воспитанию командного и начальствующего состава.

По вопросу о марксистско-ленинской подготовке. Тут вопрос ясно сформулирован. Речь идет о недостатках, поэтому мы тут о достижениях разговаривать не должны. Я должен сказать, что у нас с марксистско-ленинской подготовкой лучше обстоит, потому что у нас охвачен весь начальствующий состав, в том числе и весь партийный. У нас в этом году в системе марксистско-ленинской подготовки изучали историю партии, новую Конституцию и отдельные произведения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Но я отнюдь не хочу сказать, что тут дело обстоит в какой бы то ни было степени благополучно. Здесь у нас есть все беды, какие есть в общей системе политического воспитания в гражданских организациях. Тут есть много формального, много казенщины, и не всегда хорошо подобраны руководители. И на это дело нам нужно, сугубо необходимо еще как следует быть нажать.

Я хочу остановить ваше внимание только в двух словах на вопросе, о котором тут говорил т. Сталин, — об опасностях, связанных с успехами, — о самодовольстве, хвастовстве, о настроениях «сами не спят и другим спать не дают». Я должен, товарищи, сказать, что эти опасности очень реально стоят перед нами — перед большевиками Красной армии. (С т а л и н. Все мы люди.) Я должен прямо сказать, что самодовольства и хвастовства у нас тоже немало. Известно, конечно, что и Красная армия, как и вся страна, за последние годы, конечно, имеет крупнейшие достижения. (С т а л и н. Безусловно.) Во-первых, мы перевооружили армию так, что она теперь, несомненно, является по уровню своей техники первоклассной, а по количеству этой техники она является первой во всем мире, и это не вызывает никаких сомнений.

И вот то, что, с одной стороны, страна вооружила армию нашу первоклассной техникой, что люди наши за эти годы неплохо в основном этой техникой овладели, наши летчики и танкисты, и то, что мы имеем, несомненно, очень сильную сейчас и неплохо обученную Красную армию, — это, товарищи, тоже с другой, с обратной, своей стороны может родить и рождает те опасности, о которых говорил т. Сталин, — хвастовство, самодовольство и т. д.

Я поэтому и хотел бы привести пару слов такого порядка. Вот у нас года полтора назад был такой факт: группа наших командиров поехала во Францию на маневры. Вернувшись оттуда, она нам доложила, что, видите ли, «нам сейчас у французов абсолютно нечему учиться». (С м е х.) Один даже нам заявил (фамилию я называть не буду) следующее: что он, видите-

ли, на маневрах «находился рядом с Гамленом и другими генералами и я чувствовал, что мне нечему у них учиться, а они, несомненно, чувствовали наше военное над ними превосходство». (Смех. Сталин. А нам надо здорово поучиться у них артиллерийскому искусству.) Вот мы с т. Ворошиловым полтора года тому назад на военном совете... (Якир. Мне прямо неудобно. Я как раз был в это время во Франции и могут подумать, что это я. Смех.) Я могу сказать, что Уборевич был во Франции и Якир был во Франции, но речь идет не о них. (Ворошилов. Тогда т. Сидякин может обидеться. Он был во Франции, а о нем ничего не говорится. Смех. А к нему как раз это относится. Смех. Косиор. Вот теперь ясно. Ворошилов. Все-таки скажите, кто. Сидякин достаточно образованный человек.) И хороший командир. (Ворошилов. Дело знает.) Так вот, т. Ворошилов назвал, что речь идет о т. Сидякине — о хорошем командире, знающем военное дело, знающем его конкретно и точно. Но надо сказать, что человек проявил хвастовство и самодовольство. Мы его на военном совете в 1935 г. смертным боем били. (Сталин. Пока что здоров. Смех.) И сказали ему, что учиться надо не только у французской армии, а у любой, самой маленькой, паршивой армии, потому что в каждой армии есть такие вещи, которые можно посмотреть и привезти к нам.

Я должен привести второй факт. Тов. Сталин, который сугубо конкретно занимается военными делами, даже в таких деталях, о которых многие из вас и не думают, месяц тому назад вызвал меня и показал мне американскую книгу на английском языке. Называется эта книга «Ваши крылья». Она дает сведения в очень популярной и хорошей форме для нашей молодежи по авиационному делу. Тов. Сталин сказал: посмотрите эту книгу и если она хороша и интересна, переведите ее и займитесь изданием ее для нашей молодежи. Это мы сделали. Книга вышла. Я, кстати, рекомендую всем членам пленума ЦК эту книгу прочитать, она вам всем пойдет на пользу. (Голос с места. Правильно!) Но я не об этом сейчас говорю. Я хочу сказать о том, что, вручая эту книгу, т. Сталин сказал мне: поищите на заграничном рынке какую-нибудь такого же типа книгу по артиллерии и переведите ее для нашей молодежи.

Я на второй день вызвал наших артиллеристов. Дали мы телеграмму заграницу с указанием посмотреть через наших военных атташе, нет ли такой книги. Я спросил и у наших артиллеристов, не знают ли они такой книги. Ведь люди ездят за границу, следят за литературой. И попутно я перед ними поставил следующую задачу. Было у меня несколько учебников для германских артиллерийских школ. Я сказал: надо эти книги тоже перевести для того, чтобы не вводить их как учебники в нашей артиллерийские школы, но дать возможность нашим преподавателям и слушателям посмотреть, как эти вопросы преподают в других странах, в частности, в Германии. И что же я получил в ответ? Наши крупные артиллерийцы сказали: нечего эту книгу переводить, потому что нам учиться у французов и немцев в области артиллерии нечему. Совершенно ясно, что это дикое, никчемное и не на чем не обоснованное заявление. Во-первых, мы знаем, что у немцев хорошие артиллерийские кадры и у французов артиллерийские кадры очень хорошие. (Сталин. Еще лучше.) Вообще у французов артиллерийская культура очень высока и их школы неплохо поставлены еще со времен Наполеона.

Я эти факты привел для того, чтобы показать вам, что все те меры, о которых говорил т. Сталин по отношению к партийным организациям, имеют прямое отношение и к нам. Самокритика нам нужна обязательно, тем более, что мы находимся в особом положении. Тов. Каганович вечером знает, а мы все утром узнаем о том, сколько он погрузил, узнаем о том, сколько Наркомтяжпром выработал или невыработал чугуна и т. д. (Сталин. Это и печатается.) Тем более, что это печатается. Я всегда с утра просматриваю сводки по НКПС и Наркомтяжпрому. А ведь положение такое, что по наркомату обороны сводок никаких нет, и их никто не публикует. Нас в печати открыто проработать нельзя по понятным для вас всех причинам.

Это обязывает нас внутри армии вести самую решительную самокритику, потому что если мы не будем себя, внутри наших армейских партийных организациях по-настоящему критиковать, то, собственно говоря, для критики места нет за исключением только тех случаев, когда ЦК партии специально будет нас обследовать. Правда, целым рядом наших конкретных дел Центральный Комитет занимается повседневно. Комиссия обороны заседает регулярно, рассматривает все вопросы. (С т а л и н. Хорошо бы созвать совещание хороших практиков, опытных людей по артиллерии и танкам, совещание, закрытое при Совете обороны. Это дало бы кое-какие результаты. Г о л о с а с м е с т. Правильно!) Совершенно правильно. Нам самокритика нужна очень сильная, потому что нас извне, со стороны, никто не критикует.

Еще один вопрос, связанный с этим. Нам нужно больше связи между нашим командным начальствующим составом и красноармейцами. Конечно, эта связь есть. В этом сила нашей Красной армии, в том, что нет перегородок между начальствующим составом, между любым из командиров с любым количеством ромбов и бойцом-красноармейцем. Но это относится к армии в целом. Но у нас есть значительные группы командного политического состава, оторванные от масс, недостаточно с этими массами связанные. У нас единоначалие — основа строительства Красной армии. Не может быть сомнения, что единоначалие означает единоличное решение вопроса, единоличную отдачу приказа, но единоначалие не исключает совета, совещания. (С т а л и н. Правильно.) ...перед отдачей приказа, перед единоличным решением. (С т а л и н. Правильно.) А эта сторона вопроса не всегда получает достаточное разрешение. Есть некоторые товарищи, которые считают, что единоначалие это означает: «я не с кем не должен советоваться, я должен один единолично обсудить и решить». Совершенно ясно, что это явление нетерпимое и что нам необходимо заставить наших товарищей совещаться со своими подчиненными в меру возможности и при условиях Красной армии, чтобы прислушиваться к голосу подчиненных, к голосу красноармейца. Надо прямо сказать, что мы сейчас в низовом красноармейском составе имеем огромное количество людей, которые часто политически стоят выше соответствующего командного состава, потому что сейчас к нам в армию приходит молодежь — коммунисты, стахановцы, окончившие высшие учебные заведения.

Вывод — надо усилить всю политическо-воспитательную работу всего командного состава и еще теснее связать весь командный состав с рядовыми красноармейцами. Я должен сказать в заключение, что для меня, я думаю, что и для всех членов Пленума, доклад т. Сталина явился замечательным уроком воспитания по вопросам партийной работы, внутренней и внешней политики нашей партии. Я прямо должен сказать, что этот доклад поднял нас всех на целую голову в политическом понимании всех стоящих на Пленуме вопросов и стоящих перед партией задач. Тов. Сталин крепко вооружил нас для борьбы во всей государственной работе, в работе Красной армии, для борьбы против внутренних и внешних врагов нашего народа, против врагов социализма.

Теперь дело за нами. Все будет зависеть от того, насколько хорошо, честно и добросовестно мы на деле выполним эти указания, эти решения пленума. Мы в армии впредь должны так работать и так воспитывать людей, чтобы ни один враг, ни один шпион, ни один диверсант не мог проникнуть в нашу армию, чтобы мы полностью изжили все недостатки в нашей работе. Тов. Сталин говорил: «Для этого необходимо ликвидировать беспечность и политическую близорукость». Мы, большевики, в Красной армии понимаем всю огромную ответственность, которая лежит на нас перед нашей партией, перед страной, в деле подготовки обороны нашей страны, в деле подготовки нашей армии к победоносной войне. Мы сделаем все, чтобы ликвидировать беспечность и политическую близорукость. Мы сами спать не будем и другим спать не дадим, чтобы изжить в кратчайший срок все недостатки и политически поднять нашу армию, весь ее командный начальствующий состав на еще большую высоту

и этим сделать нашу армию еще более могучей, еще более боеспособной и готовой в любой момент нанести сокрушительный удар всем нашим врагам.

А н д р е е в. Слово имеет т. Мехлис. Следующий т. Кудрявцев.

М е х л и с. Товарищи, после доклада т. Сталина выступить довольно трудно, ибо основное и решающее он сказал так, как сказать кому-либо из нас трудно. Тов. Сталин мощным прожектором осветил пути нашей дальнейшей борьбы, он показал, как лечить партию от идиотской болезни — беспечности.

Я хочу остановиться на недостатках нашей печати. Шпионско-вредительская деятельность троцкистов задела и наши газеты. В Советском Союзе мы имеем до 7 тыс. печатных газет и огромную армию стенновок и многотиражек, заводских газет. Мы имеем всякого рода областных газет 400, районных газет 3300, в совхозах и в МТС — 800 газет. В органах печати, в газетах работают десятки тысяч журналистов, но для повышения их политического и культурного уровня почти ничего не делается. Плохо обстоит дело с газетными кадрами, с их подбором. Засоренность их необычайная. Здесь много бывших меньшевиков, эсеров, здесь много побывавших в разных оппозициях. Всякого человека, более или менее способного и дельного, систематически с газетной работы забирают и переводят на работу советскую, на работу партийную. Теоретическая подготовка газетных кадров низка. Кадры годами не готовились и, если говорить на этом пленуме открыто, а это делают все члены пленума, то надо признать, что Стецкому, который годами ведал печатью, потомство за это благодарности не вынесет. (О б щ и й с м е х).

В институтах журналистики обучается 1600 человек, в областных газетах — 2100 человек и на областных курсах марксизма — 600 человек. Это капля в море. Но цифра довольно внушительная. Однако она не должна вводить вас в заблуждение. Много курсов липовых, отбирают туда людей архиплохо. К нашему стыду надо признаться — на газетную работу люди неохотно идут. Даже в тех случаях, когда имеется постановление Центрального Комитета партии, тот или другой товарищ старается от газетной работы улизнуть всякими правдами и неправдами. На этих курсах, куда люди вербуются местными партийными организациями, много политических малограмотных, непроверенных людей или просто не владеющих русским языком или родным языком. Что особенно печально, так это то, что наша молодежь, кончающая десятилетки или высшие учебные заведения, к газетной работе не привлекается. Газетные кадры частично стареют физически, изнашиваются морально, так как требования к газетам повышаются, а люди не успевают идти в ногу с требованиями, свой уровень теоретический и политический не поднимают, и поэтому возможность замены старых кадров новыми, она стоит под серьезной угрозой. Редактора ряда газет, в том числе и областных, оказались троцкистами. Так было, например, в «Грозненском рабочем» — редактор Хейфец, в «Таганрогской Правде» — редактор Маринсон, в «Коммунисте Таджикистана» — Глуховской... (Ч и т а е т).

Немало троцкистов пролезло и в аппарат редакций и, особенно подчеркиваю, в наши типографии, и теперь разоблачены. К сожалению, никто в аппарате ЦК не располагает суммарными данными о троцкистах, разоблаченных как пробравшихся в органы печати, пробравшихся в типографии. В редакциях и типографиях наших газет сейчас еще, несомненно, остались троцкистские корешки. Откуда этот вывод можно сделать? Не голословен ли он? Нет, он не голословен. Этот вывод напрашивается из ряда вредительских явлений, которые имеют место и сейчас в наших газетах, особенно в районных. Открыто выступить теперь с антисоветской статьей никто не осмелится, таких дураков вы не найдете, поэтому троцкисты прибегают к своеобразной «критике» нашей партии и советской власти, дискредитации руководства. Они пользуются такими методами, которые позволяют нашим редакторам или простачкам газетным и партийным говорить об описках или опечатках и т. д. Между тем, серьезный

анализ этих опечаток, серьезный анализ этих описок показывает, что мы имеем дело с вредительскими ошибками, что мы имеем дело с вредительскими опечатками.

Я не буду голословен и возьму материал. Вот Харьковская заводская газета «Коминтерновец». В декабре 1936 г., выпуская номер газеты, редактор допускает, что на первой полосе имеется снимок, и на этом снимке т. Сталин — в гробу, под видом, что кто-то читает газету, но все это так опятапно и обстряпано, что т. Сталин оказывается в гробу. А вот другая газета, как будто бы безобидный заголовок: «Всенародное обсуждение Конституции». А вот подзаголовок: «Сталинская Конституция — гроб», а дальше идет новый подзаголовок «капитализма всего мира».

Возьмем 50-летний юбилей т. Орджоникидзе. За подписью т. т. Эрколи, Пика, Мануильского идет целая фраза: «всегда вел от победы к победе», и дальше вписка: «и хуже быть не могло». Это вписали от себя вредители. Вот районная газета. (Сталин. Это откуда?) Это районная газета «Коммунар». (Голос с места. Где, в каком крае?) Газета Горьковского края. Возьмет газету «По ленинскому пути». (Голос с места. Какого района?) Это Матвеевского района. (Голос с места. Области какой?) Здесь введен отдельчик «В райкомах ВКП(б)». Что они пишут о своей работе? «Особенно плохо то, что у нас нет критики, ее не любят и ненавидят (и дальше идет критика). Руководители наших районных организаций и колхозов превратились в старых управляющих (времен помещичьего строя), они оторвались от масс». Вот началась критика. Возьму другой материал. Вот идет, якобы, критика троцкизма. О Троцком идет речь. Обвиняют некоего Жарова, но все, что он говорил о Троцком, вываливается в газету, и перед читателем получается следующая его характеристика. (Голос с места. Какая это газета?) «За коллективизацию», орган Ново-Узинского райкома и райисполкома. А написано следующее, что Троцкий — заслуженный политический деятель, который много делал не только для СССР, но и для рабочих и крестьян всего мира. Троцкий имеет даже больше трудов, нежели Ленин. (Голос с места. Какая газета, где издается?) «За коллективизацию», орган Ново-Удинского райкома и райисполкома. (Голос с места. Саратовский край.)

Мехлис. Возьмем следующее. Вот неподобная вещь — портрет. Если техника не позволяет, не давайте портретов в газетах. Но давать такой портрет — это значит издеваться над т. Ждановым. (Голос с места. Какая газета?) Газета «Коммуна» Воронежского обкома ВКП(б), облпрофсовета и горкома г. Воронеж.) Вот — «Конституция — основной закон» — это «Горьковская коммуна» — областная газета, орган обкома партии. «Конституция — основной закон», фотография т. Сталина, а под этой фотографией написано: «результаты канцелярской работы». Вот газета «Лесной колхозник», орган Лесного райкома и райисполкома Калининской области. «Расстрелять всю банду наемных убийц». Подборка идет, а под подборкой фотография т. Ежова. Вот газета «Рулевой», орган политотдела и парткома Первомайского зерносовхоза. Заголовок: «Злейшие враги народа», а под ним идет портрет товарища Сталина. «Да здравствует Сталинская конституция», «Изучают конституцию», «Злейшие враги народа». Товарищи, я не хочу задерживать вас и боюсь, что у меня времени мало, но вот таких материалов у нас уйма, без конца. Во всяком случае, эти материалы позволяют делать выводы, что тут не описки, не опечатки. Надо уметь отличать описки и опечатки от сознательных вредительских действий. И надо уметь на основе этих материалов делать выводы о необходимости специального подбора всего низового газетного состава работников и состава работников типографий.

Хочу остановиться на вопросе о подхалимстве в нашей печати. Нельзя сказать, чтобы областные и районные комитеты партии одергивали редакции газет. Часто бывает наоборот: подхалимство поощряется, подхалимы выдвигаются. Только этим можно объяснить, что подхалимство приняло в нашей печати и партийных организациях широкие размеры. А подхалимство, как это мы знаем из доклада т. Сталина, [способствует]

росту беззаботности, бахвальства, расхлябанности — той опасной болезни, о которой он говорил. Не будем ходить за примерами далеко. Возьмем факты из Горьковского края. Там издавалась газета под таким названием: «За выполнение указаний тов. Прамнэка». 10 номеров такой газеты вышло. И крайком одернул и прекратил издание этой газеты лишь после резкой критики «Правды». В Марийской области имелся поход за право подписать рапорт товарищу Прамнэку. Напечатали в своей газете «Лесной пролетарий». Возьмем газету «Челябинский Рабочий». Эта газета печатает рапорт, который кончается так: «Да здравствует руководитель челябинских большевиков т. Рындин!» Немало в газете головоугодничества, подхалимства перед областными и партийными организациями. Спрашивается, почему местная партийная организация терпит эти безобразия? Надо резко ударить по подхалимству. Взять, например, газету «Уральский рабочий» и газету Свердловской области. Там тоже есть целый ряд таких фактов, очевидно, там также господствует неслыханное подхалимство. «Правда» уже писала по этому поводу. Там, например, директор завода т. Кравчука исключили из партии за то, что он осмелился на районной партийной конференции спросить, как мог т. Кабаков так долго сидеть с двурушником Головиным, как он мог это не заметить. Вопрос совершенно правильный, который может задать любой рабочий. За это человека исключили из партии. Он вынужден был больше месяца обивать пороги всех партийных организаций, все от него отворачивались, и лишь после выступления «Правды» его восстановили в партии.

Здесь выступал т. Кабаков. Тов. Кабаков говорил об ошибках на Урале, но он не вскрыл основной ошибки, он не заметил, как на Урале сильно развито местничество и подхалимство. На Урале существуют так называемые знатные уральцы. В эту щель знатных уральцев пробирались враги, пробирались троцкисты. Если бы эти люди вели линию, которую требует Центральный Комитет партии, которую требует т. Сталин, объективной линии в подборе кадров, если бы они не ориентировались на так называемых знатных уральцев, открыли бы борьбу с местничеством, подхалимством, то они наскочили бы на троцкистские кадры, которые залезли в эти щели. Этого т. Кабаков не понял и поэтому пожинает плоды того, что было в уральской организации. В уральских организациях сильно развито подхалимство. Такое же положение и в Северном крае. Туда поехал бывший секретарь т. Иванов, и по этому поводу крайком вынес постановление на двух страницах. Крайком постановил проводить единый партдень по обсуждению указаний т. Иванова, как их проводить в жизнь.

В Киеве тоже развито подхалимство. В газете «Пролетарская Правда», я вам приведу один номер, и в этом номере фамилия руководителя областной партийной организации повторяется примерно шестьдесят раз. Из этого надо было какой-то вывод сделать. А кто это делает? Никто иной, как Семченко — двурушник и Дзенис — известный левак, троцкист Сodin. Мне думается, что троцкисты, которые шестьдесят раз называли фамилию руководителя областной партийной организации в газете, они несомненно дискредитировали его. (Голос с места. Кого?). Вы же знаете, кто руководил областной партийной организацией, конечно, Постышев. Но, т. Постышев выступил здесь, и выступление его носило такой характер, как будто т. Постышев не сделал еще всех выводов до конца из этого положения, ибо о подхалимстве он ни слова не упомянул. Это значит, что т. Постышев не замечал этого подхалимства. У нас в шутку мы это подхалимство называем «лизатотерапия». (Смех). Оно способствует росту болезней. И надо редакторскому аппарату отвечать за эти безобразные явления. Это говорит о том, что мы забыли то, о чем учил нас Ленин и Сталин, — скромность украшает большевика. Тут же возникает и вопрос о вождизме местных партийных организаций. Я оглашу (боюсь, что это вызовет недовольство против меня) одну записку т. Сталина, посланную в «Правду» в 1930 году. Вот что он писал: «Тов. Мехлис, прошу пустить в печать... (Ч и т а е т) ...письмо прошу напечатать без этих фраз. Сталин». Пора понять нашим газетам, что партия решительно осуждает подхалимст-

во. Пора понять и нашим партийным организациям, что подхалимство и вожизм приносят вред нашей партии.

О руководстве газетами. Товарищ Сталин поставил политическую задачу о воспитании кадров. Старый лозунг был дополнен новым лозунгом овладения большевизма. Мы эту задачу не разрешили. Сейчас этого в руководстве нет. Руководитель газетами — это не значит посылать редакторам периодические циркуляры по тому или иному вопросу. Газеты требуют повседневно[го], ежедневного руководства, так как это делает ЦК в отношении «Правды», когда он нас одергивает по каждому поводу, по каждой ошибке, какой бы она ни была маленькой или большой. Газеты — самый гибкий инструмент в руках парторганизаций, и если они думают всерьез провести в жизнь те резолюции, которые будут приняты пленумом, и те указания, которые были в речи т. Сталина, надо взяться газетам по-настоящему за это дело.

Редакции газет предоставлены самим себя, они плохо связаны с парторганизациями и массами. Газеты могли бы многое сделать для того, чтобы окружить партию крепким, проверенным ленинско-сталинским активом. Это, к сожалению, они не делают. Очень много редакторов переключили свои газеты и заполняют их материалом разоблачения уже разоблаченных троцкистов. Так, например, «Харьковский рабочий» только в пяти номерах опубликовал отдельные корреспонденции и материалы, довольно крупные, с 68 новыми фамилиями. «Социалистический Харьков» напечатал 56 фамилий, «За рудный Днепропетровск» — 6, «Большевик» в четырех номерах — 36, «Коммунист киевский» в 8 номерах — 38, «Пролетарская правда» — 77. Очевидно, киевские товарищи не представляют себе, что сплошное разоблачение в газетах материала о троцкистах создает ложное представление об удельном весе троцкистов в стране. (Г о л о с с м е с т а. Правильно!) Не случайно был поставлен вопрос перед т. Кабаковым со стороны т. Сталина. Когда т. Кабаков говорил о разоблачении троцкистов, т. Сталина спросил, а сколько у вас членов партии? И оказалось, что на 48 тыс. членов партии два троцкиста. Наши газеты небольшие. Надо иметь голову на плечах, если вся газета будет наполняться с начала до конца материалами о разоблачении разоблаченных троцкистов, которые уже арестованы и сидят в наших тюрьмах. Это для неискушенного члена партии создает ложное представление об удельном весе троцкистов в стране. (Г о л о с с м е с т а. Правильно! Сталин. Про «Правду» чтонибудь скажете? С м е х.). Если мне потом слово дадут. (С м е х.)

М е х л и с. Об агитации и пропаганде. Нашим газетам пора вернуться к партийно-политическим вопросам пропаганды и агитации. Ответственная и почетная задача для нас — довести до каждого члена партии решения пленума и речь т. Сталина. У газетчиков наших нет вкуса к партийной работе. Они могут заниматься всякими другими делами, но партийными вопросами они чрезвычайно неохотно занимаются. Это свидетельствует о засоренности наших кадров мелкобуржуазными элементами, людьми, далекими от партии. Областные газеты, в особенности районная печать, обильны всякими нужными и в особенности ненужными официальными материалами. Так что часто в районных, областных газетах просто читать нечего. Возьмем газету немцев Поволжья «Большевик» за 1936 г.: в январе было помещено 23 речи, 13 постановлений центральных, 3 постановления краевых и 7 постановлений республиканских организаций. В одном феврале месяце было помещено 20 речей, переданных из Москвы, 15 речей участников республиканских совещаний, 11 постановлений центральных, 3 постановления областных и 10 республиканских. (Г о л о с с м е с т а. А что делать?) Я здесь не буду перечислять. Я скажу, что сделать надо. Надо, чтобы во главе ТАСС был человек, который бы дифференцированно подходил к каждой газете. (Г о л о с с м е с т а. Правильно!) Если мы имеем такое положение, что, во-первых, газеты убиваются в смысле выхода, потому что владивостокская газета печатается в один час, тифлисская — в другой, центральные — в третий, то аппарат ТАСС'овский должен быть построен по такому принципу, чтобы обслужить газеты и по технике, и по содержанию.

Теперь возьмем доклад т. Чуцкаева в Москве. Нам приходится встречаться с такими фактами. Мы эту речь печатаем сокращенно, а «Социалистический Донбасс» печатает как материал, переданный по ТАСС, и полностью дает речь Чуцкаева. Потом они в Донбассе имеют свой съезд украинский и печатают своего украинского Чуцкаева. Затем имеют свой областной съезд советов и печатается областной Чуцкаев. (Г а м а р н и к. Что ты ополчился против Чуцкаева? С м е х). Я ничего не имею против него, он хороший человек, но надо знать, что делать, но надо, чтобы не все местные газеты печатали, надо, чтобы ТАСС знал, что нужно передавать и что не надо.

О районных газетах. Они настолько лишены надзора и руководства, что они просто скупаются нашими хозяйственниками за гроши, просто подкупаются. Часто наши районные газеты, возьмем газеты Западной области — «Колхозник», «Заря социализма», «Социалистический путь», «За коммуны», «Большевистские темпы» и др., все они печатают статьи о достижениях отделений Госбанка. (С м е х). Они организуют отзывы председателей колхозов и бригадиров, отзывы хвалебные по адресу этих отделений Госбанка и получают за это мзду и большую денежную награду даже не для личных целей, а для поддержания самих газет, ибо сами газеты поставлены в чрезвычайно тяжелые материальные условия, ибо техническая база районных газет совершенно нетерпима, ибо печатаются районные газеты на такой бумаге, что это позор для нас.

Последнее — о самокритике. Нельзя сказать, чтобы в нашей печати с самокритикой все дело обстояло бы совершенно благополучно. В наших газетах было немало материала о троцкистах и двурушниках, и этот материал не был использован для разоблачения врагов. Кое-где самокритика проводится по табелю о рангах. (С т а л и н. Ну, а как с самокритикой в «Правде»?) Да, я сейчас к этому перехожу. Когда-то Дагестанский обком вынес специальное решение, в котором указывал, кого газета не имеет права критиковать. Этот неписанный закон критики по табелю о рангах практикуется во многих газетах. В газету «Челябинский рабочий» еще в 1935 г. поступили сигналы о троцкистах Пяткове, Муравьеве, Смирнове и др., и эти материалы замариновали в газете, не дали им выхода. Тем самым троцкистская банда имела возможность продолжать вести свою предательскую работу. Такой материал имелся во многих и многих газетах, в том числе и в «Харьковском коммунисте». Неоднократные предостережения и сигналы ЦК о двурушничестве, сигналы, о которых так ярко и сильно говорил т. Сталин в своем докладе, они не были поняты до конца ни партийными организациями, ни газетными кадрами, иначе наши газетчики выступили бы против.

«Правде» не приходится жаловаться. Мы печатали немало материалов с критикой ряда партийных организаций, и партийные организации откликаются на нашу критику. Но я сейчас буду говорить о двух партийных организациях — об Азово-Черноморском крае и о Днепропетровской области, потому что здесь мы имеем дело с фактами, заслуживающими особого внимания пленума. Тов. Шеболдаев выступил и говорил, что «Правда» в 1934 г. их критиковала. Да, мы печатали значительный материал относительно троцкистских вылазок в Ростове. Надо сказать, что краевой комитет партии и т. Шеболдаев не прислушались к голосу критики со страниц газет, послали жалобу на нас в ЦК и не сделали необходимых выводов из тех сигналов, которые были даны нами. Пришлось ответить на эту жалобу, и мы ответили о том, что вылазки троцкистов имеют место не только в одной организации, не только имело место выступление троцкиста Владимирова на кафедре в ВКСХШ, но имеются вылазки троцкистов в Госуниверситетах. Там троцкист Крамаренко писал: партия выбрасывает троцкистов из своих рядов, и им ничего не остается, как встать на путь террора. Этот материал имел Ростовский комитет партии и Азово-Черноморский крайком.

В индустриальном институте студенты писали, что отмена хлебных карточек есть реставрация нэпа. В автодорожном институте при обсужде-

нии вопроса о троцкистах сначала предоставили слово настоящему троцкисту, а потом выступил т. Жирнов с критикой троцкизма. В [...] институте Шаповалов высказывался о том, что в партии нужна свобода группировок, а весь коллектив не разоблачил Шаповалова. В этом же институте стенгазета, посвященная памяти т. Кирова, дважды срывалась неизвестными лицами. Портрет т. Кирова был однажды издевательски запачкан. А т. Шеболдаев взял под защиту и Ленинский райком партии, и Ростовский горком, и Дволайцкого, заведующего культпропом, и секретаря крайкома Малинова, которые располагали всеми этими материалами, но вместо того, чтобы разоблачить троцкистов, занялись уговариванием Владимирова, чтобы он признал свои ошибки. Люди рассматривают троцкизм, как это ярко отметил т. Сталин, не как контрреволюционную банду, а как политическое течение в рабочем классе. Только этим можно объяснить то, что они занялись уговариванием троцкиста, чтобы он признал свои ошибки. Что сделал Шеболдаев? Он послал опровержение, мы его напечатали и должны были с этим документом выступить против крайкома. А если бы крайком не проявил политической близорукости, после всех многочисленных и конкретных сигналов с указанием десятков фамилий, с указанием о троцкистских вылазках, причем нужно сказать, что они носили одновременный характер, то есть сразу в значительном количестве ростовских вузов выступили троцкисты,— если бы крайком не проявил политической близорукости, был более самокритичен, то не пришлось бы Азово-Черноморскому крайкому через пару лет иметь троцкистские вылазки на более расширенной основе, что закончилось, как вы знаете, для руководства не вполне хорошо.

Не лучше положение и в Днепропетровске. Это было также в 1934 году. В Днепропетровском институте, товарищи помнят это, окопалась кучка буржуазных националистов и троцкистов. Руководство горкома и газета «Заря» покровительствовали этим троцкистам. ЦК КП(б)У принял постановление о том, что «Бюро Днепропетровского горкома... (Ч и т а е т) ... стало на путь открытой защиты этих элементов». Вот две организации, Днепропетровская и Азово-Черноморская, не поняв по-настоящему, что значит большевистская самокритика, не прислушиваясь к конкретным сигналам печати с именами, фамилиями, адресами, пришли к такому положению, что через пару лет, через 3 года после этой критики, они имели троцкистские вылазки, более серьезные, более опасные.

Я кончаю. Настоящий пленум поставил вопросы, которые по своей значимости не уступают вопросам, обсуждаемым (я не боюсь здесь сказать) на наших партийных съездах. Предстоит большая прочистка мозгов, чтобы люди поняли. Надо быстрее перестроиться, надо начать работать и жить по-новому, как это требует ЦК, как этого требует т. Сталин. Обстановка в партии такова, что повышается ответственность каждого коммуниста, ответственность всех партийных кадров, в особенности того партийного генералитета, о котором сказал т. Сталин в этой связи. Кончая свое выступление, я хочу закончить анализом речи т. Осинского, кандидата в члены Центрального Комитета. Как я понял его речь? Члены пленума попросили Осинского на трибуну по вопросу о правах. Что же сказал т. Осинский? У меня нет желания говорить на эту тему. Таково было содержание первой части его речи. Во второй части своей речи он плел всякую чепуху, представил подлого двурушника Бухарина, этого всесветного путаника и словоблуда, как теоретика и великого публициста. А закончил свою речь о правах Осинский просьбой к Пленуму: «Не трогайте меня, дайте мне возможность уйти в науку». Что сие значит? Это, будем откровенно, бегство от политики тогда, когда вся партия ведет борьбу с врагами народа, это — попытка отсидеться. (С т а л и н. Долой науку! С м е х).

А н д р е е в. Слово имеет т. Кудрявцев, приготовиться т. Рындицу.

К у д р я в ц е в. Товарищи, 13 января 1937 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о неудовлетворительном партийном руководстве Киевского обкома КП(б)У и о недочетах в работе ЦК КП(б)У. В докладе т. Сталина, в прениях по докладу и в проекте резолюции урокам Киевской организации уделено серьезное внимание. Нужно признать, что это внимание уделено

заслуженно. Серьезные недостатки в работе партийных организаций, которые ослабляют революционную бдительность членов партии и партийных работников, снижают их политическую прозорливость, культивируют благодушие и ротозейство и создают в партии обстановку, благоприятствующую проникновению в ее ряды и подрывной деятельности контрреволюционных троцкистско-зиновьевских и правых последышей, все эти недостатки в работе Киевской партийной организации и ее руководства нашли свое яркое выражение. Нужно отметить, что т. Постышев в своей речи об этих недочетах сказал, по меньшей мере, мягко.

Возьмем вопросы отхода от партийно-политической руководящей работы и подмены совестско-хозяйственных, в частности Киевский обком, увлекшись работой по сельскому хозяйству, подменил и развалил работу областного земельного управления. Дело дошло до того, что при обкоме, кроме Сельхозотдела, который полностью занимался хозяйственными делами, была создана оперативная группа по сельскому хозяйству. Задачи этой группы заключались в том, чтобы получать оперативную информацию и по указаниям секретарей обкомов передавать директивы районам по вопросам сельскохозяйственных работ.

Областной земотдел не только перестал быть руководящим советским органом сельского хозяйства области, но от него даже отобрали учет и статистику и сосредоточили ее в обкоме. По примеру обкома партии такую же подмену земельных органов повели окружкомы и райкомы. Но, взяв на себя функции Земотдела, обком оказался неспособным справиться со всеми задачами руководства сельским хозяйством. Заменить огромный аппарат сельскохозяйственной системы не так просто. Руководство не улучшилось, а ухудшилось. Основным методом руководства явилась применяемая в самых широких размерах практика посылки в районы и села уполномоченных. Уполномоченные посылались на месяц-полтора-два, на сев, на обработку и на уборку. Уполномоченными посылались руководящий состав областных аппаратов, уполномоченными посылались секретари городских райкомов партии, культпропы, инструктора, секретари заводских партийных комитетов, уполномоченных посылали область, уполномоченных посылали районы. Но на уполномоченных систематическое руководство сельским хозяйством не организуешь и за всем не уследишь. Послали уполномоченных на уборку свеклы и туда мобилизовали все силы — отстала работа по уборке картофеля, по уборке и обработке льна и табака.

Известно, что Киевская область в результате такой практики руководства сельским хозяйством в текущем году с большими трудностями справилась с уборкой свеклы, с заданиями по льну, табаку и картошке. Сейчас вскрывается, что в Киевской области в 1936 г. ушло под снег и погибло большое количество гектар свеклы, картошки и зерновых культур. Только по 19 [из...] проверенным районам области установлена гибель многих сотен гектар картошки и зерновых культур. Практика руководства через уполномоченных привела к администрированию, к массовым случаям нарушения сталинского устава колхозов. В колхозах нарушается выборность и отчетность, широко применяется посылка председателей колхозов из одних сел в другие. В Разважевском районе из 67 председателей колхозов за 1936 г. сменилось 31, из 153 бригадиров сменилось 80, такая текучесть колхозных кадров имеется в большинстве районов области. В колхозах довольно широко идет разворовывание колхозного добра. Совершенно понятно, что на этой почве среди колхозников имеется большое недовольство, а во многих колхозах области мы имеем тяжелое и неустойчивое положение.

Я привел эти примеры из сельского хозяйства для того, чтобы показать, как неверная практика партийного руководства в Киевской области привела не только к отходу партийных органов от задач партийной работы, но как она наносила ущерб делу развития колхозного сельского хозяйства. Из уроков Киевской области со всей остротой вытекает оценка, данная в проекте резолюции по докладу т. Сталина, о том, что: «руководство хозяйством через голову хозяйственных органов выродилось в бюрократи-

чески-канцелярское руководство, одинаково вредное как для хозяйства, так и для политики». В отстраненном от руководства, оставленном без контроля Киевском облЗУ, как уже говорил здесь г. Ежов, свили себе гнездо вредители.

А как обстояло дело с партийной работой в городе? Основные кадры партийного актива города посылались в деревню. Чем занималась та часть актива и работников партийных органов, которые оставались в городе? Они занимались также не вопросами партийной работы, а хозяйственной, не руководя, а подменяя хозорганы. Я приведу здесь оценку партийному руководству города, которую приняли сам пленум Киевского горкома партии: «Руководство первичными парторганизациями со стороны горкома и райкомов носило гастролерский характер. Горком по сути превратился в Коммунальный отдел горсовета. В повестке дня Бюро горкома стояло большинство хозяйственных вопросов. Партийные вопросы обсуждались поверхностно. В результате этого была утрачена связь с первичными парторганизациями. Секретари и парторги не имели возможности обращаться в горком и райкомы по вопросам партийной работы, загруженные хозяйственными и коммунальными делами. Это привело к снижению уровня партийной работы и запущенности дела политического воспитания коммунистов». Вот оценка, которую дал пленум Киевского горкома состоянию партийного руководства в городе.

Партийные работники неплохо, со знанием дела, занимались коммунальными и хозяйственными делами, но запустили партработу. А в это время троцкисты свили себе гнездо на основных предприятиях, в культурных учреждениях и захватили пропагандистскую работу в городе. Большевикская самокритика, которая должна была бы помочь вскрыть и исправить эти недочеты и неправильные методы руководства, не только не была развернута, но зажималась. Руководители Киевского обкома в отношении самокритики вели совершенно неправильную, вредную линию. Киевская область является столичной областью Украины. Желательно и даже необходимо, чтобы столичная область была областью передовой. Но чтобы быть передовым, надо хорошо работать, а если в работе еще много недочетов и показать себя передовым хочется, тогда на помощь приходят попытки прикрыть свои недочеты и выпятить успехи. А в увлечении успехами тоже быть передовым.

Вот здесь, на пленуме ЦК ВКП(б), присутствует большинство членов Политбюро ЦК КП(б)У. Разве знало Политбюро ЦК КП(б)У о том положении, которое вскрывается теперь в городе и деревне Киевской области после решения ЦК ВКП(б), как с партийной работой, так и с хозяйством? Нет, не знало. А когда знало кое-что, то не вмешивалось в дела Киевской области, уступая принципиальные позиции добрососедским отношениям. В этом вина Политбюро ЦК КП(б)У, которое должно вести более крепкую линию, лучше знать, что делается в краях и областях. Но в этом вина руководителей обкома, которые скрывали действительное положение дел в области, да и сами-то о нем плохо знали. Известно, что руководители Киевского обкома очень нервно относились даже к той беззубой критике, которая появлялась хотя бы на страницах Украинской газеты «Коммунист» (дело Гомулько). Когда здоровые ростки самокритики пробивались из партийных масс, руководители обкома не поддерживали, а глушили их.

В октябре месяце обнаружилось, что в составе Пленума Киевского обкома из числа кооптированных оказалось много троцкистов. Пленум обкома принял по этому вопросу политическое решение с оценкой ответственности за это дело Бюро и Пленума обкома. При обсуждении решения Пленума на районных партийных активах члены партии стали требовать отметить ответственность за это дело секретарей обкома, так как всем было известно, что кооптация в состав обкома проводилась прежде всего по инициативе тт. Постышева и Ильина. В ответ на это требование руководители обкома, в частности т. Постышев, выдвинули теорию коллективной ответственности. Он говорил в своих выступлениях на активе: «Что, вы крови хотите? Все мы виноваты в этом деле». Этим самым прикрывал свою

вину, вину Ильина и грубые ошибки Киевского обкома с кооптацией членов обкомов. Эту линию отношения к самокритике со стороны руководителей обкома воспринимали руководители районных парторганизаций.

Нарушая элементарные требования внутривнутрипартийной демократии, отдельные секретари райкомов превратились из руководителей в администраторов. Я позволю себе привести здесь по материалам районного партсобрания характеристику одного из таких секретарей — секретаря Корсунского райкома т. Соя. Все выступавшие в прениях на районном партийном собрании подчеркивали исключительно грубый, хамский метод руководства со стороны секретаря райкома Сои. В районе существовал порядок, по которому все указания, поступающие из района в село и колхоз, должны быть подписаны Соей. Директивы и распоряжения без его подписи считались недействительными. Соя руководил грубым окриком, бранью и матерщиной. Председателей колхозов, районных работников Соя называл дураками, фекальной головой и т. д. Члены бюро райпарткома, видя эти грубости, молчали и послушно исполняли приказания Сои. Когда однажды на заседании бюро между Соей и Бюро райкома возникло разногласие по практическому вопросу посылки машин на вывозку буряка, Соя демонстративно бросил заседание бюро райкома и приступил к исполнению своих обязанностей лишь после того, как члены бюро заявили повинную. К несчастью, такой тип секретаря райкома в Киевской области оказался не одинок.

Во время обсуждения решения ЦК ВКП(б) от 13 января районные партийные собрания и партийные активы потребовали снятия и привлечения к ответственности за хамство, грубость и всякие извращения 32 секретарей райкомов партии в том числе четырех секретарей райкомов по г. Киеву и второго секретаря Житомирского окружкома. Многие из этих секретарей райкома были бы неплохими работниками, если бы обком партии не портил их неправильными методами руководства. Возьмите пример Сои. Сам Соя — член партии с 1917 г., из бедняков, матрос, крепкий, рукастый, преданный партии человек. Мог бы работать хорошо, если бы его поправляли. Второй секретарь обкома Ильин давно хотел снять Сою с работы, однако, он хотел снять потому, что Соя не признавал Ильина. Постышев не давал снять Сою не потому, что знал, как он работает, а для баланса против Ильина — не хотел давать всех секретарей РПК Ильину, но ни тот, ни другой не потрудились заглянуть, как работает Соя, исправить его грубые ошибки и помочь ему.

Жалобы на грубость, на администрирование, на невнимательное, а иногда издевательское отношение к членам партии красной нитью проходило через все собрания партийного актива и собрания парторганизаций при обсуждении решений ЦК ВКП(б). (Звонок председателя). Я прошу продлить мне время. (Жданов. Сколько вы просите?) Минут 15. (Жданов. Кто за 10 минут?)

Кудрявцев. Фактом грубейшего зажима самокритики, издевательства над членами партии в Киевской организации явилось дело Николаенко. Кто Николаенко? Батрачка, с 1920 г. в партии, работала женоргом, пошла учиться, потом опять работала, потом училась и доучилась до аспиранта ВУАМЛИНА. В 1935 г. работала в музейном городке в Киеве. С чего началась ее травля троцкистами? Однажды она заметила, что сотрудник музея нес продукты и вещи, купленные в Торгсине. Подумала — откуда деньги? В городке ценности, значит — ворует. Пошла к директору музейного городка Костюченко, заявила. Тот сказал, что не ее дело, просил в его дела не вмешиваться. Ей показалось подозрительным поведение Костюченко. Стала присматриваться, следить. Заметила, что Костюченко окружен чужими людьми, разваливает работу музейного городка. Стала критиковать и разоблачать — ее выгнали из городка. Она поступила в УАМЛИН. Однажды на лекции лектор Абрамов заявил следующее: «Мы построим социализм тогда, когда выучимся доить крестьянство, как корову». Она поняла, что это заявление не наше, стала его разоблачать. Не получила поддержки, наоборот, к ней стали плохо относиться и выживать из УАМЛИНА. Она стала смотреть дальше, наблюдать. Установила, что Абрамов

связан с Костюченко, тогда ее разоблачения стали решительней. Она заявила, что в УАМЛИНЕ сидят враги. Троцкисты поняли, что это для них человек опасный.

И вот руками Постолювской, которая была в дружбе со всей этой бандой, стали ее травить. Ей предъявили разные обвинения — контрреволюционерки, националистки, сумасшедшей, которые сейчас разлетелись, как дым. У нее отбирали и возвращали партбилет, ее выгнали из ВУАМЛИНА. Когда она, работая на курсах политотдела желдором, на провокационный вопрос Кулика, связанного с бандой УАМЛИНА, почему ушла из УАМЛИНА, сказала, что там сидят враги и Постолювская, как царица, сидит, окруженная врагами,— дело дошло до Постолювской. Она пошла в горком и обком и через Санова добилась исключения Николаенко из партии за клевету на УАМЛИН, причем само исключение было оформлено с подлогом. Не желая принимать специальное решение, ее исключение записали в старый акт проверки партдокументов, вписали ее исключение в старый протокол ГКК, так что ее исключение по фактам, которые относятся к январю 1936 г., записали в протокол от 25 октября 1935 года. В обкоме утверждали в присутствии 37 членов бюро. По пути надо отметить, что в Киевском обкоме в работе бюро допускалась неправильная практика. Здесь уже говорили о контрреволюционном составе бюро обкома. Так вот это кооптированное бюро работало тоже ненормально. Заседания бюро обкома очень часто происходили в присутствии 3—5 членов бюро при наличии в составе бюро 12 членов и 5 кандидатов.

Возвращаюсь к делу Николаенко. После исключения из партии ее хотели арестовать, помешал ее аресту т. Балицкий. Тогда на нее подготовляли уголовное дело, обвиняя в подлоге. После того, как в апреле 1936 г. по заявлению на имя т. Сталина комиссия КПК восстановила Николаенко, ей восемь месяцев не давали партбилета и работы, организовывали слежку. Только 14 января 1937 г. ей выдали новый партбилет. (Голос с места. После решения ЦК ВКП(б).) Постолювская в деле Николаенко выглядит позорно. О деле Николаенко знали в Киеве десятки людей и молчали. Она подавала десятки заявлений, и все оставались без ответа. Так обстоит с делом Николаенко. Самокритика в партийной организации зажималась, зато пышно расцветала парадность, шумиха. Такие примеры парадности и шумихи, самовосхвалений и телячьих восторгов, как многочисленные приветствия, бурные овации и все стоя встречают руководителя обкома,— все это очень широко практиковалось в Киевской организации. Обстановка шумихи вокруг т. Постышева зашла так далеко, что кое-где уже громким голосом говорили о соратниках Постышева, ближайших, вернейших, лучших, преданнейших, а те, кто не дорос до соратников, именовали себя постышевцами (Ашрафьян, Наумов, Дитюк и др.).

Парадность, шумиха культивировались в районах. Секретари Житомирской организации Детюк, а за ним Тильман ничего страшного не видели в том, что их большие и малые портреты развешивались по городу (в Умани целые страницы районной газеты посвящались встречам и беседам секретаря райкома с пионерами, письмам и отзвукам на письма секретаря райкома. Парадность и шумиха проникали во все поры руководства. (М о л о т о в. Он хорошо дополняет Косиора и Постышева. С м е х). Возьмем, к примеру, дело заботы о детях. Известно, что т. Постышев проявлял немалую инициативу в вопросе заботы о детях. Известно, что свое внимание к детям он распространял далеко за пределы Украины, посылал духовой оркестр в подарок детям Кировобода, в Азербайджане, оборудование хаты-лаборатории в Армении, подарки и письма детям в Абхазии, Сибирь и Дальний Восток. Однако подхалимские элементы в обстановке парадности и шумихи сильно выпячивали роль т. Постышева в этом деле, очень мало говорили, а иногда и совсем не говорили, о том, что материальные, культурные мероприятия, которые проводятся в нашей стране в отношении детей, есть прежде всего результат заботы партии и власти о детях, результат победы социализма в нашей стране.

Эти подхалимы представляли т. Постышева в виде доброго богатого

дяди, который из рога изобилия осыпает детей подарунками: постышевскими елками, постышевскими комнатами, постышевскими игрушками, дворцами пионеров, детскими площадками и парками и т. д. Такая практика руководства организацией сказывалась и на подборе кадров.

В проекте резолюции Пленума ЦК ВКП(б) говорится, что «в ряде случаев деловой подход к работникам заменяют они дяляческим подходом, а политический подход — равнодушием к политической физиономии работника. Чаще же всего они стараются подобрать себе так называемых знакомых, приятелей, земляков, преданных им лично людей, мастеров по восхвалению своих шефов и т. д. безотносительно к их политической и деловой пригодности». Эта характеристика полностью относится к практике подбора кадров в Киевской организации. В Киевской организации есть целая группа работников — так называемых дальневосточников, эти люди известны в организации как люди, близкие т. Постышеву еще по Дальнему Востоку, которых он крепко поддерживает и выдвигает, во многих случаях вопреки деловых и политических мотивов. Здесь уже говорили о перевозке кадров в Киевскую организацию из Харькова. Речь тут идет не только о людях, которые были связаны с переехавшими в Киев республиканскими учреждениями. Речь идет о большой группе работников, перевезенных по признаку знакомства и своих людей для работы в области, в городе, в районах и на предприятиях. Речь идет о целой цепи перевозки своих хвостов.

Возьмите Горсовет. Из Харькова в Киев перевезена группа руководящих работников Горсовета, что не вызывалось особой необходимостью, ни деловой, ни политической, но каждый из руководящих перевез еще группу своих людей, работников уже меньшего масштаба и вплоть до технических (стенографисток, машинисток, секретарей, шоферов, завхозов и все людей «своих верных»). Постышев и Ильин перевезли Радькова для заведывания Промтранспортным отделом обкома, а Радьков привез Светова секретарем парткома на Арсенал. Светов в свою очередь перевез из Харькова с завода «Серп и Молот» четырех человек работников на различные работы на завод. В такой обстановке трудно говорить о здоровом росте партийных и хозяйственных кадров. К Киевской организации прежде всего относится то место проекта резолюции ЦК, где говорится, что «вместо руководящей группы ответственных работников получается семейка близких людей, артель, члены которой, получив для себя работу на откуп, стараются жить в мире, не обижать друг друга, не выносить сору из избы». Когда сейчас просматриваешь расстановку кадров, ряд назначений кажется просто непонятным. Вот, например, во главе Киевского Украинского университета поставлен некто Зюльков — это товарищ из группы дальневосточников. Зюльков не имеет нужного образования, по опыту прошлой работы больше хозяйственно-коммунальный работник, чем работник науки-культуры, работа секретарем одного из райкомов в Киеве, крепко провалился. Чем, какими деловыми и политическими мотивами можно объяснить назначение Зюлькова на известный всему Союзу и миру Киевский Украинский университет? Таких примеров немало. Ведь сейчас все отмечают, что если бы Ашрафян, Кушнер, Гирели не были врагами, а были большевиками, то и тогда их не надо было назначать на важнейшие участки национального культурного строительства, ибо они ничего не понимали в вопросах украинской культуры. Понятно, что такая линия подбора кадров тормозила выращивание и воспитание украинских кадров. Тов. Постышев немало говорил и давал лозунгов о воспитании украинских кадров. Но близко к себе их не подпускал. Лично сам над воспитанием украинских кадров работал мало.

В 1933 г. на Украине был хорошо и крепко проведен разгром контрреволюционных националистов. На подрывную работу националистов надо было ответить смелым выращиванием и выдвижением своих украинских большевистских кадров, которые имеются, и немало. Это не было сделано. На смену националистам пришли под маркой своих проверенных кадров Ашрафяны, Дзенисы, Гирели, Радьковы и т. д., которых в одной из речей

т. Постышев назвал большевистской кровью партии. Разве это содействовало росту и воспитанию украинских кадров? Все эти факты неправильной практики руководства Киевской партийной организации со всей остротой вскрыты решением ЦК ВКП(б) от 13 января. Чего же удивительного, что при такой практике руководства в такой обстановке работы Киевской организации в ряде ее важнейших звеньев свили себе крепкое гнездо контрреволюционные элементы. Там, где запущена партийная работа, там, где зажата самокритика, там, где семейственность, подхалимство и групповщина, там готовая почва для работы контрреволюционных троцкистско-зиновьевских и правых вредителей, шпионов и диверсантов. Уроки Киевской организации этому наглядный пример.

В Киевской партийной организации решение ЦК ВКП(б) от 13 января называют спасительным решением, и это, безусловно, так. Большевистская самокритика, развернувшаяся после решения ЦК ВКП(б), очищает Киевскую партийную организацию от всего вредного, наносного, повышается активность и бдительность коммунистов, партийная организация начинает жить полнокровной жизнью. Правда, надо отметить, что перестройка работы, исправление ошибок идет не без сопротивления. Упорно туго воспринимают свои ошибки и кое-кто из руководителей. Сопротивление оказывают подхалимские и консервативные элементы (Комиссаренко, Реут и др.). Мне кажется, что до конца не понял это решение и т. Постышев. Вот факты. На ленинском районном партактиве при обсуждении решений ЦК секретарь РПК Олейник выступил и произнес безобидную для т. Постышева речь. Тов. Постышева кто-то и, видимо, не совсем правильно информировал о ней. Тов. Постышев срочно приехал на актив, произнес речь, побил этого секретаря и немедленно уехал. На активе после выступления т. Постышева создались нездоровые настроения. И первому оратору, который только сказал, что он не согласен с выступлением т. Постышева, полчаса не давали говорить и в ответ на его несогласие бросали лозунги, что славное имя т. Постышева никому не позволим трогать. Поможет ли это самокритике? Второй факт. На последнем пленуме ЦК КП(б)У т. Постышев в своей речи допустил тоже грубую ошибку. В постановлении ЦК говорится, что в Киевской организации не решили вопросов, в частности о людях, имели влияние мужчины и женщины, которым по праву это не дано. На пленуме в отрицание этого указания ЦК т. Постышев заявил, что он человек крепкий и влияниям не поддается. Только после указаний товарищей Постышев исправил эту ошибку. Третий факт. Всем понятно возмущение коммунистов поведением Постоловской в деле Николаенко. Понятно, что ее упоминают на собраниях, а так как она во всех своих выступлениях путает и отрицает свою вину, коммунисты требуют привлечения ее к ответственности, и требуют законно. Иначе смотрит на это дело т. Постышев. Дело не в Постоловской, говорит он: ударяя по Постоловской, хотят ударить по мне.

Наконец, мне кажется, что и выступление т. Постышева на Пленуме ЦК ВКП(б) также свидетельствует о том, что он плохо понял решение ЦК ВКП(б). В Киевской организации кое-кто довольно широко ведет разговоры о том, что решения ЦК ВКП(б) от 13.1 принято для урока другим. Не так, мол, плохо было у нас, в Киеве, есть, мол, области и похуже. Надо было на примере одной организации показать допущенные ошибки — вот и ударили по Киевской организации. Это неверные положения, повторил т. Постышев здесь, на Пленуме ЦК ВКП(б). Конечно, из решения ЦК ВКП(б) по Киевской области все организации должны извлечь для себя уроки. Но это решение по Киевской организации принято не только для уроков, но прежде всего в соответствии с тем положением, какое было вскрыто ЦК в самой Киевской организации. Разве такая линия поведения т. Постышева содействует развитию у большинства самокритики в организации и перестройки ее работы? Я не согласен и с той частью выступления на Пленуме т. Косиора, где он говорил о том, что отдельные работники растерялись после решения ЦК ВКП(б). Это неверно. Где эта растерянность? Она есть у тех, кто плохо работал, наделал много ошибок и не понял решения ЦК

ВКП(б). Она есть у таких «работников», как, например, бывший начальник Днепропетровского пароходства Сердюк, который на одном из собраний заявил, что у него после решения ЦК ВКП(б) наступила апатия, и который сейчас разоблачен как троцкист-вредитель, исключен из партии и арестован органами НКВД. Растерянность есть у тех, кто разоблачен и разоблачается развернувшейся большевистской самокритикой. У большинства же работников этой растерянности нет, наоборот, решение ЦК ВКП(б) вселяет уверенность в их работу. В партийной организации бурно растет активность партийных масс, а это то, что нам надо для выполнения стоящих перед нами задач.

Выполнение указаний т. Сталина, сделанных в историческом докладе на Пленуме ЦК ВКП(б), и решений, которые примет Пленум, будет способствовать перестройке и подъему работы наших партийных организаций на уровень тех задач, которые стоят перед нами сейчас в борьбе за охрану побед социализма от капиталистического окружения, в борьбе за коммунизм. Киевская партийная организация, учтя свои ошибки, неуклонно осуществляя указания товарища Сталина и решения Пленума ЦК ВКП(б), приложит все свои силы к тому, чтобы в дальнейшем показывать уже не плохие, а хорошие примеры работы. Она будет бороться за то, чтобы быть в рядах передовых организаций ВКП(б), являясь несокрушимой опорой ЦК ВКП(б), верной и преданной великому Сталину.

Жданов (председательствующий). Слово имеет т. Рындин.

Рындин. Товарищи, немало троцкистов — врагов нашей партии — орудовало и у нас в Челябинской области, в том числе и такой японотроцкистский шпион и диверсант, как Князев, и мн. др. Вот, например, при проверке и при обмене партдокументов было разоблачено и исключено из партии в области 165 человек, в том числе работающих в партийных аппаратах обкома и райкомов — восемь человек. После обмена партдокументов вновь разоблачено и изгнано из партии получивших новые партбилеты — 43 человека, из них работающих в партийном аппарате — семь человек, в том числе завсельхозотделом областного комитета партии, один инструктор обкома, один секретарь райкома, 17 человек в Магнитогорске, один из них в Ломинадзе, семь человек на железной дороге, человек 17 в Уфале — на родине Марчковского, и т. д. Вот, товарищи, та уйма врагов, которые у нас работали, которых мы проглядели. Были у нас, товарищи, наряду с этим огромные ошибки, упущения и по линии устава партии.

Об уставе мы говорили немало, его изучали в кружках, а в жизни, партийной жизни, мы устав забыли, игнорировали его, игнорировали один из решающих законов нашей партии и уподобились тем людям, о которых на 17 съезде партии говорил т. Сталин, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них.

Вот пример. В состав самого обкома партии кооптировано из 48 человек 30 человек, и партийной конференции у нас, партийной конференции Челябинской области в самом Челябинске, не было, наша конференция была еще в Свердловске накануне 17 съезда партии. Работников тогда еще не было в обкоме, было выбрано 29 человек, потом подъезжали работники, мы их кооптировали в обком. Казалось бы, можно было бы поставить вопрос перед ЦК партии, хотя бы через год, чтобы нам разрешили созвать конференцию и избрать в обком. Но, к сожалению, мы не догадались это сделать и по примеру обкома партии пошли и райкомы партии. Например, в Камышловском районе из 28 человек 19 кооптировано. В Кургане из 24 — 20 человек.

Кооптация позволила врагам партии пролезать в партийные органы, в партийный аппарат. У нас в Челябинский обком был кооптирован Князев, шпион, диверсант, заведующий сельхозотделом, троцкист Ларин, в горком — Яковлев, правый оппортунист, и т. д. Вообще, как показывает опыт, кооптация приводит к тому, что кооптированные работники не имеют даже авторитета, их не знают, они безответственны перед партийными массами. Вообще кооптация устраняет подбор руководителей с деловой стороны,

с бытовой стороны, с точки зрения связи их с коммунистами, с рабочими. Вот почему враги и могли проникать в наш партийный аппарат.

Конечно, товарищи, главным виновником всего этого являюсь я как руководитель партийной организации. Главная вина лежит на мне. Постановка вопросов в докладе т. Сталина, в проекте резолюции о недостатках партийной работы правильно поворачивает нас к вопросам партийной жизни, партийной работы, воспитания кадров, систематической ежедневной связи с массами коммунистов, с рабочими.

Тов. Сталин, подводя итоги обсуждению вопросов, стоящих на пленуме ЦК, показал нам, руководителям партийных организаций, что мы занимались вопросами хозяйства, но не занимались вопросами партийной работы, подбором и воспитанием кадров, благодаря чему мы потеряли свое политическое чутье и возволили врагам под носом у нас беспрепятственно орудовать, вплоть до того, что они проникли в партийные органы, в партийный аппарат.

Вот теперь на этом пленуме, обсуждая доклад т. Сталина, думаешь, как это могло получиться и как объяснить на уроках своих ошибок, допущенного самим благодущия и ротозейства эти вещи, и приходишь к выводу, что практика партийной работы поставлена партийными организациями, это видно на примере Челябинской области, в такое положение, что нам, партийным руководителям благодаря парадности, шумихи, словословия, члены партии фактически не имели возможности указывать на наши недостатки. Вот, например, тот же троцкист Ларин. У нас были сигналы о том, что он груб с секретарями райкомов, что он подлизывается к руководству. Но мы на это не обращали внимания, а человек продолжал орудовать.

Дальше, товарищи, так продолжаться не может. Этого допустить нельзя. Такой порядок сочетания телячьих восторгов с политической слепотой, как мы теперь видим, очень опасен для жизни нашей партии и советской власти. (Голос с места. Правильно!)

Существует у нас, товарищи, некоторая, тоже на этой основе, оторванность от масс. Связь с рабочими коммунистами, особенно с низовыми партийными работниками, очень часто у нас такая — формальная. Вот перед отъездом сюда, на пленум ЦК, 15-го числа в связи с опубликованием в «Правде», в передовой, о славословии на Челябинской конференции... (Мехлис. Вы расскажите, за что вы редактору вынесли выговор.) Не за это. (Мехлис. А за что же!) Он нарушил указание ЦК. (Мехлис. Он вас крепко поймал.) Ничего он не поймал. Редактору мы вынесли выговор за то, что нам было предложено не публиковать материалы пленума т. Андреевым Андрей Андреевичем, а он опубликовал все то, что было на Пленуме. (Мехлис. О Князеве что сказал редактор? Шкирятов. Рындин, он вообще воду мутит.) Может быть, неправильно мы ему вынесли выговор, не знаю, но такой случай был. Так вот я хочу рассказать.

Эта, между прочим, передовая «Правды» сделала большое дело — самокритику подняла в организации. Ко мне перед отъездом 15-го числа приходил рабочий с ЧТЗ, литейщик из одного литейного цеха, пришел и говорит: «Вот вы бы могли очень многое узнать от нас, рабочих, но к себе вы не приглашаете, а когда вы приходите на завод, то вокруг вас столько всякого начальства, собачья свадьба разного начальства (Смех, шум), что к вам не подойдешь». Это совершенно правильно (Голос с места. Это правильно-то?), что связь формальная. Это многие товарищи могут каждый сам на своем опыте видеть, когда он приходит на завод, его окружает сонм людей, а мы не можем пробраться к рабочим, а рабочий не может пробраться к нам. (Шум.) Я чувствую на своем опыте это, и не могу не рассказать об этом Центральному Комитету.

Второй случай, характеризующий нашу связь с нашими низовыми работниками: в Магнитогорске в одном из отделений коксового цеха. (Шум, смех.) Я не знаю, что тут смешного. (Голос с места. Мы смеемся над собачьей свадьбой.) Я передал то, что мне сказал рабочий, слово в слово. (Сталин. Слово нехоршее. Голос с места. Грубо

сказал.) Ну, может быть, нехорошее. В одном из отделений коксового цеха парторг цеха обнаружил, что до стахановского движения в одном отделении там было 100 человек рабочих. После разворота стахановского движения в этом отделении стало 160 человек, а работы не прибавилось. Парторг указал на это обстоятельство секретарю райкома, секретарь райкома ничего не сделал, а дальше пойти в горком у секретаря смелости не хватило. Он объяснял это так: «Как же я пойду через голову секретаря парткома?». А потом оказалось, что в этом цеху орудовала вредительская группа, и начальник цеха оказался арестованным. Вот, товарищи, это — факт связи, которая нам не нужна. Такая связь недостаточная.

Третье — в докладе т. Сталина и в проекте резолюции правильно осуждается практика подмены хозяйственных и земельных органов. Мы в Челябинской области особенно сильно увлекались этой стороной дела, хозяйственными вопросами занимались много, а партийной работой — мало. На партийные собрания заводские и прочие нам ходить было некогда, а запасные части мы во-время имели возможность доставать. Я хочу привести здесь пример, как нас могут дурачить враги на хозяйственных вопросах. Расскажу о Князеве. У нас было много крушений, особенно на участке Карталы — Магнитогорск. Я с Князевым поехал посмотреть, в чем дело. Оказалось, что одной из причин крушений является неправильное содержание полотна. Я заметил Князеву, что есть указание т. Кагановича о покрытии полотна щебенкой и если это проделать, то состояние пути намного улучшится, будет нормальным. Князем со мной согласился и сказал, что нужно достать щебенки. Я ему обещал щебенки достать, позвонил т. Завенягину, через него достал нужное количество щебенки, а Князев, получив щебенку, уплатив за нее деньги, перепродал ее на Омскую дорогу. Выходит, достать щебенку я нашел время, а вот чтобы связаться с путейскими рабочими, поставить Князева под контроль, проследить за всем этим делом — для этого у меня, как видно, времени не хватило.

Следующий вопрос — о пропаганде. Предложения т. Сталина о воспитании всего многочисленного актива нашей партии, действительно, по-настоящему разрешают вопросы идейного вооружения и политического подъема всего актива нашей партии. Это для нас особенно видно, потому что у нас это до сих пор делалось неправильно. Как у нас было до сих пор? Партийную учебу, партийное воспитание актива мы переложили частью на второстепенных людей, частью — на грамотных, но молодых неиспытанных коммунистов. В кружках, в партийных школах мы обучали людей политграмоте, но совершенно не обучали их тому, как надо вести партийную работу. И это был большой минус в воспитании нашего партийного актива.

Руководящий состав партийных работников — секретари обкома, члены бюро обкома, секретари горкомов, секретари райкомов — этим делом не занимались. Приведу такой пример. Большой промышленный район — Каменский район, неплохой секретарь, он организовал кружок для партийного актива, провел там одно занятие, а потом пять месяцев этот кружок не собирается. Сами наши партийные руководители учатся мало и мало читают, выступают лишь на темы различных кампаний из серии так называемых очередных задач партийных организаций. На темы политические, на темы теоретические почти совсем не выступают, сами не всегда достаточно подготовленные. Совершенно прав т. Сталин, что интерес к идеологической работе у нас пропал.

Товарищи, весь этот пленум явился огромной школой партийной работы. Доклад т. Сталина был большим упреком нам, партийным работникам, но в то же время он открыл нам глаза на то, как надо работать, как надо руководить. Уезжая с пленума, можно сказать одно: есть желание с большевистской настойчивостью, как тому учит нас т. Сталин, сделать немедленно крутой поворот и наладить партийную работу в соответствии с решениями пленума Центрального Комитета партии и по-большевистски выполнять указания т. Сталина.

Жданов. Слово по личному вопросу имеет т. Осинский. (Голос с мест. А-а-а! Вот как!)

Осинский. Я не собираюсь очень глубоко вдаваться в личную постановку вопроса, в особенности я не собираюсь отвечать т. Мехлису в том стиле, как он выступал сегодня и как он вел со мной полемику два года тому назад. Я думаю, что товарищи тогда же заметили, что была некоторая разница в полемике между мной и им. Это тем более не нужно, что в редакциях московских газет хорошо известно, какая была дана т. Сталиным характеристика одного литературного выступления т. Мехлиса по вопросу о полемике насчет джаза. Так вот, характеристика, которая дана была этому литературному выступлению, мне кажется, вполне может быть приложена к его сегодняшнему выступлению... (Смех, шум. Голос с места. Это же не джаз!)... и много об этом говорить, пожалуй, мне не приходится. (Калыгина. Мехлис правильно сказал.) Пользуясь этим поводом,— заявление по личному вопросу: я бы хотел отметить, что странный, однако, редактор центрального органа нашей партии, который, выходя говорить по докладу т. Сталина, клянясь всеми богами, что он чрезвычайно там все понял и желает проводить в жизнь, во-первых, не сказал ни одного слова относительно работы своего собственного органа... (Шум. Голос с места. Это не по личному вопросу!)

Жданов. Извиняюсь, это не по личному вопросу. (Голос с места. Это уже по личному вопросу т. Мехлиса.)

Осинский. Мне кажется, это дело имеет существенное значение. Разрешите мне использовать свое время. И вот — это теперь по личному вопросу — самый тон выступления т. Мехлиса опять-таки показывает, что ничего он не понимает в том, как надо развернуть критику и самокритику, что для этого надо по-товарищески относиться к товарищу, чего т. Мехлис в своей практике абсолютно не применяет. (Голос с места. Это не по существу). Почему это не по существу? Это вполне по существу того, что наговорил здесь Мехлис.

Что касается того, что он сказал относительно меня, я одно хочу сказать: странный редактор центрального органа, который не понимает такой простой вещи, что наука есть полезное дело, во-первых, во-вторых, что, занимаясь наукой, вполне можно не уходить от политики, и я лично также собираюсь, занимаясь наукой, от политики не уходить, полагаю, что если потребуется прекращение моих занятий наукой, если мы вступим в еще более острый период нашей жизни, чем тот, который переживаем, то я готов все свои силы отдать на борьбу на другом фронте для дела нашей партии. (Анцелович. Ученым можно быть и не быть, а коммунистом быть обязан.) Я полагаю, что останусь коммунистом независимо от Мехлиса, до последнего своего издыхания, никогда им не переставал быть и быть не перестану.

Относительно науки. Я в данном случае не могу не возразить Мехлису насчет того, что он утверждал, что половина моего выступления представляет собой чепуху, я его только об одном спрошу: если вы действительно в чепухе разбираетесь, для чего вы поместили одну замечательную статью об истории нашей партии в газете «Правда», которую я с гораздо большим основанием назвал бы чепухой?

Жданов. Объявляется перерыв до 12 часов завтрашнего дня.

(Продолжение следует)

Война и советская дипломатия: 1939—1945 гг.

А. Н. Сахаров

Рождение войн, сам их ход и реальные результаты всегда были окутаны тайной. И задача дипломатии испокон веков заключалась не только в том, чтобы обеспечить своему государству, правящим кругам, народу наиболее благоприятные условия вступления в войну, проведения ее и максимальное использование ее результатов, но и в том, чтобы всячески эту исконную тайну сохранить и упрятать. Это происходит потому, что в ходе войн проявлялись наиболее откровенно и последовательно коренные геополитические, социально-экономические, внутри — и внешнеполитические, идеологические цели государств, демонстрировались наиболее цинично, беззастенчиво интересы правящих кругов этих государств. Именно эти основополагающие цели и интересы, приходящие в глубочайшие противоречия с целями и интересами сопредельных государств и их правящих кругов, а также зачастую с интересами собственного народа, и требовали этой тайны.

Дипломатия всегда была и остается поныне призванной к ее сохранению. Поэтому столь трудно дается историкам проникновение в дипломатические тайны предвоенной, военной и послевоенной поры, поэтому государственные структуры так старательно поддерживают существование разного рода официальных «дымовых завес», призванных скрыть истинные их цели и намерения. Поэтому же государства так тщательно засекречивают свои дипломатические шаги, прячут следы их в закрытых архивах. И чем масштабнее, трагичнее было военное противостояние, чем больше оставляло оно зримых свидетельств, тем старательней политики, ответственные за мировые военные драмы, за гибель миллионов людей, запутывали эти следы, стремясь скрыть их и от современников, и от последующих поколений.

Все это полностью относится и к проблеме «Великая Отечественная война и дипломатия». И здесь, как в других аналогичных случаях, проявляется до сих пор стремление создать и укрепить государственно-идеологические мифы, предать анафеме тех, кто пытается проникнуть или хотя бы приблизительно выяснить истинный смысл происходивших в конце 30-х — первой половине 40-х годов событий, сохранить над ними завесу государственной тайны, что совершенно неприемлемо с точки зрения историка.

Поэтому вполне логично, что английские власти, скажем, долго дер-

Сахаров Андрей Николаевич — член-корреспондент РАН, директор Института российской истории РАН.

жали материалы о появлении заместителя Гитлера по партии — Гесса в Великобритании и его переговорах там в мае 1941 г., за месяц до нападения Германии на СССР, можно понять и бывшего министра иностранных дел СССР В. М. Молотова, который, блюдя государственные интересы, в его понимании, и партийную дисциплину вплоть до своей кончины, отрицал наличие «Секретного протокола», о разделе сфер влияния (а практически о разделе Восточной Европы), подписанного 23 августа 1939 г. между Германией и СССР, даже после того, как он стал широко известен на Западе после захвата архивов рейха.

Видимо, здесь же следует искать и причины упорной засекреченности в современной России дипломатических документов того периода, а также той нетерпимости, с которой ряд историков, исповедующих старогосударственный подход к проблеме, подвергают критике исследователей, пытающихся снять идеологический флёр с прежних государственных тайн. Однако сохранившиеся документы, мемуарные, эпистолярные свидетельства, постепенно вовлекаемые в научный оборот, позволяют все успешнее расшифровывать закрытые страницы соотношения войны и дипломатии.

Как правило, в исследовательских трудах прошлого и во многих современных изданиях советская дипломатия 1939—1941 гг. непосредственно увязывалась с последующими событиями Отечественной и второй мировой войны в целом, хотя, думается, что такой непосредственной связи не существует. Дипломатия периода действительно народной войны, когда под вопрос было поставлено само существование России как государства, выживания входивших в состав СССР славянских народов, имеет мало общего с теми дипломатическими усилиями, которые предпринимало сталинское руководство в 1939—1941 годах. Между тем патриотическое очерование Отечественной войны, гордость за одержанную в ней Победу, святость жертв зачастую переносятся на предшествующие этой войне дипломатические шаги этого руководства, что вряд ли правомерно. До сих пор считается зазорным заниматься обличениями советского руководства в тон с его западными критиками, поскольку это якобы бросает тень на подвиг народа в войне, выигравшего ее в тяжелейшей борьбе во главе именно с этим руководством. Хотя к науке подобный подход не имеет никакого отношения, как, кстати, и попытки многих западных историков и отечественных публицистов и историков возложить вину за развитие событий лишь на СССР.

Кроме того, сама война в оценке ее исследователей традиционно предстает как единое целое с 22 июня 1941 г.— ее начала, до 8 мая 1945 г.— дня капитуляции Германии, что также вряд ли научно оправдано. Пора сказать о том, что сама народная война длилась до того времени, когда советские армии (впервые в конце марта 1944 г.) вышли на границы сопредельных государств. После этого основная часть советских армий уже дралась на чужой территории. Начался поход советских войск в Европу. Это очень хорошо почувствовал народ. Ликование по поводу освобождения советских городов сменилось спокойным удовлетворением и гордостью, когда приходили известия о взятии Будапешта или Кенигсберга. Сталинское руководство было устремлено в Европу, а народ уже думал о своем. Это понимало и советское руководство, предпринявшее идеолого-пропагандистское и дипломатическое обеспечение этого поворота в ходе войны.

В 1812 г., после того, как русская армия во главе с М. И. Кутузовым выгнала остатки наполеоновских войск за пределы России, Александр I своим Манифестом, опубликованным в день Рождества, 25 декабря 1812 г., оповестил страну о том, что Отечественная война окончена, а далее русская армия вступает в Европу для освобождения ее от ига Наполеона. Начиналась европейская война, европейская политика. Дело шло к разделу Европы, к Священному Союзу. Здесь нужны были другие герои, другие политики. Нечто похожее произошло и в 1944—1945 годах. С этого времени народная война уже уходит в прошлое. На повестку дня все больше выходит европейская и мировая война и политика, грядет новый раздел Европы и мира. Каждая из воюющих стран на чашу весов бросает свои

политические козыри, главным из которых являются военные победы. Сотнями тысяч жизней оплачиваются дипломатические успехи как этого времени, так и первой послевоенной поры.

Поэтому совершенно необоснованно оценивать весь период войны как войны народной, Отечественной. Она была таковой лишь до 1944 г., а соответственно с этим далее менялись и внешнеполитические и дипломатические задачи Советского государства. В то же время непреодолимой грани между отдельными периодами войны, видимо, также не существует, поскольку в 1944—1945 гг. поход в Европу был закономерным итогом жертв, потерь, стойкости советского народа, и враг был настолько силен, беспощаден, коварен, что сама логика борьбы — военная, политическая, идеологическая, а также сложные взаимоотношения с союзниками, диктовали Советскому Союзу необходимость разгрома гитлеровской Германии на ее территории и территории ее сателлитов, доведение войны до конца в сердце нацистского рейха.

Говоря о дипломатии Советского Союза в войне, необходимо представлять себе с каким государством, каким общественным устройством мы имеем дело и как характеристики этого государства и этого устройства влияли на геополитические, внешнеполитические цели Советского Союза и их дипломатическое обеспечение. После Октябрьской революции в течение нескольких десятилетий был установлен революционно-тоталитарный режим, увенчанный личной диктатурой Сталина. Но это была не та мифическая административно-командная система, о которой говорят сегодня с легкой руки некоторых публицистов и исследователей и которая подразумевает противопоставление сталинской руководящей верхушки партии, народу.

Конечно, как и во всяком авторитарном государстве здесь были невероятно сильны административно-командные начала, (как например, в абсолютистских государствах Европы, императорском Китае, гитлеровском рейхе). И все же сердцевиной этого строя, этого тоталитарного режима стало небывалое в истории возрастание роли низов общества, всех прежде угнетенных, обездоленных полуграмотных или безграмотных, обиженных судьбой людей. Бедность, пролетарское или батрацко-крестьянское происхождение стали в этом обществе знаком качества на всех общественных уровнях, которые доминировали во всех общественных ячейках снизу доверху. Этот образ приняла на себя и рожденная этим строем интеллигенция. Поэтому тоталитаризм приобрел в России поистине народный характер, выражался в небывалой всеохватности, атомизации личности, полного ее подчинения коллективу, массовой жестокости и небрежении к человеку.

Тоталитаризм сложился как таковой не только благодаря личным свойствам Сталина и его соратников, но и благодаря тому, что каждый из них многократно повторил в своем менталитете, облике, общественной практике характерные черты тех слоев народа, которые вышли на общественную поверхность после революции, и особенно в 20—30-е годы. Менталитет масс, строивших тоталитарное государство, многократно отражался в менталитете и поведении вождей, взявших верх над теми, кто был намного выше их по общественному положению, условиям материальной жизни, образованию и т. д. Ненависть к поверженному врагу была долгие годы доминантой психологии масс и их вождей, что во многом предопределило легкость в создании сталинской верхушкой образа «врага народа».

Буржуазный мир в сознании и масс и их руководителей также был заклятым врагом трудящихся. Его следовало преобразовать по своему образу и подобию. Поэтому по мере упрочения режима формировалась идеологизированная внешняя политика, в основу которой были положены идеалы мировой революции и планетарное освобождение трудящихся от эксплуатации, хотя эти идеалы из тактических соображений маскировались. Успехи в борьбе с собственной буржуазией и другими имущими слоями, растущая мощь Красной Армии, казалось, вполне предрасполагали к этому. Можно было бы привести немало впечатляющих примеров того, как

Сталинское руководство на съездах партии, на других общественных форумах откровенно и убежденно декларировало эти конечные долговременные цели своей внешней политики. Они звучали даже накануне Отечественной войны и уже учитывали начавшуюся мировую бойню.

Незадолго до подписания пакта Молотова — Риббентропа Сталин 19 августа 1939 г. в своей речи на заседании Политбюро и руководства Коминтерна говорил: «Опыт двадцати последних лет показывает, что в мирное время невозможно иметь в Европе коммунистическое движение сильное до такой степени, чтобы большевистская партия смогла бы захватить власть. Диктатура этой партии становится возможной только в результате большой войны». Он подчеркивал, что СССР будет ждать своего часа, работать на изнурение воюющих между собой капиталистических стран¹. В июле 1940 г. Молотов в беседе с министром иностранных дел Литвы В. Креве-Мицкявичусом заявил: «Гениальный Ленин не ошибался, уверяя нас, что вторая мировая война позволит нам захватить власть во всей Европе, как первая мировая война позволила захватить власть в России»².

Эти идеи нашли широкое отражение в директивных пропагандистских документах, выступлениях других руководителей партии и правительства в мае — июне 1941 г., т. е. буквально накануне войны обращенных к армии, партийно-комсомольскому активу и т. д. В одном из них, в частности, говорилось: «Во время войны ярче выявляются перед трудовыми массами эгоизм капиталистов и он скорее доходит до сознания масс... Рост классового сознания трудовых масс безусловно ускоряется в большей степени, чем растет диктатура капитала». Там же утверждалось, что вряд ли эта война безнаказанно сойдет с рук капиталистам Европы, так как «чувствуется, что эта богатая школа для трудовых масс не пропадет зря», они «извлекут должные уроки и обрушат свой гнев на буржуазию»³.

Таким образом, в основе внешней политики советского государства лежала, кроме конкретных тактических расчетов и стратегическая революционная концепция войны на поражение мировой буржуазии, особенно в ходе противоборства капиталистических стран, выпестованная за 20 с небольшим лет существования революционно-тоталитарного режима и конечно это должно было накладываться свой отпечаток на дипломатию Советского Союза как в то время, так и в дальнейшем. Для тогдашнего общества, выросшего из победоносной революции низов, для тогдашнего советского руководства такой подход был вполне естественным и логичным. Известно, что эти же идеи исповедовали не только фанатичные недоучки, захватившие власть в СССР в конце 20-х — начале 30-х годов, но и их более просвещенные предшественники, соратники и даже оппоненты — такие, например, как В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин, Б. М. Шапошников, М. Н. Тухачевский.

Говоря о характере советского государства тех лет следует отметить, что его сердцевиной, кроме революционно-тоталитарного содержания, был и традиционный для России авторитарно-государственный геополитический подход к внешней политике страны. В свое время такой тонкий аналитик и знаток советской России 20-х — 30-х годов, как Э. Карр заметил, что чем далее страна уходила от времен революции, тем менее ощущался разрыв преемственности столь резкий в начале, тем более ощутимыми становились в ее политике черты схожести, «новый» и «прочный синтез» по отношению к старой России. На первый план выходят вечные «национальные интересы» страны»⁴. Об этом многократно говорилось и в ряде других зарубежных работ. Эту научную версию советские историки полностью отрицали как фальсификаторскую, неотроцкистскую. Однако сегодня уже в новых исторических условиях и с новыми знаниями истории Отечества мы должны, думается, снова вернуться к этой точке зрения.

История России складывалась так, что на протяжении веков все последовательно сменявшие друг друга государственные центры страны и представлявшие их государственные структуры выполняли весьма схожие внешнеполитические функции. Большевики, оказавшись во главе огромной

страны, очень быстро подчинили свою внешнюю политику ее геополитическим интересам.

Революции, падение старой системы власти, гражданская война, колоссальное ослабление центральной власти очень быстро дали свои плоды. Россия стала распадаться под ударами тех же сил, с которыми она успешно соперничала два последних века. Воспрянула независимая Польша, овладевшая территориями, за которые шла ее борьба с Россией с глубокой древности. Опираясь на иностранную поддержку и используя слабость России в 1918 г. из-под ее власти ушла Финляндия. В том же году Румыния захватила Бессарабию. Результаты Северной войны и Ништадтского мира были перечеркнуты в те же годы. Прибалтика также ушла из-под власти России. И как бывает исторически в таких случаях все эти новообращенные государства враждебным кольцом окружили Россию. Это был исторический ответ на завоевания Петра I, на разделы Речи Посполитой, на подавление польских восстаний 1794, 1830—1831 гг., 1863—1864 годов. Попытки отделиться сделали закавказские республики, открылись старые политические раны Кавказской войны.

К тому времени, когда Сталин установил свой безоговорочный контроль над страной, то есть возродил в ней авторитарную власть, которая в течение веков давала России, как правило, колоссальные внешнеполитические преимущества, СССР потерял все, что Россия приобрела веками страданий и подвигов. Страна находилась в состоянии внешнеполитической изоляции, дискриминации, непризнания нового режима, который представляли молодые, честолюбивые, самонадеянные победители, отуманенные к тому же идеями о своем революционном мессианстве. Их мощь и тоталитарная всевластность внутри страны, возрождение сильного унитарного государства, крепкого своим новым социальным и идеологическим единством, контрастировали с ненавистью, подозрением и презрением по отношению к этому государству со стороны большинства стран мира.

В то же время огромная страна продолжала жить теми же геополитическими представлениями, что и прежде. Получив неограниченную власть в России, большевики вместе с ней получили в наследство и прежние державные претензии, прежние внешнеполитические цели, значительно подорванные в 1918—1920 годах. Чувство реванша было в этих условиях вполне естественным чувством, которым жили новые руководители страны. Это чувство откровенно выплеснулось на поверхность уже после войны, когда руководители страны праздновали победу, но было ясно, что оно вызревало именно в то время, когда страна обретала силу и стабильность, строила новую мощную индустрию, создавала одну из самых сильных, если не самую сильную, армию в мире. Это было чувство внешнеполитического реванша, который логически должен был последовать за достижением реванша социального и политического и погасить, наконец, те комплексы, которые довели над Сталиным и его соратниками.

Не случайно Сталин в своем обращении к народу 2 сентября 1945 по случаю капитуляции Японии перечислил все те тяжкие военно-политические обиды, которые Япония нанесла России, начиная с 1904 года. «Поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны,— заявил он,— оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном (И здесь Сталин объединяет Россию прошлую и советскую — А. С.). Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил... Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу...»⁵

Это же чувство геополитического реванша прозвучало через два месяца в выступлении Молотова на заседании Моссовета: «По договору с Польшей установлена новая советско-польская граница... Как известно, в силу договоров с Чеховловакией, и Закарпатская Украина вошла, наконец, в состав нашего государства... По договору с Румынией Советская Молдавия также полностью объединила территории с населением молдаван...

Западные границы нашей страны раздвинулись также за счет присоединения к Советскому Союзу области Кенигсберг... Таковы очертания теперешней нашей западной границы, что имеет важнейшее значение с точки зрения обеспечения безопасности Советского Союза. На северо-западе мы восстановили нашу границу с Финляндией в соответствии с советско-финским мирным договором 1940 года. Кроме того, на севере Советскому Союзу возвращена территория района Печенги (Петсамо)...»⁶.

Итак, советское руководство подтвердило, что в ходе Отечественной и второй мировой войны СССР вернул себе все, что ослабленная Россия утратила в 1918—1920 гг., и добился реванша у Японии за поражение на сопках Манчжурии, в Цусимском проливе и под Порт-Артуром в 1904—1905 годах.

Лишь одно государство в мире могло сравниться с СССР по этому чувству национального унижения, дискриминации и неутоленного реванша — Германия, где к власти в начале 30-х годов также пришло сильное руководство во главе с диктатором, установившее в стране тоталитарный режим, также одобренный мессианскими идеями мирового господства и «нового порядка», ставшими основой внешнеполитических устремлений этой страны. Недаром подготовка гитлеровского руководства к войне за передел мира поначалу велась под лозунгом освобождения от «версальских цепей», который встречал известное сочувствие и поддержку немецкого народа.

Социальная и идеологическая природа двух этих режимов были противоположными, но их геополитические военно-стратегические цели во многом однотипными. Логика исторического развития рано или поздно должна была привести эти два государства к борьбе не на жизнь, а на смерть. Два могучих тоталитарных, идеологизированных, униженных остальным миром государства шли по пути, уготованному им всем ходом развития мировой истории. С этих позиций мы, по-видимому, и должны оценивать противоборство двух стран в рамках европейской и мировой политики и соответственно их дипломатические усилия по обеспечению этой политики.

В 1939 г. Советский Союз оказался в нелегком внешнеполитическом положении. После Мюнхенского сговора европейских держав становилась все более очевидной дипломатическая изоляция страны. Враждебными ей оставались Польша, Финляндия, Румыния, не говоря уже об Англии и Франции. Германия также исподволь вынашивала далеко идущие планы захватов на Востоке. В этих условиях внешнеполитическая инициатива постоянно принадлежала Германии. Ее агрессивные устремления, ее внешнеполитические комплексы и амбиции, а позднее откровенно милитаристский захватнический курс стали постоянно действующим фактором европейской и мировой политики, к которому вынуждены были применяться другие — и великие державы, и малые страны.

Англо-французский блок, Германия, СССР — вот тот треугольник, где решались судьбы тогдашней Европы и самой слабой частью этого внешне-политического треугольника был Советский Союз, несмотря на постоянно усиливающуюся армию, а также геополитические претензии и идеологические глобалистские цели. Эту слабость и изоляцию СССР подчеркнули, в частности, весенне-летние англо-франко-советские переговоры, на которых незримо присутствовала и Германия и которые практически были провалены, так как ни той ни другой стороне не был выгоден сговор против Гитлера.

Этот сговор нарушил бы тот складывающийся баланс сил и интересов, который определился к этому времени и который состоял в изначальном англо-французском антисоветизме как геополитическом, так и идеологическом и в попытке направить Германию против СССР, так и в глубоком недоверии и даже ненависти советского руководства к англо-французскому блоку и нежелании играть отведенную ему роль марионетки в назревающей большой европейской войне. В этих довольно прозрачных исторических условиях сближение Германии и СССР было на данном этапе естественным.

И речь, конечно, шла здесь не о «безопасности» Советского Союза, его миролюбии, оттягивании сроков войны и тому подобных идеологических клише.

Это был естественный, суровый и, в известной степени рискованный выбор, позволявший СССР успешно реализовать свои геополитические и частично идеологически мессианские цели. В союзе с Англией и Францией сделать это было невозможно. Союз с Германией эту возможность оставлял, так как отвечал и германским геополитическим и мессианско-идеологическим интересам. Оттягивание же Советским Союзом войны благодаря пакту с Германией — это лишь второстепенный, так сказать сопутствующий, элемент этой политики. Линия Сталина была четкой: уйти из ловушки, которую готовил Советскому Союзу англо-французский блок, оставаться вне назревающей европейской войны, сработать на столкновение своих потенциальных соперников, получить свободу рук в Восточной Европе и на Дальнем Востоке, и в дальней перспективе войны в войну с целью не только закрепления уже достигнутых геополитических преимуществ, но и осуществить революционную экспансию.

Разрыв переговорного процесса с англо-французскими делегациями и заключение 23 августа 1939 г. пакта о ненападении с Германией, и особенно подписание секретных протоколов от 23 августа и 28 сентября 1939 г., кажется, полностью подтверждали эти геополитические и революционно-мессианские претензии советского руководства. Действительно, советская дипломатия добилась от Германии не только, пусть и временной, отсрочки нападения на СССР, не только сумела отвести Советский Союз в сторону от уже разгоравшегося мирового военного пожара, но и проложила путь к тому, чтобы вернуть то, что было отторгнуто от России в 1918—1920 годах. Смысл «Секретного протокола» официально заключался, как известно, в «разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе». В реальности же обе стороны, как показали последующие события и договоренности шли к разграничению сфер влияния, а говоря еще точнее к предоставлению друг другу карт-бланша на захват определенных территорий Восточной Европы. Советские аппетиты точно укладывались в геополитические российские приобретения XVIII—XIX веков.

Германия признавала за СССР сферу интересов в Прибалтике (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), в Польше до границы, проходящей по линии рек Нарев, Висла, Сан (28 сентября эта демаркационная линия была скорректирована), а также в Бессарабии. Германия подтвердила незаинтересованность в этих областях, но оба государства подчеркнули, что конкретное воплощение этих интересов будет зависеть от «дальнейшего политического развития», а также произойдет «в случае территориально-политического переустройства». Через месяц стороны также тайно договорились о статусе и порядке переселения немецких граждан из «сфер влияния» советских интересов и более четко определили демаркационную линию в Литве — «как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих интересов»⁷. Речь шла и о борьбе с возможной польской агитацией на своих территориях в случае развития событий в духе «Секретного протокола» от 23 августа и его дополнений от 28 сентября.

Таким образом, советско-германские документы августа — сентября 1939 г. по существу увенчались успехом советской дипломатии и лично Сталина, который осуществлял все руководство дипломатическими усилиями СССР. Столкнув Англию и Францию с Германией в начале сентября 1939 г., Советский Союз обеспечил себе свободу рук по захвату Финляндии, возвращению польских территорий, Прибалтики, Бессарабии. Одновременно была сорвана политика нового Мюнхена, нейтрализована Япония, чей фронт интересов после этого совершенно определенно стал поворачиваться в сторону Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана. Для этого СССР пришлось пойти на фактическое прекращение политической поддержки чанкайшистского Китая, хотя военно-материальная помощь ему и продолжалась с прицелом на долговременность противоречий Японии и СССР на Дальнем Востоке.

После того, как обеспечив себе тыл на Востоке, Германия 1 сентября 1939 г. напала на Польшу, а затем великие державы вступили во вторую мировую войну, Советский Союз мог спокойно и относительно безопасно реализовать договоренности «Секретного протокола». Помешать ему, неучаствовавшему в войне, практически было некому. Теперь вступали в действие дипломаты и военные.

17 сентября советские войска вступили на территорию Польши, овладели предназначенными СССР Западной Украиной и Западной Белоруссией, и уже здесь на реке Нарев прозвучал первый звонок, возвещавший о грядущем столкновении германо-советских интересов: немецкие части пересекли оговоренную ранее границу. Но время для противоборства еще не наступило и германское руководство обещало отвести свои войска. Последующая секретная договоренность от 28 сентября о демаркации границы сняла нарождающиеся противоречия. Помогла этому и договоренность о противоборстве польской агитации.

Далее наступила очередь Прибалтики. В борьбе за реализацию пункта «Секретного протокола», касающегося Эстонии, Латвии и Литвы, советское руководство осуществило серию комбинированных ударов, состоящих из чисто дипломатического давления, результатом чего стали договоры о взаимной помощи с правом размещения в прибалтийских государствах советских войск, мобилизации своих коммунистических сторонников в этих странах и оказания сильнейшего социально-политического давления на их буржуазные руководства, а затем и военно-политического решения вопроса: ультиматума и смены правительств, ввода советских войск. Все это было увенчано официальным и легитимным вхождением прибалтийских государств в состав СССР. Завершающий этап присоединения Прибалтики к СССР проходил в то время, когда с весны 1940 г. Германия начала крупномасштабные наступления в Европе, оккупировала Голландию и Бельгию и разгромила Францию, поставив ее на колени.

Конечно ни о каких военно-стратегических мотивах, в условиях мировой войны, обороне западных границ от будущего агрессора в действительности не могло быть и речи. Рассуждения по этому поводу являлись дымовой завесой, которая прикрывала геополитический реванш в наиболее выгодных внешнеполитических условиях. Одновременно и в Западной Белоруссии, и в Западной Украине, и в странах Прибалтики осуществлялись преобразования, соответствовавшие доктрине освобождения трудящихся от ига капитала, и расширение революционного влияния СССР на сопредельные территории, как об этом неоднократно заявляли руководители Коммунистической партии, Советского правительства, сам Сталин и что с успехом осуществляли советские дипломаты и армейское руководство.

За месяц до вхождения государств Прибалтики в состав СССР, Советский Союз потребовал у Румынии возвращения Бессарабии. Это требование было удовлетворено. Румыния, толкнувшаяся в ходе этого кризиса в германскую дверь, получила холодный отказ, хотя и была обнадежена в отношении будущей поддержки. Здесь прозвучал второй звонок по поводу набравшего силу напряжения в отношениях между Германией и СССР.

В октябре 1939 г. СССР начал осуществлять давление на Финляндию. Однако здесь события разворачивались по иному сценарию. Дело закончилось войной, но не быстрой и победоносной, как планировалось, а затяжной, тяжелой, с сомнительными военными, а главное, политическими последствиями. Эта война, которая действительно стала проверкой внешнеполитической стабильности Советского Союза в то время, показала, что расчеты Сталина на том коротком отрезке времени были верны. Даже в условиях тяжелейшего военного кризиса СССР, в Европе и мире не нашлось силы, которая могла бы помешать советскому руководству продвигаться к достижению своих геополитических целей. Попытки Англии и Франции обострить обстановку, организовать против СССР интервенцию на широком фронте от северных границ до Закавказья, как это показали последние исследования⁸, практически кончились ничем. В условиях противоборств Германии с англо-французским блоком при благожелательном нейтралитете Германии СССР оказался вне досягаемости.

Однако Финляндия не разделила судьбу прибалтийских государств, Польши и Бессарабии, будучи обязанной этим лишь себе самой, своему упорному сопротивлению. Не раз еще после зимней кампании 1939—1940 гг. Молотов на переговорах с немецким руководством обращался по поводу нереализованных претензий СССР к Финляндии, но обстановка с весны 1940 г. менялась с калейдоскопической быстротой и финны устояли. Хотя известно, что по уже знакомому политическому сценарию в период военного натиска СССР на Финляндию было создано так называемое финское народное правительство во главе с О. Куусененом, которое Сталин готовился посадить на финской земле по образцу и подобию иных марионеточных правительств. Но оно так и осталось в обозе советской армии. Здесь революционный синдром не сработал.

Одновременно СССР предпринимал дипломатические шаги для того, чтобы сохранить завоеванное. Так были дезавуированы попытки нового посла Англии в СССР Р. С. Криппса втянуть Советский Союз в более тесное сотрудничество с Англией и привязать его к политике блокады Германии. СССР ушел от возможности заключить договор о взаимопомощи с Болгарией, поскольку Балканы попадали в сферу интересов Германии.

И последующие дипломатические шаги Советского Союза были направлены отнюдь не на обеспечение своей безопасности, а в первую очередь на сохранение тех геополитических завоеваний, которые обозначились к весне — лету 1940 года. Конечно, опираясь на приобретение новых территорий, возможно, легче было решать собственные военно-стратегические проблемы (хотя это вопрос и спорный, так как СССР в связи с присоединением этих территорий потерял буферную зону), но главное заключалось в том, чтобы и дипломатическими, и, если потребуется, военными средствами сохранить новые очертания границ СССР. В этом заключалась суть действий советской дипломатии в предвоенные годы.

Такой ход событий вполне устраивал и германское руководство, которое хотело иметь свободу рук в Европе и после Мюнхена уже нацелилось на захват остальной части Центральной Европы, Балканского полуострова, Скандинавии. Соглашения августа — сентября 1939 г. с СССР такую возможность Германии предоставляли. Однако обе стороны прекрасно понимали хрупкость этих договоренностей. Аппетиты Германии быстро росли, фашистский рейх стремился установить «новый порядок» в Европе. Восточные ее регионы (Прибалтика, Украина, Кавказ, чисто русские земли) постоянно входили в сферу его интересов. Между тем Советский Союз не добился желаемых результатов в борьбе за Финляндию, а Балканы, проливы в течение веков также являлись сферой приложения российской политики. Поэтому соглашения 1939 г. с Германией не только удовлетворяли определенные геополитические интересы СССР, не только компенсировали чувство глубоко затаенного, прикрытого революционной риторикой государственного реванша, но и указывали дальнейшие направления советской экспансии.

К тому же оба будущих противника шли по пути реализации своих амбициозных идеологических замыслов: гитлеровское руководство мечтало о «новом порядке» для всей Европы. Сталин и его соратники все чаще говорили о том, чтобы использовать тяготы мировой войны для углубления кризиса капиталистической системы, его последующего развития и расширения сферы коммунистического влияния на весь буржуазный мир. Две глобалистские идеологические стратегии шли навстречу друг другу. Не случайно в одном из директивных идеологических советских документов весны 1941 г. говорилось, что хотя между Германией и Советским Союзом заключен пакт о ненападении, «было бы глубоко ошибочным питать иллюзии относительно этого пакта и считать, что столкновение между СССР и Германией невозможно, и, что якобы германские национал-социалисты отказались от своих антисоветских планов... Нельзя забывать, что все без исключения капиталистические государства — потенциальные враги СССР. Внешняя политика СССР — это классовая политика»⁹.

Ни германское, ни советское руководство не задумывалось над тем,

каковы будут дальние последствия победы того или другого режима в Европе, какие новые острейшие мировые узлы будут здесь завязаны, какова будет в далеком будущем реакция на эти возможные успехи той или иной страны, мирового сообщества и какие коллизии ожидают на этой почве мир в будущем. Это говорило об определенной ограниченности менталитета тоталитарных правителей, их способности оперировать лишь относительно короткими временными отрезками.

Таким образом, советско-германские соглашения 1939 г. помогли обеим государствам решить ближайшие геополитические задачи и поставили перед ними труднопреодолимые препятствия в дальнейшем. А пока же каждый из них старательно обживал захваченный дом и стремился получить гарантии для этого на ближайшее будущее. Однако весна и лето 1940 г. круто изменили ситуацию в Европе. После падения Франции, захвата Германией Центральной Европы настала очередь Балкан, других сопредельных с Германией территорий. В Германии начинают разрабатываться планы нападения на СССР. Немецкие войска вводятся на территорию Румынии и Финляндии, идет подтягивание германских дивизий к восточным границам. Заключение Тройственного пакта между Германией, Италией и Японией в сентябре 1940 г. лишь подчеркивает общую агрессивную направленность политики Германии в Европе.

Перед СССР снова появляются контуры войны на два фронта. Становится все более очевидным, что если для Сталина протокол от 23 августа являлся основой стабильного овладения давно желанными территориями, испокон веков дававшими России определенные геополитические преимущества, причем с привнесением туда новых советских порядков, то для Гитлера это была временная сделка, тактическая уступка с прицелом на овладение теми же территориями и привнесения туда своего «нового порядка». Уже с весны 1940 г. это стали понимать и в Москве.

На осенних переговорах 1940 г. в Берлине Молотов требовал удаления немецких войск из Финляндии, апеллируя все к тому же «Секретному протоколу», где Финляндия входила в сферу интересов СССР. Возражал он и против появления немецких войск в Румынии. Тон переговоров был резок. Молотов еще говорил с позиций силы, но это время катастрофически уходило в прошлое. В ответ германское руководство демагогически приглашало СССР примкнуть к Тройственному пакту, предлагало и далее разделить сферы на этот раз уже мирового влияния, толкая СССР на выход к «теплым морям», к Персидскому заливу, Индии, пытаясь столкнуть его с Англией. Обсуждался вопрос и о черноморских проливах.

Несмотря на очевидную внешнеполитическую абсурдность этих предложений, Молотов обсуждал их в Берлине, показав, что советское руководство стоит вполне на уровне тогдашних империалистических стандартов. Прав, видимо, был такой проницательный и честный писатель как М. М. Пришвин, отметивший в октябре 1939 г. в своем дневнике: «Открывается политика, похожая на борьбу двух зверей. Коварство необычайное, но дипломатические, военные и охотничьи хитрости — явление обычное между зверями»¹⁰. В этот зверинец вполне может быть зачислен и англо-французский блок, растерявший в весенние дни 1940 г. политическую инициативу, обыгранный своими противниками, но затаившийся до поры до времени. Сюда же может быть отнесена и Япония, готовящаяся к решающему прыжку в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке.

С осени 1940 г. советское руководство начинает действовать уже вполне вразрез с устремлениями Германии. Болгария получает предложение заключить с СССР договор о взаимной помощи. Молотов 17 января 1941 г. делает заявление германскому послу в Москве о том, что Болгария и проливы — это зона безопасности России. В ответ в марте Германия вводит свои войска в Болгарию, что было оценено в Москве как «нарушение безопасности СССР». В реальности же «Секретный протокол» уже выполнил свою буферную для Германии роль и перестал интересовать гитлеровское руководство.

Советский Союз идет в это время к сближению с антигерманским

югославским правительством Д. Симовича, но не настолько чтобы полностью нарушить свои отношения с Германией. Результатом стало лишь подписание 5 апреля 1941 г. договора о дружбе и ненападении. И сразу после этого ничего не стоившего формального соглашения произошло вторжение немецких войск в Югославию.

Идут переговоры и с Турцией, которую и Англия и Германия подталкивают против СССР, а за ее спиной СССР и Германия обсуждают проблему проливов. В осенние месяцы 1940 и весенние месяцы 1941 г., верный своим геополитическим и революционно-гегемонистским принципам Советский Союз преследует на Балканах лишь эгоистические интересы: стабилизацию ситуации в уже захваченных им поблизости территориях и подготовку новых приобретений.

В этом же смысле следует рассматривать и переговоры о заключении пакта о нейтралитете с Японией, начавшиеся в октябре 1940 года. В ходе их Молотов поднял вопрос о возвращении Советскому Союзу Курил и Южного Сахалина. На этих переговорах советское руководство «удостоилось» предложения министра иностранных дел Японии Ё. Мацуоки о заключении по типу советско-германских соглашений 1939 г. секретных протоколов о разделе сфер влияния на Востоке. Тем самым Япония стремилась развязать себе руки в Дальневосточном регионе. Однако советское руководство уклонилось от этого предложения, опасаясь за свои отношения с Китаем, Англией и США. Пакт же о нейтралитете с Японией был подписан и тем самым закреплены завоевания на Западе, которые теперь легче было отстаивать в борьбе на одном, Западном, фронте. При этом геополитические интересы США, как и борьба с восточным агрессором — Японией в Кремле, кажется, никого не интересовали.

К концу апреля 1941 г. этот первый дипломатический акт в развязывании второй мировой войны закончился. Он не имеет никакого отношения к начавшейся через два месяца народной, Отечественной войне. Оценивать советскую дипломатию 1939—1941 гг. с позиции народной войны, начавшейся 22 июня 1941 г. невозможно. Это была прагматическая, глобалистская дипломатия, покоившаяся на принципах преемственности с политикой старой России и сопровождавшаяся к тому же определенными революционно-идеологическими расчетами большевистского руководства. Защищать и оправдывать ее как это делала в течение долгих лет советская историография, или порицать и обличать ее, как, скажем, это предпринимает в своих книгах В. Суворов, совершенно бессмысленно. Мораль здесь ни при чем. В политике есть лишь результаты — победы или поражения. Такой была и советская политика и дипломатия тех лет.

Это еще раз было подчеркнуто в самый канун войны. Поворот, наметившийся в политике Германии по отношению к СССР после разгрома Франции и оккупации Балкан стал все более и более очевиден. Теперь геополитические интересы Германии и СССР сталкивались буквально по всей линии их сопредельных территорий. Все это дополнялось враждебным противостоянием двух политических и идеологических систем. В этих условиях советское руководство стремится дипломатическими средствами сохранить завоеванные позиции и действительно оттянуть военную грозу, к которой весной 1941 г. страна была еще, видимо, не готова. СССР идет навстречу Германии в ее все нарастающих провокационных порой наглых требованиях: относительно новой демаркации границ, увеличения поставок из СССР, разрыва отношений СССР с Бельгией, Голландией, Норвегией, Югославией.

Наши ученые в последнее время показали, какие абсурдные формы принимала порой политика умиротворения Германии вплоть до весны 1941 г., как менялась вся система антинацистской пропаганды, что совершенно дезориентировало советский народ уже воспитанный на революционно-наступательных антифашистских принципах¹¹. Апофеозом этой совершенно беспринципной, абсолютно прагматической политики стало заявление ТАСС от 14 июня 1941 г., в котором все слухи о назревавшей войне между двумя государствами объявлялись беспочвенными.

Но уже с весны 1941 г. в отношениях СССР и Германии все явственней прослеживается и иная линия, поворот в сторону которой обозначился со стороны Германии после разгрома Франции и этапом которой стала разработка плана «Барбаросса». Обозначился он и со стороны СССР: энергичная подготовка к войне с Германией по всем линиям. Именно на войну с Германией ориентировали директивные идеологические документы в мае — июне 1941 года. Об этом говорил Сталин 5 мая 1941 г. на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий¹². Осуществлялся поворот всей советской внешнеполитической пропаганды.

И здесь встает кардинальный вопрос: к какой войне готовился Советский Союз — к оборонительной или наступательной. Совершенно очевидно, и это вытекает из многочисленных советских документов, Сталин готовился к наступательной войне, к войне на территории врага, что вовсе не однозначно концепции первого, упреждающего удара, хотя эту версию отрицать полностью также не приходится. Об этом свидетельствуют и идеологические документы партии и советского правительства, говорящие о необходимости продвижения революционных идей во все остальные страны. На этом настаивали и идеологические документы мая—июня 1941 г., что отражено и в «Соображениях по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками»¹³, отнесенных к 7—15 мая 1941 года. Изучившие этот документ ученые считают, что он был действующим, то есть именно в соответствии с ним шла перегруппировка советских войск, подтягивались резервы и шло их стратегическое развертывание с весны 1941 года. На совещании Политбюро в присутствии высших политических и военных руководителей, по мнению ряда советских ученых, говорилось именно о наступательном ударе советских войск по Германии и ее сателлитам¹⁴. Тем более, что по всем объективным данным к середине 1941 г. перевес сил почти по всем параметрам был на стороне Советского Союза¹⁵.

Вопрос о наступательных планах СССР летом 1941 г., о вероятности упреждающего удара советских войск по Германии многие ученые переносят в морально-политическую плоскость. Их шокирует сама мысль о том, что СССР, советский народ, понесшие огромные и трагические утраты в ходе Отечественной войны, могут выступить при такой трактовке начала ее в роли агрессора. Но, заметим, никакого отношения эти планы, как и вся политика советского руководства, отстаивающего геополитические интересы СССР в 1939—1941 гг., не имеют к начавшейся вскоре действительно народной войне на выживание страны.

К весне 1941 г. стало совершенно очевидно, что интересы двух стран, поделивших между собой Восточную Европу, остро сталкиваются на Балканах и в Финляндии, на Ближнем Востоке и в вопросе о проливах. Обе стороны по-прежнему гнули свою линию, как это показали ноябрьские (1940 г.) переговоры Молотова в Берлине. Но преимущество все более склоняется в сторону Берлина. Отступая шаг за шагом перед жесткими германскими требованиями осенью 1940 — зимой и весной 1940—1941 гг. Советский Союз стремится заручиться поддержкой правительств некоторых захваченных Германией стран.

Возникли контакты с польским эмигрантским правительством. Начали налаживаться контакты с чехословацким эмигрантским правительством. Румыния получила заверения в благожелательном решении своих территориальных претензий к СССР, в случае если она поддержит советскую политику. И даже с финским послом в мае 1941 г. Сталин завел разговор об установлении дружественных советско-финских отношений. В соответствующем духе советские дипломаты действовали в Турции, Ираке. В этой же плоскости следует рассматривать и договор о нейтралитете с Японией от 13 апреля 1941 года.

Стремясь сохранить за собой приобретения 1939—1940 гг. Сталин делал все, чтобы в условиях назревающей войны с Германией, обеспечить возможность активной их защиты — дипломатической и военной. Речь и в это время шла не столько о безопасности границ СССР, сколько об

удержании уже достигнутого геополитического преимущества в Восточной Европе, и всяческое оттягивание войны с Германией было одним из тактических приемов в осуществлении этих целей. Точно так же, как целью английской дипломатии в это время все более явственно становилась игра на германо-советских противоречиях с тем, чтобы столкнуть, наконец, Германию и СССР как можно раньше и получить облегчение в изнурительном противоборстве с рейхом.

В этой связи сама мысль об обороне советских границ являлась для Сталина совершенно противоестественной. Удержать и расширить территориальные приобретения в Европе и тем самым, в соответствии с коммунистической доктриной, расширить «фронт социализма» по образцу и подобию акций 1939—1940 гг. и перенести его на Финляндию, Балканы, другие страны Восточной Европы было для советского руководства, напротив, абсолютно логичным. На это нацеливали и теоретические разработки маршала Шапошникова, и стратегические планы, вынашиваемые в кабинетах Генерального штаба Красной Армии, на которых лежал отпечаток таланта мастеров упреждающего удара Г. К. Жукова и А. М. Василевского.

Анализ последних публикаций (документов, статей) показывает, что советское руководство, ведя тайную дипломатическую игру против Гитлера, уходя от английских попыток столкнуть Германию и СССР в неподходящее для Советского Союза время, всячески умиротворяя с теми же целями Германию, разрабатывало активную наступательную стратегию. Наступательная доктрина против мира капитала всегда была частью советской идеологии. Весной 1941 г. она приняла абсолютно конкретный характер, адресуясь непосредственно Германии. И тот и другой аспекты этой доктрины широко представлены в уже упомянутых директивных идеологических материалах мая—июня 1941 года. В одном из них говорилось: «Опыт военных действий показал, что оборонительная стратегия против превосходящих моторизованных частей (Германии — А. С.) никакого успеха не давала и оканчивалась поражением. Следовательно против Германии, нужно применять ту же наступательную стратегию, подкрепленную мощной техникой»¹⁶.

Весь советский пропагандистский аппарат с весны 1941 г. перестроился на внедрение в умы советских людей идей наступательной войны на вражеской территории. Следуя всей логике сталинской дипломатии в 1939—1940 гг., идея упреждающего удара против Германии была единственно реальной и вполне правомерной. Возможность не только закрепить территориальные приобретения, но и значительно расширить «фронт социализма» с таким оголтелым агрессивным, коварным противником как Гитлер была в тех условиях единственным возможным вариантом не только удержания уже захваченных территорий, но и обеспечения военно-стратегического преимущества в столкновении с сильным и беспощадным врагом.

Такой подход указывал, что советское руководство действовало вполне в духе времени, решительно, масштабно, инициативно. И основной просчет Сталина и его вина перед Отечеством заключались на данном этапе и в тех условиях не в том, что страна должным образом не подготовилась к обороне (она к ней и не готовилась), а в том, что советскому руководству — и политическому и военному — не удалось точно определить момент, когда стремление оттянуть войну до приведения своих наступательных сил в полную готовность уже было невозможно, и оно не приняло экстренных мер для мобилизации страны и армии в состояние максимальной боевой готовности. Упреждающий удар спас бы нашему Отечеству миллионы жизней и, возможно привел бы намного раньше к тем же политическим результатам, к которым страна разоренная, голодная, холодная, потерявшая цвет нации пришла в 1945 г., водрузив знамя Победы над рейхстагом.

И то, что такой удар нанесен не был, что наступательная доктрина, тщательно разработанная в Генеральном штабе Красной Армии и начавшая энергично осуществляться в мае—июне 1941 г. не была реализована, возможно является одним из основных исторических просчетов Сталина.

Вторжение германских войск на советскую территорию практически полностью перечеркнуло всю предвоенную советскую дипломатию. Рухнули старые геополитические комбинации, перестал работать «Секретный протокол». Уже с первых дней войны гитлеризм показал, что его уступки советским геополитическим интересам имели временный и отвлекающий характер. Собственно, советское руководство и не заблуждалось на этот счет, стремясь и дипломатическими и военными средствами сделать действие «Секретного протокола» постоянным фактором территориального разделения Восточной Европы. Но эти попытки не удались. Момент, когда кажущаяся стабильность стремительно стала превращаться в пустой клочок бумаги, был катастрофически упущен. И именно в этом смысле германское руководство сумело дипломатически переиграть Сталина.

22 июня 1941 г. кончился первый этап дипломатии СССР, связанный с предвоенным периодом. Страна вступила в войну, которая с первого же ее дня действительно превратилась в трагическую и героическую народную войну, в войну в которой народ, государство боролись за свою независимость, за свое выживание. В этих условиях сам характер начавшейся войны подсказал и дипломатические средства ее обеспечения. Ушли в прошлое геополитические игры, революционно-утопические иллюзии. Началась суровая борьба за жизнь. Именно она заставила круто изменить весь внешнеполитический курс страны. Советское руководство теперь полностью стало ориентироваться на Великобританию, США, которых еще вчера вместе с Францией, и не без причины, рассматривало в качестве своих врагов. Эта переориентация проходила непросто, но она органически соответствовала тогда интересам обеих сторон. Помощник Черчилля командор Томпсон вспоминал: «Трудно понять то чувство чрезвычайного облегчения, неожиданного освобождения от гнета», которое испытало английское руководство, узнав о нападении Германии на СССР¹⁷.

Главным же фактором, который влиял на выработку новой дипломатической стратегии с лета 1941 г. и СССР, и членами будущей антигитлеровской коалиции, стало отчаянное сопротивление германской агрессии со стороны советского народа, невероятное мужество советской армии — и это несмотря на колоссальные стратегические и тактические просчеты советского военно-политического руководства, полную неспособность бывших авторитетов руководить войсками в экстремальных условиях, деморализованность значительной части армии и распространившиеся в ней панические настроения, что потребовало поистине драконовских мер. К этому надо добавить потерю в первые же недели войны огромных территорий, военного имущества, экономико-стратегических и материальных ценностей. Недаром Рузвельт и Черчилль, встретившись на Ньюфаундленде, писали Сталину 14 августа 1941 г.: «Мы полностью осознали, сколь важно для поражения гитлеризма мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза, и поэтому считаем, что в этом деле планирования программы распределения наших общих ресурсов на будущее мы должны действовать при любых обстоятельствах быстро и без промедления»¹⁸.

В действие вступили постоянно действующие факторы войны — обширность территории СССР, мощная военно-экономическая промышленная база, созданная в предвоенные годы, появление целой плеяды новых талантливых военных руководителей, командиров военной индустрии, упорный характер славянских народов, составлявших основу Красной Армии, глубокое воздействие на весь характер сопротивления революционно-социалистических народных ценностей (которые мы сегодня замалчиваем), соединенных с традиционным русским патриотизмом.

В эти месяцы, а потом и в годы войны, эти факторы практически подавили влияние других тенденций, негативно влиявших на весь ход военных событий. Это и последствия разгрома старых военных кадров, и жестокой насильственной коллективизации, и тяжких репрессий, расколовших страну и вызвавших последующее антисоветское антикоммунистическое движение на части оккупированной немцами территории СССР, особенно в ряде национальных районов страны, где к тому же испокон веков были

сильны антирусские настроения. Сталинское руководство вынуждено было обратиться прежде всего к русскому патриотизму, к демократизму в противовес гитлеровскому фашизму и «новому порядку».

На лето — осень 1941 пришлось не только крупные поражения Красной Армии, но и подвиг защитников Брестской крепости, срыв наступательных планов вермахта в Смоленском сражении, в боях под Ельней, начало героической обороны Ленинграда, упорные бои за Одессу, Ханко, Моонзунд, провал гитлеровских планов захвата Мурманска, начало обороны Севастополя. В условиях, когда с каждым днем ширился народный характер войны, советская дипломатия наполнялась его высокими целями, животворной народной силой, патриотическим духом, самой логикой истории, ее рациональной закономерностью. Отходили в прошлое предвоенный дипломатический цинизм, ложь, обман, политические комбинации, творимые за спиной народа, непонятные стране зигзаги в области внешнеполитической пропаганды. Этот период был недолог, но он был. Без этой ясной, простой дипломатии, опирающейся на сопротивление народа победить врага было невозможно.

Советский Союз нуждался в союзниках, а ими были все враги гитлеровской Германии — страны, политические партии, общественные движения. Поэтому естественными задачами советской дипломатии стало стремление выйти из военно-стратегической изоляции, заключить военно-политический союз с государствами, ведущими борьбу с фашистским блоком, убедить Запад во всенародном характере советского сопротивления агрессору и тем самым создать определенное общественное мнение за рубежом, повернуть его в пользу Советского Союза, что было не так просто после сомнительного сговора СССР с Гитлером осенью 1939 г., блокировать все попытки заключить с Германией сепаратный мир или перемирие, добиться от потенциальных союзников военно-материальной помощи. К этим задачам относились и стремление восстановить дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами Польши и Чехословакии уже не на революционно-коммунистической, а на широкой демократической и антифашистской основе, обеспечить южные военно-стратегические коммуникации через Иран.

Эти задачи соответствовали интересам и Англии, которая фактически была спасена поворотом дивизий вермахта на Восток, и США опасавшихся глобально-завоевательных планов Германии. Но, подчеркиваем, реализация этих целей могла состояться лишь в том случае, если бы западные державы уверились, что СССР не картонный домик, готовый рухнуть под первым натиском бронированного кулака вермахта. И летне-осенние месяцы убедили мир в том, что СССР, несмотря на тяжелые поражения, силен и боеспособен, сплочен и будет вести борьбу со злейшим врагом человечества бескомпромиссно и до конца.

Таким образом, дипломатический поворот на первом этапе войны определили прежде всего советский народ и его армия, а реализовали политики. Характерно в этом смысле письмо Черчилля Сталину от 8 июля 1941 г., в котором он обещал: «Чем дальше будет продолжаться война, тем большую помощь мы сможем предоставить»¹⁹. Советский народ и армия по существу дали ответ на это письмо, проложив путь к антигитлеровской коалиции.

Первые контакты летом 1941 г. советского руководства с лидерами Англии и США, обмен между ними посланиями с взаимными обязательствами оказывать помощь друг другу, восстановление дипломатических отношений и военного союза с эмигрантскими правительствами Чехословакии и Польши (хотя во время переговоров с польским руководством сразу же встала проблема возвращения Польше Западной Украины и Западной Белоруссии), совместное англо-советское представление Ирану и дальнейшее обоснование ввода советских и английских войск в Иран, согласие СССР с основными принципами «Атлантической хартии» и, наконец, подписание в конце сентября и начале октября 1941 г. в Москве трехстороннего соглашения о взаимных военных поставках стали важными этапами на пути к созданию антигитлеровской коалиции.

Знаменательным было заявление советского представителя в Лондоне на сентябрьской межсоюзнической конференции о том, что СССР «отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать таковую общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразным и необходимым в целях процветания своей страны»²⁰. В этом же ключе борьбы СССР за демократию, суверенитет, свободное развитие народов следует рассматривать и решение о роспуске Коминтерна. Сталин, отвечая на вопросы корреспондента «Рейтер» 28 мая 1943 г. даже подчеркнул, что это решение было призвано разоблачить «ложь гитлеровцев о том, что Москва якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и «большевизировать их»²¹. Однако как показали последующие события это решение в дальнейшем потеряло свой первоначальный смысл и стало лишь определенным тактическим шагом в традиционной советской политике мировой революционной инициативы.

В начале 1942 г. позитивная и столь важная для судеб нашего Отечества и всего мира дипломатическая работа продолжалась. Она опиралась на совершенно невероятный, казалось, поворот событий на Восточном фронте: провал немецкого «блицкрига», разгром немцев под Москвой зимой 1941—1942 гг. и освобождение значительных территорий на ближайших подступах к Москве, а также контрнаступление советских войск под Тихвином и Ростовом, успешные бои под Керчью и Феодосией. На советско-германском фронте вермахт нес большие потери. Жернова войны заработали здесь на полную мощь, к чему не были готовы ни германские стратеги и политики, ни англо-американские союзники СССР. Нападение Японии на США 7 декабря 1941 г. окончательно определило позицию Америки в мировом конфликте.

В 1942 г. линия народной войны и нового поворота советской дипломатии получили дальнейшие импульсы. Несмотря на просчеты советского военного руководства в зимней кампании 1942 г. и крупные поражения советских войск весной и летом этого года — под Керчью, на Харьковском направлении, гибель 2-й ударной армии на Волховском фронте, прорыв немецких армий через Ростов, Кубань на Северный Кавказ и к Главному Кавказскому хребту,— война приобретала все более затяжной и упорный характер. Апофеозом летне-осенней кампании 1942 г. стала Сталинградская битва. За ходом жесточайших боев на Дону и Волге с напряженным вниманием следил весь мир. Контрнаступление советских войск, начавшееся 19 ноября 1942 г. и завершившееся 2 февраля 1943 г. уничтожением окруженной 330-тысячной группировки противника определило начало перелома в войне, переход стратегической инициативы в руки советского командования. Это крупнейшее событие оказало решающее влияние на позицию Японии и Турции, которая держала против СССР 25 дивизий.

Именно 1942 г. стал временем создания антигитлеровской коалиции. После декларации 26 государств о безусловном продолжении борьбы против стран «оси» и заключения договора о союзе между СССР, Великобританией и Ираном к лету 1942 г. последовало подписание в Лондоне договора между СССР и Великобританией о союзе в войне против Германии и ее сателлитов в Европе, а также о сотрудничестве и взаимной помощи в послевоенное время. В июне в Вашингтоне было подписано с США соглашение «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии», а затем опубликовано совместное советско-английско-американское коммюнике о сотрудничестве в войне против гитлеровской Германии, где говорилось о том, что одной из неотложных задач в этой войне является открытие союзниками второго фронта в Европе в 1942 году.

Однако полтора месяца спустя США и Великобритания изменили этой договоренности и приняли план высадки союзных войск в Северной Африке. На августовских переговорах в Москве Черчилль заявил, что второй фронт вообще не будет открыт в 1942 г., хотя и выразил восхищение героическим сопротивлением советских войск в летней кампании 1942 года.

Таким образом, нападение гитлеровской Германии на СССР,

героическое сопротивление советской армии и всего народа агрессору определили поворот во внешней политике страны, подвигли западные державы под мощным напором собственного общественного мнения на активную поддержку СССР и на создание антигитлеровской коалиции, что было большим успехом сталинского руководства.

По существу Сталинградская битва стала водоразделом дипломатических усилий СССР и союзников. Инерция 1941 г., вызванная страхом быстрой победы Германии и мировым общественным антифашистским подъемом еще действовала, но раздавались уже первые звонки будущей «холодной войны», звуки которых становились с каждым военным месяцем все явственней.

1943 г. окончательно прояснил и военную и политическую ситуацию. Это был год впечатляющих побед Советского Союза: в январе была прорвана блокада Ленинграда, начался наступательный период битвы за Кавказ, закончившийся к осени освобождением из-под оккупации огромных территорий. Но центральными военными событиями года стали Курская битва и форсирование Днепра. Эти сражения привели к тому, что вермахт окончательно потерял стратегическую инициативу и господство в воздухе, был вынужден перейти к обороне на всем фронте, лишился Донбасса, Левобережной Украины, Киева, западных областей РСФСР и восточных районов Белоруссии. Рост боевой мощи советских войск, великий наступательный порыв бойцов и командиров, размах партизанского движения, трудовой героизм рабочих и крестьян в тылу вызвали огромный международный резонанс. Общественность западных стран все сильнее требовала открытия второго фронта для скорейшего разгрома Германии и окончания кровопролитной войны.

Однако эта ясная народная логика вовсе не разделялась правящими кругами союзников. Их политика на истощение СССР и Германии в войне лишь нашла в этих событиях дополнительную аргументацию. Становилось очевидным, что Советский Союз возьмет верх, а это возвращало западные державы к исходным политическим играм 1938—1939 годов. Они уже начинали прогнозировать будущие судьбы Европы и приводить в действие рычаги осуществления этих прогнозов. Конечно, одним из сильнейших таких рычагов стал вопрос об открытии второго фронта. Решение этой задачи теперь откладывалось на 1944 г., а приоритетным направлением в действиях англо-американских войск становилось Средиземноморье, Тунис, Сицилия, Апеннины, куда они бросали значительные силы и где добились впечатляющих успехов. В конце концов, эта жизненно важная зона западных интересов оказалась в руках союзников.

В свою очередь и сталинское руководство, опираясь в 1943 г. на все возрастающие военные успехи в войне против Германии, на неггибаемое мужество армии и народа, не только требовало от союзников активной военной помощи на Западном фронте, но и смотрело уже вдаль, возвращаясь к своим геополитическим и идеологическим стереотипам довоенной поры. Начиная с 1943 г. советская дипломатия вновь постепенно меняет свои очертания и направления, превращается в традиционную дипломатию великой державы, стремящейся продиктовать свои требования, претензии по крайней мере европейскому миру.

В апреле 1943 г. советское правительство разрывает отношения с польским эмигрантским правительством, на территории СССР начинает действовать Союз польских патриотов, который формирует польскую дивизию. Это уже был пролог к установлению в Польше в будущем иного, чем прежде, социально-политического устройства.

В октябре этого же года министры иностранных дел СССР, США и Великобритании, приняв декларации о всеобщей безопасности, о послевоенных судьбах Австрии и Италии и об ответственности гитлеровцев за совершаемые злодеяния, тщетно пытались договориться о скорейших сроках открытия второго фронта в Европе, хотя и признали своей первейшей целью «ускорение конца войны».

Последовавшая за этой встречей Тегеранская конференция глав прави-

тельств СССР, США и Великобритании по существу уже приступила к решению проблем устройства послевоенной Европы. Обсуждались вопросы раздела Германии, образования Дунайской федерации. По существу продолжалась предвоенная борьба за раздел сфер влияния в Европе, но на этот раз торг шел не между Германией и СССР, а между англо-франко-американским блоком и Советским Союзом. Западные демократы заняли место фашистского рейха в борьбе за европейскую гегемонию и отстаивании своих социально-политических ценностей. Характерно, что и в первом и во втором случаях одним из партнеров, участвовавшим в решении судеб Европы остается Советский Союз. А это говорит о многом. И, конечно, за кулисами этих политических торгов по-прежнему встает грозная тень геополитических претензий и социально-идеологических перемен на европейском континенте, к которым активно стремилось сталинское руководство с конца 30-х годов и чему активно препятствовали Англия и Франция, да и гитлеровское руководство, давшее, как оно полагало, лишь на время Советскому Союзу преобладание в некоторых районах Восточной Европы.

Там же, в Тегеране, союзники, видимо, просчитав возможность появления советских армий в центре Европы, заявили о своей готовности открыть в мае 1944 г. второй фронт на Западе. Сталин в свою очередь обязался после капитуляции Германии вступить на стороне союзников в войну против Японии, хотя это явилось бы грубейшим нарушением подписанного в апреле 1941 г. пакта о нейтралитете с Японией, который давал СССР гарантии от нападения на Дальнем Востоке.

1944 г. стал годом окончания непосредственно народной, Отечественной войны; битва на выживание закончилась, народ отстоял свою землю, свою государственную независимость. С марта по декабрь советские войска не только освободили всю территорию нашей Родины и восстановили государственную границу СССР, но без паузы в военных действиях обрушились на отступавшие по всем направлениям армии Германии и ее союзников. Советские войска появились в Румынии, Польше, Болгарии, Германии, Венгрии, Австрии, вышли на границу с Норвегией. Теперь союзники спешили с открытием второго фронта. 6 июня началась операция «Оверлорд», а 15 августа англо-американские войска высадились на юге Франции в ходе операции «Драгун». 4 июня союзники заняли Рим.

Однако Западный фронт не стал для них легкой прогулкой. Контрнаступление вермахта в Арденнах и Эльзасе поставило союзников в тяжелое положение и вызвало паническую просьбу Черчилля к Сталину о помощи. В Северной Италии немецкие войска создали новый фронт, где они держались до мая 1945 года. Но наиболее отчаянное сопротивление немцы оказывали на Восточном фронте, где были сосредоточены лучшие и наиболее многочисленные силы вермахта. Именно здесь решались и судьбы самой войны и послевоенной Европы. Это понимало и советское руководство, стремившееся за счет форсирования наступательных операций добиться наибольших политических преимуществ, и союзники, которые рвались к центру Европы, стремясь заполнить вакуум, который мог возникнуть здесь поле капитуляции Германии.

Германия в этих условиях стала своеобразным дирижером, который распределял степень своего сопротивления на Западе и на Востоке и пытался регулировать объем территории, которая могла оказаться под властью либо англо-франко-американского блока, либо СССР. Сталинское руководство в силу своих вновь вызванных к жизни геополитических и идеологических концепций не могло согласиться с подобным ходом событий и бросало в пламя войны все новые и новые дивизии для того, чтобы не только окончательно добить злейшего врага и разрушить его военную машину, но и продиктовать, по крайней мере Европе, свою послевоенную волю.

В 1944 г. советское руководство уже заблаговременно позаботилось о расширении влияния СССР в послевоенном мире, в частности за счет выхода (формального в условиях советского унитарного государства) на международную арену некоторых советских республик. На Пленуме ЦК ВКП(б) в январе 1944 г. было принято решение о расширении прав союзных

республик в области обороны и дипломатических сношений: прослеживался уже курс их участия в будущей Организации Объединенных наций и других международных организациях. При вступлении советских войск на территорию других стран СССР обращался к мировому сообществу с декларациями о том, что эти акции диктуются чисто военными соображениями и, отнюдь, не преследуют цели захвата чужих территорий или изменения существующего строя того или иного государства.

В то же время в обозе советских армий шли некоторые будущие коммунистические лидеры этих стран, велась большая работа по насаждению в Восточной Европе будущей системы «народной демократии». Соответствующая деятельность в тесном сотрудничестве с демократами, антифашистами и коммунистами (которые пока зачастую выступают вместе против реакционеров и коллаборационистов) проводилась на освобождаемых территориях, в гуще народных масс.

Одновременно советское правительство обращается к союзникам Германии с предложением прекратить войну на стороне Гитлера и повернуть оружие против Германии. 5 сентября СССР объявил войну Болгарии, что было чисто символической акцией. Продолжалась и подготовка к созданию Организации Объединенных наций, о чем свидетельствовала конференция представителей трех держав в Думбартон-Оксе. В сентябре же СССР подписывает соглашение с США и Великобританией об оккупационных зонах Германии, предполагающее разделить страну сначала на три зоны с Берлином как особой областью, а позднее на четыре зоны, когда в этот концерт держав включилась Франция. Затем подписывается протокол о контрольном механизме за соблюдением этих договоренностей.

По мере продвижения советских войск в Европу тон и стиль советской дипломатии все более соответствует дипломатии победителей. Заключается перемирие с Финляндией, обсуждаются с представителями Великобритании в Москве будущие судьбы Балкан и Польши. Эта практика сохранится и в 1945 году. Сроки, темпы и рубежи продвижения советских и англо-американских войск вглубь Германии во многом определяли позиции союзных государств за столом переговоров. При этом сопротивление фашистских войск на территории рейха, особенно на Восточном фронте, приобрело крайне упорный, фанатичный характер. И для того, чтобы добиться решающих побед на фронте дипломатическом, необходимо было это военное сопротивление сломить.

Несмотря на быстрое продвижение союзников на Западе, именно кровопролитные сражения на Востоке определяли и ход войны и результаты дипломатических переговоров. Можно смело сказать, что успехи советской стороны, Сталина на переговорах в Ялте и Потсдаме, при подписании договоров о дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве с Польшей, Югославией, договора об установлении союзнического контроля в Австрии были обильно политы кровью сотен тысяч советских солдат.

По существу результаты Ялтинской конференции, очерчивающие контуры будущего политического ландшафта Европы, вернули Советскому Союзу все, чего он добился согласно «Секретному протоколу» с Гитлером в августе 1939 г. и даже более того, например, часть Восточной Пруссии с Кенигсбергом, хотя формально союзники и не признали присоединения прибалтийских республик к СССР. Советские войска оставались в ряде стран Восточной Европы, что на деле должно было означать их дальнейший поворот в сторону революционных социально-политических перемен. При этом граница Польши отодвигалась на запад и шла по рекам Одру и Нейсе, что означало присутствие Советского Союза в самом сердце Европы.

СССР по существу разорвал внешнеполитическую изоляцию, в которой он находился накануне и в начале второй мировой войны, и подготовил основу для создания на своих границах окружения из дружественных государств, которое позднее получило название «лагерь социализма». Среди этих государств была и Восточная Германия, что было совершенно противоестественно, но вполне укладывалось в русло решающих социально-

политических перемен, происшедших в Восточной Европе в ближайшие послевоенные годы. Вместе с тем совершенно очевидно, что военно-дипломатические победы СССР в 1943—1945 гг. вовсе не устраивали союзников. Уже в 1943 г. после коренного поворота в ходе войны стали проявляться признаки враждебности Запада к СССР, которая была его традиционной политикой.

В 1945 г. в угаре военных и дипломатических побед мало кто мог думать о будущих судьбах создаваемого под эгидой СССР военного и политического блока, о влиянии этих побед на мировую историю и реакции на них остального мира. Между тем ход истории должен был амортизировать эти геополитические и революционно-идеологические завоевания СССР, и разгоревшаяся вскоре «холодная война», масштабные выступления против советского тоталитаризма в 50-е — 60-е годы в Восточной Германии, Польше, Венгрии, Чехословакии воочию это показали. Полный развал «социалистического содружества» в 1990—1991 гг., распад Советского Союза, вновь появление на границах России враждебного ей внешнеполитического кольца лишь подчеркнули эфемерность великих империй, берущих ношу не по силам. Показали они и упорство стран Запада в отстаивании своих геополитических интересов и собственных социально-политических ценностей.

Примечания

1. Новый мир, 1994, № 12, с. 230.
2. Цит. по: МЕЛЬТЮХОВ М. И. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии.— Отечественная история, 1994, № 3, с. 9.
3. Цит. по: МЕЛЬТЮХОВ М. И. Идеологические документы мая—июня 1941 года о событиях второй мировой войны.— Отечественная история, 1995, № 2, с. 76.
4. CARR E. N. A History of Soviet Russia. Vol. 1. L. 1958, p. 4.
5. СТАЛИН И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1951, с. 205—206.
6. Военная мысль. 1945, № 10—11, с. 15.
7. Советско-германские документы 1939—1941 гг. Из архива ЦК КПСС.— Новая и новейшая история. 1993, № 1, с. 89—90, 92.
8. СИПОЛС В. Я. Тайные документы «странной войны».— Новая и новейшая история. 1993, № 2, с. 100, № 3, с. 119—120.
9. Цит. по: МЕЛЬТЮХОВ М. И. Идеологические документы мая—июня 1941 года, с. 77.
10. ПРИШВИН М. М. Дневники. М. 1990, с. 276—277.
11. См. НЕВЕЖИН В. А. Метаморфозы советской пропаганды в 1939—1941 годы.— Вопросы истории, 1994, № 8.
12. Там же, с. 169.
13. ГОРЬКОВ А. А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.— Новая и новейшая история, 1993, № 3, с. 40—45.
14. ПЕТРОВ Б. Н. О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны. В кн.: Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? М. 1995, с. 66—70. В. Н. КИСЕЛЕВ. Упрямые факты начала войны. Там же, с. 77—80; ДАНИЛОВ В. Д. Готовил ли Генеральный штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии? Там же, с. 85—88. МЕЛЬТЮХОВ М. И. Споры вокруг 1941 года. с. 7-9.
15. ВАСИЛЬЕВ А. Ф. Имелись ли объективные причины поражения Красной Армии в 1941 г.— Вопросы истории, 1994, № 4, с. 187—188; МЕЛЬТЮХОВ М. И. Идеологические документы мая—июня 1941 года, с. 82.
16. Цит. по: МЕЛЬТЮХОВ М. И. Идеологические документы мая—июня 1941 года, с. 82.
17. ТРУХАНОВСКИЙ В. Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М. 1977, с. 333.
18. Переписка Представителя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941—1945. Т. 1. М. 1957, с. 16.
19. Там же, с. 17.
20. Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 1. М. 1946, с. 163—164.
21. ЛЕБЕДЕВ Н., НАРИНСКИЙ М. Роспуск Коминтерна в 1943 году.— Международная жизнь. 1994, № 5, с. 85—86.

В сделках с неприятелем: черноморская торговля в 1809—1810 годах

Т. С. Прусис

Развитие русской торговли в Черном и Азовском морях оказалось перед опасностью кризиса, когда соблюдение Россией условий Континентальной блокады совпало с русско-турецкой войной 1806—1812 годов. Регулирование и запреты не сулили ничего хорошего для продолжения коммерческой деятельности в одесском и других южных портах, имевшей как торговое, так и стратегическое значение для России. Местные чиновники и купцы добивались отмены ограничений. Изучение этих попыток помогает понять взаимосвязь русско-турецкой торговли, восточной политики российского правительства и греко-русских отношений в царствование Александра I.

Торговая война, ставившая целью изоляцию Англии и подрыв ее экономики путем закрытия континентальных портов для британского экспорта, была существенной составной частью стратегии Наполеона. Сухопутная блокада распространялась на все континентальное побережье, контролируемое Францией и ее союзниками. В случае ее нарушений и союзнические и нейтральные корабли подвергались в портах конфискации грузов. Англичане ответили на это военно-морской блокадой Франции, и в этом состязании Британия обладала преимуществом, так как господствовала на морских путях и могла изменять направление своего экспорта, торгуя с колониями и по всему миру ¹.

Другой причиной неэффективности Континентальной системы в Средиземноморье был заключенный в Дарданеллах в январе 1809 г. англо-турецкий мирный договор, который подтверждал торговые привилегии Англии на Ближнем Востоке и предусматривал совместную англо-турецкую оборону Османской империи в случае нападения французов ². Военно-морская мощь, подкреплённая англо-османским соглашением, обеспечила Англии господство на основных османских рынках. Левантийская компания процветала, так как английские и левантийские торговцы делили между собой доходы, полученные путем контрабанды и прочих нарушений Континентальной системы, отчего османский Восток превратился в отдушину для английского экспорта на континент ³.

Натянутые союзнические отношения между Наполеоном и Александром I, установленные в Тильзите (июль 1807 г.), подразумевали вступление России в Континентальную систему. При наличии некоторых спорных моментов, связанных с сугубо экономическими и финансовыми последстви-

Прусис Теофилус С. — историк, Университет Северной Флориды, Джексонвилл (США).

ями, участие в блокаде в целом не отвечало интересам России ⁴. Морская торговля с Европой, особенно на северных маршрутах через Ригу, Петербург и Архангельск, резко сократилась. Самый тяжелый удар был нанесен оживленным и взаимовыгодным отношениям между Россией и Англией, сложившимся после заключения союзного договора в 1734 году. Россия экспортировала материалы для флота и сырье, в основном древесину, сало, пеньку, железо и зерно, в обмен на английский хлопок и промышленные товары. Британский торговый флот был также главным перевозчиком русского экспорта в Европу через Балтику и Белое море; сложившийся порядок был нарушен присоединением России к Континентальной системе ⁵. Россия и Британия официально находились в 1807—1812 гг. в состоянии войны, хотя никаких боевых действий не происходило; наиболее серьезной потерей было то, что Россия лишилась части своих торговых доходов.

Вступление России в Континентальную систему активизировало антифранцузски настроенные круги, что объяснялось как экономическими, так и политическими причинами. Уменьшение торговли снизило доходы аристократии и купечества; в высших кругах Москвы и Петербурга усилилось неприятие блокады из-за повысившихся в 1802—1811 гг. примерно втрое цен на импортируемые предметы роскоши, такие, как кофе и сахар ⁶. Торговля с Францией не компенсировала этого сокращения, ее объем после 1811 г. даже упал. Антифранцузские настроения усугублялись в дальнейшем тем, что Наполеон в нарушение собственной системы допускал выдачу специальных лицензий на торговлю с неприятелем, что вызывало неприятие царским правительством установленных Наполеоном ограничений на перевозку английских товаров нейтральными судами.

В декабре 1810 г. Россия, наконец, вышла из Континентальной системы, после чего англо-русская торговля и обслуживание британского экспорта нейтральными судами были восстановлены. Разрыв с Континентальной системой ухудшил и без того напряженные франко-русские отношения, уже обостренные союзником Франции — герцогством Варшавским, французскими интригами на Балканах и в Константинополе, а также противоречиями интересов на Ближнем Востоке ⁷. Все эти и другие факторы привели к вторжению Наполеона в Россию в 1812 году.

Наиболее рьяным сторонником союза с Францией был Н. П. Румянцев, министр коммерции (1804—1810 гг.) и министр иностранных дел (1807—1814 гг.), сын известного екатерининского генерала П. А. Румянцева. В период управления Румянцева обоими министерствами торговля и внешняя политика были неразрывно связаны воедино, и эта связь выражалась в его внимании к экономическим аспектам внешней политики. Помимо сооружения каналов и других начинаний, которые вели к улучшению внутренней торговли, Румянцев содействовал развитию торговли как орудия экспансии, поддержав экспедицию Крузенштерна — Резанова в Японию и освоение Северной Америки Российско-Американской компанией. Конечной целью его честолюбивых устремлений было превратить Россию в торговый мост, соединяющий Европу и Азию, распространив русское влияние на Средний Восток, Центральную Азию и Индию ⁸.

Интересы торговой и внешней политики совместились, когда Румянцев энергично выступил за сотрудничество России с Францией. Описывая деятельность Румянцева в качестве министра иностранных дел, П. Гримстед утверждает, что «никто в империи не подходил лучше для важной роли — проведения политики союза с Францией; и никто, кроме самого императора, не сделал больше для действительного осуществления этой официальной политики». Румянцев одобрял Континентальную систему прежде всего вследствие недовольства господством Англии в русской морской торговле. Закрытие портов для британского экспорта должно было уменьшить зависимость от Англии и ускорить развитие собственного торгового флота России. Осознавая первоначальный урон коммерции, вызванный присоединением России к блокаде, Румянцев полагал, что компенсацией послужит увеличение торговли через европейские сухопутные границы ⁹. Однако министру хватило чувства реальности, чтобы оценить тяжесть экономичес-

ких последствий блокады; утратив веру в методы ведения Наполеоном торговой войны, он пересмотрел политический курс и убежденно выступил за выход России из Континентальной системы.

Румянцев был сторонником русско-французского союза не только из-за англофобии, но и потому, что исповедовал патриотизм и верил в имперскую миссию России. Он прославился широким покровительством исследованиям русских и славянских древностей и письменности, археологическим раскопкам; его коллекция редких книг и манускриптов послужила основой для изучения славянского мира¹⁰. Министр понимал задачи экспансии на Ближнем Востоке в духе Греческого проекта Екатерины Великой, то есть как защиту греческих и славянских православных христиан, живших под оттоманским владычеством; аннексию Молдавии и Валахии; противодействие британскому торговому господству в Восточном Средиземноморье, а в дальнейшем контроль России над Константинополем, Босфором и Дарданеллами.

Как отмечает Гримстед, «Румянцева в Тильзитском соглашении более всего привлекала видимая готовность Наполеона предоставить России свободу действий на Востоке»¹¹. В 1808 г. Румянцев вел с французским посланником в Петербурге Коленкурмом оживленные, но бесплодные переговоры о разделе Оттоманской империи, настаивая, чтобы доля России включала Стамбул и проливы¹². Наполеон же, державший Дарданеллы в поле зрения, на это не соглашался, и франко-русский союз еще более ослаб.

Свои восточные проекты Румянцев проводил в обстановке войны с Турцией 1806—1812 гг., начавшейся после того, как Порта сместила господарей в Дунайских княжествах,— без предварительной консультации с Россией, в нарушение Кючук-Кайнарджийского (1774 г.) и Ясского (1792 г.) договоров. Конфликт развивался на Балканах и Западном Кавказе и продолжался шесть лет, но фактические военные действия прерывались периодами перемирия и безуспешных мирных переговоров. Франко-русская вражда и грозившее нападение со стороны Наполеона вынудили Александра I отказаться от претензий на Молдавию и Валахию и подписать Бухарестский договор (май 1812 г.), по которому Россия получала лишь часть Бессарабии¹³.

Поддержка торговли Румянцевым и его экспансионистская восточная политика повлияли на развитие вновь приобретенных Россией земель вдоль северного побережья Черного моря. Кючук-Кайнарджийский договор послужил вехой, обеспечившей России точку опоры и возможность торгового судоходства в Черном море, ранее являвшемся как бы турецким озером после того, как в конце XVI в. Порта закрыла Черное море для неоттоманских торговых судов. Южная граница Европейской России охватывала часть обширного региона Новороссии, включавшего Херсонскую, Таврическую и Екатеринославскую губернии. Обладая в изобилии плодородными землями, незамерзающими портами и стратегически выгодно расположенная, Новороссия обещала стать землей благоприятных экономических возможностей и базой для дальнейшего проникновения на Ближний Восток.

Наибольшей ценностью Новороссии была стремительно развивавшаяся Одесса, основанная в 1794 г., с ее просвещенным городским управлением, превратившим провинциальное захолустье в ведущий зерновой рынок Европы. Этнически пестрый город-космополит с оживленной культурной жизнью, Одесса была обязана своим развитием прежде всего герцогу Ришелье, генерал-губернатору Новороссии в 1803—1814 годах. При поддержке Румянцева А. Э. дю Плесси дюк де Ришелье благоустроил порт, создал карантин и складские помещения, основал кредитные и страховые учреждения, продолжил екатерининскую политику привлечения иностранных поселенцев из Италии, с Ионических островов, Балкан и островов Эгейского моря и содействовал получению Одессой статуса свободного порта в 1817 году¹⁴. Были заложены крепкие основы для торговой экспансии, и к 1850 г. Одесса стала вторым портом империи после Петербурга.

Усилия Румянцева и Ришелье принесли плоды в первые годы царст-

ования Александра, когда Новороссия переживала резкий подъем сельскохозяйственного производства и морской торговли. В 1801—1806 гг. Таганрог, Одесса, Николаев, Очаков, Херсон, Евпатория, Феодосия, Севастополь, Керчь, Мариуполь вели оживленную торговлю с Левантом. Русский экспорт преимущественно составляли пшеница, рожь, ячмень, овес, соль, икра, сало и железо; с Ближнего Востока ввозили кофе, табак, хлопчатобумажные ткани, вина, фрукты, шелк и благовония. Торговля России на Черном море составляла 5,5% всей русской морской торговли в 1802 г., 8,4% в 1803 г., 10,7% в 1804 г. и 12,9% в 1805 г., когда она превзошла долю заморской торговли России на Белом море ¹⁵.

В то время как морская торговля на севере из-за участия России в Континентальной блокаде стремительно сокращалась, в южных портах она продолжала расти. Эти тенденции подтверждаются составленными М. Ф. Злотниковым таблицами о суммарном объеме торгового оборота и коммерческих перевозок по Балтийскому, Белому и Черному морям. В 1808 г., например, в южные порты заходили 1614 судов — это больше, чем по обоим северным морям вместе взятым. В 1812 г. эта цифра достигла 2172 судов. Спад в развитии черноморского торгового судоходства в 1807 (115) и 1809 (337) годах приходится на периоды активных боевых действий между Россией и Турцией. За исключением этих двух лет Ришелье удавалось сохранять каналы русско-оттоманской торговли, несмотря на официальное состояние войны между двумя странами. О постоянном ее росте свидетельствуют также данные относительно стоимости вывезенных через Одессу товаров (кроме небольшого спада в 1812 г.): 1,8 млн рублей серебром в 1809 г., 3,1 млн в 1810 г., 7,7 млн в 1811 г., 5,9 млн в 1812 и 8,9 млн в 1813 году ¹⁶.

При Ришелье росло значение Одессы как пункта, где сосредоточивалась транзитная торговля Европы с Левантом. Товары из Европы попадали в Одессу по суше для отправки морем на Ближний Восток, а хлопчатобумажные ткани, кофе, чай и другие продукты из Леванта достигали Одессы, откуда их перевозили сухопутным путем до Бродов на австрийской границе для распространения в Центральной Европе ¹⁷. В качестве посредника между Европой и Ближним Востоком Одесса, таким образом, отчасти выполняла замысел Румянцева, которому Россия представлялась торговой осью, соединяющей Восток с Западом.

Развитию Одессы и южной России способствовали предприимчивые торговцы, которые воспользовались преимуществами просвещенной политики Ришелье. Греческие торговые поселения в Северном Причерноморье ведут свое начало от времен античности и Византии, и неудивительно, что ионические и оттоманские греки были среди тех, кто переселялся в торговые центры на Черном море, пополняя таким образом греческую диаспору в Киеве, Нежине, Астрахани, Москве и Петербурге. Торговля, как и религия и культура, связывала в послевизантийское время Россию с греческим Востоком; греко-русские связи приобрели коммерчески взаимовыгодный характер.

Не имея своего южного флота, Россия опиралась на греческих торговцев, судовладельцев и моряков, а русско-оттоманские соглашения, такие, как торговый договор 1783 г., разрешали греческим подданным султана плавать под русским флагом. Греки и до этого играли большую роль в оттоманском торговом флоте, а теперь судовладельцы с островов Эгейского моря могли шире развернуть свои торговые перевозки ¹⁸. Материалы Архива внешней политики России свидетельствуют о значительном греческом элементе в составе участников торговли как на русских, так и на оттоманских судах, курсировавших между Константинополем, Таганрогом, Одессой и другими гаванями Черного моря ¹⁹.

По Злотникову, из 2464 кораблей, прибывших в Таганрог в 1782—1807 гг., 1283 были русскими и 961 оттоманским. Согласно архивным данным, греки и итальянцы, вероятно, составляли значительное большинство команд на судах, направлявшихся в Таганрог. Греческий торговый и судоходный капитал во многих отношениях способствовал росту роли Одессы. Греки основывали фирмы, страховые компании и другие коммерческие

учреждения; участвовали в местном управлении и благотворительных организациях; они получали выгоду от обширных родственных контактов между партнерами, стратегически выгодно обосновавшимися на пересечении торговых путей, соединявших Черное море с Эгейским, Средиземноморьем и Южной Европой ²⁰.

Черноморская торговля, состояние которой влияло на жизнь Одессы и всей Новороссии, в 1809 г. оказалась перед лицом потенциального кризиса, когда по политическим причинам царское правительство попыталось ограничить нейтральное судоходство и перекрыть оттоманскую морскую торговлю. Обе эти меры вызвали испуг и протесты со стороны южных торговцев, портовой администрации и местного чиновничества во главе с Ришелье, все они составили аморфное черноморское лобби, которое обращалось с прошениями и в конечном счете убедило Румянцева отказаться от ограничений на торговлю.

Царский указ от 14 (26) мая 1809 г. установил строгие правила для нейтрального судоходства в России. Хотя Россия присоединилась к Континентальной системе, британские товары все еще доставлялись в порты Балтийского и Белого морей на нейтральных судах (преимущественно американских и датских), и в некоторых случаях на русских и британских. В указе утверждалось, что в то время, как Россия постоянно оберегала торговлю нейтральных государств в период военных действий, Англия теперь использует нейтральные суда для торговли на континенте. Русские порты, таким образом, должны были принимать строгие меры для предотвращения подобных нарушений франко-русской блокады. Как министр коммерции и иностранных дел, Румянцев являлся проводником и ревностным исполнителем этого указа.

Раздражение Румянцева английским господством в русской морской торговле усилилось из-за условий англо-оттоманского мира, подписанного в Дарданеллах, которым восстанавливались торговые привилегии Англии на территории Оттоманской империи. Англо-оттоманское соглашение и захват Британией Ионических островов, принадлежавших Франции, укрепили установленную прежде всего в Средиземноморье морскую блокаду французского ввоза. В то время как основная часть британской легальной, а после 1807 г. нелегальной торговли с Россией велась в северных портах, усиление английских позиций на Средиземноморье в перспективе влияло на коммерческие перевозки по Черному морю. Наем Левантийской компанией итальянских и греческих судов для доставки британских товаров в южные русские порты представлял собой еще одно нарушение Континентальной системы, не говоря уже о небрежном соблюдении блокады самой Россией.

С этого момента, согласно указу от 14 мая 1809 г., капитаны нейтральных торговых судов обязаны были по прибытии в порт представить документы, удостоверяющие нейтральный статус их кораблей и грузов ²¹. Каждый корабль должен был иметь надлежащие бумаги, удостоверяющие права собственности, подданство, происхождение груза, торговый маршрут в Россию, а также вахтенный журнал и список команды. Суда, плававшие под нейтральным датским или американским флагом, должны были доказать, что соответствующее правительство действительно дало разрешение на использование своего флага. Несоблюдение этих формальностей грозило наказанием, не говоря уже о коммерческом ущербе и для импортера и для экспортера.

При отсутствии какого-либо из документов судно высылалось из порта без разгрузки своих товаров. В случае, если паспорт оказывался подложным, сфабрикованным или вообще в нем обнаруживались какие-либо подделки, корабль и груз конфисковывались, а капитан нес ответственность за подлог. Конфискация судна и груза могла произойти и при следующих обстоятельствах: если капитан и более трех матросов являлись подданными враждебного государства, если судно было построено в неприятельской стране, а законный переход его к нейтральному государству не мог быть документально доказан, или если больше половины груза было обязано

своим происхождением неприятельскому государству или его колониям. Если только часть груза была получена из враждебного государства, то корабль мог быть задержан и товары публично проданы, при этом доходы от такой продажи шли в местную казну.

Указом от 18 (30) июня 1809 г. устанавливались способы применения новых правил ведения нейтральной торговли. Были созданы две правительственные комиссии по судоходству, одна в Петербурге для надзора за балтийскими портами, а другая в Архангельске — для Белого моря. Инспекция нейтральной торговли в Черном и Азовском морях возлагалась на коммерческие суды в Одессе и Таганроге — городские учреждения, по составу преимущественно из местных купцов, разбиравшие тяжбы, связанные с торговлей²². До конца 1810 г., когда Россия вышла из Континентальной системы и отменила большинство ограничений, указ от 14 мая применялся в северных портах, где Англия вела большую часть своей незаконной торговли и где государственные комиссии по судоходству состояли под ближайшим наблюдением Румянцева.

По ряду причин в портах Черного и Азовского морей указ этот соблюдался не слишком строго, что объясняет многое в русско-оттоманской торговле и в целом отношении России к Восточному вопросу. В дальнейшем применение основных положений указа от 14 мая в черноморской торговле породило проблемы, в частности, связанные с определением точного значения терминов «неприятельское государство» и «вражеская территория» в связи с войной против Турции и официально объявленным состоянием войны с Британией.

21 мая (2 июня) 1809 г. Александр I одобрил доклад Румянцева «О турецких купеческих кораблях», подтвердив запрет на использование Англией нейтральных судов. Доклад Румянцева был ответом на записку, полученную министром коммерции в конце апреля от адмирала И. И. Траверса, командовавшего Черноморским флотом. Ввиду приостановки мирных переговоров с Турцией и возобновления военных действий на Балканах и Западном Кавказе, Траверс требовал полномочий задерживать оттоманские торговые суда, прибывавшие в Евпаторию и другие крымские порты. Румянцев ссылался на записку Траверса, в особенности на опасения командующего, что торговлей могут прикрываться политические замыслы, такие как сбор информации о русском флоте или возбуждение недовольства среди крымских татар.

Используя термин «турецкие купеческие корабли», Румянцев, вероятно всего, имел в виду суда, которые ходили под оттоманским флагом, независимо от того, являлись ли они собственностью турок, греков, итальянцев, армян; все они были подданными султана, могли на законном основании плавать под оттоманским флагом. По этой причине имеет смысл и исторически более точно при изложении доклада Румянцева пользоваться словом «оттоманский», а не «турецкий».

Министр коммерции рекомендовал впредь не разрешать оттоманским судам заходить в порты Черного и Азовского морей; его «рекомендация основывалась как на политических взглядах адмирала Траверса, так и на желании не позволить англичанам привозить товары в эти порты и снабжаться нашими продуктами». «Ввиду наших нынешних отношений с Оттоманской Портой», продолжал Румянцев, «если мы пустим турецкие [оттоманские] торговые суда в наши порты, то англичане, без сомнения, найдут способ под турецким [оттоманским] флагом торговать своими товарами в России вопреки политической и торговой системе, которую мы приняли». Использование оттоманских судов Англией в целях своего экспорта было на самом деле вполне вероятно, если учесть, что англо-оттоманское соглашение 1809 г., восстановив английские торговые права, создавало таким образом благоприятные условия для того, чтобы Левантская компания возобновила плавание в Черном море.

После того как царь одобрил доклад Румянцева, оттоманским судам было официально запрещено входить в русские порты на Черном и Азовском морях. Запрет приветствовал адмирал Траверс в его записке от 28 июня

(10 июля) 1809 г. морскому министру адмиралу П. В. Чичагову, излагающей различные причины, в силу которых необходимо задерживать оттоманские корабли, оказавшиеся в Таганроге и других южных гаванях. Прежде всего Траверс подтвердил, что по крайней мере часть оттоманских судов, находившихся в русских водах, если они возвратятся в Оттоманскую империю, могла использоваться для шпионажа и получения точных сведений о морском флоте России. Адмирал не упомянул, были ли на этих кораблях капитанами греки, армяне или турки, или кто-либо еще, являвшиеся оттоманскими подданными. Но, по-видимому, он не имел в виду греческие суда. «Так как большинство этих (оттоманских) кораблей укомплектовано греками и является собственностью греков, которые в целом страдают под варварским игом деспотичного правительства, ищут защиты у нашего августейшего монарха и не желают ничего иного, как быть его подданными, то, может быть, принимая во внимание такие обстоятельства, эти люди заслуживают некоторого снисхождения, милости и защиты от государя императора, так как они являются постоянными жертвами мусульманской жестокости из-за своей приверженности России в стране, где их единоверие с нами не терпят»²³. В целях защиты православных единоверцев на Балканах Траверс предложил принять меры, которые он не перечислял подробно, для обеспечения безопасности греческих судов, заходящих в русские воды во время войны.

Помимо грекофильства и опасений шпионажа, Траверс ссылался и еще на одну причину для задержания оттоманских кораблей. Русские войска только что захватили оттоманскую крепость Анапу, которая вместе с окрестностями нуждалась в снабжении. Траверс распорядился отправить в этот район соль и другое продовольствие, надеясь приобрести поддержку со стороны местных жителей против Турции и использовать Анапу как центр торговли с удаленными от побережья кубанскими землями и как базу для военных операций против Мингрелии и Черкесии²⁴. Хотя в докладе Траверса нет подробностей о том, как эти запасы доставлялись в Анапу, тут вполне могли пригодиться задержанные оттоманские корабли. Главнокомандующий Черноморским флотом, таким образом, имел военно-морские и стратегические основания поддержать эмбарго, наложенное Румянцевым на торговый транспорт Оттоманской империи, основания, которыми экспансионисты часто оправдывали опеку со стороны России оттоманских греко-христиан.

Купцам в черноморских городах приходилось преодолевать подрыв торговли, вызванный запретом Румянцева и указом от 14 мая. Один из таких протестов, подписанный купцом Антоном Чигаллой, был подан Румянцеву 9 (21) июля 1809 г. через таганрогского градоначальника Б. Б. Кампенгаузена или новороссийского генерал-губернатора Ришелье. Обращаясь от имени всех таганрогских купцов первой гильдии, Чигалла ходатайствовал о вмешательстве Румянцева и защите интересов русской торговли в Эгейском море и с Левантом. В прошении отмечалось, что в 1808 г., когда таганрогская внешняя торговля развивалась беспрепятственно, местные купцы вели выгодный импортно-экспортный обмен, соблюдая запрет на английские товары. Возобновление русско-оттоманских военных действий после неудавшихся мирных переговоров, а более всего запрет оттоманского судоходства угрожали теперь подорвать торговлю с восточным Средиземноморьем.

По утверждению Чигаллы, купечество финансировало те корабли, которые отправлены в Левант в начале весны 1809 года. В большинстве они «находятся сейчас в Константинополе, готовые вернуться... но из-за разрыва русско-оттоманских отношений они задержаны вместе со своими грузами». Некоторые из них сумели ускользнуть, подняв флаги нейтральных государств. Под этими флагами они и пришли в Таганрог и разгрузили товары, которые по праву принадлежали «российскоподданным». Корабли, прибывшие из Стамбула, вместе с транспортами, зимовавшими в Таганроге, приняли затем грузы для доставки в Левант. Для безопасного прохода капитаны судов воспользовались флагами третьих стран, ожидая, что пра-

вительство султана будет следовать своей обычной практике невмешательства в нейтральное судоходство.

Чигалла подчеркивал, что «российскоподданные купцы» первой гильдии особенно тяжело пострадали от неожиданного поворота дел, вызванного русско-турецкими военными действиями. Корабли, отправленные из Таганрога под русским флагами, осматривались и даже захватывались оттоманскими чиновниками вместе с грузами, принадлежавшими царским подданным. Чигалла и его партнеры были тем более обеспокоены, что из-за майских запретов нельзя было бы возвратиться не только их собственным судам, плававшим под русским флагом, но также и нейтральным кораблям с товарами, уже оплаченными купцами; находясь в данный момент на пути в Таганрог, они не были извещены о нововведенных ограничениях и, таким образом, по прибытии не смогли бы представить требуемых судовых и погрузочных документов.

Приведенные Чигаллой различные объяснения того, почему правительственные ограничения не требовались Таганрогу, применимы и к другим южным портам и проясняют картину черноморского судоходства. Основную массу грузов на Таганрог составляли товары из Эгейского моря, а не британский экспорт. Фактически ни один из кораблей или грузов, прошедших досмотр в местном порту, не были замешаны ни в чем противозаконном, не говоря уже о доставке товаров из Англии. Большинство кораблей, занятых в этой торговле, принадлежало ионическим грекам, прочие же — русскому торговому флоту, и лишь были вынуждены плавать под нейтральными флагами из-за русско-турецкого конфликта.

Капитаны и матросы на этих русских судах в большинстве — греки, которые «по единоверию и истинной приверженности их чувствуют и действуют, как если бы они были самые верноподданные Всероссийской державы». Верность греков царю усиливалась «узами родства с теми членами их семей, которые уже осели на русских землях». Далее из прошения видно (и это подтверждается архивными материалами), что некоторые из греков не сумели представить требуемые бумаги потому, что они не умели читать или писать, — наблюдение, на которое ссылался Чигалла, объясняя, почему многие оттоманские капитаны не имели обычая держать при себе надлежащие документы.

Эти обстоятельства, как и собственные торговые интересы таганрогских купцов, делали майский указ и ненужным и экономически вредным. Чигалла умолял Румянцева, «защитника и покровителя торговли и купцов, являющихся верноподданными», ходатайствовать перед царем с тем, чтобы спасти членов гильдии от разорения. К царю было обращено прошение разрешить задержанным в Таганроге судам отплыть за границу со своими грузами и позволить грузовым судам из Эгейского моря беспрепятственно заходить в порт. Одесские купцы, как и их таганрогские конкуренты, ходатайствовали об изменении майского указа и запретов.

Одесский торговый суд в целях проведения указа в жизнь подал 14 (26) августа 1809 г. прошение генерал-губернатору Ришелье о разъяснении выражения «враждебное государство». В связи с возобновившимися военными действиями одесские купцы хотели выяснить, подпадают ли под эмбарго товары из Оттоманской империи. Если да, то этот запрет нанес бы тяжелый удар по одесской торговле, так как в южные порты прибывали товары преимущественно из азиатских владений султана; речь шла об обширной транзитной торговле Одессы с Левантом во время Континентальной системы. Торговый суд обратился также к рассмотрению вопроса о нейтральных кораблях, установив, что по сути дела все такие суда, прибывшие в черноморские порты, были собственностью купцов, использовавших нейтральные флаги для безопасного прохода через оттоманские воды. В интересах беспрепятственного нейтрального судоходства у себя в порту, не говоря уже о выгодах и интересах собственного дела, одесские купцы обратились к Ришелье и через него к Румянцеву с просьбой отменить майский указ и санкционировать проход оттоманского торгового транспорта²⁵.

В конце сентября 1809 г. царь разрешил Румянцеву снять запрет. Как

отмечалось в таганрогском прошении, многие оттоманские суда были собственностью греков и использовались ими, они имели деловые, семейные и т. п. связи с греческими общинами, обосновавшимися на побережье Черного и Азовского морей. Из 26 кораблей, посетивших Феодосию в 1809 г., 18 пришли под оттоманским флагом, но плавали на них и владели ими греки. Ришелье продолжал поддерживать одесскую торговлю в 1809 г., разрешив судам из Стамбула разгрузить товары общей стоимостью от 800 тыс. до 1 млн руб. серебром²⁶. В более широком плане правительственная политика со времен Екатерины II поощряла участие греков в русском торговом флоте, черноморской торговле и вообще экономическом развитии Новороссии. Эти государственные заботы, неразрывно связанные с южной торговлей и царской стратегией в Восточном вопросе, оказались в опасности из-за блокадных ограничений.

Всепогоднейшим докладом от 22 сентября (4 октября) 1809 г. «О дозволении грекам торговать в Черном море» Румянцев предлагал отменить запреты, касавшиеся оттоманских кораблей. Министр коммерции сослался на мнение Ришелье о том, что многие из подвергнутых запрету «турецких» кораблей принадлежали грекам, которые под видом торговли с Румелией и Анатолией втайне от оттоманских чиновников заходили в русские порты с надежной информацией о торговых и военно-морских делах в восточном Средиземноморье. Учитывалось также прошение одесских купцов, торговавших с Константинополем. Поддерживая эти ходатайства, Румянцев отступил от своей прежней позиции, объясняя это тем, что правительство в течение долгого времени принимало меры «к приласканию греков»²⁷. Эти меры включали религиозную защиту, предоставление безопасных гаваней для вспомогательных судов, участвовавших в турецких войнах России, создание благоприятных возможностей для экономического процветания и социального развития греческой диаспоры в России и поддержку Россией планов освобождения Балкан под эгидой царя.

Румянцев, проводивший в своей деятельности идею об имперской миссии России на Ближнем Востоке и поддерживавший и насаждавший греко-русские культурные связи, и уже потому филэллин, теперь предлагал обеспечить беспрепятственный проход оттоманских кораблей, принадлежащих грекам, в русские порты и обратно. Единственное ограничение касалось торговли английскими товарами, все еще официально запрещенными из-за соблюдения Россией условий Континентальной системы. Румянцев предлагал дать указание местным властям придерживаться видоизмененных правил и следить, чтобы ни при каких обстоятельствах экспорт, доставленный из Стамбула, не являлся бы по происхождению английским или колониальным. Греческие торговцы должны были обещать, что русский экспорт не попадет к англичанам. Впредь в случае нарушения виновные лишались бы царской милости во всех торговых предприятиях. После того, как Комитет министров одобрил доклад Румянцева, царь дал согласие, чтобы греческие корабли беспрепятственно торговали в южных портах — при условии, что не английскими товарами.

Изменение политики выразилось в указе от 1 (13) октября 1809 г., отменявшем майские правила о нейтральном судоходстве²⁸. По существу главной целью октябрьского указа было создать условия для продолжения торговли между Россией и Турцией. Майский указ, если бы он строго применялся в Новороссии, сорвал бы русско-оттоманскую коммерцию; теперь же местной администрации было дано указание разрешить приход и отплытие оттоманских судов, включая те, которые следуют из Синопа и Трапезунда, т. е. стратегически выгодно расположенных черноморских портов в Северной Анатолии.

Задержанные было суда освобождались. В августе 1809 г. под датским флагом в Таганрог прибыл греческий корабль «Клеопатра», груженный коринкой, инжиром и табаком. Таганрогский торговый суд, изучив корабельные и грузовые документы, обнаружил, что судно это не датское, а оттоманское и что 13 из 14 человек команды были оттоманские подданные. В соответствии с предписаниями майского указа все было конфискова-

но, но октябрьский указ освободил «Клеопатру» и другие подобные суда. С октября 1809 г. оттоманские и нейтральные грузовые суда прибывали в южные порты России и разгружались, не предъявляя полагавшихся документов, которых многие, возможно, и не имели на борту, если верить наблюдениям Чигаллы²⁹. В мае 1810 г. Коленкур пожаловался на это Румянцеву и настаивал, чтобы в черноморские порты допускались лишь французские и итальянские суда и только на основании бумаг, выданных французскими чиновниками. Румянцев отверг это домогательство, заявив, что закрыть русские порты для греческих транспортов невозможно³⁰.

В российские воды заходило все больше греческих кораблей: 108 в 1810 г., 817 — в 1812 году. Среди числившихся русскими кораблей (98 в 1810 г., 609 в 1812 г.) некоторые были с греческими командами, так как в южнорусском торговом флоте греки играли большую роль. Хотя военные действия затронули русско-оттоманскую торговлю, совершенно ясно, что это влияние не было столь тяжелым, как опасались просители. Одесский экспорт возрос в 1806—1812 гг. с 823 тыс. до 5855 тысяч руб. серебром³¹. Ришелье, конечно, усилил свою поддержку южной торговли, когда был отменен запрет на оттоманские суда и когда Россия вышла из Континентальной блокады. Эта страница в истории черноморской торговли России интересна тем, что дает представление о коммерческих и политических расчетах Румянцева, связанных с Восточным вопросом.

29 марта (10 апреля) 1810 г. Румянцев получил доклад феодосийского военного губернатора А. Ф. Клокачева с просьбой разъяснить инструкции об освобождении задержанных оттоманских кораблей. Клокачев, очевидно, отзываясь на октябрьский указ, соглашался с министром коммерции в том, что многие в Анатолии смотрели на себя скорее как на подневольных подданных султана, а не верных граждан Оттоманского государства. Угнетенные Портой, эти жители Анатолии — явно не мусульмане и не турки — испытывали чувство привязанности к России и поэтому им следует разрешить вернуться в города, где бы они восхваляли царскую милость, проявленную по отношению к греческим единоверцам, и побуждали своих соседей-анатолийцев к выступлениям против оттоманского владычества. Возвратившиеся же жители, случалось, отказывались служить в войсках, посылаемых на Балканы или на Западный Кавказ, заявляя, что анатолийские греки не считают себя в состоянии войны с Россией и никогда не помышляют об этом.

Местные феодосийские купцы, по сообщению Клокачева, выражали озабоченность тем, что Черноморский флот получил указание адмирала Траверса захватывать как военную добычу оттоманские суда с северного анатолийского побережья, за исключением кораблей, имеющих греческую команду. Такая мера повредила бы местной торговле, потому что купцы в Феодосии и других крымских портах ожидали прибытия этих кораблей, независимо от того, была у них греческая или турецкая команда. По словам купцов, оттоманские чиновники могут в качестве ответной меры запретить греческим судам идти в Россию и отобрать их грузы — за захват русским флотом оттоманских турецких капитанов, матросов и принадлежащей им собственности.

Таким образом, феодосийские купцы и анатолийские греки оказались в одинаково затруднительном положении: на них не распространились бы положительные стороны октябрьского указа, разрешившего неограниченную торговлю в Черном и Азовском морях, и вследствие этого им грозили серьезные убытки. Клокачев сочувствовал этому ходатайству купцов и выражал надежду, что Румянцев сочтет его «не лишенным оснований» и вмешается. В заключение озабоченный феодосийский военный губернатор утверждал, что, поскольку торговля с северноанатолийским побережьем составляет главный источник товаров для Феодосии, повреждение этой торговой артерии нанесет тяжелый урон местному хозяйству и «задержит преуспеяние города, на строительство которого мудрое правительство не жалело никаких средств»³².

Решение Румянцева по докладу Клокачева и приложенному к нему

прошению ясно из представления министра коммерции «О свободном плавании анатолийских судов», одобренного Комитетом министров в мае 1810 года. Чтобы достичь своей цели — свободного прохода русских и оттоманских судов в Черном море, Румянцев предлагал, чтобы в Синоп и Трапезунд были направлены доверенные лица для обсуждения этого вопроса с оттоманскими чиновниками. В меморандуме особенно примечательно использование Румянцевым термина «анатолийский» при описании видов на будущее, связанных с торговлей Синопа и Трапезунда, портов, выгодно расположенных вдоль черноморской южной прибрежной полосы и коммерчески связанных с такими анатолийскими городами, как Амазия, Токат и прежде всего Эрзерум — важная пограничная крепость в верховьях Евфрата, ключевой пункт на караванных путях из Анатолии в Персию и Индию. До завоевания турками Синоп и особенно Трапезунд входили в число ведущих мировых центров торговли и находились в фокусе контактов эллинской и византийской цивилизаций.

То, что торговля тесно переплеталась с политической стратегией в воззрениях Румянцева на миссию России на Ближнем Востоке, видно по тому, как выделял он политическую роль русских консулов в северной Анатолии. Наряду с контролем за соблюдением русско-оттоманских торговых соглашений и содействием русским торговым сделкам, вновь назначенным консулам в Синопе и Трапезунде надлежало оказывать необходимую помощь «народным волнениям» против оттоманского владычества. Консулы в Анатолии должны были не только докладывать Министерству иностранных дел о местных условиях. Им следовало также стремиться разжигать беспорядки, подрывающие султанскую власть изнутри, ибо, как отмечалось в докладе Румянцева, «самой важной целью» русско-оттоманских торговых сношений в период войны было «заполучить доверие анатолийских жителей, чтобы ослабить неприятеля»³³.

Записка Румянцева об анатолийской торговле на Черном море лишь частично отражала его взгляды на взаимосвязь торговых и политических задач России на Востоке. Последующие усилия России по торговому и политическому проникновению на оттоманский Восток были пронизаны идеями Румянцева³⁴; консульские чиновники на всей территории Оттоманской империи руководствовались стратегическими целями царизма, скрытыми под идеологией православия, оказывая, согласно Кючук-Кайнарджийскому договору, защиту православным христианам и опираясь на статью договора о свободе совести для расширения русского влияния³⁵.

Благожелательная реакция Румянцева на прошения купцов и на просьбы провинциальной администрации говорит о чувствительности самодержавия к делам, затрагивавшим экономическое и торговое развитие стратегически важного Юга России. Отказ России выполнять наложенные Наполеоном ограничения ускорил более последовательный разрыв с Континентальной системой в декабре 1810 года.

Оттоманские и русские греки играли выдающуюся роль в ближневосточной морской торговле; русская торговля на Черном, Эгейском морях и в Средиземноморье создавала лишнюю возможность для совмещения русских государственных и греческих интересов. Эллы-моряки и отправители грузов составляли костяк южного торгового флота России, которая манила их как то прибежище, где оттоманские греки могли свободно исполнять обряды православной веры, расширять свои торговые связи, основывать школы, издавать книги и участвовать в различных отраслях государственной службы. Греки из России также способствовали греческому национальному возрождению, включая и тайное общество Филики Этерия, основанное в Одессе, которое подготовило греческие восстание 1821 г. против оттоманского владычества.

Румянцев, занимавший исключительное положение главы ведомств коммерции и иностранных дел, столкнулся с нелегкой задачей: необходимостью вести военные действия с неприятелем — Оттоманской империей, уравновешивая военное противостояние и коммерческую выгоду, что характеризовало всю царскую стратегию по отношению к Порте на протяжении

большей части XIX века. Решение Румянцева поддерживать русско-оттоманскую торговлю во время войны показывает не только его заботу о росте и развитии Одессы и южной торговли, но также и растущее осознание экономических аспектов Восточного вопроса. Гримстед выдвигает на первый план политические, военные и стратегические факторы во внешней политике Александра I, в противовес экономическим³⁶, но поддержка царя в вопросе об отмене майского указа и запрета на судоходство для оттоманских судов говорит о том, что в этом особом случае экономические вопросы имели ключевое значение при принятии внешнеполитических решений, связанных со Средиземноморьем.

Трения, порожденные участием России в Континентальной системе и продолжением торговли в Черном море, наглядно показывают, с каким трудом балансировал царизм, примиряя свои общегосударственные обязательства и конкретные российские интересы на Ближнем Востоке. По сути дела с наступлением каждого из восточных кризисов XIX в. (1821, 1853—1855, 1877—1878 гг.) правительство пыталось найти устойчивое положение, поддерживая европейский баланс сил и преследуя свои цели на Востоке. Достижимый в результате компромисс между общеевропейскими и собственно русскими интересами был всегда проблематичен и постоянно подвергался общественной критике, так как Ближний Восток включал греческие и славянские земли, неразрывно связанные с Россией религией, культурой, торговлей и исторической памятью.

Примечания

1. О взаимном применении блокады Францией и Англией имеются исследования: CROUZET F. L'Economie britannique et le blokus continental, 1806—1813; 2 tt. P. 1958; HECKSCHER E. F. The Continental System. Gloucester, Mass. 1964; MELVIN F. Napoleon's Navigation System. N. Y. 1970; ELLIS G. Napoleon's Continental Blockade. Oxford. 1981.
2. MACKESY P. The War in the Mediterranean, 1803—1810. Cambridge, Mass. 1957; The Middle East and North Africa in World Politics. 3 vols. New Haven. 1975.
3. WOOD C. A. History of the Levant Company. Lnd. 1964, p. 187—192; PURYEAR V. J. Napoleon and the Dardanelles. Berkeley. 1951.
4. М. Ф. Злотников, умерший во время ленинградской блокады, детально изучил влияние, которое оказала блокада на русскую торговлю, финансы и промышленность, привел многочисленные статистические данные о русской сухопутной и морской торговле во время всей наполеоновской эпохи. См.: ЗЛОТНИКОВ М. Ф. Континентальная блокада и Россия. М. 1966. См. также: ТАРЛЕ Е. В. Континентальная блокада. М. 1913, с. 464—505. СИРОТКИН В. Г. Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801—1812 гг. М. 1966, с. 134—162.
5. ЗЛОТНИКОВ М. Ф. Ук. соч., с. 290—295. Об англо-русской торговле до Тильзита см.: READING D. K. The Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734. New Haven. 1938; KAHAN A. The Plow, the Hammer, and the Knout. Chicago. 1985, p. 163—170, 197—210.
6. HARTLEY J. M. Alexander I. Lnd. 1994, p. 104—105.
7. PURYEAR V. J. Op. cit.; ANDERSON M. S. The Eastern Question, 1774—1923. Lnd. 1966; SAUL N. Russia and the Mediterranean, 1797—1807. Chicago. 1970; Восточный вопрос во внешней политике России. М. 1978, с. 48—77; RAGSDALE H. Detente in the Napoleonic Era. Lawrence, Kan. 1980.
8. О деятельности Румянцева как министра коммерции см.: ЗЛОТНИКОВ М. Ф. Ук. соч., с. 76—83, 47—48, 114—117; BLACKWELL W. L. The Beginnings of Russian Industrialisation, 1800—1860. Princeton. 1968, p. 128—130. О его деятельности на посту министра иностранных дел см.: GRIMSTED P. The Foreign Ministers of Alexander I. Berkeley. 1969, p. 167—193.
9. GRIMSTED P. Op. cit., p. 168; Внешняя политика России XIX и начала XX века (ВПИ). Т. 4. М. 1970, с. 114—115.
10. ИКОННИКОВ В. С. Опыт русской историографии. Т. 1. Киев. 1891, с. 132—243; т. 2. Киев. 1908, с. 841—882. КОЗЛОВ В. П. Колумбы российских древностей. М. 1981.
11. GRIMSTED P. Op. cit., p. 172. О «Греческом проекте» см.: RAGSDALE H. Russian Projects of Conquest in the Eighteen Century. In: Imperial Russian Foreign Policy. Washington D. C.

- 1993, p. 82—102; *idem*. Evaluating the Traditions of Russian Aggression.— *Slavonic and East European Review*, 66 (1988).
12. PURYEAR V. J. *Op. cit.*, p. 275—305; *Восточный вопрос*, с. 71—77.
 13. *The Middle East and North Africa*, p. 92—101, 105—109, 193—197; ДОСТЯН И. С. *Россия и Балканский вопрос*. М. 1972, с. 42—79; *Восточный вопрос*, с. 71—77.
 14. HERLIHY P. *Odessa: A History, 1794—1914*. Cambridge, Mass. 1986, p. 21—48. В отчете Румянцева от 17 (29) октября 1810 г. по Министерству коммерции упомянуто несколько шагов, предпринятых Ришелье с целью поддержать торговлю в Одессе, Феодосии и Евпатории и встретивших одобрение со стороны Румянцева (ВПР. Т. 5, с. 561—563).
 15. HERLIHY P. *Op. cit.*, p. 6—20; PARKER W. H. *An Historical Geography of Russia*. Lnd. 1968, p. 183—187; BLACKWELL W. L. *Op. cit.*; ЗЛОТНИКОВ М. Ф. *Ук. соч.*, с. 14—19; СТАНИСЛАВСКАЯ А. М. *Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807)*. М. 1962, с. 30—31; МИРОНОВ Б. Н. *Экспорт русского хлеба во второй половине XVIII — начале XIX в.*— *Исторические записки*, 1979, т. 93, с. 164—165.
 16. ЗЛОТНИКОВ М. Ф. *Ук. соч.*, с. 39—40; HERLIHY P. *Op. cit.*, p. 39—40.
 17. ЗЛОТНИКОВ М. Ф. *Ук. соч.*, с. 330—323; ELLIS G. *Op. cit.*
 18. STOIANOVICH T. *The Conquering Balkan Orthodox Merchant*.— *Journal of Economic History*, vol. 20, 1960, p. 288—290; KREMMYDAS V. *Elliniki nautilia, 1766—1835, 2 vols: Athens. 1985—1986. Vol. 1, p. 57—92; ШЕРЕМЕТ В. И. Русско-турецкая торговля и балканские земли (конец XVIII — первая половина XIX в.)*. В кн.: *Балканские исследования*. Вып. 9. М. 1984, с. 76—78; *Материалы к истории русско-греческих связей*. Там же. Вып. 8. М. 1982, с. 67—86; *К истории русско-турецкой торговли в конце XVIII — начале XIX в.* Там же; ЕФИМОВ Г. В. *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Л. 1968, с. 136—147.
 19. *Архив внешней политики России (АВПР)*, ф. 161 11—3, оп. 34, 1802 г., д. 1, л. 1—85, д. 4, л. 1—11. Судя по количеству кораблей, прибывавших и покидавших порты, Таганрог уступил Одессе роль главного южного порта России к 1803 году.
 20. ЗЛОТНИКОВ М. Ф. *Ук. соч.*, с. 17—18; HERLIHY P. *Op. cit.*, p. 28—29, 127—129; *eadem*. *Greek Merchants in Odessa in the Nineteenth Century*.— *Harvard Ukrainian Studies*, vol. 3/4, 1979—1980; KARIDIS V. *A Greek Mercantile paroikia: Odessa, 1774—1829*. In: *Balkan Society in the Age of Greek Independence*. Totowa, N. J. 1981, p. 111—136.
 21. *Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ)*, 1-е. Т. 30, № 23646; ВПР. Т. 5, с. 57.
 22. ПСЗ. Т. 30, № 23710; ЗЛОТНИКОВ М. Ф. *Ук. соч.*, с. 155—160, 172.
 23. ВПР. Т. 5, с. 60, 94—96.
 24. Черкесией именовалась в XIX в. территория между Черным морем, р. Кубанью и Кавказом. Крепость Анапа и другие приобретения царизма на Западном Кавказе были возвращены Порте по Бухарестскому договору в 1812 году.
 25. ВПР. Т. 5. с. 104—106, 162—163.
 26. ЗЛОТНИКОВ М. Ф. *Ук. соч.*, с. 254—255.
 27. ВПР. Т. 5, с. 236—237.
 28. Указ от 1 октября 1809 г. кратко изложен: там же, с. 245.
 29. ЗЛОТНИКОВ М. Ф. *Ук. соч.*, с. 255—256.
 30. ВПР. Т. 5, с. 443.
 31. ЗЛОТНИКОВ М. Ф. *Ук. соч.*, с. 296—297.
 32. ВПР. Т. 5, с. 409—410.
 33. АВПР, ф. 161 11—3, оп. 34, 1810 г., д. 1, л. 1—51; ВПР. Т. 5, с. 449—450.
 34. АВПР, ф. 161 11—3, оп. 34, 1816 г., д. 2, л. 1—7. Записка о торговле между Азией и Европой через Смирну была составлена русским консулом в Хиосе Н. Милонасом. Греков назначали на многие русские консульские посты в Османской империи благодаря их знанию греческого и турецкого языков и знакомству с жизнью османского общества. Консульские доклады, авторами которых были греки,— важный источник для изучения социальных, экономических и политических условий жизни на Ближнем Востоке.
 35. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 250, д. 21, л. 1—17. Записка С. Ю. Дестуниса «О необходимости принятия мер к расширению российской протекции над христианами — турецкими подданными в Турции».
 36. GRIMSTED P. *The Foreign Ministers*, p. 8—11, 43—44.

Эдуар Балладюр

М. Ц. Арзаканян

Имя Эдуара Балладюра вошло в историю современной Франции совершенно неожиданно. Почти два года он был самым популярным французским политиком. Пожалуй, ни один из премьер-министров V республики не пользовался таким доверием сограждан. Каким же был его путь к высшим эшелонам власти?

Эдуар Балладюр родился 2 мая 1929 г. в г. Смирна (современный Измир) в Турции на берегу Эгейского моря. Его предки уехали туда из Франции еще в конце XVIII в. и занялись там коммерцией и финансовым делом. Французская община Смирны, насчитывающая в начале XX в. всего 2,5 тыс. человек, жила своей, достаточно замкнутой жизнью. Семья Балладюров была одной из самых известных и обеспеченных. Отец будущего политика возглавлял оттоманское отделение банка. Эдуар и его старшие братья и сестры (их было пятеро) с детства жили в полном достатке. Но несмотря на это детей не баловали, а воспитывали в строгости и уважении к семейным устоям и католической вере. Они обращались к родителям неизменно на «вы» и четко знали, что нельзя ябедничать и жаловаться¹.

Когда Эдуару было 5 лет, семья переехала в Марсель, где он сначала поступает в начальную школу, а затем заканчивает лицей Тьера. Балладюр продолжает учебу на факультете права в Экс-ан-Прованс и в Институте политических наук в Париже². Он приехал в столицу вскоре после окончания войны и поселился в пансионе, который содержали монахи. Его товарищи по учебе вспоминали, что Эдуар отнюдь не был темпераментным и общительным как многие выходцы из южных областей Франции. Он вел себя сдержанно и обходительно, умел терпеливо выслушивать других, а сам, когда его спрашивали, всегда высказывал взвешенные и продуманные суждения³. С юности ему не нравились шумные сборища и вечеринки. Его основным занятием в часы досуга было чтение. Он предпочитал тишину и покой и лучшим собеседником считал книгу. Его любимые писатели — М. Пруст, Л.-Ф. Селин, Ж.-П. Сартр. С юности он следит за философско-культурологическими публикациями⁴. А самым близким себе по духу мыслителем Балладюр и сегодня считает Б. Паскаля. Этот блестящий математик и философ XVII в. жил в уединенном от мирской суеты монастыре и в своих лучших трактатах стремился раскрыть сущность человеческой природы.

Арзаканян Марина Цолаковна — кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН.

По окончании Института политических наук в 1951 г. Балладюр поступает на военную службу. Он отправляется в Алжир, в танковые войска, а через год возвращается в Париж. Будущий политик долго размышляет, чем же ему заняться дальше. Отец настоятельно советует сдавать конкурсные экзамены в Национальную школу администрации (ЭНА), престижнейшее учебное заведение, готовящее высших государственных чиновников. Но пока судьба приготовила Балладюру отнюдь не приятный подарок. Еще с детства он страдал туберкулезом. А сейчас болезнь внезапно обострилась. В результате целых два года у него ушло исключительно на поправку здоровья.

Балладюр говорит об этом периоде своей жизни всегда с неохотой, лишь вскользь упоминая, что он был крайне неприятным. Тогда ему пришлось в себе самом найти подтверждение знаменитого выражения Паскаля — «Человек всего лишь тростник, слабейшее из творений природы... чтобы его уничтожить, достаточно дуновения ветра, капли воды». Однако далее философ продолжает: «...все наше достоинство — в способности мыслить. Только мысль возносит нас, а не пространство и время, в которых мы ничто». Так что вполне возможно, что именно в те долгие месяцы борьбы с болезнью Балладюр раз и навсегда решил для себя, что человек по настоящему велик не физической силой и красотой, а своей духовностью и способностью созидать и творить.

Только после окончательного выздоровления Балладюр смог приступить к учебе в ЭНА. Он заканчивает эту школу в 1957 г. и вскоре женится на Мари-Жозе Делакур, сестре одного из сокурсников. Их союз стал прочным и счастливым. И сегодня Балладюр часто повторяет, что он обожает и боготворит свою жену⁵. Она подарила ему четырех сыновей и полностью посвятила себя семье. В том же 1957 г. Балладюр начинает трудовую карьеру. Его принимают на должность аудитора (младшего чиновника) в Государственный совет. Он работает спокойно и неторопливо, терпеливо постигая все премудрости службы во благо республики. Активная политическая деятельность пока совершенно его не интересует. Он продолжает оставаться бесстрастным и уравновешенным, по-прежнему очень много читает и ведет уединенный образ жизни.

В политику его привел случай. В 1963 г. премьер-министр Франции Ж. Помпиду искал советника по социальным вопросам. Товарищи Балладюра по ЭНА рассказали о нем премьеру, и тот решил взять его в свою команду. Молодой аудитор сразу согласился. Предложение работать в кабинете самого премьер-министра было, конечно, очень лестным. Балладюру поручили курировать отношения правительства с профсоюзами. Нельзя сказать, что такая работа пришлась ему по душе. Однако он со всей серьезностью и старанием приступил к выполнению новых обязанностей.

Политическая обстановка во Франции того времени была как никогда стабильной. Еще в 1958 г. вернулся к власти генерал де Голль. Он основал V республику и стал ее первым президентом. Большинство мест в Национальном собрании занимали его сторонники — представители голлистской партии Союз за новую республику. В 1962 г. после многолетней кровопролитной колониальной войны наконец был заключен мир с Алжиром. Франция отныне могла посвятить себя решению внутренних проблем. В том же году на пост премьер-министра и был назначен Помпиду, сменивший М. Дебре.

Президент республики в Елисейском дворце окружил себя в основном представителями старшего и среднего поколения. Это были люди, которые прошли вместе с де Голлем весь его сложный путь, который начался еще во время второй мировой войны. В Матиньонском дворце, у премьер-министра, царил иная атмосфера. Помпиду любил общаться с молодежью. Он безошибочно выбирал из ее среды способных и талантливых, приближал их к себе, учил сложному и тонкому искусству политики и внедрял в голлистское движение. И они, в свою очередь, смело рвались вперед, желая быстро стать известными и сделать карьеру. Их окрестили «молодыми волками» премьер-министра. Одним из таких последователей Помпиду стал Жак

Ширак. Уже в 1967 г. он в возрасте 34-х лет был избран депутатом Национального собрания и назначен государственным секретарем правительства.

Эдуар Балладюр был не менее способным, чем остальные. Но его не привлекал шумный успех и он в то время не стремился достичь больших политических высот. Отношения молодого советника с Помпиду в то время не отличались душевностью. Часто вечерами, после окончания трудового дня, премьер-министр приходил в один из рабочих кабинетов дворца, чтобы в кругу своих сотрудников пропустить рюмочку и поболтать обо всем. Так вокруг премьера сложился своеобразный кружок. Балладюр не стал его завсегдатаем. Он никогда не оставался после работы, всегда спешил домой, чтобы провести вечер с женой и сыновьями ⁶. И вообще, по свидетельствам очевидцев, Балладюр при всей своей вежливости и обходительности всегда держался в стороне.

Самые тяжелые испытания выпали на долю Помпиду и его окружения в 1968 году. Сначала по всей стране прокатилась мощная волна студенческих волнений, а затем началась всеобщая забастовка огромного размаха. Балладюр вспоминал, что сначала он, как и многие другие, не осознал, насколько драматична сложившаяся обстановка ⁷. Какое-то время сотрудники кабинета премьер-министра пребывали в растерянности. Однако Помпиду быстро понял, насколько серьезен кризис. Он сразу начал переговоры с профсоюзами. В них принимали участие Балладюр и Ширак. Пожалуй, именно в те тревожные дни и состоялось первое серьезное знакомство двух будущих премьер-министров Франции. Пройдут годы и тесно переплетутся их жизни, их судьбы, их карьеры. А пока они только присматривались друг к другу и приобретали политический опыт в социальных битвах, разразившихся во Франции.

Переговоры завершились заключением так называемых Греннельских соглашений, в которых были зафиксированы определенные уступки профсоюзам. Всеобщая забастовка, парализовавшая жизнь всей страны, закончилась. И тем не менее президент республики явно был недоволен политикой правительства. В Елисейском дворце Помпиду слыл консерватором. Де Голль решил заменить его другим премьером. В июле 1968 г. на этот высокий пост был назначен М. Кув де Мюрвиль. А Помпиду стал просто частным лицом. Он поселился отшельником в своей парижской квартире и стал теперь не одним из главных действующих лиц политического спектакля, а обыкновенным его зрителем. Балладюр был одним из тех, кто не посчитал нужным искать себе новое место под солнцем. Он остался верным своему патрону, постоянно навещал его и искренне верил, что дела бывшего премьер-министра наладятся. И сам Помпиду надеялся. Его девизом в ту пору стала фраза: «Терпение и течение времени делают больше, чем сила и ярость». В апреле 1969 г., после неудачи на референдуме, 78-летний де Голль решил уйти в отставку. Началась досрочная предвыборная кампания. Помпиду стал одним из основных кандидатов. Все его верные помощники сразу начали интенсивную работу. Балладюру был поручен очень важный участок — готовить первоначальные варианты всех речей и выступлений Помпиду.

Бывший премьер-министр одержал победу на выборах и стал президентом республики. Теперь его сторонники разместились в кабинетах Елисейского дворца. Придя к власти, Помпиду определил свои задачи кратким лозунгом «Преемственность и диалог». Под преемственностью понималось отстаивание в целом основных принципов голлизма — сильного государства, идеи национального величия, на которой базировалась внешняя политика Франции, а также проведение социально-экономических реформ в духе «сотрудничества классов». Под диалогом подразумевалась частичная модификация этих положений в духе времени.

Балладюр назначается заместителем генерального секретаря Елисейского дворца, важнейшего должностного лица, изо дня в день помогающего главе государства в его многогранной деятельности и имеющего с ним самые доверительные отношения. На долю заместителя генерального

секретаря также выпадало немало забот. Балладюр находился в постоянном контакте с президентом республики, выполнял многие его поручения, а главное, учился у него работать. Одновременно он старался не забывать о прежней сфере своей деятельности — социальной политике. Вернее, его теперь больше всего интересует развитие французской экономики. Балладюр пристально следит за всеми нюансами экономических процессов, наблюдает за промышленными подъемами и спадами. Мало по малу заместитель государственного секретаря становится настоящим специалистом в области национальной экономики.

Балладюр, как всегда, спокоен и рассудителен и совершенно не терпит столкновений между людьми. Заместитель генерального секретаря любит, чтобы они вели себя достойно и не допускали нападков друг на друга, если даже не сходятся во мнении. Первым премьер-министром при Помпиду был назначен Ж. Шабан-Дельмас. Ближайшие советники президента П. Жюйе и М.-Ф. Гаро считали премьера чересчур либеральным. Они ратовали за его смещение и все время внушали Помпиду, что он должен это сделать. К их идейному, консервативному крылу в окружении президента примкнул также Ширак. Балладюр и генеральный секретарь Елисейского дворца М. Жобер осуждали такое поведение советников президента и заняли сторону премьер-министра. Но все-таки в 1972 г. Помпиду освободил его от занимаемого поста.

Новый кабинет возглавил П. Мессмер. При его первом переформировании в апреле 1973 г. Жобер был назначен на должность министра иностранных дел. Тогда Балладюр становится генеральным секретарем Елисейского дворца. На его долю выпала совсем не простая миссия. Уже летом того же года президент часто чувствовал себя неважно. Как выяснилось впоследствии он страдал тяжелым заболеванием крови. Балладюр всячески старался оградить Помпиду от лишних нагрузок и, соответственно, очень многое брал на себя. Ему приходилось с каждым днем работать все интенсивнее. Он погружался в мир самых сокровенных государственных дел и порой сам вынужден был принимать важнейшие решения. Недаром известная французская журналистка К. Ней сравнивала Балладюра на этой должности с регентом.

К началу 1974 г. здоровье президента еще более ухудшилось. Балладюр с тревогой наблюдал как быстро Помпиду уставал. Его походка стала тяжелой, с одутловатого лица смотрели грустные беспокойные глаза. Казалось, что даже веки над ними поднимаются с трудом. Все реже стала появляться столь характерная для президента искорка, внезапно возникающая в глубине зрачков и лукавая улыбка, исходящая из уголков рта. Помпиду угасал. В политических кругах Франции еще далеко не все осознавали, что президент болен настолько серьезно, что уже не сможет поправиться. Но этого не мог не понимать Балладюр, который работал с ним бок о бок. Путешествие в Пицунду (Черноморское побережье СССР), предпринятое главой Французского государства в марте 1974 г. для того, чтобы обсудить ряд важных вопросов с Л. И. Брежневым, стало для него настоящей пыткой. Балладюр, разумеется сопровождавший его, вспоминал позднее, как два раза ему казалось, что президент сейчас умрет прямо у него на руках⁸.

Помпиду скончался менее, чем через месяц, 2 апреля, в своей парижской квартире. Весь этот день Балладюр провел подле него. И именно ему выпала скорбная миссия обзвонить ближайших сотрудников президента и произнести лаконичное «все кончено». Многие из них сразу задумались о собственной дальнейшей судьбе. Но не Балладюр. Он вел себя сдержанно и спокойно. В его задачи входило обеспечить «передачу власти». Под руководством Балладюра сотрудники Елисейского дворца собрали и вывезли, следуя традиции, все личные досье. А в резиденцию главы государства уже прибыл председатель Сената А. Поэр, который, согласно французской конституции, выступил в роли временно исполняющего обязанности президента республики.

Годы, проведенные подле Помпиду, оказали большое воздействие на

формирование политических убеждений Балладюра и навсегда остались в его памяти. Он превратился в идейного последователя второго президента V республики, когда они работали вместе. Сегодня Балладюр отмечает: «Очень жаль, что Жорж Помпиду не успел выполнить до конца своей миссии и что в итоге его деятельность не была оценена по достоинству»⁹.

У политики свои, порой очень жестокие законы. Останки Помпиду, накрытые трехцветным полотнищем государственного флага, еще покоились под сводами парижской церкви Сен-Луи ан л'Иль, а новые претенденты на президентский пост уже открыли предвыборный марафон. Началась ожесточенная политическая борьба. Левые силы выдвинули единого кандидата в лице Ф. Миттерана. В лагере правых ситуация развивалась драматически. Молодой и энергичный Ширак, которому буквально года или двух не хватило, чтобы стать «официальным дофином» Помпиду, хотел, чтобы от голлистской партии свою кандидатуру выставил Мессмер. За его спиной стояли бывшие советники Помпиду Жюйе и Гаро.

Однако Мессмер наотрез отказался баллотироваться. А пока с ним вели переговоры, себя уже успел объявить кандидатом Шабан-Дельмас. Его поддержали все «бароны голлизма», давние соратники де Голля, входящие в состав руководства партии. Но Шабан-Дельмас не стал единственным кандидатом правых. От лица партнеров по правящей коалиции, партии «независимых республиканцев», выдвинул свою кандидатуру ее лидер В. Жискар д'Эстен. Тогда Ширак возглавил так называемую «группу 43-х», в которую вошли 39 депутатов и 4 министра-голлиста. Они выступили против Шабан-Дельмаса и заявили о своем намерении поддержать Жискара д'Эстена. Балладюр все это время молча взирал, как раскручивается клубок политической интриги. Он твердо решил для себя, что не станет принимать участие в таких, мягко говоря, некрасивых играх. Его характеру претило заниматься подобными непристойными делами.

Жискар д'Эстен стал третьим президентом V республики. Он щедро отблагодарил Ширака, назначив его премьер-министром. Так Ширак, которому в ту пору был всего 41 год, со свойственной ему напористостью и стремительностью тут же начал действовать. Корабль французской политики, набрав свежего ветра в паруса, продолжал свой путь. А Балладюр остался за его бортом. Жискар д'Эстен пришел к управлению страной с собственной командой. Нельзя сказать, что о бывшем генеральном секретаре Елисейского дворца тут же позабыли. Президент предложил ему пост посла Франции в Ватикане. Однако Балладюр отклонил это предложение и, пораздумав некоторое время, вообще решил покинуть политическую сферу деятельности.

Свою дальнейшую карьеру Балладюр продолжает исключительно в частном секторе. Еще в 1968 г. не без содействия Помпиду он стал президентом Французского общества по строительству и эксплуатации тоннеля под Мон-Бланом. И если раньше Балладюр исполнял обязанности председателя скорее формально, то теперь у него появилась возможность вплотную заняться делами общества. Помимо этого его пригласил к себе на службу председатель крупной промышленной группы А. Ру. Он попросил Балладюра возглавить сначала один, а затем другой филиал гиганта в области энергетики «Сосьете женераль д'Электрисите». Так Балладюр занялся совсем другими вещами. Он постепенно привыкал к своей новой роли и находился теперь в стороне от политических баталий.

Бывший сотрудник Помпиду много размышлял о событиях, ставших уже достоянием истории, в частности о потрясшем всю Францию майском кризисе 1968 года. Балладюр решил написать воспоминания о тех бурных днях. Он опубликовал их в 1979 г. под названием «Дерево мая»¹⁰. Мало по малу бывший генеральный секретарь Елисейского дворца становился достаточно светским человеком. Он стал часто обедать и ужинать в городе, приглашал сам, принимал приглашения. Ему нравилось общаться с «сильными мира сего» и знаменитостями — герцогами, графинями, послами, академиками. Супружеская чета миллиардеров Мари-Элен и Ги Ротшильды и известный писатель М. Дрюон стали его друзьями.

Время шло и не приносило в жизнь бывшего политика никаких изменений. Впоследствии Балладюр скажет, что в тот период своей деятельности он «был счастлив, научился многому тому, что помогло ему в дальнейшем»¹¹. Тем не менее жизнь предпринимателя явно не приносила ему полного удовлетворения. Он конечно с пристальным вниманием следил за тем, что происходило в политических кругах страны. На первую роль в голлистском движении выдвинулся Ширак. Чего он только не успел за те годы, пока Балладюр наблюдал за ним из своего делового кабинета. Два года был премьер-министром. Не поладил с Жискаром д'Эстеном и ушел в отставку, хлопнув дверью. На базе старой голлистской партии основал новую — Объединение в поддержку республики (ОПР) — и стал ее председателем. Был избран мэром Парижа.

Всесильными и всевластными советниками Ширика оставались Жюйе и Гаро. Тогда, в 1979 г. они все время толкали его на открытую войну против президента республики и его партии, недавно принявшей название Республиканской. Ширик, даже находясь в парижской больнице Кашен, куда попал после автомобильной катастрофы, в которой чуть не отдал Богу душу, продолжал метать в Жискара свои «ядовитые стрелы». Мэр Парижа написал там воззвание «К французам», тут же окрещенное «Призывом из Кашена». В нем он буквально обрушился шквалом упреков на внешнеполитический курс президента республики.

Балладюр сразу понял, что за этим актом стояли все те же Жюйе и Гаро. Он никогда не питал к ним дружеских чувств, а уж их манеру действовать и вовсе осуждал. Так что тот шаг, на который они подвинули мэра Парижа, его просто покорибил. Балладюр принимает решение навестить в больнице своего старого знакомого. Непоседливый, экспансивный, почти двухметрового роста Ширик томился в отдельной палате с прикрепленной к тяге ногой со сложным множественным переломом. Балладюр вошел не спеша, значительно и спокойно. Конечно, главная цель его визита заключалась в том, чтобы выразить сочувствие председателю ОПР по поводу случившейся аварии. Но оба они думали в этот момент о воззвании Ширика. С бесстрастного лица Балладюра на мэра Парижа был устремлен твердый осуждающий взгляд. Всем своим видом бывший генеральный секретарь Елисейского дворца словно говорил чуть заметно покачивая головой, всего лишь одно слово: «нехорошо». Во всяком случае Ширик сразу спросил Балладюра, что он думает о происшедшем. И тот ответил: «Вы же прекрасно знаете, что ничего хорошего об этом я думать не могу»¹². Через некоторое время Ширик понял, что его советники оказывают на него скорее пагубное влияние. К 1980 г. он с ними навсегда распрощался.

Пришли 80-е годы. Балладюр продолжает оставаться на занимаемом посту в частном секторе. Однако политика все-таки постоянно привлекает его внимание. Время от времени он видится с Шираком, дела которого идут не блестяще. Внутри возглавляемой им партии все время идут ожесточенные дебаты о том, какую позицию занимать по отношению к президенту и его политике. ОПР по-прежнему входит в правящую коалицию, но ее связывают с президентом и его Республиканской партией не только узы партнерства, но и непрекращающееся соперничество. Между тем приближались президентские выборы 1981 года. Главными противниками, как и в прошлый раз, стали Жискаром д'Эстен и Миттеран. Но на сей раз Ширик решил вмешаться в спор. Многие советовали ему не делать этого, чтобы не расчлнять и без того иссякающие силы правых. Такого мнения твердо придерживался и Балладюр¹³. Но мэр Парижа никого не стал слушать. Он твердо заявил, что его партия тоже должна быть представлена на выборах. Когда Ширик принял это решение, Балладюр сразу счел нужным помочь ему во время предвыборной кампании, несмотря на свое несогласие с ним. Он взял на себя нелегкую роль редактора всех важнейших выступлений, речей и интервью претендента на президентский пост. Ширик набрал 18% голосов. А победил Миттеран. Впервые в истории V республики социалисты пришли к власти, правые же оказались в оппозиции.

Жискара поражение подкосило. На какое-то время он вообще отключился от активной политики. Ширак, напротив, был полон решимости продолжать борьбу. Но надо было определить генеральную линию поведения по отношению к социалистам. В своей тактике председатель ОНР всегда брал напористостью и горячностью, недаром его прозвали бульдозером. А стратегом он был в общем-то никудышным. После выборов Ширак начал сколачивать новую команду. В этот момент Балладюр решил или интуитивно почувствовал, что может занять в ней вполне достойное место. Нет, он не просто пришел и предложил свои услуги, а мало по малу, потихоньку приближался к Шираку, не навязывая собственное мнение, а обсуждая с председателем ОНР все важнейшие проблемы мировой и внутренней политики.

В то время как Ширак без устали клеймил позором «социалистический эксперимент», называя его «доктринерским» и просто «безответственным», Балладюр глубоко анализировал происходящие в стране перемены. Он смотрел в будущее и прощупывал новую стратегию, открывая для себя таким образом дорогу возвращения в большую политику. Будущий премьер-министр прекрасно понимал, что его путь к власти не будет легким и что просто так его никто не позовет управлять страной. Все нужно было делать самому — предлагать Франции свои идеи и упорно отстаивать их право на существование. Как говорил Сенека — *volentem ducunt fata* — «желающего идти ведет судьба». И Балладюр шел, медленно, но решительно продвигаясь к новой политической карьере. Конечно, он прекрасно осознавал, что его политическое будущее пока может состояться только подле Ширака.

Реформы левого правительства достаточно быстро «разонравились». Уже в конце 1982 г. опросы общественного мнения свидетельствовали, что большинство французов разочаровано в политике социалистов. На муниципальных выборах, прошедших в марте 1983 г., Социалистическая партия понесла значительный урон. Постепенно становилось ясным, что такая же судьба ее ждет и на предстоящих в 1986 г. парламентских выборах. Балладюр, предвидя эту ситуацию, выдвигает интересную новаторскую идею соправления президента-социалиста и правого премьер-министра. В статье, опубликованной в «Le Monde» 16 октября 1983 г. он пишет: «Нельзя исключать возможности существования настоящего главы государства с будущим новым большинством (в Национальном собрании — М. А.). Весь политический Париж понимает, что мы находимся в преддверии нового крупного события... Никакими усилиями будущее большинство не сможет прогнать президента республики, и если он сам не уйдет в отставку, то нужно будет управлять вместе с ним»¹⁴.

Так Балладюр стал изобретателем и теоретиком будущего сосуществования левых и правых в правительстве страны. Его имя вспомнили в политических кругах Франции. Огньне о нем говорили как о человеке, указавшем на возможность нового прочтения конституции. А такие его недруги как Гаро заявили, что в идее сосуществования выразилась вся сущность Балладюра, а именно: всегда найти возможность избежать конфронтацию¹⁵. Идея Балладюра сразу пришлась по душе Миттерану. Он прочитал его статью и, зайдя в кабинет своего советника Ж. Аттали, сказал: «Интересная статья, не правда ли?»¹⁶.

Прежде чем опубликовать статью, Балладюр, конечно, показал ее Шираку, который отнесся к его идее весьма положительно. Вообще союз этих двух политиков становился с каждым месяцем все теснее. Отношениями партнерства назвал его известный французский журналист и писатель Ф. О. Жезбер¹⁷. Что же объединяло двух таких разных людей? Ширак — открытый, эмоциональный, умеющий выступать на публике и нравиться, предпочитающий сначала ввязываться в бой, а потом уже смотреть, что из этого вышло. Балладюр — спокойный, уравновешенный, с большим самоощущением, обладающий аналитическими способностями, скептически относящийся к шумному успеху, любящий больше всего на свете удобно расположиться в своем кабинете и читать и размышлять. И тем не менее они

шли теперь бок о бок навстречу судьбе. Ширак и Балладюр виделись несколько раз в неделю, постоянно перезванивались, словом вместе решали все важнейшие проблемы. Балладюр становится основным советником, если не сказать оракулом для Ширака. Партнеры? Скорее, политические сообщники, которые были уверены, что пока не могут обойтись друг без друга.

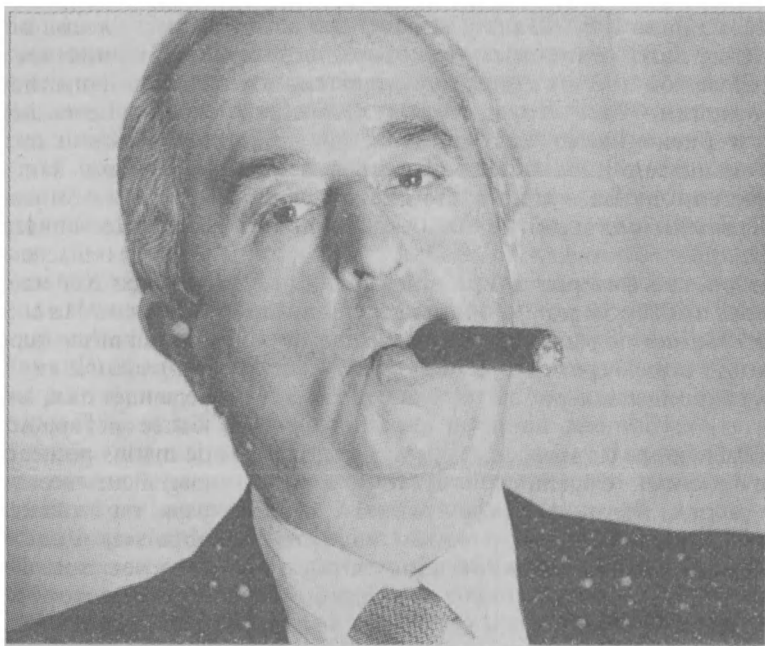
Пришел 1986 год. Парламентские выборы были назначены на март. Опросы общественного мнения свидетельствовали о неизбежной победе правых. В политических кругах Парижа только и говорили, что о предстоящем сосуществовании. Социалисты день за днем приближались к поражению. А их президент, которому французский народ вручил семилетний мандат, уже размышлял о том, кого же ему назначить на пост премьер-министра. Миттеран вместе со своими сторонниками обсуждал несколько кандидатур¹⁸. Однако, по логике вещей премьер-министром должен был стать лидер нового большинства в Национальном собрании. Ширак понимал, что скорее всего выбор падет на него, но он не чувствовал себя уверенным в том, что ему необходимо возглавить будущее правительство. В один момент он даже хотел, чтобы главой кабинета стал Балладюр, и сказал ему об этом. Тот сразу отказался, признав, что еще недостаточно известен для такого высокого государственного поста¹⁹. Он всячески подбадривал Ширака и уверял, что ему необходимо во второй раз стать хозяином Матиньонского дворца. В окружении лидера оппозиции, да и в рядах голлистской партии придерживались такого же мнения.

В марте Балладюр усиленно вел в первый раз в жизни собственную предвыборную кампанию. Ширак специально для него «выделил» избирательный округ в Париже, который уже давно имел репутацию совершенно «голлистского» города. Правда, сначала Балладюр отказался. Вести предвыборную кампанию, т. е. «выйти на тротуар», к избирателям — это совершенно не его амплу. Но мэр Парижа настаивал на том, чтобы его соратник стал депутатом Национального собрания. В конце концов Балладюра уломали. По словам французских журналистов Н. Доменацца и М. Шафрана, «перед ним расстелили красный ковер, вкатили на него карету и спросили, не будет ли он так любезен, чтобы сесть в нее»²⁰. Только после этого Балладюр согласился. Но потрудиться все-таки пришлось. Ширак терпеливо объяснил ему, что он должен делать «на тротуаре»: как именно пожимать руку торговцам, вести беседу с врачом, трепать по щеке детей, улыбаться женщинам и целовать красивых девушек и старых дев. Балладюр все внимательно выслушал, как надо выполнил и... был избран.

Одновременно с предвыборной кампанией Балладюр занимался и более деликатным и тонким делом. Он стал посредником между Шираком и Миттераном. Именно с Балладюром связались ближайшие сотрудники президента и заявили, что он склоняется к кандидатуре Ширака на пост премьер-министра. В самый канун выборов, 15 марта 1986 г. Балладюру позвонил генеральный секретарь Елисейского дворца Ж. Л. Бианко и сказал, что Миттеран окончательно остановил свой выбор на председателе ОНР²¹.

Правые, как и ожидалось, одержали на выборах победу. Сосуществование стало реальностью. Ширак после двенадцатилетнего перерыва вновь был назначен премьером. Балладюр стал его «правой рукой» в новом правительстве. Название вверенного ему поста звучало внушительно и важно — Государственный министр, министр экономики, финансов и приватизации. По существу он стал первой скрипкой оркестра, дирижируемого Шираком.

Поначалу дела у правительства складывались совсем неплохо. Падение цен на нефть позволило почти в два раза сократить расходы на импорт энергоносителей. Кабинету Ширака впервые с 1979 г. удалось добиться положительного платежного баланса страны, снизить инфляцию и уменьшить торговый дефицит²². Глава правительства ежедневно виделся или перезванивался со своим единственным государственным министром — Балладюром. Не посоветовавшись с ним он не принимал ни одного сколь-

ко-нибудь важного решения. Когда речь заходила о любом более или менее важном вопросе, премьер-министр неизменно спрашивал: «А что об этом думает Эдуар?»²³. И каждый раз следовал телефонный звонок к нему из матиньонского кабинета Ширака.

Самому Балладюру на его посту Ширак предоставил полную свободу действий. Политика министра экономики и финансов стала важнейшим элементом деятельности правительства в целом. Балладюр полагал, что главным рычагом для оживления и процветания финансово-экономической системы Франции должны были стать ее либерализация и освобождение от чересчур жесткой государственной опеки. В русле этой политики в августе 1986 г. был принят закон о денационализации. Согласно ему в течение пяти лет (до 1991 г.) предполагалось приватизировать 66 предприятий, банков и страховых обществ.

К началу 1988 г. была уже выполнена половина программы. Завершилась приватизация компании Сен-Гобен, Парижско-Нидерландского банка (Пари-ба), банка Ассюранс де Франс, первой программы телевидения (ТФ-1) и ряда других промышленных и финансовых предприятий. В целом в частные руки было передано 50% акционерного капитала государственного сектора. С 1 января 1987 г. был полностью отменен введенный левыми специальный налог на крупные состояния и понижен максимальный уровень подоходного налога. Важной составной частью социально-экономической политики стала так называемая дерегламентация. Она заключалась в заметном сокращении контроля за практикой увольнений, за деятельностью банков и над валютно-финансовыми операциями. Был также отменен контроль за ценами при одновременном ограничении роста зарплаты²⁴.

Левые силы сразу же осудили экономическую политику правительства. Многие их представители отмечали, что Балладюр действует лишь в угоду имущих слоев. Такого же мнения придерживалась и значительная часть французов. Однако политика кабинета Ширака в области экономики все-таки привела к ряду положительных результатов.

На занимаемом посту Балладюр повел себя как строгий и жесткий администратор. Проявились авторитарные черты его характера. В подчинении единственного государственного министра правительства работало четыре министра как бы приписанных к его ведомству — А. Жюппе,

М. Нуар, К. Кабана и Ж. Шаван. К ним прибавлялся также весь достаточно большой штат сотрудников головного и подопечных министерств. Балладюр требовал от подчиненных неукоснительного выполнения своих директив и поручений. Мало того, он хотел, чтобы с его мнением неизменно считались и расценивали как единственно правильное. Иногда в таких ситуациях не обходилось без конфликтов и жалоб Шираку. Но премьер всегда брал сторону Балладюра. По словам Жезбера, у себя в министерстве государственный министр буквально «царствовал» или даже «священнодействовал»²⁵.

Министерство финансов Франции традиционно располагается в левом крыле Лувра, пристроенном к основному зданию во времена Наполеона III в XIX веке. Но еще предшественник Балладюра П. Береговуа переехал со всем штатом министерства в другое место, освободив помещение дворца для реконструкционных работ. Однако новый министр настоял, чтобы его ставка была возвращена на прежнее место, что и было незамедлительно сделано. Балладюр с удовольствием и удовлетворением занял большой кабинет с мебелью, отделанной пурпуром и золотом в помпезном стиле Второй Империи. Он оказался достойным обладателем этой роскоши.

Государственный министр своим значительным, а порой даже напыщенным видом как бы постоянно напоминал о том, что помещение, в котором он находится, когда-то было обиталищем французских королей и императоров. А всем поведением он будто подтверждал один из тезисов его любимого Паскаля: «Почет — вот заветная цель человека, он будет всегда неодолимо стремиться к ней, и никакая сила не искоренит из его сердца желание ее достичь. И даже, если человек презирает себе подобных... все равно, вопреки самому себе, он будет добиваться всеобщего признания и восхищения».

Такое поведение Балладюра было очень быстро замечено и отмечено журналистами. Левые газеты вслед за известным политико-сатирическим журналом «Le Canard Enchaîné» («Скованная утка») стали называть его «Вице-король Перу» или «Его самодовольство». А известный карикатурист Планту, сотрудничающий в «Le Monde», изобразил государственного министра сидящим в царских носилках, которые несут два лакея. Утверждают, что увидев это Балладюр пришел в бешенство²⁶.

Государственный министр никогда не забывал о семье. В часы досуга он расслаблялся и совсем не походил на того жесткого начальника, каким предстал на работе перед подчиненными. Балладюр любил поужинать с женой и друзьями у кого-нибудь в гостях или в хорошем ресторане. Его вкус тонок и изыщен. Он любит изысканную еду, наслаждаясь едва уловимыми оттенками в приготовлении пищи. Один из любимых десертов, например, это свежие ягоды малины, на которые выжаты капельки сока лимона. Курит Балладюр только гаванские сигары. Спортом не занимается. На полках его библиотеки самые разные книги, но прежде всего французская классика — Ларошфуко, Монтескье, Сен-Симон, Шатобриан, Стендаль. Конечно, он предпочитает мыслящих писателей, представляющих читателю свою жизненную философию. Однако он читает произведения и совсем иного плана. Интересно, что министру нравятся салонные стихи кардинала де Берни, жившего в XVIII в. и входившего в «кружок» знаменитой фаворитки Людовика XV мадам де Помпадур.

Дома, в своем рабочем кабинете, Балладюр не только читал и предавался размышлениям. Он интенсивно работал над собственными произведениями. В 1986 г. выходит его книга «К свободе», а в 1987 — «Я верю в человека больше, чем в государство»²⁷. В них он излагает свою концепцию развития французского общества и экономики, отстаивая идею либерализации финансово-экономической системы страны.

Между тем срок, отпущенный правительству Ширака, заканчивался. Приближался 1988 г., а значит и президентские выборы. Если поначалу деятельность кабинета оценивалась французами со знаком плюс, то к концу 1987 г. — уже со знаком минус. В осуществлении задуманных реформ правительство столкнулось с рядом трудностей. Они вызвали недовольство

в первую очередь большого числа рабочих и служащих государственного сектора. Осенью 1986 г. прокатилась волна забастовок. В декабре того же года начались студенческие волнения. Молодежь выступала против выдвинутого правительством законопроекта реформы высшего образования.

Конечно, самым виноватым в подобной ситуации оказался премьер-министр. На голову Ширака посыпались все шишки. Он надеялся, что преуспеев на своем посту и сможет из Матиньонского дворца удачно штурмовать Елисейский. Однако его планы не оправдались. Было совершенно очевидным, что Ширак и Миттеран станут главными претендентами на предстоящих президентских выборах. Миттеран находился в более выгодном положении. Он не нес ответственности за политику, проводимую правым кабинетом, и лишь пристально наблюдал за ней с высоты своего поста. Очень быстро сосуществование помимо прочего обернулось настоящей войной, а вернее какой-то каверзной игрой двух лидеров, двух стилей, двух темпераментов. Ширак всегда сходу начинал воинственную атаку. Но для того, чтобы победить, иногда нужно быть не опытным воином, а хитрым дипломатом. Именно им и оказался противник премьер-министра. Миттеран сразу нащупал слабые стороны Ширака и при каждом удобном случае, а главное едва ощутимо, вставлял ему палки в колеса. Удары наносились столь изощренно, что порой их было трудно сразу даже оценить, а не то что парировать. В результате популярность Миттерана среди французов росла, а Ширака — падала. Час выборов приближался. В мае 1988 г. премьер-министр их проиграл, и для него начался новый мучительный «переход через пустыню» длиной в пять лет.

Балладюр вместе со всеми министрами уходит в отставку и вместе со всеми правыми — в оппозицию. Правда, на досрочных парламентских выборах он переизбирается депутатом Национального собрания. Шли месяцы. Французы были довольны деятельностью нового кабинета, возглавляемого социалистом М. Рокаром. А правые пока только оправлялись от полученного удара. Ширак очень долго не мог прийти в себя. Балладюр же, по крайней мере внешне, оставался невозмутимым. Теперь у него было много свободного времени, он мог чаще отдыхать с женой и сыновьями. Один из них уже женился. Появились внуки, которые, конечно, приносили только радость. Балладюр часто уезжает отвлечься от столичной жизни в Довиль, где он давно купил дом прямо на берегу Ла-Манша. А зимой он любит проводить время в другом своем домике, в Шамониксе, в предгорьях Альп.

Правда, пребывать в состоянии покоя ему долго не пришлось. Некоторые лидеры оппозиции, его же соратники по голлистской партии, тоже бывшие министры, начали искать виновников поражения. Их главным рупором стал бывший министр внутренних дел Ш. Паскуа. Была развернута настоящая «охота на ведьм», и главной из них оказалась Балладюр. Его называли «бездушным технократом», обвиняли в «политической некомпетентности». Паскуа даже заявил, что он — «гениальный мыслитель провала»²⁸.

Конечно, подобные заявления не привели Балладюра в восторг. Он вообще всегда болезненно относился ко всякого рода конфронтациям. Сначала бывший министр даже было подумал вообще отойти от политики и не думать больше о ней. Недаром древние римляне говорили «actum ne agas» («с чем покончено, к тому не возвращайся»). Но нет, в конце концов Балладюр рассудил по-иному. Он твердо решил не только продолжать политическую карьеру, но и заняться реабилитацией своей прошлой деятельности. С этой целью в конце 1988 г. он создает Ассоциацию за народный либерализм — собственный небольшой рабочий кружок. Его основной задачей стала организация коллоквиумов по различным экономическим сюжетам, связанным, главным образом, с деятельностью министерства экономики и финансов периода сосуществования.

В начале 1989 г. Балладюр выпускает интересную книгу воспоминаний и размышлений «Пристрастие и течение времени». В ней он подробно рассказывает об идее сосуществования, всесторонне раскрывает деятельность

правительства Ширака, анализирует его просчеты, а главное представляет свое понимание развития Французского государства. Бывший министр прямо заявляет: выборы были проиграны из-за того, что кабинет допустил ряд серьезных ошибок. И тем не менее он уверен, что путь был выбран правильный и что, если придет время возвращения к власти, то нужно будет действовать в том же ключе.

Балладюр развивает собственную концепцию либерального общества. Он подчеркивает: «При либеральной системе связи государства с гражданами основываются на уважении и гарантии их персональной ответственности, потому что они способны взять ее на себя. В то же время государству надлежит определять правила игры, иными словами порядок, который каждый обязан уважать». Далее Балладюр продолжает: «Свобода не означает, что государство должно отсутствовать. Оно всегда обязано выполнять не только свои традиционные функции, заключающиеся в обеспечении безопасности нации как изнутри, так и снаружи, но также следить, чтобы хорошо функционировали администрация и правосудие»²⁹.

Отношения Балладюра с Шираком оставались доверительными. Мэр Парижа мало по малу приходил в себя после поражения. В этом ему хорошо «помогли» люди из его окружения. На съезде ОНР весной 1990 г. бывшие министры Паскуа и Сеген открыто заявили, что председатель голлистской партии потерял свой воинственный дух, по существу бездействует и продолжает находиться под влиянием дурных советников. При этом в первую очередь подразумевался Балладюр. Ширака такая ситуация расшевелила. Он очнулся, встрепенулся и вновь «сел на боевого коня». Однако избавляться от дурных советников он не считал нужным. Напротив, узы сотрудичества с Балладюром только крепили.

В июне 1990 г. о бывшем государственном министре опять заговорил весь политический Париж в связи с тем, что 13 июня он снова выступил в газете «Le Monde» с идеей будущего сосуществования. И это в то время, когда правление социалистов проходило весьма успешно. Пока большинство французов одобряло политику правительства, а президент республики и премьер-министр прочно занимали первые две строчки популярности среди политических деятелей страны, Балладюр заявил, что при возможном новом сосуществовании президент республики уже не будет кандидатом на выборах 1995 г. (Миттерану, родившемуся в октябре 1916 г., тогда будет более 78 лет). В такой ситуации, по мнению Балладюра, и будущий премьер-министр не должен быть претендентом в президенты. Именно в этом случае два первых лица государства смогут спокойно работать вместе.

После публикации статьи в лагере противников Балладюра раздалась ехидная смешка на его счет. В окружении Паскуа и Сегена острили, что в 1983 г. он вообразил себя государственным министром, а сейчас уже мнит премьером. В статье все было тщательно продумано и взвешено, не говоря уже о том, что каждое ее слово согласовано с Шираком. Мэр Парижа категорически заявил, что больше никогда и ни при каких обстоятельствах не согласится стать премьером. Слишком горьким был его первый и второй опыт пребывания на этом посту. А Елисейский дворец, конечно, продолжал оставаться его вожаемой мечтой. Но кого же в случае второго сосуществования отправить в Матиньон? Кто был бы на посту премьер-министра менее всего опасен для Ширака? Кому можно было доверять? Балладюр, скорее всего, быстро сумел убедить председателя ОНР, что таким человеком может быть только он. И тот поверил и согласился. Тогда Ширак даже не сомневался в том, что Балладюр в решающий момент борьбы за президентское кресло ни за что не осмелится стать его конкурентом.

Итак, роли в предстоящем политическом спектакле были распределены. А время работало на будущих действующих лиц. Возможность повторения сосуществования из гипотетической мало по малу превращалась во вполне реальную. Весной 1991 г. Миттеран назначил на пост главы правительства Эдит Крессон. Почти одновременно с этим дела социалистов начали ухудшаться. Появились первые признаки экономического кризиса. Постепенно нарастала безработица. Первая в истории страны женщина премьер-

министр уже через несколько месяцев после назначения не пользовалась доверием французов. Престиж президента тоже стал падать. Политический барометр начал разворачиваться в сторону оппозиции.

И вот Балладюр вступает в качественно новый этап своей карьеры. Начинается работа над созданием для него политического имиджа претендента в премьеры. Главным помощником бывшего государственного министра в этом деле стал Ширак, использовавший все свое влияние. Мэр Парижа говорил впоследствии: «Я сам взялся кропотливо подготавливать восхождение Балладюра к Матиньону, я все сделал, все разработал. Это была моя воля...»³⁰.

Но и самому Балладюру пришлось немало потрудиться. Завоевывать соотечественников он решил в первую очередь словом. Свои размышления о важнейших вопросах внутренней и мировой политики он публикует в крупнейших, преимущественно правых газетах и журналах страны. Балладюр совершает вояжи по Франции и за границей. В 1988—1992 гг. он побывал в Канаде, Мексике, Бразилии, Сингапуре, Японии, Южной Африке, четыре раза в США, повидался с Г. Колем, М. Тэтчер, Дж. Мейджером. Балладюр делал доклады, принимал участие в семинарах и дискуссиях, часто произносил речи на важных политических форумах оппозиции, выступал в Национальном собрании. В 1990 г. выходит в свет его пятая книга — «Двенадцать очень спокойных писем к французам», в 1992 г. — еще одна, «Нравы и убеждения»³¹. Он становится нередким гостем на телевидении.

Балладюр предстает перед французами спокойным, уверенным, рассудительным и производит впечатление серьезного государственного деятеля. Он совершенно сознательно и с удовольствием создает свой автопортрет. И это не простое полотно художника, искусно выписанное изящной кистью в традиционных размерах, а большая величественная статуя скульптора, тщательно пролепленная стеклой, отлитая из дорогой бронзы и, наконец, отшлифованная твердой рукой опытного мастера. Автопортрет представлен так, чтобы каждый сразу увидел и понял, что перед ним человек, достойный находиться на самой вершине пирамиды власти, чтобы никто не усомнился, что изобразивший его — будущий премьер-министр Франции. И результат был достигнут. В 1992 г. французская политическая пресса называла Балладюра самым реальным претендентом на пост главы будущего кабинета.

Пришла зима. Правительство, возглавляемое П. Береговуа, оказалось почти бессильным перед экономическим кризисом. Опросы общественного мнения свидетельствовали о бесспорном поражении социалистов на предстоящих парламентских выборах. Все политические газеты и журналы Франции живо обсуждали вопрос о том, кто же будет вторым действующим лицом нового сосуществования. Складывалось впечатление, что в конце 1992 г. никто даже не сомневался, что им станет Эдуар Балладюр. Скорее всего, в Елисейском дворце также пришли к выводу, что его кандидатура оптимальна для поста премьер-министра. Во всяком случае сам Балладюр уже фактически предлагает французам свою программу действия. Осенью выходит его книга «Словарь реформы». По существу это — тронная речь будущего избранника. Он предстает в ней перед читателями в лице «моралиста, историка и дальновидного государственного мужа, реформатора и христианина с глубокими социальными убеждениями»³².

В новой книге Балладюр опять излагает свое политическое кредо, упорно его отстаивая. «Общество с либеральной экономикой, — пишет он, — должно быть основано не на культе денег, а на культе свободы, на юридическом порядке, который должен соблюдаться всеми и каждым, и на солидарности, которую общество должно при необходимости организовывать. Отсюда необходимость регулирования рынка, финансовой деятельности, расчетов и действий предприятий, а также наблюдения за независимостью политики и государственных действий в отношении денег»³³.

В декабре Балладюр в своей парижской квартире на площади Трокадеро принимает представителей правых и центристских партий страны и проводит с ними предварительные консультации по составу будущего

правительственного кабинета. 17 декабря 1992 г. журнал «Paris-Match» даже опубликовал его примерный состав. Как видим, Балладюр более чем преуспел на поприще собственной подготовки к новому высокому посту. Его столь явными удачами были даже обеспокоены в ближайшем окружении Ширака. Мэра Парижа стали предупреждать, что ему не следует допускать Балладюра в Матиньон, потому что в таком случае он сразу перестанет быть «другом» и не станет терпеть какой бы то ни было «опеки». В какой-то момент Ширак и сам засомневался. И все-таки пока он продолжал доверять своему ближайшему единомышленнику и надеяться на его благородство и порядочность.

Парламентские выборы, прошедшие в марте 1993 г., принесли социалистам небывалое поражение. Правые же выиграли триумфально. Шираковское Объединение в поддержку республики (ОПР) и Союз за французскую демократию (ЮДФ), основными составляющими которого в то время стали Республиканская партия и Центр социальных демократов (центристы), получили 480 мест в парламенте. И не успели еще газеты опубликовать официальных результатов голосования, как в понедельник, 29 марта, президент республики объявил, что на пост главы правительства он назначает Эдуара Балладюра. Так для него мечта, путь к которой он собственными руками мостил несколько лет, стала реальностью.

В тот вечер люди всего мира увидели на экранах телевизоров, как в Париже по ступенькам Елисейского дворца быстро поднимается элегантно одетый, немолодой мужчина. Волосы его давно посеребрились сединой, лицо овальной формы, лоб высок, глаза карие, живые, тонкий нос с едва заметной горбинкой (бурбоновский, по выражению французов), небольшой рот с выступающей вперед нижней губой и мясистый второй подбородок. Это Балладюр, который спешит на свидание к Миттерану, чтобы сказать ему, что он конечно согласен занять предлагаемый ему пост. Новый премьер так доволен и рад, что просто сияет. Кажется, что будто в этот день он смог дотянуться и дотронуться до недосыгаемой звезды, и она, оценив такую невиданную дерзость, вмиг передала ему свой блеск. Увидев Балладюра в тот день, один из сотрудников президента подметил: «Вот это и называется счастьем»³⁴.

Премьер-министр очень быстро объявил состав правительства. Он включил в него представителей всех победивших на выборах направлений, не только политических партий, но и различных течений среди них. Из 29 назначенных министров четверо получили ранг государственных: С. Вей, входящая в Союз за французскую демократию и тяготеющая к центристам стала министром социальных дел и здравоохранения. П. Мейенери, председатель Центра социальных демократов, получил портфель министра юстиции. Министром обороны был назначен представитель Республиканской партии Ф. Леотар. Ш. Паскуа, еще недавно бывший врагом номер один для Балладюра, возглавил министерство внутренних дел. Министром иностранных дел стал генеральный секретарь ОПР А. Жюппе, министром экономики — центрист Э. Альфандери.

Опасения приближенных Ширака не замедлили оправдаться. Балладюр решил излишним советоваться с мэром Парижа при назначении каждого министра. Таким образом он сразу же дал ему понять, что не намерен править вместе с ним. Как известно, никто добровольно власть не делит. В результате в правительстве оказались очень весомо представленными центристы и члены Республиканской партии. В подобном распределении портфелей сразу почувствовалось стремление нового премьера опереться именно на них, а вовсе не на шираковский ОПР.

8 апреля Балладюр выступил перед депутатами Национального собрания с программной речью. Премьер-министр приехал в Бурбонский дворец и занял предназначавшуюся для него центральную, обитую красным бархатом, банкетку первого ряда амфитеатра. Величественный огромный зал был пристроен к дворцу, сооруженному в конце XVIII в., в период Директории, специально для заседаний Совета Пятисот. Более ста лет, с основания III Республики, в нем проходят слушания и дебаты депутатов Наци-

онального собрания. И сегодня, после недавних реставрации и переоборудования, зал остается столь же красивым и впечатляющим как в былые времена. В три часа дня неторопливо, преисполненный собственного величия, премьер-министр поднялся по лестнице к высоко приподнятой широкой трибуне. Выше нее, а вернее прямо над ней, располагается только небольшой подиум, на котором в удобном кресле с позолоченными подлокотниками в виде львиных голов восседает председатель собрания. Это место называют *regchoire* — насест. 2 апреля при голосовании его выиграл Сеген.

Речь премьер-министра длилась час и 50 минут. 59 раз (!) она прерывалась аплодисментами. Балладюр охарактеризовал положение Франции как чрезвычайно трудное и обозначил четыре важнейшие задачи своего кабинета: укрепление республиканского государства, оздоровление экономики для создания новых рабочих мест, поддержка малообеспеченных слоев населения и упрочение позиций Франции в Европе и мире. Главным приоритетом предстоящей работы премьер-министр назвал борьбу с безработицей³⁵.

Как говорится, сказано — сделано. Балладюр быстро начал действовать. За первый год своего пребывания у власти он успел очень много. Чтобы найти деньги для оздоровления экономики правительство повысило некоторые налоги и подняло цены на спиртные напитки. Кабинет объявил о замораживании заработной платы государственных служащих и увеличении сроков выплаты в пенсионный фонд, необходимых для получения максимальной пенсии. Помимо того, правительство приняло решение о выпуске акций государственного займа. Было заявлено также о предстоящей приватизации более 20 крупнейших концернов, банков и страховых компаний, среди которых такие гиганты как «Эр-Франс», «Рено», «Элф-Акитен», «Рон-Пуленк», банк «Креди Лионне». Все эти меры были восприняты французами с пониманием.

Тем не менее, в других случаях правительству пришлось столкнуться и с рядом трудностей. Впервые они возникли во время принятия закона об иммиграции. Просто как одиозная многими была расценена его статья о том, что любой человек, в котором полиция заподозрила иностранца, может быть остановлен на улице и обязан предъявить документы. В результате два министра — Вей и Мейенери — открыто дали понять Балладюру, что такое положение в отношении к иностранцам просто дискриминационно. В августе 1993 г. Конституционный совет Франции внес в закон об иммигрантах некоторые коррективы. С большим трудом правительству удалось справиться с забастовкой работников авиакомпании «Эр-Франс». Настоящие сложности возникли также при попытке поставить на повестку дня так называемый «школьный вопрос». В кабинете министров и в парламенте начала обсуждаться извечная для Франции проблема о предоставлении субсидий со стороны государства частным школам. Однако после массовых выступлений молодежи от ее решения пришлось быстро отказаться.

Во внешней политике дела Балладюра складывались достаточно удачно. Он встречался в Лондоне с английским премьером Мейджером. Совместно с Миттераном принимал участие в Бонне во франко-германской встрече в верхах. Летал в Вашингтон, чтобы увидеться с Б. Клинтонем. Заседал на Европейском совещании в Копенгагене. Осуществил кратковременный визит в Москву, где беседовал с Б. Н. Ельциным.

Правда, одно внешнее событие стало для премьер-министра Франции настоящим испытанием. Это был валютный кризис, разразившийся в Европе в конце июля — начале августа 1993 года. Тогда внутри европейской валютной системы, являющейся одной из основ будущей «единой Европы», началась яростная атака на франк. Но Балладюр путем значительных усилий «обуздал» кризис. Он сумел вернуть франку прежний курс относительно немецкой марки и тем самым спас его от девальвации. Явной удачей премьер-министра стали также с гибкостью проведенные им осенью того же года переговоры по ГАТТ. В их результате было подписано торговое соглашение, устраивающее все стороны и, главным образом, Францию.

Французские средства массовой информации самым подробным образом комментировали внутреннюю и внешнюю политику кабинета Балладюра. Но ничуть не меньшее внимание уделялось в печати и образу премьер-министра. Журналисты по-прежнему давали ему различные смешные прозвища — «Его величество Балламу I», «Его лучезарная значимость», «Его галантное самодовольство». И действительно, подобные черты продолжали отчасти быть свойственны Балладюру. Он, как и в бытность первого сосуществования, часто вел себя очень строго, если не сказать авторитарно, со своими министрами. Не проконсультировавшись с ним, они, по его настоянию, не должны были даже давать интервью газетам и журналам³⁶. Однако премьер явно заботился о том, чтобы о нем были хорошего мнения. Он постоянно трудился над своим «образом», старался выглядеть компетентным, отзывчивым, простым, словом, делал все, чтобы нравиться.

Одежда премьер-министра всегда отличалась экстравагантностью. Он предпочитает серые дорогие английские костюмы-тройки, строгие рубашки в полоску и красные(!) носки. Почему у Балладюра привязанность именно к этому цвету, никто понять не может. Французские журналисты утверждают, что он покупает носки в специализированном магазине для кардиналов. Досуг, как и прежде, премьер-министр чаще всего проводит в кругу семьи. Во время отпуска и в выходные дни он — в Довиле или в Шамониксе. В будние дни — дома, в своей парижской квартире.

Балладюр, как всегда, много читает, причем любит иметь под рукой сразу несколько книг. В последнее время ему стала нравиться латиноамериканская литература. Его интересуют также книги биографического жанра. Среди выдающихся людей современности премьер-министр неизменно выделяет папу римского Иоанна Павла II и Александра Солженицына. У себя дома, по видеомэгнитофону, он с удовольствием смотрит американские боевики, например, серию фильмов о Рембо. Его совсем не вдохновляет музыка. Когда жена уговаривала Балладюра пойти с ней на концерт ее любимого певца Л. Паваротти, он ответил ей: «Ну что за глупости»³⁷.

Французам образ их нового премьер-министра явно пришелся по душе. Какими только эпитетами его не награждали: галантный, пунктуальный, честный, надежный, целомудренный, вдумчивый. Его основными достоинствами неизменно называли честность, искренность и спокойствие, хотя основными недостатками — высокомерие, холодность и самоуверенность. Но самым красноречивым свидетельством популярности Балладюра были опросы общественного мнения. В начале апреля 1993 г. о доверии ему высказались 73% опрошенных французов. Правда потом эта цифра стала снижаться. В мае она равнялась уже 67%, а к концу года колебалась около 60%.

В 1994 г. деятельность правительства Балладюра не была столь же интенсивной как в предыдущем. Министерства занимались в основном текущей работой, нежели разработкой и предложениями каких-либо реформ и проектов. Но для самого премьер-министра этот год был очень важным. Его сосуществование с Миттераном проходило спокойно, без эксцессов. Президент республики старел, летом 1994 г. перенес вторую онкологическую операцию, а осенью еще вынужден был оправдываться перед французами после ряда публикаций, порочащих его прошлое. Миттеран и Балладюр четко разделили свои функции и спокойно соблюдали «правила игры». Их сосуществование окрестили «уважительным» или «без риска».

Гораздо более неприятным для Балладюра стало его «сосуществование» с Шираком. Мэр Парижа предполагал, что с ним премьер-министр будет соблюдать «правила игры», те, которые они разработали вместе, замыслив второе сосуществование. Однако он явно просчитался. Балладюр с момента своего назначения и вплоть до конца 1994 г. почти неизменно занимал первую строку в таблице популярности политических деятелей Франции. Ширак же не входил, как правило, и в первую пятерку. Мало того,

еще в мае 1993 г. 61% опрошенных французов заявили, что хотели бы видеть премьер-министра кандидатом на президентских выборах в апреле 1995 года. А в течение всего 1994 г. Балладюр считался кандидатом с самыми большими шансами на успех³⁹. Кто же станет в такой благоприятной обстановке вспоминать о каких-то джентльменских соглашениях прошедшего времени? Кто отдаст свои лавры другому, тем более такие, которые сулят не только мировую известность, но и верховную власть? Человек вообще, как говорил бессмертный Паскаль «никогда не живет даже настоящим, а только предвкушает будущее и торопит его, словно оно запаздывает».

Конечно, именно в будущее, в 1995 год, были направлены все устремления премьер-министра. И мыслилось оно ему вне всякого сомнения без Ширака. Их отношения становились все более натянутыми. Ни о каких консультациях с мэром Парижа по политическим вопросам не шло и речи. Мало того, два некогда верных соратника начали просто избегать друг друга, а во время выступления в средствах массовой информации допускать взаимные нападки. На глазах у всех они превращались из политических союзников в политических противников. Узлы многолетнего сотрудничества были навсегда разорваны.

Тем временем час президентских выборов неумолимо приближался. Уже осенью 1994 г. обстановка достигла крайнего накала. Трех членов правительства Балладюра обвинили в коррупции, и они вынуждены были покинуть кабинет. Но тем не менее это не нанесло значимого ущерба самому премьеру. Он по-прежнему лидировал в списке кандидатов на президентский пост. Под влиянием такой стабильной популярности Балладюра среди правящего лагеря началась настоящая перегруппировка. Ему стали отдавать предпочтение не только депутаты и сенаторы центристы и представители Республиканской партии, но и многие из рядов ширакского ОНР⁴⁰. В их числе оказались даже бывшие противники премьер-министра.

Ширак в такой достаточно драматической ситуации повел совершенно открытую игру. В начале ноября 1994 г. он официально выдвинул свою кандидатуру на президентский пост. Балладюр, напротив, воздерживался от публичного оглашения намерений на будущее и всех своих сторонников также просил пока не высказываться относительно его возможного выдвижения. За тем, как разворачивались события в лагере правых, зорко и неустанно наблюдал Миттеран. К концу 1994 г. три именитых французских политика как бы стянулись в коварный Бермудский треугольник. Они оказались тремя кораблями, занесенными течением в зловещие воды. Каждому было необходимо вырваться за пределы замкнутой акватории и в то же время помешать выбраться из нее двум остальным.

Ширак надеялся на свой огромный политический опыт. Он вступал в третью президентскую кампанию и рассчитывал одержать верх в ней благодаря крепкому здоровью, решительному характеру и полной освобожденности, в отличие от премьер-министра, от других дел. Ширак готовился рвением и напористостью вырвать победу. Эдуар Балладюр рассчитывал переехать из Матиньонского дворца в Елисейский благодаря представлению в выгодном свете конкретной политики правительства и его удач и, конечно, опросам общественного мнения, пока отдающим ему пальму первенства. Он намеревался выдвинуть свою кандидатуру в самый последний момент и победить с наименьшей затратой сил.

Но был еще Миттеран. Опытнейший политик, великолепно владеющий искусством политической интриги. Да, сам он готовился покинуть Елисейский дворец, но давно размышлял о том, можно ли еще что-то сделать, чтобы ему наследовал представитель левого лагеря. Неспроста Миттеран еще в 1993 г. при разговоре с министром обороны Леотаром вскользь сказал ему: «Я надеюсь, что ваши друзья еще не забыли, каким я умею быть опасным»⁴¹.

В конце 1994 г. фортуна действительно улыбнулась представителям левого лагеря. Согласно опросам общественного мнения, фаворитом предвыборной кампании стал председатель Европейской комиссии Ж. Делор.

Но социалисты ликовали недолго. В середине декабря Делор к разочарованию его сторонников заявил, что не намерен выставлять свою кандидатуру на президентский пост.

Балладюр опять захватил пальму первенства. В лагере социалистов царило смятение. Они долго не могли найти нового кандидата. Ширак по-прежнему значительно уступал премьер-министру по популярности. По некоторым социологическим опросам Балладюр должен был получить в первом туре выборов 30% голосов избирателей, опережая остальных претендентов более чем на десять пунктов⁴². Причем, в отличие от других кандидатов, он даже не вел предвыборной кампании, а лишь продолжал исполнять обязанности премьера и ждать своего часа. Лагерь его сторонников ширился день ото дня. В поддержку Балладюра открыто выступили министры Паскуа, Вей, Леотар, Саркози, Барнье, Байру и др., а также многие депутаты и сенаторы.

В середине января 1995 г. премьер-министр официально заявил о своем выдвижении на пост президента республики. Основной лозунг его кампании гласил: «Равенство шансов, свобода и Европа». А программа была разбита на шесть тезисов: «Найти путь к занятости трудящихся; Поддерживать французскую модель социального протекционизма; Примирить государство и гражданина; Бороться против обезчеловечивания общества; Построить сильную Европу; Сделать из Франции основное действующее лицо по стабильности в мире»⁴³. Итак, победа просто сама стучалась в двери. Казалось еще немного, и Балладюру даже не надо будет тянуться до звезды. Вот-вот он станет президентом, и тогда целое созвездие сорвется с небосклона и упадет к его ногам.

И вдруг в конце зимы ситуация на предвыборном поле битвы резко изменилась. Ширак все время наращивал темп своей кампании. Социалистическая партия, наконец, выдвинула нового кандидата. Им стал Л. Жоспен. Его открыто поддержали Миттеран и Делор. Теперь он смело занял место левых в Бермудском политическом треугольнике и отчаянно вязался в борьбу. Так, пока Балладюр почивал на лаврах, его противники активно действовали. И результат не замедлил себя долго ждать. В конце марта, за месяц до первого тура, опросы общественного мнения в лидеры вывели уже Ширака, и только после него, примерно с равными шансами, ставили Балладюра и Жоспена⁴⁴.

Премьер-министр явно не был готов к подобному повороту событий. Тем не менее, он сразу понял, что в такой ситуации ему тоже придется вступить в реальную борьбу за власть. Балладюр объявил, что так же, как и другие, будет сражаться до конца и в марте начал предвыборную кампанию. Она стала для него очень трудной. Сразу сказалось отсутствие опыта в проведении подобных мероприятий.

Сторонники премьер-министра организовали целую серию митингов, поездок по стране и встреч с избирателями. Но в роли главного действующего лица этого политического спектакля Балладюр отнюдь не блистал. По словам Саркози, «кампания обернулась для премьер-министра настоящим испытанием. Он не думал что это будет настолько тяжело». В результате усилия Балладюра не увенчались успехом. Встретившись, наконец, с французами лицом к лицу, он не сумел их расположить к себе должным образом. В первом туре выборов, прошедшем 23 апреля 1995 г. премьер-министр набрал 18,5% голосов, уступив Жоспену и Шираку, и даже не пошел во второй тур⁴⁵.

Так в одночасье рухнула самая дерзкая надежда Эдуара Балладюра. Фортуна поднесла ему два года великолепного взлета политической карьеры, но потом они обернулись двумя месяцами сокрушительного поражения. Древние говорили: «Человек может замыслить свою судьбу, но взломать ее — никогда». Что теперь ждет самого популярного премьер-министра Пятой республики? Время покажет.

Примечания

1. CHAZAL C. Edouard Balladur. P. 1993, p. 17.
2. Who is who in France. 1988--1989. Edouard Balladur. Французская система высшего образования допускает одновременную учебу в нескольких университетах или институтах.
3. Paris-Match, 8.IV.1993.
4. Le Nouvel Observateur, 1—7.IV.1993.
5. Paris-Match, 8.IV.1993.
6. NAY C. Le Dauphin et le Regent. P. 1994, p. 31.
7. CHAZAL C. Op. cit., p. 51.
8. NAY C. Op. cit., p. 115, 145.
9. Цит. по: Le Figaro Magazine, 3.IV.1993.
10. BALLADUR E. L'arbre de mai. P. 1979.
11. BALLADUR E. Passion et longueur de temps. P. 1989, p. 24.
12. Цит. по: GIESBERT F.-O. Jacques Chirac. P. 1987, p. 328.
13. CHAZAL C. Op. cit., p. 98.
14. Le Monde, 16.IX.1983.
15. CHAZAL C. Op. cit., p. 170—171.
16. ATTALI J. Verbatim. I. 1981—1986. P. 1993, p. 503.
17. GIESBERT F.-O. Op. cit., p. 388.
18. COLOMBANI J.-M., LHOMEAU J.-Y. Le Mariage blanc. P. 1986, p. 23—40.
19. GIESBERT F.-O. Op. cit., p. 359.
20. DOMENACH N., SZAFRAN M. De si bons amis. P. 1994, p. 251.
21. BALLADUR E. Passion et longueur de temps, p. 60.
22. См. ЕГОПОВ Ю. В. Франция в конце 80-х годов. Л. 1989, с. 4.
23. REINHARD Ph. Le Revenant. P. 1990, p. 245.
24. ЕГОПОВ Ю. В. Ук. соч., с. 4—5.
25. GIESBERT F.-O. Op. cit., p. 292.
26. NAY C. Op. cit., p. 275—280; DOMENACH N., SZAFRAN M. Op. cit., p. 269—274.
127. BALLADUR E. Vers la liberté. P. 1986; ejusd. Je crois en l'homme plus qu'en l'Etat. P. 1987.
28. DOMENACH N., SZAFRAN M. Op. cit., p. 314, 322.
29. BALLADUR E. Passion et longueur de temps, p. 279, 300, 310, 325.
30. DOMENACH N., SZAFRAN M. Op. cit., p. 332.
31. BALLADUR E. Douze lettres aux Français trop tranquilles. P. 1990; ejusd. Des modes et des convictions. P. 1992.
32. CLERC CH. Jacques, Edouard, Charles, Philippe et les autres. P. 1994, p. 214.
33. BALLADUR E. Dictionnaire de la réforme. P. 1992, p. 114.
34. Le Point, 3.iv.1993.
35. Le Monde, 9.iv.1993.
36. Paris-Match, 14.X.1993.
37. NAY C. Op. cit., p. 210.
38. L'Express, 29.IV.1993; Paris-Match, 27.V.1993; 10.VI.1993; 5.VIII.1993.
39. Paris-Match, 27.V.1993; Le Point, 22.I.1994; Le Monde, 2.V.1994; La Libération, 15—16.X.1994.
40. Le Nouvel Observateur, 6—12.X.1994.
41. DOMENACH N., SZAFRAN M. Op. cit., p. 443.
42. Le Point, 26.XI.1994; 21.I.1995.
43. Le Figaro, 14.I.1995.
44. Le Nouvel Observateur, 16—22.III.1995.
45. Le Nouvel Observateur, 13—29.III.1995; Le Figaro, 25.IV.1995.

Вторая мировая война: некоторые итоги

Х.-А. Якобсен

В 1995 г. исполнилось 50 лет со дня окончания той тотальной войны, исход которой решающим образом наложил отпечаток на весь облик нашего столетия. В ней приняли участие 67 государств; более 60 млн. погибших лежали на полях сражений всех театров военных действий. Перед лицом процессов трансформации, происходящих в Восточной Европе, и различных конфликтов во всем мире многие современники задают оправданный вопрос: кто же, в конечном итоге, одержал победу во второй мировой войне? Для многих ветеранов в России, например, совершенно непонятен тот факт, что обе великие державы — Германия и Япония, которые безоговорочно капитулировали в 1945 г., возродились как «феникс из пепла», вновь возглавили иерархию государств и могут доминировать на своем региональном уровне, однако теперь уже с помощью не военных, а политико-экономических средств. Эти ветераны просто не хотят осознать тех кардинальных отличий, которые существуют между прошлым и настоящим.

Следует, однако, поставить другой вопрос: как оба этих государства, в особенности Германия, после восстановления ее единства, воспользуются в будущем своей вновь обретенной мощью? Могут ли народы, подвергшиеся в прошлом угрозе, оккупации или нападению, полагаться на заключенные с ними договоры, заверения и доверять их политике после всего, что произошло с ними? Чтобы лучше понять эти и подобные сомнения, следует в свете современных исследований проанализировать, как оценить эту войну с исторической точки зрения, т. е. ее причины, ход и последствия, тем более, что в этой связи необходимо усвоить: без памяти невозможно понимание современности и построение общего мирного будущего¹.

Внешняя картина этой войны до сих пор определялась, главным образом, описанием действовавших систем вооружений, сражений и тягот, выпавших на долю солдат и гражданского населения, развязанных страстей и безудержной пропаганды, с помощью которой оправдывались собственные действия и осуждались действия противника. Все это привело к тому, что большинство авторов в прошлом анализировали войну в первую очередь как военный конфликт и при этом под узким углом зрения одного народа или региона. Лишь в редчайших случаях это делалось в аспекте

Якобсен Ханс-Адольф — доктор наук, почетный доктор, профессор Боннского университета, председатель «Мюльхаймской инициативы», автор и публикатор многих работ и сборников документов.

всемирно-политической перспективы. Сегодня, однако, стало очевидно: понять тотальную мировую войну в ее собственном измерении можно лишь в том случае, если при этом будет учитываться неразрывное взаимодействие политики и военных действий во всем его многообразии и глобальном измерении ².

Цели войны. С этим связан ряд вопросов, несущих различную нагрузку: насколько согласованы были между партнерами цели войны и насколько совместимы они были между собой? Какое воздействие на политические и стратегические действия оказала существовавшая у всех участвовавших в войне сторон проблема конфликта целей? Разумеется, многие поставленные цели (если отвлечься от пропагандистских) подверглись с течением времени и на основе новой оценки ситуации (например, в 1941 г.) изменениям, были сокращены, расширены или подтверждены. Осуществление поставленных целей могло быть частично сорвано вследствие собственной неспособности, помех со стороны партнеров по союзу или явиться результатом компромиссов или уступок.

Вопрос о том, существовал ли у немецкой стороны многофазовый «поэтапный план» Гитлера по достижению мирового господства, до сих пор остается дискуссионным. Из перспективы 1945 г. многое говорит в пользу этого тезиса, тем более, что конечные цели нацистского руководства в значительной мере уже с 20-х годов были закреплены в его программах ³.

Существовавшие трения, в частности, в рядах антигитлеровской коалиции, т. е. Великобритании, Советского Союза, США и Франции при де Голле, а также положение на фронтах вынуждали их правящие круги отодвигать на будущее долгосрочные цели, в интересах сохранения союза учитывать требования партнера и лишь в более поздний, благоприятный момент вновь выдвигать собственные требования. У англо-американской стороны существовала тенденция избегать сложных и трудных по своим последствиям решений (политика переноса) в надежде впоследствии легче или скорее достигнуть согласия с Советским Союзом. Зачастую определенные цели формулировались возможно, как ответная реакция на стратегию противоположной стороны, в то время, как наличие множества противников требовало определения приоритетов («сначала разбить Германию») ⁴.

Понятно, что главное место среди целей войны занимало достижение военной победы, которая позволяла навязать противнику свою политическую волю или вынудить его к переговорам. Но могло быть и так, что эта цель должна была воспрепятствовать вмешательству в конфликт других держав. Самое позднее с 1942—1943 гг. нацистское руководство вело войну ради самой войны как таковой. По мнению Гитлера, высказанному в тесном кругу, ни один из главных противников не был более в состоянии уничтожить другого. А каким образом нацистская Германия после 1941 г. намеревалась поставить на колени США, оставалось с самого начала загадкой за семью печатями.

Радикальная и безальтернативная для противников формулировка Гитлера гласила: «Германия будет великой державой или вообще перестанет существовать». Теплившаяся в последние месяцы войны надежда на раскол вражеской коалиции и заключение мира на приемлемой основе оказалась лишь выражением гротескных иллюзий, питавших нацистскую «элиту», и доказала, что последняя была не в состоянии реалистически оценить положение дел в мире и в собственном окружении и сделать из этого политические выводы. Начиная с 1941 г. Гитлер ставил перед вермахтом невыполнимые задачи ⁵.

После того как эти или подобные вопросы будут прояснены, следует оценить в общей исторической перспективе военные действия всех родов войск, усилия в области техники, экономики, вооружений и секретных служб, а также психологические элементы и т. д., чтобы придать им подобающее значение в рамках общего целого. И, наконец, сюда же относится отнюдь не легкая задача осмысления борьбы народов

в регионально-мировой политической перспективе и под углом принципов мирового порядка, как это было сделано в исследовании Г. Уайнберга ⁶.

Характерным для великих держав, участвовавших в войне, было мышление «крупномасштабными», по большей части глобальными категориями, как, например, в планах держав «оси» (т. е. Японии, Германии, Италии) относительно будущего передела мира (1940 г.), но также и в планах их противников. Не кто иной, как У. Черчилль писал о своих впечатлениях декабря 1941 г. (после японского нападения на американский флот в Перл-Харборе), что уже тогда ему стало ясно, что судьба Гитлера и Муссолини решена, а Япония будет перемолота между двумя жерновами. «Не оставалось ничего иного, как использовать все средства нашей превосходящей мощи. Никакая другая коалиция в мире не могла бы противостоять нашей объединенной мощи».

А в каком объеме американская стратегия была в буквальном смысле слова глобальной, видно из многочисленных плановых разработок операций и эконоимических поставок (ленд-лиз), а также, в первую очередь, из расстановки и снабжения вооруженных сил. К концу 1943 г. США направили в Европу 8800 самолетов и 515 военных судов всех типов, а в Восточную Азию 7800 самолетов и 713 военных судов. Годом позже дислокация их армий показывает следующую картину: 50% всех войск за пределами США сражалось (или находилось в резерве) на европейском континенте, 17% на средиземноморском театре, 26% на Тихом океане, а остальные (7%) — в Африке, на Ближнем Востоке, в Китае, Бирме, Индии, на Аляске и в Карибском бассейне. В то же время Великобритания послала 50% своих войск в «заморские территории» и 50% в Европу. Она воевала на Атлантике, в Средиземноморье, от Ближнего Востока до Индии и Бирмы, чтобы защитить свои интересы. Советское руководство, напротив, должно было и смогло сосредоточить всю свою боевую мощь на европейском континенте. С этой точки зрения оно несло наибольшую тяжесть борьбы среди других стран антигитлеровской коалиции ⁷.

Сегодня мы знаем, что Япония, Италия и Германия, т. е. «опоздавшие» или «неимущие» государства, хотели изменить в свою пользу политический статус-кво, установившийся после первой мировой войны, и, начиная с 30-х годов, приступили в быстром темпе к имперским захватам в Азии и Европе. Правда, эти акции оставались в значительной мере изолированными друг от друга, отчасти без взаимного уведомления, хотя успехи одного (и неудача попыток Лиги Наций помешать агрессорам) могли побудить другого к принятию решения об агрессии. Это относится и к 1941 г., когда Токио развязал войну на Тихом океане (в определенной степени как часть европейского конфликта, причем именно как следствие военных побед Германии). К тому же провалились предпринимавшиеся время от времени попытки переубедить партнера в пользу решения об участии в совместных или собственных стратегических операциях.

Поэтому было бы неправильно говорить об организованном целенаправленном заговоре этих трех партнеров против мира. Они были союзниками, чьи системы власти, при всех сходных параллелях, принципиально отличались друг от друга всеми своими структурными элементами. Это демонстрируется, в частности, варварской, расово-биологически обосновываемой и отчасти систематически проводимой нацистской политикой истребления в оккупированных странах Европы и драконовскими, но иными методами Японии в Азии, а также различной позицией Берлина и Токио по отношению к остальным великим державам ⁸. При этом проводимая ими экспансионистская политика опиралась на различные социальные слои. В Европе это были, главным образом, беспокойные, конкурирующие и конспирирующие друг против друга диктаторы со своими правящими элитами, которые делали ставку на войну против воли многих военных. В Японии же воинствующий армейский генералитет возобладавал над командованием флота и Министерством иностранных дел ⁹.

Япония, Италия и Германия, одержимые фанатическим «сознанием своей исторической миссии», стремились к регионально ограниченному

переделу сырьевых ресурсов и территорий для заселения, чтобы укрепить свои авторитарные или тоталитарные системы власти и затем защитить завоеванные территории военным путем. В конечном итоге их цели являлись формами выражения позднеимпериалистической политики силы, причем политику Японии с политикой фашистской Италии и нацистской Германии объединяло одно: их экспансия была в меньшей степени, чем в период классического империализма, результатом излишка капитала, людей и товаров, а скорее неким видом реакции «короткого замыкания» на политическую депрессию и экономические кризисы.

К этому следует добавить, что национал-социалистский вариант позднего империализма — если отвлечься от измененного направления удара, которое, в отличие от глобально-заморских устремлений кайзеровского рейха, была в 1939—1943 гг. нацелено на европейский континент (в первую очередь на Россию) — содержал элементы революционной программтики, симптоматичные для всех великих идеологий XX века. Планы по созданию центральноафриканской колониальной империи в целях покрытия потребностей в необходимом сырье, рассматривавшиеся в 1940—1941 гг. в Берлине, в частности, в Министерстве иностранных дел, потеряли свою актуальность перед лицом отрезвляющей реальности немецкого «похода на Восток» самое позднее с осени — зимы 1941 года ¹⁰.

Гитлеровский «Великогерманский рейх немецкой нации». Целевые установки нацистской Германии изучались историками на различных уровнях, на которых осуществлялось планирование, оказывалось влияние и, в конечном итоге, принимались решения. Это относится, в принципе, и к другим великим державам. Мы, правда, все еще не располагаем достаточной информацией о том, что происходило в Москве; до сих пор очень мало известно о внутренней борьбе вокруг выбора направлений. И в новейшей биографии Сталина, написанной Д. Волкогоновым, почти не содержится неизвестных до сих пор сведений ¹¹.

Помимо уровня, на котором принимались окончательные решения, где свою роль играли секретные и пропагандистски эффективные цели войны, следует учитывать также уровни внутреннего планирования, оппозиционных групп и общественного мнения. Цели войны, официально пропагандировавшиеся средствами массовой информации Германии, позволяют распознать тактику, неоднократно разъясненную Геббельсом в узком кругу: «Новый расовый порядок в Европе» под руководством Германии должен был преподноситься лишь в общих чертах, многое оставлено открытым до тех пор, пока не будут без серьезных психологических последствий претворены в жизнь собственные планы нацистов. В остальном нацистские пропагандисты не устали вдалбливать немецкому народу, что эта война «навязана плутократами и еврейством», а с 1941 г. в особенности мировым большевизмом, и что в будущем центром мировой цивилизации станут не Париж и Лондон, а Берлин.

В то время, как считалось, что Франция недостойна играть заметную роль в будущей Европе, вопрос о месте Англии оставался вначале открытым. Секретная директива для комментаторов прессы гласила летом 1940 г., что Германия не намерена разрушать Британскую империю, а стремится лишь ликвидировать ведущее положение Великобритании. Да и война ведется не против английского народа, а против Черчилля и его «клики». Гитлер долгое время носился с идеей заключения компромиссного мира с Англией (попытки предпринимались еще до 1939 г.), который развязал бы ему руки для войны на востоке. В течение нескольких месяцев им даже владела идея создания совместного германо-британского оборонительного союза против США. Но с течением времени Англия все больше превращалась в его представлении в главного «возмутителя спокойствия в Европе», которого следовало окончательно смести с континента, чтобы получить покой «хотя бы на некоторое время». Поэтому Гитлер даже в 1945 г. намеревался продолжать войну с Англией «с жесточайшей энергией». Однако такая цель была лишь фантазией человека, уже давно утратившего всякую связь с реальностью ¹².

С вступлением в войну США борьба нацистов против «Рузвельта и стоящего за ним еврейства» подавалась как борьба против любого вмешательства со стороны в европейские дела. С 1942—1943 гг. нацистское руководство было вынуждено также по-иному интерпретировать «мобилизацию Европы на борьбу против большевизма». В начале 1943 г. Геббельс, выступая перед иностранными журналистами, провозгласил принципы создания «новой Европы», которые, как он надеялся, должны были оказать психологическое воздействие на малые государства. Теперь лозунги нацистов гласили: добровольность и прямое подчинение, сохранение национальной индивидуальности и свободный выбор формы правления для всех государств. К этому было добавлено, что жесткие меры в оккупированных странах будут оставаться в силе только на период войны. Подобная «программа» была призвана поставить перед европейскими народами позитивные цели, которые стоило бы поддержать ¹³.

Подобные концепции уже ранее разрабатывались консервативными сотрудниками Министерства иностранных дел и других учреждений Германии, однако без всякого отклика в высших ее сферах. Сама по себе жестокая практика нацистского господства на оккупированных территориях находилась в кричащем противоречии с подобными обещаниями, истинный смысл которых вскоре стал ясен ¹⁴.

В то время, как широкие слои населения Германии, вследствие тягот и лишений «тылового фронта», начиная с 1943 г., все более явно желали мира на основе компромисса и питали надежду на его заключение с англичанами и американцами, чтобы совместно защищаться от врага на востоке, видные деятели немецкой оппозиции против Гитлера излагали свои мирные цели в виде памятных записок и дневниковых записей. В их числе был К. Герделер, который в 1943 г. требовал не только прочного союза с Великобританией на основе взаимных интересов в целях защиты континента от большевизма, но и создания союза государств, который обеспечил бы всем мир и справедливость ¹⁵.

Однако подобные планы, альтернативы и идеи не получили сколько-нибудь заметного отклика. Гитлер и его ближайшие сотрудники (Борман, Геббельс и др.) никогда не теряли из виду безумную конечную цель нацистской программы. Эта цель определяла политику и ведение войны и тем самым все происходящее в Германии. В конечном итоге она заключалась в создании «Великогерманского рейха немецкой нации», в котором все расовые враги были бы истреблены (Освенцим — Холокост), весь континент управлялся бы из Берлина и стоял бы «лицом к лицу» с Америкой ¹⁶.

Средиземноморская империя Италии. Разумеется, цели Муссолини по сравнению с целями Гитлера и его ближайших приспешников были более ограниченными, хотя и не менее амбициозными. Еще в 30-е годы, когда Италия завоевала Эфиопию и оккупировала Албанию, стал очевиден экспансионизм дуче, основанный на идеологических и политических постулатах фашизма и направленный своим острием на Африку и Балканы. В принятии этих решений сыграли свою роль экономические, демографические и престижные побудительные мотивы диктатора. Постепенное сближение с нацистской Германией, выразившееся в глазах мировой общественности в создании «оси» (1936 г.) — правда, более с пропагандистским значением, нежели с реальным содержанием, во вступлении в Антикоминтерновский пакт (1937 г.) и в заключении «стального пакта» (1939 г.), дало понять, что Муссолини придерживался ориентации на свои программные обязательства. Из трех возможных внешнеполитических альтернатив, а именно: сотрудничество с западными державами, проведение курса нейтралитета с целью использования потенциала Италии для сохранения равновесия сил в Европе или партнерство с северным соседом, Муссолини предпочел последний вариант.

Этому способствовала не только известная идеологическая общность (антибольшевизм, воинственность), но, вероятно, и осознание того, что лишь в союзе с Германией Италия сможет расширить свои владения и более не будет отягощена памятью об измене союзническим обязательст-

вам в 1915 году. Только на этом пути могло быть обеспечено господство Италии в Средиземноморье, а положение и авторитет фашистской Италии на международной арене укреплены и возвышены. Кроме того, принимая свое политическое решение, после периода, когда Италия объявила себя «невоюющей стороной» (1939—1940 гг.), вступить в войну на стороне Гитлера (10 июня 1940 г.). Муссолини, наряду с погоней за «трофеями» — в немецком Генеральном штабе презрительно высказывались о «помощниках по сбору урожая» — был, возможно, одержим идеей воспрепятствовать таким путем установлению неограниченной гегемонии Германии в Европе.

Для германо-итальянской военной коалиции было, кстати, характерно, что цели войны не были согласованы между руководителями, а оперативное планирование не координировалось, как того требовала целесообразность. Дуче, доктринер поступка, который видел главную задачу союзников в том, чтобы защитить Европу от Азии (т. е. мирового большевизма), воевал, в первую очередь, ради славы и возвышения итальянского народа, которые он (как и большинство диктаторов) все более отождествлял со своим личным престижем. Роковым для него стало то, что, находясь в эйфории по поводу первоначальных успехов вермахта и в надежде на скорое победоносное завершение войны, он погнался за такими же успехами в «параллельных войнах», что и Гитлер.

Осознание того, что силы фашистской Италии были недостаточными для проведения этой непосильной политики как в военном, так и в экономическом отношении, пришло слишком поздно. На буксире нацистского военного командования, а с 1941 г. в неразрывной связи с ним, Муссолини, наконец, пришел к горькому выводу, что даже в случае общей победы в Европе Италия не получит статуса равноправного партнера, а скорее опустится до положения «союзной провинции». Правда, следует учитывать: какими бы амбициозными ни были цели Муссолини, для него речь шла не столько о расово-политических и абсолютно деструктивных целях мира на основе тотальной победы, сколько о мире на основе переговоров и компромиссов, который способствовал бы сохранению и укреплению фашистской системы¹⁷.

Союзники по «оси». Отличающиеся друг от друга цели преследовали союзные государства «оси». Их правящие элиты — отчасти демократические (Финляндия), клерикально-авторитарные (Словакия), авторитарные (Румыния) и консервативные (Венгрия) — надеялись с вступлением в войну против Советского Союза (но не против Великобритании и США) обеспечить в будущем свою независимость, пусть даже ценой ограниченного добровольного подчинения гегемону. Сбитое с толку перспективами «окончательной победы» мощного западного соседа, словацкое руководство надеялось путем участия в «Восточном походе» — несмотря на широкую непопулярность этого решения в народе — добиться осуществления своих территориальных притязаний к Венгрии. Финляндия находилась в крайне неудобном положении между великими державами. Она стояла перед альтернативой — или стать полем сражения или получить шанс вернуть себе территории, уступленные Советскому Союзу в 1940 году. Она решила участвовать в «борьбе за свободу». В то же время румынское руководство во главе с Антонеску провозгласило «священную войну», чтобы снова завоевать Бессарабию и Северную Буковину¹⁸.

Все это были весьма ограниченные национальные и территориальные цели, к которым, возможно, добавлялись — с точки зрения народной психологии — неприязнь румынского населения к русским и широко распространенные антисоветские настроения финского народа. Но когда Гитлер начал ставить перед этими союзниками все возрастающие военные задачи, далеко превышавшие возможности этих стран, а контрнаступление Красной Армии обозначило поворот в войне в Восточной Европе, начала расти подспудная критика в адрес старшего партнера по союзу. Вскоре правители этих стран начали поиски путей и средств, чтобы избавиться от своих союзнических обязательств. В то же время оппозиционные

группировки начали подготовку к свержению своих правительств, чтобы выйти из войны и объявить войну Германии¹⁹.

Японская «Сфера процветания Великой Азии». Милитаристская Япония, еще с начала 30-х годов руководствуясь преимущественно экономическими, политико-демографическими, стратегическими и социально-империалистическими причинами, взяла курс на экспансию на азиатском континенте и таким образом первой из великих держав начала менять статус-кво. При этом она грубо проигнорировала вердикт Лиги Наций. В 1933 г. она вышла из системы коллективной безопасности, чтобы развязать себе руки для проведения своей агрессивной политики. К 1937—1938 гг. прояснились долгосрочные цели японского руководства: оно стремилось к созданию «Сферы процветания Великой Азии», т. е. зоны политической федерации, экономической интеграции и культурного сотрудничества под его главенством. Этот намеченный «новый порядок» подавался под зажигательными лозунгами антиколониализма («Азия для азиатов»). «Жизненное пространство» Японии должно было простираться на юго-западе до Индии, на юго-востоке до Австралии и Новой Зеландии и на востоке до островов Тихого океана и Новой Каледонии²⁰.

Однако в ходе войны стали очевидными значительные слабости подобной амбициозной программы. Во внутренней политике получили перевес центробежные силы, что, в частности, выразилось в противоречиях по вопросу направления территориальной экспансии (континент или Юго-Восточная Азия). К тому же единое политическое волеизъявление с самого начала страдало вследствие сложного процесса коллективного принятия решений. Союз с другими державами «оси» также оказался непрочным. В его рамках возобладали конфликты целей, что выявилось в связи с вопросами объектов и приоритетов в борьбе против общего противника и в ходе переговоров в военной области. Еще более решающее значение имело то, что в долгосрочной перспективе силы Японии было недостаточно для защиты завоеванных территорий от наступления союзников, а декларированная паназиатская солидарность осталась фактически на бумаге.

Поражение агрессоров. Наконец, сам план создания регионального автаркического экономического блока, в значительной мере изолированного от мирового рынка, явился одним из многочисленных ошибочных решений Токио, приведших к его поражению в 1945 году.

В остальном, судьбу зачинщиков в 1943—1945 гг. окончательно решили различные военные, экономические и технические причины, особенно с учетом того, что их противники вместе располагали 75% всех людских и материальных ресурсов мира. Если исходить из долгосрочных, в конечном итоге почти безальтернативных целей агрессоров, то можно без преувеличения утверждать: в этих условиях у нападавших почти не было шансов выиграть войну. Таким образом любые спекуляции по поводу возможного «упущенных шансов» отпадают. Хотя такой тезис мог быть выдвинут лишь с учетом ретроспективы войны, так как в ходе мирового конфликта политикам казалось, что имеются возможные желательные или необходимые альтернативы, но в результате избранного ими боевого девиза «все или ничего» никакого существенно иного исхода быть не могло²¹.

Цели мира. Как известно, в 1942—1943 гг. Великобритания, СССР, США и их союзники (включая организации движения Сопротивления в Европе и национально-освободительные движения в «третьем мире») перехватили военную инициативу на всех театрах военных действий и таким образом начали диктовать ход дальнейшего развития событий²².

Союзники, которые в результате агрессии Германии, Италии и Японии, несмотря на разделяющие их противоречия, создали боевую коалицию, поставили перед собой неизменную и первостепенную задачу деструктивного характера: нанести быстрое и полное военное поражение противникам, «в первую очередь Германии», вынудив их к безоговорочной капитуляции, и по возможности сохранить эффективный боевой союз, сколь различны бы ни были его силы во всех странах и внутри движения Сопротивления. При этом не следует забывать, что вторая мировая война может быть достовер-

но оценена лишь как взаимодействие одновременно протекающих и часто переплетающихся между собой боевых действий на суше, на море, в воздухе и на «невидимом фронте» (радиопередачи и т. д.) при глобальной взаимозависимости крупных театров военных действий. К этому необходимо добавить, — и по этому вопросу существенных разногласий не существовало — что оккупированные агрессорами государства должны быть освобождены, и их независимость восстановлена.

Помимо этого союзники намеревались не только политически преобразовать или временно взять под контроль побежденные государства, в первую очередь нацистскую Германию, таким образом, чтобы они никогда впредь не смогли обрушиться с «бичом войны» на другие народы и угрожать своим соседям, но и гарантировать статус-кво 1937 г. и создать новую систему коллективной безопасности. На основе Атлантической хартии 1941 г. эта система должна была способствовать укреплению мира и стабильности во всем мире. Тем самым была сформулирована общая конструктивная мирная цель ²³.

Правда, не все участники антигитлеровской коалиции воевали в первую очередь за это, и если они это делали, то у них имелись различные побудительные мотивы. К тому же между двумя главными союзниками — Великобританией и США — существовали по многим вопросам различные представления, причем не только по вопросам большой стратегии. Для политических деятелей Польши на первом плане стояло освобождение их страны от германской оккупации, угрожавшей ее существованию; их цель состояла в возрождении польского государства в гарантированных границах и этническом единстве. Они надеялись, что по окончании войны Польша никогда более не станет мячиком в игре великих держав. Однако вскоре все более явной стала их дилемма: борьба за освобождение была возможна только с помощью Советского Союза, а Москва имела свои представления относительно послевоенной судьбы своего западного соседа. Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Люксембург, Греция и Чехословакия стремились к восстановлению статус-кво на основе гарантии их странам от новой агрессии, в то время как декларированной целью французов было восстановление демократической республики и положения Франции как великой державы в послевоенной Европе. Для многих борцов Сопротивления и противников режима Виши победоносная Франция воплощалась в лице генерала Шарля де Голля ²⁴.

В Индии, Южной и Восточной Азии государства боролись за свою национальную независимость от прежних колониальных держав, за самоопределение и таким образом за изменение статус-кво в свою пользу. В Китае шла внутренняя борьба за власть в государстве между китайскими националистами (Гоминьдан) во главе с Чан Кайши и коммунистами во главе с Мао Цзэдуном. В Северной и Западной Африке Атлантическая хартия сыграла роль новой искры. Так, в Марокко руководящий интеллектуальный слой националистической партии (Истикляль) сослался на нее в своей петиции от декабря 1943 года. В том же году в Нигерии Азикве опубликовал свой исторический меморандум «Атлантическая хартия и Британская Западная Африка», в котором потребовал распространить действие ст. 3 хартии на Западную Африку. Как в Азии, так и в Африке национально-освободительные движения видели в Объединенных Нациях и связывающих их принципах одного из лучших гарантов своей государственной независимости ²⁵.

В то время как для США антиколониализм входил в число важнейших постулатов американской внешней политики, Великобритания пыталась предотвратить ликвидацию своей колониальной империи до тех пор, пока при лейбористском правительстве после окончания войны была вынуждена, наконец, примириться с реальностью. Такова, в частности, была цена, которую она должна была заплатить за военную победу над «поджигателями» войны. А Советский Союз, который понес наибольшие жертвы в войне, поддержал создание новой системы коллективной безопасности, вероятно, в первую очередь потому, что рассматривал

ее как дополнительную защиту от новой агрессии и в меньшей степени как инструмент сохранения суверенных прав, восстановленного статус-кво и международного мирного сотрудничества. Ибо с 1944 г. Советский Союз начал проводить в освобожденных им странах Восточной Европы революционную политику безопасности и социальную политику²⁶.

Политика США. США и Великобритания сражались, при сохранении своих политических и экономических интересов, за всеобщий принцип демократии и ее ценности и, следовательно, за самоопределение народов и права человека, т. е. за принципы, которые давали возможность любому государству выбирать форму правления, при которой хотели бы жить его граждане (Атлантическая хартия). Однако, как кажется, в первую очередь Рузвельт своевременно и в достаточной мере не уточнил, что столь часто используемые им и его партнерами по коалиции понятия (целевые установки), как «мир», «свобода», «демократия» и «социализм» по своему содержанию означали не одно и то же на Востоке и на Западе. Вплоть до своей кончины он, вероятно, надеялся, что после войны сможет по-честному взаимодействовать и находить общий язык со Сталиным²⁷. При этом он сильно недооценил советские амбиции. Этому, возможно, способствовало то, что Сталин, не испытывая никаких угрызений совести, ставил свою подпись под документами, например в Тегеране и Ялте, в которых речь шла о мирном будущем, когда все народы смогут вести жизнь, свободную от тирании. Практика же советско-коммунистического господства оказалась вскоре совершенно иной. Справедливости ради следует, правда, сказать, что в политике «государства сумерек» постоянно царит не «ясность познания», а гораздо чаще «неясность борьбы».

Прежде всего, однако, следует задать вопрос, не существовала ли в условиях тотальной войны со всех сторон возможность существенно иной конечной фазы войны, при которой не были бы поставлены под угрозу одновременно чужеродный союз между Великобританией, Советским Союзом и США и сама победа над агрессорами? Западные державы стояли перед почти неразрешимой дилеммой: необходимостью разбить агрессивный нацизм и его сателлитов, не поощряя при этом Советский Союз к установлению своего господства в Восточной и Центральной Европе.

Вопрос о том, не способствовала ли более ранняя высадка союзников во Франции или на Балканах, как предлагал Черчилль, изменению ситуации в пользу демократии, относится к области спекуляций. США и Великобритания вместе со своими союзниками не рискнула провести операцию «Оверлорд» (высадка в Нормандии) ранее июня 1944 года. И многие из причин, почему это было сделано (не в последнюю очередь обеспечение транспортировки по морю) следует признать основательными. Остается в силе тот факт, что целевой союз (антигитлеровская коалиция), от которого многие ожидали продолжительного сотрудничества в послевоенный период, выдерживал все нагрузки лишь до тех пор, пока общий противник не был повержен²⁸.

Перспективы. Ответом на нацистско-фашистский и японский вызов была военная победа антигитлеровской коалиции. Но одновременно тем самым был вызван к жизни новый политический кризис: «холодная война» со всеми ее последствиями. Ибо в результате дискуссии о будущих путях и средствах нового политического устройства Европы и обеспечения мира во всем мире и вследствие советской экспансионистской политики в Восточной Европе союз распался. Слишком глубоко были идеологические противоречия, которые до тех пор, с одной стороны, маскировались, а с другой — недооценивались или отодвигались до поры до времени. Когда Красная Армия на освобожденных территориях создала ситуацию совершившегося факта, а это весило больше, чем все отсроченные до 1945 г. решения, стало ясно, что хотя противник и побежден совместными усилиями, борьба велась не за одно и то же. Уже тогда обозначился путь к разделу мира на фоне почти непреодолимого антагонизма.

Но в Азии заключительный процесс деколонизации был уже неудержим после того, как руководимые преимущественно коммунистами партизанс-

кие армии приняли участие в разгроме Японии и вместе с лидерами националистов захватили в 1945 г. политическую власть ²⁹.

Разумеется, решения и меры того периода не должны рассматриваться через призму «холодной войны». Они были следствием данного исторического момента, в котором действовала вся сумма накопленного до тех пор опыта. С полным правом Дж. Кеннан однажды указал на «страхи, настроения, мечты, надежды, иллюзии, наплыв огорчений, напряжение утомительной работы на войну, комплексы и психозы военизированного мышления», которые двигали «актерами драмы». Лишь тот, кто учитывает эти элементы, как одно из условий для понимания исторического процесса, будет в состоянии справедливо оценить события и политиков той эпохи и достоверно проанализировать то историческое развитие, которое после 1945 г. превратило весь мир в единое политико-экономическое пространство под знаком биполярности и атомного века.

Раздел Германии. Что касается побежденной Германии, то ясно следующее: вопреки почти неистребимым легендам раздел Германии явился следствием не Ялтинских деклараций (1945 г.), а в первую очередь следствием безумной попытки насильственного «упорядочения» европейского континента в соответствии с расистскими принципами национал-социализма. Встреча на Эльбе советских и американских солдат 25 апреля 1945 г. символизировала не только полный крах «тысячелетнего рейха», но означала также и освобождение от нацистской власти насилия. Однако немцы по собственной вине утратили единство своего государства в границах 1937 года ³⁰.

Помимо этого раздел Германии был следствием решений, принятых Европейской консультативной комиссией в 1944 г. по поручению «Большой тройки» (Рузвельт, Черчилль и Сталин) и предусматривавших установление различных зон оккупации и совместного управления Берлином. На период военной оккупации Германия должна была совместно управляться Союзническим контрольным советом (состоящим из трех, позже из четырех военных главнокомандующих). Это было задумано как ограниченное во времени переходное решение. На Ялтинской конференции оно было дополнено созданием еще одной зоны для Франции (выделенной из территорий намеченных двух западных зон). Но вследствие распада победившей коалиции дело дошло в конце концов до окончательного раздела бывшего рейха в германо-германских границах 1939 года. Планы раздела, обсуждавшиеся во время второй мировой войны на конференциях на высшем уровне (Тегеран, Ялта), не сыграли при этом никакой роли ³¹.

Еще на Потсдамской конференции (30 июля — 2 августа 1945 г.), на которой державы-победительницы установили определенные принципы демилитаризации, репараций, денацификации, декартелизации и демократизации, Германия рассматривалась как целостная экономическая единица (с признанием двух экономических сфер в восточной и западных зонах). Хотя по вопросу репараций не было достигнуто согласия, были приняты важные временные территориальные решения: среди прочих, Австрия восстаналивалась как независимая республика (с оговорками о последующем окончательном решении), город Кенигсберг (ныне Калининград) с прилегающей областью передавался Советскому Союзу. Германские земли к востоку от Одера и Нейсе, до окончательного установления западной границы Польши на мирной конференции, передавались под польское управление. Была также достигнута договоренность о том, чтобы «упорядоченным и гуманным образом» переправить в Германию немецкое население, проживающее в Польше, Чехословакии и Венгрии. Последнее, правда, осталось не более, чем декларацией о намерениях, так как бегство, гибель и изгнание, а позже депортация стали судьбой для почти 9 млн. немцев ³².

Наконец, раздел Германии де-факто был следствием союзнической и советской политики в отношении этой страны в 1945—1949 годах. Вместо совместного контроля и нейтрализации Германии началась постепенная ассимиляция ее оккупационных зон в определенную сферу господства в соответствии с политическими, экономическими и идеологическими принци-

пами оккупирующих держав³³. В основе последней и решающей причины раздела Германии и одновременно всей Европы («железный занавес») лежали таким образом непреодолимые политические и идеологические разногласия между бывшими союзниками и противоречивое истолкование Потсдамских соглашений. Начинаясь в этот период «холодная война», шедшая под знаком ядерного оружия и противостояния (Вашингтон против Москвы), была актом насилия, вызывавшим такие действия сторон, которые уже в силу самого понятия могли дойти до крайности.

Одним из них был раскол Германии и вовлечение обеих, ставших суверенными, частей ее в сферу военных блоков Востока и Запада. С тех пор вопрос единства немецкой нации и связанные с этим проблемы стали одними из основных конфликтов в Европе и в мировой политике. Напряженность вокруг этого конфликта была ослаблена впервые в 70-е годы путем оформленного в договорном порядке модус вивенди между двумя противостоящими германскими государствами, а впоследствии он был урегулирован мирным путем в ходе перемен в Восточной Европе через воссоединение Германии в 1990 г. в границах обоих германских государств. Тем самым утратила силу ответственность бывших держав-победительниц за Германию и Берлин в целом. Германия вновь стала полностью суверенным государством³⁴.

К осмыслению истории второй мировой войны. Как же осмысливают народы свое участие в этой жестокой войне или принимают на себя свою долю ответственности? Хотели и могли ли они открыто признать собственные ошибки, заблуждения или даже вину, чтобы сделать необходимые выводы — а возможно и взять на себя долю ответственности за свои действия или бездействие сегодня? Это предполагает, что они в состоянии адекватно определить место своей судьбы (микрокосмос) в общей связи (макркосмос).

Критическая дискуссия по этому вопросу на научном уровне началась в Германии еще в 50-е годы. С тех пор был достигнут значительный прогресс в постижении истины³⁵. Это, однако, не означает, что то же самое произошло среди населения. Здесь все еще остается, над чем поработать. Тем не менее, вряд ли справедлива обостренная критика относительно «второй вины» немцев³⁶. Здесь, правда, появляется еще один аспект. Представители «ревизионистской школы», к которой принадлежат ученые различных направлений и позиций, например, участники «спора историков», вновь и вновь пытаются ослабить давно утвердившиеся тезисы или приуменьшить значение отдельных фактов, что используется правыми или праворадикальными группами в политических дискуссиях — к вящему подрыву престижа немцев в Европе и во всем мире³⁷.

В этой связи следует упомянуть вновь возникшие недавно дебаты внутри бундесвера по вопросу «лжи о традициях», т. е. о том, может ли бывший вермахт считаться частью традиций нынешнего бундесвера. Острая критика в этой связи была высказана недавно публицистом Р. Джордано. С учетом результатов новейших исследований не может быть более никаких сомнений в том, что во время войны отдельные соединения вермахта, будучи при этом прямо или косвенно замешаны, или молчаливо терпели геноцид или в какой-либо форме участвовали в нем. Этот факт, а также то, что нацистское руководство использовало вермахт и злоупотребляло им как инструментом своей агрессивной политики, означает, что вермахт как институт совершенно непригоден для создания традиций бундесвера. Это не исключает того, чтобы признать и соответственно честно чувствовать заслуги солдат и офицеров, которые честно сражались до последнего и выполняли свой долг³⁸.

Тем временем, гораздо сложнее протекала дискуссия об истории второй мировой войны в Японии. Потребовались десятилетия, пока один из премьер-министров правительства (Морихиро Хосокава) летом 1993 г. публично заявил, что военные действия его страны в 30-е и 40-е годы были «агрессивными и несправедливыми». Еще в 1972 г. японский премьер Какуэй Танака заявил в связи с установлением дипломатических отношений

между Японией и Китайской Народной Республикой лишь: «Мы причинили им неприятности». Одновременно в Японии строго следили за тем, чтобы в школьных учебниках этой страны не попадались негативные этические определения типа «агрессия», вместо этого говорилось о «введении войск». Как кажется, «главные педагоги» в Токио до сих пор озабочены прежде всего тем, чтобы чтить «исторические достижения предков», укреплять национальное самосознание японцев и пробуждать в них «глубокое чувство любви» к собственному народу³⁹.

Вплоть до начала 90-х годов в Японии превалировала политика игнорирования, вытеснения или одностороннего восприятия исторических событий, при которой на первый план в сознании народа выдвигались собственные несчастья (атомные бомбардировки 1945 г.) и отодвигались несчастья тех народов, которым столько ужасного принесла японская агрессия. Конечно, несравнимы между собой Освенцим («культура вины») и Нанкин (террор в декабре 1937 г.), однако и в том и в другом случае характерным было расистское высокомерие так называемой высшей расы, которое стало роковым для обоих государств⁴⁰.

Объединенной Германии придется и в будущем жить со своим историческим долгом, который, однако, и далее можно шаг за шагом демонтировать. Условием этого является то, что в будущем будет проводиться ответственная политика вовлечения в мирные преобразования, примирения и партнерства с другими европейскими народами в духе Парижской хартии (1990 г.), которая поможет и далее укреплять уже достигнутое доверие к ФРГ со стороны государств мира и, тем самым, осознание того, какие значительные уроки Германия, несмотря на ошибки и заблуждения, извлекла из этого периода своей истории.

Примечания

1. См. BRACHER K.D., FUNKE M., JACOBSEN H.-A. Deutschland 1933—1945. Düsseldorf. 1993, S. 532 ff., 542 ff., 566 ff., 593 ff.
2. См. хороший обзор в: Der Zweite Weltkrieg. München-Zürich. 1989.
3. См. HILLGRUBER A. Der 2. Weltkrieg. Stuttgart-Berlin-Köln-Mainz. 1982.
4. Основополагающая работа: WEINBERG G. L. A World at Arme. Cambridge. 1994.
5. См. Deutsch-russische Zeitenwende. Baden-Baden. 1995. Anm. 2 [материал Вегнер]; WEINBERG G. L. Op. cit., Anm. 4.
6. См. WEINBERG G. L. Op.cit., Anm. 4.
7. Ibid., p. 921 ff.
8. См. JAHN P., RURUP R. Erobern und Vernichten. Brl. 1991; Deutsch-russische Zeitenwende, Anm. 5. (материалы Ветте и Вильгельма); JACKEL E. Hitlers Herrschaft. Stuttgart. 1986; MARTIN B. Der Traum vom «Weltreich».— Japan. Stuttgart-Wien. 1986; The Japanese Colonial Empire 1895—1945, Princeton (New Jersey). 1982.
9. См. WEINBERG G. L. Op. cit., Anm. 4; см. также Japan, Anm. 8; KINDERMANN G. K. Der Ferne Osten. München. 1970; Japan-Handbuch. Wiesbaden. 1981, S. 340 ff.
10. См. HILLGRUBER A. Op. cit., Anm. 3, S. 43 ff.
11. См. ВОЛКОГОНОВ Д. Триумф и трагедия. В 4-х тт. М., 1989; см. также Deutsch-russische Zeitenwende (материал В. Ларионова), Anm. 5.
12. См. секретные директивы немецкой прессе (июнь-август 1940 г.) — Bundesarchiv Koblenz.
13. См. NEULEN H. W. Europa und das 3. Reich. München. 1987, S. 104 ff.
14. Ibid., S. 21 ff.
15. См. Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Brl. 1994, S. 203 ff., 582 ff., 597 ff.
16. См. JACKEL E. Op. cit., Anm. 8; Обширную документацию о Холокосте см. Die Ermordung der europäischen Juden. München-Zürich. 1990.
17. См. LILL R. Geschichte Italiens in der Neuzeit. Darmstadt. 1988; Italien und die Großmächte 1943—1949. München. 1988.
18. См. HILLGRUBER A. Op. cit., Anm. 3; WEINBERG G. L. Op. cit., Anm. 4.
19. Ibid.
20. См. Japan, Anm. 8; The Japanese Colonial Empire 1895—1945.
21. См. HILLGRUBER A. Op. cnt., Anm. 3, а также последний сборник: VOLKMANN H.-E.

- Ende des Dritten Reiches — Ende des 2. Weltkrieges. München. 1995. Кроме того см.: SCHREIBER G. Bilanz des 2. Weltkrieges. Deutsch-russische Zeitenwende, Anm. 5.
22. См. WEINBERG G. L. Op. cit., Anm. 4, p. 408 ff.
 23. Ibid.
 24. Ibid.; см. также: HILLGRUBER A. Op. cit., Anm. 3.
 25. См. HILLGRUBER A. Op. cit., Anm. 3; WEINBERG G. L. Op. cit.
 26. См. Deutsch-russische Zeitenwende, Anm. 5. (материалы Лота, Прэжтора и Семиряги). См. также: LAQUEUR W. Europa auf dem Weg zur Weltmacht. 1945—1992. München. 1992.
 27. См. WEINBERG G. L. Op. cit., Anm. 4; там же указана литература.
 28. Ibid.
 29. См. The Japanese Colonial Empire 1895—1945, Anm. 8.
 30. См. HENKE K.-D. Die amerikanische Besetzung Deutschlands. München. 1995; GRAML H. Die Alliierten und die Teilung Deutschlands. Frankfurt. 1985.
 31. Ibid.; см. также: Dokumente zur Deutschlandpolitik, 1. Reihe (1939-Mai 1945), в том числе: Die Konferenz von Potsdam. Neuwald und Frankfurt. 1992.
 32. См. BENZ W. Die Vertreibung der Deutschen aus dem Osten. Frankfurt. 1985.
 33. См. Deutsch-russische Zeitenwende, Anm. 5 (материалы Лота, Прэжтора и др.).
 34. См. Handbuch der Deutschen Einheit, Frankfurt. 1993; KAISER K. Deutschlands Vereinigung. Bergisch-Gladbach. 1991; FRITSCH-BOURNAZEL R. Europe and German Unification, Oxford-New York. 1992.
 35. См. BRACHER K. D., FUNKE M., JACOBSEN H.-A. Op. cit., Anm. 1; FUSSEL K.-H. Die Umerziehung der Deutschen. Paderborn. 1994; DULFFER J. Deutsche Geschichte 1933—1945. Stuttgart-Brl.-Köln. 1992.
 36. См. GIORDANO R. Die zweite Schuld oder von der Last Deutscher zu sein. Hamburg. 1987; HOFFMANN CHR. Stunden Null? Bonn-Brl. 1992; KITTEL M. Die Legende von der «zweiten Schuld». Brl.—Frankfurt. 1993.
 37. См. «Historikerstreit». München. 1987. EVANS R. J. Im Schatten Hitlers? Frankfurt. 1991. В России критическая дискуссия об эпохе сталинизма началась лишь недавно. Об этом см.: Deutsch-russische Zeitenwende, Anm. 5 (работы Ларионова, Семиряги, Прэжтора, Дашичева и Орлова).
 38. Переписка Р. Джордано с генералом Науманном от 14 и 20 июля и 24 августа 1994 г. (копии имеются у автора).
 39. См. BURUMA I. Erbschaft der Schuld. München-Wien. 1994.
 40. См. Länderbericht Japan. Bonn. 1994, S. 199 ff.

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том пятый. Вооруженные силы Юга России

Глава XXXIII. Заседание Верховного Круга 16 января 1920 г.

После совещания Тимошенко обратился ко мне с предложением прибыть на Круг, уверяя, что личное общение разрешит скорее и легче все недоразумения. Я ответил, что это будет зависеть от того, как отнесется Круг к вынесенным сегодня постановлениям.

После вторичного настойчивого приглашения я решил посетить Верховный Круг.

16 утром мой поезд прибыл в Екатеринодар. Тотчас начались посещения целого ряда лиц, имевших целью побудить меня к уступкам и предотвратить возможный разрыв. Явились английский и французский представители, принесся навесный Кругом, но все же далекий от его пожеланий проект государственного устройства Юга. Их речи были неуверенны, понимание положения сбивчивое, но цели несомненно искренние. Пришел и Тимошенко, который в качестве аргумента в пользу уступок и соглашения с казачеством привел «достоверное сведение» о... брожении в Добровольческих кругах. Уступки казачеству, как средство успокоить Добровольцев — это было несколько неожиданно.

В полдень я приехал на заседание Круга и сказал речь, с полным текстом которой были ознакомлены предварительно командующие генералы — Сидорин и Кутепов.

1. В дни наших неудач все ищут причин, поколебавших фронт. Правые видят их в недостаточно твердом проведении своей программы; левые — в реакционности правительства; одни — в самостийных устремлениях; другие в нетерпимости к новым «государственным образованиям»; третьи — в главном командовании. И все — в грабежах и безчинствах войск — даже те, кто толкал их на это, заменяя недостаток патриотизма — жадной наживы.

2. Теперь, когда все горит в огне политических страстей, трудно найти истину. Я отмечаю, поэтому, всякие личности, всякие ошибки, всякую социальную и политическую нетерпимость... Умудренные печальным опытом прошлого мы должны напречь все свои силы, чтобы искупить свои большие и малые, вольные и невольные вины перед Родиной, в безысходных страданиях ждущей избавления.

3. Что же случилось на фронте?

Если в Харьковско-Воронежском районе мы имели против себя огромные силы большевиков, стянутые со всех сторон, под напором которых сдвинулся наш фронт, то уже под Ростовом и Новочеркасском, к стыду нашему, мы сами имели превосходство над противником и в технике, и в силе. Но дух был подорван: и отступлением,

и наживой, и безудержной пропагандой, порывавшей авторитет командования и затемнявшей цели борьбы. И вот, в начале декабря южнее Купянска рассыпалась сильная конная группа, которая должна была решить участь всей операции... Когда шли горячие бои под Ростовом, я видел у Батайска безконечные вереницы веселых, здоровых всадников на хороших лошадях с огромными обозами... И еще больше болело сердце за тысячи погибших Добровольцев, которые, имея возможность безболезненно уйти в Крым, жесточайшими боями пробивались к Дону, чтобы вместе с Донцами грудью прикрыть Кубань и Кавказ. Болело сердце за тысячи казачьих жизней, павших безрадостно, не дождавшись победы.

4. Но это прошлое.

Фронт поправился и стал прочно. На Донском фронте даже численный перевес противника не велик. Конница казачья и Добровольческая разбила недавно Буденного и потрепала Думенку. Вчера Донцы вновь разбили Думенку, который бросил большую часть своей артиллерии. Добровольцы в двухдневном бою отбили многократные атаки и отбросили большие силы противника. Терцы отбросили большевиков далеко за Кизляр. Крым и Новороссия прикрыты. Возможны, конечно, еще неудачи; но даже дальнейший отход не страшен при данной силе и настроении главного нашего фронта и при неременном условии немедленного выхода на фронт кубанских частей для наступления и для прикрытия некоторых направлений, совершенно обнаженных и угрожаемых.

В самом деле, не кажется ли вам странным, что в час самой грозной опасности из всего кубанского казачьего войска на боевом фронте дерется всего лишь 8½ тысяч бойцов?

К сожалению, преступная пропаганда продолжает свое злое дело, и нежелание некоторых полков идти на фронт, большая утечка из других частей, медленное формирование — это лишь отзвуки нездоровой жизни Екатеринодара.

Если так пойдет дальше, то на успех рассчитывать трудно.

5. Какую же силу представляет из себя ныне большевизм? Я не стану излагать своего мнения и ограничусь оценкой, данной Троцким на заседании революционного военного совета Южного фронта.

«Отсутствие продовольствия, расстройство транспорта, голод, холод, глухое и открытое недовольство нами масс — все это грозит последствиями, которые до конца напряженная власть не в состоянии будет ликвидировать. Наш противник также совершенно выдохся и весь вопрос в том, кто из нас в состоянии будет выдержать эту зиму. Мы не в состоянии воевать, они тоже; поэтому во что бы то ни стало надо наступать».

Неужели вы не понимаете, что, невзирая на все видимые блестящие успехи большевиков — это крик отчаяния зарвавшегося игрока, и от нас требуется лишь последнее сильное напряжение, чтобы покончить с ним?

И если мы не напряжем всех сил своих, чтобы свергнуть большевиков, то окажемся такою слякотью, которая недостойна тех вольностей, о которых так много, горячо и красиво говорят во всех представительных учреждениях. Ибо рабам подобает ярмо, а не свобода.

6. Что же делать для воодушевления борцов?

Екатеринодар устранил Россию, создал, казачье государство, формирует самостоятельную армию и готовится принять всю полноту власти военной и гражданской на юго-востоке. Одно только не приняли во внимание, что Добровольческая армия и главнокомандующий служат России, а не Верховному Кругу.

Тем не менее, екатеринодарские речи сделали свое дело. На фронте явилась неуверенность в возможности продолжать при таких условиях борьбу. Весь командный состав, работая тяжело над фронтом внешним, принужден оглядываться на внутренний. Мысли казачества отвлекаются от борьбы. Сначала шопотком, потом все громче бросаются в армию новые лозунги, разрушающие всю идею борьбы, за которую тысячи людей бестрепетно сложили свои головы. Наконец, неумелыми руками разрушают военную организацию, ставя стратегию в полную невозможность исполнения своих планов. К таким большим вопросам относится и требование самостоятельных армий.

7. Вся наша борьба шла под флагом Единства России и Единства Армии. Корнилов, Алексеев, Каледин, Марков и прочие великие и малые русские люди умирали за эту идею. Только эта идея могла спаять небольшой отряд Первого

Кубанского похода. Только она могла создать армию, двинуть с большим трудом кубанцев на север, соединить бурлящие народы Северного Кавказа.

И только забвение этой идеи могло привести здесь к такому факту, как исключение самого имени России из официального акта ¹.

Единство России... Только этим единством — колеблемым, оспариваемым быть может призрачным — мне удалось заставить уважать достоинство русского имени, получить огромную помощь и оградить от посягательств извне. Оградить от той судьбы, которая уготована всем мелким, враждующим, спорящим и поглощаемым иноземцами окраинам.

Эту политику считают нетерпимостью. Но разве может жить великая наша страна без Балтийского и Черного морей? Разве может она допустить переход во враждебный стан своих окраин, за которые пролито столько русской крови и особенно казачьей, вложено столько русского труда и народного достоинства?

На просьбу союзников определить отношение к окраинам я дал ответ, дальше которого идти невозможно ².

В виду того, что позиция, занятая конференцией по отношению к Азербайджану и Грузии, дала последним повод думать, что речь идет о признании независимости этих новообразований, я заявил протест. Но сегодня получил официальное разъяснение, что державы признали самостоятельность фактических правительств, а не самих окраин ³.

Это не нетерпимость, а соблюдение высших интересов русской державы, и этим не исключается вовсе возможность установления добрососедских отношений на тех именно основаниях, которые приведены в моем заявлении.

8. Вернемся, однако, к фронту.

12 декабря на собрании всех старших начальников выяснилась яркая картина положения и настроений фронта...

Прочтя затем, приведенные выше положения, принятые совещанием в Тихорецкой, я продолжал:

9. И если Верховный Круг все же найдет возможным принять рискованное решение — откажется от организации общерусской власти, создаст казачье государство, отдельную армию и поставит ей задачу только самозащиты, то ни мне, ни Добровольческой армии здесь не место. Надо искать других путей для освобождения России.

Я постараюсь нарисовать вам картину ближайшего будущего, основанную на ярких, образных докладах всех казачьих и добровольческих старших военачальников.

Я с Добровольческой армией уйду. Русские офицеры и Добровольцы, заполняющие почти все технические части казачьих войск, уйдут с нами. Уйдет и значительное число казачьих начальников и того казачества, которое не в силах пойти под большевиков или не ждет от них пощады. Помните, что нет той силы, которая могла бы воспрепятствовать движению этой армии людей, связанных единой целью, общей опасностью, озлобленных крушением своих надежд.

В тот же день рухнет весь фронт. Большевики зальют Задонье и Кубань и выместят на них свои злоключения. Не забудут ни чрезвычайных судов, ни порки, ни выселения... Пощады не будет. Для Европы они ведь недавно торжественно отменили смертную казнь, а сами заливают кровью Ростов, Новочеркасск и Донские станицы. А через два-три месяца казаки, ограбленные дочиста, униженные, не досчитывая многих умученных, восстанут вновь и начнут борьбу, помяная проклятием тех, кто их сбил с толку.

Не скрою от вас и того, что, если мне придется уходить, я сделаю это с глубокой скорбью в душе, со жгучей болью за разрушенные надежды и за тяжкую долю того честного казачества, с которым так долго делил и радость и горе.

10. Зачем же нужно разрушать жизнь, какие непримиримые противоречия возникли между казачеством и главным командованием, почему рождавшееся в таких долгих муках положение конференции об общегосударственной власти оказалось неприемлемым, зачем нужно расчленять юг России на призрачные «государства», лишённые силы и голоса в международной политике?

Я веду борьбу за Россию, а не за власть. Но, к моему сожалению, борьба за Россию немыслима без полноты власти главнокомандующего. Эта власть, конечно, не может быть ни капризом, ни произволом.

В основе ее я мыслю следующие положения:

1. Единая, Великая, Неделимая Россия.
2. Донская и Кубанская армии составляют нераздельную часть единой Русской армии, управляемой одними законами и единой властью.
3. Борьба с большевиками до конца.
4. Автономия окраин и широкая автономия казачьих войск, историческими заслугами оправдываемая. Широкое самоуправление губерний и областей.
5. Правительство, ведающее общегосударственными делами, из лиц честных, деловых и не принадлежащих к крайним воззрениям. Полное обеспечение в нем интересов казачьих войск вхождением казачьих представителей.
6. Представительное учреждение законосовещательного характера.
7. Земля — крестьянам и трудовому казачеству.
8. Широкое обеспечение профессиональных интересов рабочих.
9. Всероссийское Учредительное Собрание, устанавливающее форму правления в стране.

Наконец, тем, кто хочет непременно читать в душах, я могу облегчить труд и совершенно искренно высказать свой взгляд на самое больное место нашего политического символа веры.

Счастье Родины я ставлю на первом плане. Я работаю над освобождением России. Форма правления для меня вопрос второстепенный. И если когда-либо будет борьба за форму правления — я в ней участвовать не буду. Но, несколько не насилуя совесть, я считаю одинаково возможным честно служить России при монархии и при республике, лишь бы знать уверенно, что народ русский желает той или другой власти. И поверьте, все наши предрешения праздны. Народ сам скажет, чего он хочет. И скажет с такою силою и с таким единодушием, что всем нам — большим и малым законодателям придется только преклониться перед его державной волей.

Вот те мысли, которые я с полной откровенностью счел необходимым изложить вам. Если возможно идти дальше рука об руку с казачеством, пойду с радостью и с глубокой верой в конечный успех. Если же нельзя, разойдемся, и пусть Бог и Россия рассудят нас».

Отвечал мне председатель Круга Тимошенко.

«300 лет создавалась мощь и величие России костями, потом и кровью русского народа. 300 лет во имя величия России погибал русский народ.

И хорошо жилось в это время на Руси немногим, и, во всяком случае, не русскому народу.

Разразилась русская революция и народ сбросил ярмо и рабство. Но целый ряд волнующих обстоятельство повел к тому, что русскому народу не пришлось устроить свою жизнь так, как ему хотелось и подобало. На смену одних насильников явились другие, которые дали народу новых сатрапов-комиссаров, чрезвычайки и прочее.

И вот на далеких окраинах государства, великие русские патриоты восстали против этих новых насильников. Два года длится упорная ожесточенная борьба во имя обещанной Родины, борьба, в которой рука об руку сражаются казаки и Добровольцы.

Мы уже далеко были продвинуты в этой нашей борьбе и были около Москвы.

И что же?

Наши войска, предводимые блестящей плеядой полководцев, окружающих главнокомандующего, вахмистры Буденный и Думенко отбросили к исходному положению.

Не будем прислушиваться к тому, что говорят правые, что говорят левые, но давайте учтем причины этого нашего поражения.

Великую идею освобождения Родины, этот драгоценный сосуд можно пронести в Москву только с народом и только через народ. Мы ценим талант главнокомандующего и его соратников, но в гражданской войне кроме таланта стратегического и учета обстановки военной, нужно учесть и сторону политическую.

Гражданская война это — не племенная борьба, это борьба — за формы правления. И, поэтому, воссоздать Россию мы можем лишь такой политикой, такими лозунгами, которые близки и понятны народу.

Мы приветствуем заявление главнокомандующего о том, что земля должна

принадлежать трудовому народу и казачеству, но мы думаем, что этот лозунг должен быть написан на нашем знамени еще в самом начале борьбы.

Мы приветствуем лозунг, провозглашенный сегодня главнокомандующим об Учредительном Собрании, но мы думаем, что этот лозунг нужно было бы провозгласить еще в самом начале борьбы, при выходе из Екатеринодара.

Диктатурой России не победить.

Главнокомандующий подчеркнул здесь, что кубанские части слишком малочисленны сейчас на фронте, что Кубанцы в этот исторический момент оказались позади.

Я должен сказать, что Кубань одна из первых создала ядро, с которым Добровольческая армия пошла на север. Мне тяжело об этом говорить, но я должен сказать: всего два месяца назад на Кубани произведена была тяжелая операция изъятия ее политических вождей. Кубань много принесла жертв и много еще их принесет, но Кубань не мыслит себе диктатуры, не мыслит такого положения, когда народ безмолвствует.

И с диктатурой, т. е. с властью насилия Кубань не помирится.

Весь мир обхвачен сейчас движением народным, и наши русские события лишь волна этой общей стихии. И расценивать нынешние народные движения по старому, как смуту, клеймить их предательством и изменой, как прежде — это крупная тяжелая ошибка. Мы пойдем сражаться, но не как рабы, а как свободные граждане, которые не подчиняются никакой диктатуре, как бы велик диктатор ни был.

Верховный Круг, объявив себя верховной властью на Дону, Кубани и Тереке, не мыслит себя совершенно отдельным от России государством. Идея единой России Верховному Кругу близка, но борьбу за ее воссоздание Круг мыслит себе иначе. И если между Верховным Кругом и Главным Командованием возникли разногласия, они могут быть устранены. Это только разногласия относительно построения власти и организации аппарата управления.

Соглашение возможно и необходимо в общих интересах, а для этого нужно не подходить с заранее предрешенным определением друг к другу. Мы никогда не говорили, что во всех неудачах на фронте виноват Главнокомандующий, но и не нужно говорить, что мы, здесь собравшиеся, смутьяны и изменники.

Это неверно.

Изболевшие душой, мучимые вопросом, как устроить нашу жизнь дальше, здесь собрались люди, которые корнями росли в народную душу. Это вполне номоченные представители Дона, Кубани и Терека, и кому, как не им решать судьбу посланных их.

Верховный Круг понимает и знает, что уход Главнокомандующего и Добровольческих частей это — гибель для казачества, но вряд ли этот разрыв спасет и Добровольцев. Нас смущает другое. Мы смущены тем, что наши разногласия погубят идею великой России и осуществятся мечты Троцкого о единой, великой и неделимой Совдепии.

Вот та угроза, которая повисла в этот исторический час над нами. И во имя интересов единой свободной России договоримся, господа, о том, как, куда и какими путями мы дальше пойдем.

И Верховный Круг будет стремиться не рвать, а договориться с Главным Командованием».

Наша политика заслуживала во многом осуждения, но меньше всего прав на это имели единомышленники Тимошенки.

Начертанная им характеристика настроений и взглядов оппозиции, в особенности кубанской — была неискренней и совершенно не соответствовала действительности. Их цели, взгляды, приемы, тактика уходили далеко от побуждений народного блага, от признания национальной идеи и даже просто от желания договориться.

И все хорошие слова в устах Тимошенки звучали фальшиво, являясь только полемическим приемом, рассчитанным на доверчивых слушателей и плохо разбиравшихся в наших делах иностранцев.

Его единомышленники не хотели сражаться ни в роли «рабов», ни в роли «свободных граждан».

Вершители дел на Круге — группа донских и кубанских самостийников — в роли идеологов Единой, Великой России... Творцы идеи «самостоятельной ветви

славянского племени» и «борьбы за свою независимость» — в качестве оберегателей полномочных прав Всероссийского Учредительного Собрания... Законодатели, обездолившие своих «иногородних» — во образе печальников за русский трудовой народ... Самый пафос борьбы с большевиками вызывал тогда уже большие сомнения в его искренности. Впоследствии сомнения эти нашли подтверждение: те самые лица, которые вели Верховный Круг — Тимошенко, Агеев, Гнилорыбов, сбросив личину, пошли к большевикам, к тем самым, которых они называли виновниками «бесчестья Родины».

С 16 января между Верховным казачьим Кругом и главным командованием начались вновь переговоры о создании на Юге общей государственной власти.

Г л а в а Х Х Х I V . *Миссия Мак-Киндера. Договор с Верховным Кругом. «Южно-русское правительство». Настроение тыла: Новороссийск (эвакуация) и Кубань*

В своей речи на Верховном Круге я упомянул о данном союзникам разъяснении по вопросу об отношении Южной власти к окраинам. История этого эпизода такова. В конце декабря по поручению английского правительства прибыл на Юг, после посещения Варшавы, видный член парламента Мак-Киндер, имея поручение выяснить положение Юга и способы оказания ему политической и моральной помощи. 31 декабря я получил из Новороссийска телеграмму от председателя правительства ген. Лукомского:

В заседании правительства 31 сего декабря под моим председательством при участии Астрова, Бернацкого, Билимовича, Герасимова, Кривошеина, Нератова, Носовича, Савича, Степанова, кн. Трубецкого, Фенина, Челищева, Юрченко и Федорова был заслушан доклад Нератова о предложениях Мак-Киндера. Во внимание к военному положению, в связи с событиями в казачьих областях, создающими опасность потери остающейся территории, единогласно признано принять полностью предложение Мак-Киндера, в том числе признание Вами и Правительством самостоятельности существующих окраинных правительств и установление будущих отношений путем договора общерусского правительства с окраинными правительствами, с допущением сотрудничества союзников. Гарантию в этом отношении со стороны союзников совещание нашло нежелательным, как чрезмерно закрепляющую их самостоятельное положение. Термин «автономия», как крайне неопределенный и могущий вызвать длительные переговоры о ее пределах, признано желательным избежать.

Относительно Польши и Румынии совещание полагаю возможным согласиться полностью на предложение Мак-Киндера ⁴, при условии содействия со стороны Польше живой силой с немедленным частичным переходом в наступление для отвлечения большевистских сил и дальнейшим развитием операций в возможно кратчайший срок и в полном масштабе.

Вместе с тем совещание нашло необходимым потребовать от союзников:

1. решительной и незамедлительной охраны флотом Черноморск. губ., Крыма и Одессы;
2. содействия к помощи живой силой со стороны Болгарии и Сербии;
3. обеспечения тоннажа для перевозки указанных в пункте втором войск; и
4. продолжения снабжения Вооруженных сил Юга России.

Крайне желательно заинтересовать Англию в экономических предприятиях Черноморской губ. и Крыма путем предоставления концессий, что в значительной мере свяжет ее интересы с нашими и даст нам валюту. Завтра, первого, имеет быть у Мак-Киндера совещание по вопросам финансовым, торговопромышленным и транспорта при моем участии».

Постановление это я утвердил, внося следующие изменения: 1. В пункте о признании «самостоятельного существования фактических окраинных правительств» я добавил определение: «ведущих борьбу с большевиками». 2. В пункте об отношениях к Польше ограничился заявлением: «Вопрос восточной границы Польши будет решен договором общерусского и польского правительств на этнографических основах». Что касается вопроса об экономическом содействии я дал особо указание правительству: «невзирая на тяжелое положение, нельзя допускать ничего, имеюще-

го характер мирной оккупации и исключительного управления нашей торговлей и транспортом. По вопросу о концессиях не согласен, так как заинтересованность варягов и без того велика»⁵.

Мак-Киндер, удовлетворившись в общем моим ответом, остался неудовлетворенным постановкой польского вопроса. Он просил пересмотреть его, в видах «будущей политической комбинации». Уезжая на короткое время в Англию, он предполагал по возвращении устроить свидание мое с ген. Пилсудским. Просил также разработать к тому времени основы соглашения с Румынией, советуя нам согласиться на плебисцит в Бессарабии, который, при существующих там настроениях массы, был бы по его мнению безусловно благоприятным для России... Мак-Киндер не вернулся на Юг.

События прошли мимо этого запоздалого, хотя и несомненно доброжелательного вмешательства английского правительства. Двухсторонний договор остался мертвой буквой и интересен лишь, как показатель английской точки зрения с одной стороны и той эволюции, которая под влиянием событий произошла в политических взглядах государственных людей Юга. Бывший государствовед Особого Сопещения, К. Н. Соколов, не принимавший уже участия в правительстве, укоризненно подчеркивает этот «уклон» его, полагая, что «принятие идеи соглашения между Россией и крайними образованиями было в несомненном противоречии с незыблемым до тех пор у нас догматом целокупной русской государственности и противоречило принципу полновластия Всероссийского Учредительного Собрания.»

Мне казалось, что «догмат» отнюдь не поколеблен. Не говоря уже о том, что юридический смысл признания «самостоятельного существования фактических правительств» вовсе не равносителен признанию *de jure* крайних «государств» и что с о г л а ш е н и е вовсе не устраняло окончательной санкции Всероссийского Учредительного Собрания, мне лично представлялось, что с г о в о р между метрополией и окраинами может идти только о пределах, хотя бы широчайших, прав их на те или другие области управления, но не на раздельное существование. Этот путь несколько не стоял в противоречии с идеей целокупности государства, и им я шел по существу и в наказе ген. Баратову о Закавказских новообразованиях, и в работах Южно-русской конференции с казаками. Я считал, что мы освобождаемся только от ненужного и вредного ригоризма. Ибо гипноз слов довел часто над людьми и действиями, форма мертвила дух, а жизнь... шла мимо.

Существенно выразился уклон моей политики в переговорах с Верховным Кругом, веденных 16-го мною лично с лидерами Круга и атаманами, а после этого — в совещании представителей главного командования⁶ и Круга. Эти переговоры, после многих споров завершились к концу января принятием обеими сторонами положения:

1. Южно-Русская власть устанавливается на основах соглашения между главным командованием Вооруженными силами на Юге России и Верховным Кругом Дона, Кубани и Терека, впредь до созыва Всероссийского Учредительного Собрания.

2. Первым главой Южно-Русской власти, по соглашению Верховного Круга Дона, Кубани и Терка, с одной стороны, и главного командования Вооруженными силами Юга России — с другой стороны, признается генерал-лейтенант Деникин.

3. Закон о преемстве власти главы государства вырабатывается Законодательной Палатой на общем основании.

4. Законодательная власть на Юге России осуществляется законодательной Палатой.

Примечание: Проведение выборного закона в спешном порядке, а равно текущее законодательство, возлагается на Законодательную комиссию, создаваемую по соглашению с главным командованием из представителей казачьих войск и местностей, находящихся под управлением главнокомандующего.

5. Функции исполнительной власти, кроме возглавляющего Южно-Русскую власть, отправляет совет министров, ответственный перед Законодательной Палатой, кроме министров военно-морского и путей сообщения.

Примечание: Военное снабжение сосредотачивается в военном министерстве. Министр продовольствия исполняет требования военного ведомства по снабжению армии.

6. Председатель совета министров назначается лицом, возглавляющим Южно-

Русскую власть, а члены совета министров утверждают им же по представлению председателя совета министров.

7. Лицу, возглавляющему Южно-Русскую власть, принадлежит право роспуска Законодательной Палаты и право относительного «вето». Причем к вторичному рассмотрению отклоненного закона Палатам может приступить не ранее, чем через четыре месяца после его отклонения, и закон воспримет силу лишь по принятии его большинством двух третей состава Палаты.

Совещание выработало еще положения о законодательной комиссии и о разграничении общегосударственной и местной власти. Верховный Круг, не приступая к обсуждению проектов, передал их в комиссию, и света они не увидели.

Ответственное министерство, законодательная палата и условное вето знаменовали переход от диктатуры к конституционным формам правления... Я не допустил ограничения полноты военной власти главнокомандующего и сохранил подчинение только ему важнейших органов ведения войны. Это было по времени самое главное. Кроме того, Круг принужден был отказаться от своего ультимативного требования о предоставлении ему законодательных функций до созыва Палаты. Это было невозможно, ввиду отсутствия государственного смысла в деяниях Круга, и совершенно неприемлемо в глазах российских людей.

Обе стороны пришли к соглашению под давлением обстановки, без особой радости и без больших надежд.

Стремясь к осуществлению народного представительства, я считал теперь, как и раньше, что в дни борьбы и потрясений и при том поразительном расслоении, которое являл собой организм противобольшевистской России, только военная диктатура, при некоторых благоприятных условиях, могла с надеждой на успех бороться против диктатуры коммунистической партии. Что рассредоточение и ослабление верховной власти внесет огромные трудности в дело борьбы и строительства в будущем. Но стоило ли страшиться этого будущего, когда гибло настоящее и нужно было пытаться спасти его?

Спасти, хотя бы и дорогой ценой...

Донская и кубанская оппозиция Верховного Круга подходили к вопросу с другой стороны: «Мы вынуждены силою обстоятельств... отступить с болью в сердце и душе от чистоты демократических принципов... и принять положения, далекие даже от скромных наших пожеланий...»

Было установлено, что главнокомандующий и Круг особым согласованным актом объявят о состоявшемся соглашении. Проект воззвания Круга, составленный Агеевым, не был принят Кругом и, тем не менее, появился в печати под заголовком «Обращение Верховного Круга Дона, Кубани и Терека к населению». В этом «обращении» Агеев и его единомышленники, превознося себя безмерно и обвиняя во всем случившемся Особое Совещание, возглашали: «Теперь, благодаря влиянию Верховного Круга, устранены от власти безответственные чиновники — честолюбцы... Мы, народные избранники, (установили) власть, у которой будут стоять только истинные защитники народа... Отныне народные чаяния и надежды будут немедленно осуществляться во всей полноте.» Бывшие члены Особого Совещания выступили с кратким заявлением относительно «документа... содержащего явную и намеренную ложь, заслуживающую презрения со стороны всех, кто в основу своей деятельности не полагает дешевой демагогии.»

Подобные приемы, усвоенные лидерами Круга, обещали мало хорошего.

В конце января я освободил от председательских обязанностей ген. Богаевского. После совещания с лидерами трех фракций Круга, предложившими на пост председателя совета министров Н. М. Мельникова⁷ (Донцы и Терцы) и Тимошенку (Кубанцы), я предложил первому из них составить кабинет. Дело это встретило большие трудности, как по наличию большого числа влиятельных членов Круга, стремившихся стать министрами, так, в особенности, ввиду неперемennого желания кубанской фракции получить 5 портфелей и, в том числе, для Тимошенки — министра иностранных дел.

Не веря в прочность и длительность соглашения, я был озабочен, главным образом, тем, чтобы сохранить в руках людей лояльных и не опасных в смысле приятия большевизма главнейшие средства вооруженной борьбы — внешние сношения, военно-морское управление, финансы и пути сообщения. Намеченный Мельниковым состав совета не встретил с моей стороны возражений, за исключением

кандидатуры Агеева, присутствие которого в правительстве, как лица склонявшегося к большевизму и беззастенчивого демагога, я считал опасным. Но Мельников уверил меня, что желание Агеева стать министром настолько велико, что, получив пост, он совершенно преобразится, а в то же время назначение это обезоружит донскую оппозицию. Что касается приглашения лидеров кубанской самостийной группы — этот вопрос был нами разрешен отрицательно. Это обстоятельство вызвало среди кубанских самостийников большое раздражение и сразу восстановило их против нового правительства.

В начале февраля главнейшие посты были замещены ⁸, и совет министров представил мне в спешном порядке декларацию — воззвание «ко всем гражданам». Я был немало удивлен вступлением в декларацию, в котором существо происшедшей перемены изложено было такими словами: «Во имя спасения Родины и возрождения ее на основах народовластия, по соглашению главнокомандующего В.С.Ю.Р. с демократическим представительством Дона, Кубани и Терека образована новая власть — Южно-Русское правительство из следующих лиц...» Шел список министров.

Такое определение, совершенно расходясь с принятой нами «конституцией» и устанавливая нечто вроде директории в составе несменяемых членов ее, явилось, по-видимому, результатом отсутствия в составе правительства государствоведов. После исправления вступления, декларация, повторявшая многие хорошие слова и благие намерения предыдущих правительств ⁹, была оглашена Н. М. Мельниковым на Верховном Круге и опубликована в печати.

Появление нового правительства не внесло никакой перемены в течение событий.

Верховный Круг отнесся к нему с явным недоброжелательством и даже с некоторым высокомерием. Кубанское правительство Иваниса особым постановлением отказалось признавать его компетенцию на территории Кубани. «Признание или непризнание этого правительства Кубанью зависит от существующих законодательных учреждений (Законодательная Рада). К опубликованному списку министров кубанское правительство не может отнестись иначе, как к Особому Совещанию.»

Кубанская фракция добивалась вновь временного возложения на Круг законодательных функций, с целью несколько не скрываемой — «свалить кабинет Мельникова». Российские круги, как либеральные, так и консервативные, отнеслись с подозрительной враждебностью к Южному правительству по мотивам — одни «казачьего засилья», другие «левизны», третьи — персонального его состава. Соц.-рев., при участии Тимошенки и Аргунова, обсуждали возможность переворота, а соц.-дем. вынесли резолюцию с принципиальным порицанием Южного правительства и требовали соглашения с большевиками ¹⁰. Только одна политическая партия, в лице «группы центрального комитета к.-д.» постановила «во имя сохранения единства» поддержать Южное правительство, которое «представляется в настоящий момент единственным центром национального объединения.»

Так было на верхах.

В народе и в армии появление нового правительства не было воспринято никак: немало рядовых обывателей только много времени спустя, в эмиграции узнали об его существовании.

Северный Кавказ был вскоре отрезан; Кубань — главный театр войны — жила своей жизнью, своей властью или вернее безвластием; последние клочки Ставропольской, Черноморской губ. и Крым по инерции тяготели к Новороссийску, где сосредоточились органы старого государственного аппарата — более, чем к Екатеринодару, где пребывали новые главы ведомств.

При таких условиях говорить о деятельности министерства Мельникова затруднительно и судить ее было бы несправедливо. Положительной стороной этого правительства, состоявшего из лиц, в большинстве своем одушевленных самыми добрыми намерениями, было уже то, что оно не мешало вооруженной борьбе армий Юга.

В силу предоставленной мне еще 10 ноября 1919 г. Верховным Правителем полноты прав, в области переговоров с Верховным Кругом и реорганизации власти я не был стеснен в своих решениях.

В то время, когда происходили эти события на Юге, в Иркутске свершался кровавый эпилог. Оставленный своими, преданный «главнокомандующим союзными

войсками в Сибири» французским генералом Жаненом, плененный ненавидевшими его чехословаками, Верховный Правитель был отвезен ими в Иркутск и отдан в руки соц.—рев. «Политического центра».

Революционная демократия торжествовала. Объявив адм. Колчака «врагом народа», его заключили в тюрьму и подвергли допросу по обвинению в «предательстве им Родины». Еще не закончилась судебная процедура, когда ввиду угрозы подходившей к Иркутску армии ген. Войцеховского ¹¹, по распоряжению «правительства» 25 января адмирал Колчак был расстрелян.

Революционная демократия, совершив это преступление — акт политической мести, передала власть большевикам, уйдя снова в подполье.

Глубокую скорбь вызвала во мне весть о гибели адмирала Колчака. История оценит подвиг большого патриота и несчастного правителя, подъявшего на свои плечи безмерно тяжелое бремя власти в годину тяжких испытаний. Она произнесет и свой приговор над теми людьми, что, не сделав ничего для спасения страны, мнили себя вправе быть его судьями и палачами.

Я узнал о смерти Верховного Правителя еще в Тихорецкой. Событие это поставило передо мной весьма тяжелый вопрос о преемстве «всероссийской власти.»

Акты Верховного Правителя от 11 июня 1919 г. предусматривали, что «в случае болезни или смерти Верховного главнокомандующего, заместитель его (ген. Деникин) незамедлительно вступает в исполнение обязанностей Верховного главнокомандующего». Актом от 2 декабря 1919 г. предreshалась и «передача верховной всероссийской власти ген. Деникину».

В глазах некоторых деятелей эти акты обязывали меня к принятию соответственного наименования и функций, ради сохранения идеи национального единства. Я считал эту точку зрения совершенно неприемлемой: военно-политическое положение, в котором в январе — феврале находились правитель, власть, армия и территория Юга, требовало величайшей осторожности. Претензии на «всероссийский» масштаб являлись бы в то время совершенно неуместными, власть — фикцией, а связанность судеб белого движения с Югом накануне катастрофы — политически весьма опасной. Во избежание кривотолков я оставлял вопрос открытым, ссылаясь на отсутствие официальных сведений о событиях на Востоке. Кривотолки появились, но в направлении совершенно неожиданном: ввиду того, что не было назначено официальных панихид, пошли разговоры о моем «неуважении к памяти» погибшего Верховного Правителя.

Этот эпизод имел неожиданное продолжение несколько месяцев спустя, летом 1920 года. Будучи уже в Англии, я получил письмо от А. И. Гучкова, в котором последний просил довершить патриотический подвиг и особенным торжественным актом облечь барона Врангеля, правившего тогда в Крыму, преемственной в с е р о с с и й с к о й властью. От такого акта, считая его юридически ничтожным и государственно вредным, я воздержался.

Телеграммой на мое имя от 18 января ¹², ген. Семенов, облеченный адмиралом Колчаком полной власти в Сибири временно «впредь до получения (от меня) указаний», доносил, что он принял предоставленную ему власть и просил «авторитетного подтверждения ее», ввиду начавшегося на восточной окраине распада: ген. Хорват объявил себя суверенным в отношении русского населения на территории полосы отчуждения Китайско-Восточной жел. дороги; в Приморской области воцарилось земство; в Амурской — большевизм и т. д.

Белый Восток распался и агонизировал.

Если и дальше наш тыл представлял из себя в широком масштабе настоящий вертеп, то в начал 1920 г., пред нависшей и ожидаемой катастрофой, извращение всех сторон жизни, всех сторон общественной морали достигло исключительных. И в такой же степени возросло и усугубилось бедственное положение жертв войны и смуты, беспомощных щепок срубленного Дерева — семейств служилого люда, давно уже колесивших по родной земле в качестве беженцев. Теперь новым шквалом их загнало в негостеприимные почти враждебные кубанские станицы, в забитые сверх всякой меры каменные ящики домов и подвалов холодного Новороссийска. Города, пронизываемого насквозь острым ледяным дыханием норд-оста и... смерти, косившей людей без счета, особенно от сыпного тифа.

Иллюзорный договор с Мак-Киндером имел, к счастью, некоторые положительные последствия: от имени английского правительства Мак-Киндер дал мне

гарантию, что семьи служилого элемента будут эвакуированы за границу. Эта гарантия была выполнена честно англичанами, при содействии других союзников. Своими средствами мы справиться не могли бы. И хотя с Принкипо, Салониками, Кипром и другими этапами российского беженства связано много тяжелых воспоминаний, но нельзя не признать, что эта помощь, хотя бы и недостаточная, спасла многие тысячи людей — одних от жизни париев советского режима, других — от большевистской расправы. Эвакуация направлена была и в славянские балканские страны, главным образом, в Сербию, заслуги которой в деле помощи русским беженцам особенно велики и незабываемы.

Страшная загруженность тыла и тревога бойцов за свои семьи требовали немедленной эвакуации, безотносительно к возможному исходу борьбы на фронтах. И в середине января она началась фактически, причем общая директива моя¹³ определяла последовательность эвакуации по районам: 1) Одесса, 2) Севастополь, 3) Новороссийск. И последовательность подлежащих эвакуации элементов: 1) больные и раненые воины, 2) семьи военнослужащих¹⁴, 3) семьи гражданских служащих, 4) прочие — если будет время и место¹⁵, 5) начальники — последними.

Нет сомнения, что протекция и взяточничество вносили свои коррективы в установленную очередь эвакуации. Но и сами те, которым принадлежало преимущественное право на выезд — семьи служилых людей не раз осложняли вопрос до чрезвычайности: тысячи людей, связанных кровно с последним клочком родной земли и с остающимися мужьями, сыновьями, братьями, страшась неизвестного будущего на чужбине, колебались и отсрочивали свою очередь, жадно ловя малейшие проблески на нашем фронте. Пароходы вначале задерживались в порту или уходили без полного комплекта пассажиров. Англичане грозили прекращением эвакуации и на некоторое время, в конце января приостановили ее действительно, впрочем, больше из-за страха перед занесенным беженцами сыпным тифом. Я торопил эвакуацию угрожая в приказе колеблющимся прекращением дальнейших забот правительства об их участи.

Только перед концом к пристаням хлынули волны беженцев, нарушая весь план эвакуации и ослабив Новороссийский порт тоннажем в самые критические дни.

Число эвакуированных с Юга России в чужие страны зарегистрировано в этих беженцев определялось в 40 тысяч. Число прочих, имущих, не пользовавшихся пособием от правительства и союзников, превышало эту цифру.

Со второй половины февраля эвакуационное настроение охватило широко буржуазные круги. Одни уехали не в очередь, конечно, другие оставались еще для ликвидации дел и предприятий или в силу духовной протрации. Только немногие из общественных и политических деятелей самоотверженно подталкивали еще государственный корабль, загрязший в тине, вызывая скептические насмешки за свой оптимизм и свою неумелость со стороны тех, которые запаслись уже паспортом и билетом на пароход.

Беженская волна увлекла и офицерство, преимущественно тыловое — привилегированное, под предлогом «спасения семьи» или «разочарования в белом движении». Эпидемия «заблуждений», дававшая право на выезд, поражала неожиданно целые учреждения, начиная с главы, как это случилось, например, с санитарным отделом. Это внесло хаос в дело медицинской и санитарной помощи, особенно важной и нужной в эти последние тяжкие недели. Черноморский военный губернатор, ген. Макеев объявлял в газетах о розыске лица, занимавшего видный административный пост и скрывшегося, не сдав должности, ответственного дела и отчетности.

Начиналось самое худшее — паника, обнаружилось страсти, назревали многочисленные человеческие драмы, сливавшиеся и терявшиеся в одной общей великой драме Белого Юга.

Народ стоял в стороне.

Наиболее активная часть его, по мотивам далеко не идеальным, увлечена была в движение черноморских зеленых, ставропольских камышан, в кубанское «организаторство» и в горские повстанческие отряды. Все эти движения, враждебные нам, подтачивали наши силы. Остальная масса, сбита с толку привносимыми в ее жизнь враждебными одна другой идеологиями, переживала новое бедствие в замкнутой области своих элементарных нужд и интересов. С тревогой, но пассивно выжидала она событий, не интересуясь уже более ни политической распрей, ни

формами государственного строя, ни откровениями правительств, Рад и Кругов...

Наиболее существенное значение для нас имело, конечно, настроение на Кубани. Выход правящих кругов ее на путь компромиссов был неискренен. И к тому же, хоть призрак раскрывающейся пропасти пугал воображение кубанской фронды, но разве можно было в короткий срок вырвать те плевелы, которые выросли в душах кубанского казачества? Выросли из семян недоверия, злобы и розни, сеявшихся день за днем в течение полутора лет.

Отряды кубанских зеленых то расходились, то вновь собирались, нападая на наш тыл, в особенности на сообщения с Новороссийском. Руководители их Пилюк и Савицкий¹⁶ «имели соглашение с ответственными представителями советской власти о признании ею независимости (!) казачьих земель, как условия заключения мира»¹⁷.

Слепые или бессовестные вожак сбитых с толку казаков!

Кубанское правительство находилось в постоянном колебании, теряя влияние на ход событий и не будучи в состоянии руководить поднятым и им движением.

В двух станицах у самого Екатеринодара (верстах в 15 от города), вспыхнуло восстание, поднятое Пилюком, и атаман Букретов с юнкерами подавил его суровыми мерами — поркой и виселицей. Это обстоятельство возбудило против Букретова кубанское правительство и самостийную группу; возник даже вопрос о смене атамана. Букретов, в целях реабилитации, стал подчеркивать решительнее свою оппозиционность к главному командованию, а под рукой передавал, что «перевешает при первой возможности всех фельдшеров», как стал он называть теперь своих министров. И, не пристав в конце концов ни к одной стороне, атаман, щедро расточая кубанскую казну, приступил к формированию офицерской организации и к подготовке легкого обоза на случай... ухода в горы.

Букретов — ставленник самостийников — вернулся из объезда станиц совершенно подавленный: вместо традиционных атаманских почестей он встретил там невнимание и грубость. Пьяный станичный атаман, треплющий презрительно по плечу войскового атамана — такие картины напоминали канувший как будто в вечность 1917 год...

Командующий Кубанской армией, ген. Шкуро, которого недавно в станицах носили на руках, пытался поднять настроение, и ему из рядов гудящего как улей станичного сбора бросили: «Ладно, а помните Екатеринослав?».

Быть может, даже те, что в свое время пользовались там «добычей»...

Шкуро был вскоре сменил генералом Улагаем — доблестным воином, чуждым политики и безупречным человеком, но и его никто не слушал.

Среди Донцов нарастало сильнейшее возбуждение против Кубанцев, и на бурном заседании Верховного Круга 10 февраля, донская фракция поставила Кубанцам ультимативный вопрос: «если Кубанцы не намерены воевать с большевиками, то пусть они это прямо скажут Донцам, которые в этом случае оставляют за собой свободу действий». Некоторые ораторы поясняли даже последнюю фразу, угрожая жестоким расправой кубанским станицам. После многочасового фракционного заседания, Кубанцы, указав на аналогию «нынешнего заболевания Кубани» с «прошлогодним непротивлением Дона», выразили согласие бороться «добросовестно» с кубанской болезнью и даже допустить посылку карательных отрядов для принуждения станичников к выходу на фронт¹⁸.

Вслед за тем члены кубанской фракции Круга разъехались на отдельные Рады для агитации. Одни — подымать казачество в армию, другие — в постанческие отряды. «Верховный Круг теперь утратил в наших глазах все свое значение — говорил лидер черноморцев Белый. — Мы едем на места продолжать работу Крикуна, Пилюка и Рябоволов... Мы приложим все усилия, чтобы поднять массы и, твердо опираясь на силу, предъявить свои требования».

Но «массы» уже не слушали ни тех, ни других. Или, может быть, слушали и тех и других, бросая и Кубанскую армию и повстанческие организации.

Незвизрая на такое равнодушие казачества, кубанские политики проявляли исключительную деятельность, меньше всего направленную к добросовестному выполнению соглашения. В феврале — марте весь Екатеринодар был насыщен атмосферой заговоров — фантастических и даже наивных по замыслу. Так, Букретов в союзе с «черноморцами», обсуждал проект замены Южной власти дирек-

торией из трех атаманов... «Черноморцы», считая ненадежными всех кубанских генералов, пытались поставить во главе военного переворота ген. Сидорина или Кельчевского, возглавив одним из них казацкие армии. Наконец, разочаровавшись в донских генералах, в Букретове и в Верховном Круге, «черноморцы» задумали созвать краевую Раду, удалить Букретова, избрать атаманом Быча, Иваниса или Макаренку, подавить, буде нужно, сопротивление «чужеземцев». (Добр. армия, Донцы и Терцы) и объявить на Кубани единственной верховной властью власть кубанского атамана.

Воля «народа» во всех этих комбинациях не играла никакой роли.

Кубанское казачество в процессе длительной распри между своими верхами растеряло все идеологические обоснования борьбы; усталость, разочарование и возобладавшее чувство самосохранения вызвали духовную апатию; сытость и богатство устранили и материальные импульсы для действия, подвига, самоотвержения. В большинстве своем они не шли ни за Россию, ни за Кубань; ни против большевиков, ни против нас. Наиболее охотно они внимали тем речам, которые как прием наркотического средства, успокаивали и усыпляли тревожные думы:

— Большевики теперь уже совсем не те, что были. Они оставят нам казачий уклад и не тронут нашего добра.

Итак, фронт был предоставлен самому себе. Между ним и тылом встала стена непонимания и отчуждения. Английские патроны и кубанский хлеб текли еще из материальных баз, но моральные базы были уже разрушены.

Глава XXXV. *Операции Южных армий в начале 1920 г.: от Ростова до Екатеринодара. Рознь между Добровольцами и Донцами*

В таких внешних условиях протекали военные действия на Доно-Манычском фронте.

В начале января фронт главной группы Вооруженных сил Юга шел по р. Дону до станицы Верхне-Курмоярской и оттуда, пересекая жел.-дор. линию Царицын-Тихорецкая — по р. Салу уходил в калмыцкие степи. На ростовском направлении стоял Добровольческий корпус ген. Кутепова, за Салом сосредоточивалась отступавшая Кавказская армия ген. Покровского, а в центре располагалась Донская армия ген. Сидорина.

Против нас по Дону, от устья до Донца, развернулась 8-я сов. армия Ворошилова, далее на восток 9-я Степина, а от Царицына вдоль жел. дор. наступала 10 армия Клюева. 1-я конная армия Буденного располагалась в резерве между Ростовом и Новороссийском (видимо опечатка. Надо — Новочеркасском.— *Ред.*)

Численность войск была приблизительно одинакова у обоих противников, колеблясь между 40—50 тысячами у нас и 50—60 тыс. у большевиков.

Далее на восток, между трактом Царицын — Ставрополь и Каспийским морем фронт имел прерывчатый характер. Кроме нескольких локальных очагов зеленоармейского восстания, в этом районе обозначилось наступление частей 11-й сов. армии в трех направлениях — на Дивное, Св. Крест и Кизляр, сдерживаемое северо-кавказскими войсками ген. Эрдели.

После нескольких дней затишья, советские войска Ростовского фронта перешли в наступление, нанося главный удар со стороны Нахичевани в разрез между Донской армией и Добровольческим корпусом. Очевидно, по соображениям стратегическим и политическим преследовалась еще все та же идея «разъединения», которая положена была в основу всей зимней кампании большевиков.

5 января началось наступление 8 и 1 конной сов. армий, и в этот день большевики, овладев Ольгинской, атаковали Батайск. Но на другой день конница ген. Топоркова¹⁹ нанесла сильное поражение дивизиям Буденного под Батайском, после чего совместным ударом с 3 и 4 донск. корпусами неприятельские войска были отброшены за Дон, понеся большие потери. В то же время в низовьях Дона Добровольцы²⁰, отбив все атаки большевиков, преследовали их к нахичеванской переправе и переходили за Дон — к станице Елизаветинской.

На правом крыле обстановка складывалась хуже. Под давлением 9 и 10 сов. армий, 1 и 2 донские корпуса и Кавказская армия, оказывая слабое сопротивление, отходили к западу и к 13 января, перейдя Маныч, развернулись по левому берегу его.

К этому времени советское командование произвело перегруппировку, сосредоточив конную массу Буденного и Думенки, усиленных несколькими пехотными дивизиями, на нижнем Маныче, между станицами Богасвской и Платовской. С 14 января на всем северном фронте возобновилось наступление большевиков, и в то же время конница их, перейдя через Маныч, отбросила донцов, захватила часть их пехоты и артиллерии и угрожала выходом в тыл нашей северной группе. Но сосредоточенные ген. Сидориным в северо-восточном направлении 6 конных дивизий в боях, происшедших 16—20-го января на Маныче, разбили ударную группу большевиков, взяли много пленных и почти всю артиллерию 1-й сов. конной армии. 4-й донской корпус ген. Павлова ²¹, сыгравший в этом славном деле главную роль, захватил 40 орудий... Противник в панике бежал за Дон и Маныч и, если бы донская конница не приостановила преследования, мог бы произойти перелом во всей операции.

Так же неудачно окончилось для большевиков наступление на Ростовском фронте, где части Добровольческого корпуса отразили вновь все атаки противника, нанеся ему немалый урон, атакуя и беря пленных и орудия. Держалась еще на среднем Маныче Кавказская армия — слабая числом и духом, и только правое крыло ее отходило довольно поспешно, подвергая опасности Ставрополь — тем большей, что часть Ставропольской губ. была охвачена уже восстанием.

Успехи на главном направлении окрылили наши войска надеждами. Казалось, далеко еще не все потеряно, когда «разбитая армия» в состоянии наносить такие удары лучшим войскам Сев.-Кавказского большевистского фронта... 26 января я отдал директиву о переходе в общее наступление северной группы армий с нанесением главного удара в Новочеркасском направлении и захватом с двух сторон Ростowo-Новочеркасского плацдарма. Наступление должно было начаться в ближайшиe дни, и к этому времени ожидался выход на усиление Кубанской армии (бывш. Кавказской) пополнений и новых дивизий ²².

В эти предположения вторгнулись два обстоятельства...

Первое — 30 января получено было сведение, что 1-я конная сов. армия перебрасывается вверх по Манычу на Тихорецкое направление; второе — неустойчивость Кубанской армии: центр ее был прорван и неприятельская конница 10 армии прошла вверх по р. Б. Егорлыку в тыл Торговой, угрожая сообщениям с Тихорецкой.

Советское командование, изверившись в возможность опрокинуть наш фронт с северо-востока, изменило план операции, перенеся главный удар по линии наименьшего сопротивления от Великокняжеской на Тихорецкую силами 10-й и 1-й конной армий.

Приходилось разрубать узел, завязавшийся между Великокняжеской и Торговой — разбить там главные силы противника. Ген. Сидорин выделил наиболее сильную и стойкую конную группу ген. Павлова (10—12 тыс.), которому была дана задача, следуя вверх по Манычу, совместно с 1-м корпусом ударить во фланг и тыл коннице Буденного. 3 февраля ген. Павлов, опрокинув на нижнем Маныче корпус Думенки и отбросив его за реку, двинулся дальше на Торговую, оставленную уже кубанцами.

Этот форсированный марш был одной из важнейших причин, погубивших конную группу. Стояли жестокие морозы и метели; донские степи по левому берегу Маныча, которым решил идти Павлов, были безлюдны; редкие хутора и зимовники не могли дать крова и обогреть такую массу людей. Страшно изнуренная, потерявшая без боя почти половину своего состава замерзшими, обмороженными, больными и отставшими, угнетенная морально, конница Павлова к 5 февраля подошла в район Торговой. Попытка захватить этот пункт не удалась, и ген. Павлов отвел свой отряд в район ст. Егорлыкской — сел. Лежанки.

6 февраля главные силы Буденного сосредоточились в сел. Лопанке. Противники стояли друг против друга, разделенные расстоянием в 12 верст — оба не доверяя своим силам, оба в колебании, опасаясь испытывать судьбу завязкой решительного боя...

Все эти дни по Дону и нижнему Манычу, на всем фронте противник вел энергичное наступление, успешно отражаемое Донцами и Добровольцами.

Между тем, для отвлечения сил и внимания противника началось наступление наших войск на северном фронте.

7 февраля Добровольческий корпус, нанеся поражение 8 сов. армии, стремительной атакой овладел городами Ростовом и Нахичеванью. Успех, вызвавший большое впечатление и взрыв преувеличенных надежд в Екатеринодаре и Новороссийске...²³. Так же удачно было наступление донского корпуса генерала Гусельщикова, который на путях к Новочеркаску захватил станицу Аксайскую, прервав жел.-дор. сообщение между Ростовом и Новочеркасском и взяв также богатые трофеи²⁴. Еще восточнее, в низовьях Маныча дралась успешно против конницы Жлобы и Думенки конная группа ген. Старикова, доходившая до станицы Богаевской.

Это были последние светлые проблески на фоне батальной картины.

Движение на север не могло получить развития, потому что неприятель выходил уже в глубокий наш тыл — к Тихорецкой.

1-я сов. конная армия и части 10-й, выставив заслон против ген. Павлова, наступали безостановочно вдоль железнодорожной линии Царицын — Тихорецкая. Кубанская армия расплылась, и подвиги отдельных лиц и частей ее тонули бесследно и безнадежно в общем потоке разлагающейся, расходящейся, иногда предающей массы. К 10 февраля разрозненные остатки Кубанской армии сосредоточились в трех группах: 1) в районе Тихорецкой — 600 бойцов, 2) в районе Кавказской — 700 и 3) небольшой отряд ген. Бабиева прикрывал еще подступы к Ставрополю.

Конная группа ген. Павлова, усиленная корпусом с севера, 12 февраля атаковала конницу Буденного у Горькой балки и после тяжелого боя, потеряв большую часть своей артиллерии, отошла на север.

К 16 февраля Добровольческий корпус, оставив по приказу Ростов и отойдя за Дон, отбивал еще веденные с необычайным упорством атаки 8-й сов. армии. Но ослабленный соседний донской корпус отходил уже к Кагальницкой; осадил поэтому и правый фланг Добровольцев у Ольгинской, понеся тяжелые потери. В то же время наступавшие с северо-востока советские войска вели бои в полупереходе от Тихорецкой и на улицах Кавказской, а от Св. Креста подвигались уже к Владикавказской жел. дор., поддержанные восстаниями местных большевиков во всем Минераловодском районе.

17 февраля ген. Сидорин отвел войска сев. фронта за р. Кагальник, но части не остановились на этой линии и под давлением противника отошли дальше.

Дух был потерян вновь.

Наша конная масса, временами раза в два превосходящая противника (на главном Тихорецком направлении), висела на фланге его и до некоторой степени стесняла его продвижение. Но пораженная тяжким душевным недугом, лишенная воли, дерзания, не верящая в свои силы — она избегала уже серьезного боя и слилась в конце концов с общей человеческой волной во образе вооруженных отрядов, безоружных толп и огромных таборов беженцев, стихийно стремившихся на запад.

Куда?

Стратегия давала ответ определенный: армии должны задерживаться на естественных водных рубежах — сначала Дона, потом Кубани. Если не подымется дух казачий и не удержатся армии — тогда дальнейший отход войск, не желающих драться, по мятущемуся Кубанскому краю, имея впереди Кавказский хребет и враждебное Закавказье, вел к гибели. Необходимо было оторваться от врага, поставить между ним и собою непреодолимую преграду, и «отсидеться» в более или менее обеспеченном районе. Первое время, по крайней мере, пока не сойдут маразм и уныние с людей, потрясенных роковыми событиями.

Таким пристанищем был последний клочок русской земли, остающийся в наших руках — Крым.

О таком предположении на случай неудачи знали Добровольцы, и такая перспектива не только не пугала их, но, наоборот, казалась естественным и желательным выходом. Об этом знало и донское командование, но страшилось ставить определенно этот вопрос перед массой. Пойдут ли? И не вызовет ли отрыв от родной почвы и потеря надежды на скорое возвращение к своим пепелищам — полного упадка настроения и немедленного катастрофического падения фронта?

И десятки тысяч вооруженных людей шли вслепую, шли покорно, куда их вели, не отказывая в повинности в обычном распорядке службы. Отказывались только идти в бой.

А попережку между войсками шел народ — бездомный, бесприютный, огромными толпами, пешком, верхом и на повозках, с детьми, худобой и спасенным скарбом. Шел неведомо куда и зачем, обреченный на разор и тяжкие скитания...

С середины февраля армии наши отступали в общих направлениях жел.-дор. линий от Кушевки (Добров. корп.), Тихорецкой (Донской армии), Кавказской и Ставрополя (Куб. армия) — на Новороссийск, Екатеринодар, Туапсе. Непролазные от грязи кубанские дороги надежнее, чем оружие, сдерживали инерцию наступательного движения большевиков.

К 27 февраля северный фронт отошел на линию р. Бейсуг; Тихорецкая и Кавказская были уже оставлены нами ²⁵, и связь с северным Кавказом утрачена. С целью выиграть время для организации переправ через Кубань и эвакуации правого берега, в этот день я указывал еще раз войскам — удерживая линию Бейсуга и прикрывая Екатеринодарское и Туапсинское направления, перейти в наступление правым крылом Донской армии. Собранные в районе Кореновской и руководимые лично генералом Сидориным донские корпуса все же не пошли... И к 3 марта Добровольческий корпус, Донская армия и часть Кубанской сосредоточились на ближайших подступах к Екатеринодару, в двух переходах от города ²⁶. В этот день я телеграфировал командующим: «Политическая и стратегическая обстановка требуют выигрыша времени и отстаивания, поэтому, занимаемых рубежей. В случае вынужденного отхода за Кубань, линия рек Кубань — Лаба, в крайности Белая, является последним оплотом, за которым легко, возможно и необходимо оказать упорнейшее сопротивление, могущее, совершенно изменить в нашу пользу ход операции» ²⁷.

Смута в умах Донцов не ограничилась рядовым казачеством. Она охватила и офицерский состав — подавленный, недобриво и опасно относившийся к массе и давно уже потерявший власть над нею. Судьба день за днем наносила тяжкие удары; причины обрушившихся бедствий, как это бывает всегда, искали не в общих явлениях, не в общих ошибках, а в людях. Донские командиры, собравши совет, низвергли командующего конной группой генерала Павлова — не казака и поставили на его место донца — генерала Секретева. От этого положение не улучшилось, но самый факт самоуправства являлся грозным симптомом развала на верхах военной иерархии. Ген. Сидорин вынужден был признать этот самоуправный акт, потому что и у него не было уже в то время ни силы, ни власти и он попал в полную зависимость от подчиненных ему генералов.

В Добровольческом корпусе положение было иное. Хотя отдельные эпизоды неустойчивости, дезертирства мобилизованных и сдачи их большевикам имели место в рядах корпуса в последние недели, но основное ядро его являло большую сплоченность и силу. Части находились в руках своих командиров и дрались доблестно. Затерянные среди враждебной им стихии, Добровольцы в поддержании дисциплины, быть может более суровой, чем прежде, видели единственную возможность благополучного выхода из создавшегося положения.

В то же время, как отголосок екатеринодарского политиканства и развала казачьего фронта, нарастало стихийно чувство отчужденности и розни между Добровольцами и казачеством. Бывая часто в эти дни в штабах генералов Сидорина и Кутепова, я чувствовал, как между ними с каждым днем вырастает все выше глухая стена недоверия и подозрительности.

Когда предположено было вывести Добровольцев в резерв главнокомандующего, это обстоятельство вызвало величайшее волнение в Донском штабе, считавшем, что Добровольческий корпус оставляет фронт и уходит на Новороссийск. Под влиянием донских начальников ген. Сидорин предложил план — бросить Кубань, тылы, сообщения и базу и двинуться на север. Это было бы чистой авантюрой — превращение планомерной борьбы в партизанщину, обреченную на неминуемую и скорую гибель. План этот я категорически отклонил. Но переговоры между донскими начальниками и ген. Сидориным о самостоятельном движении на север, по-видимому, продолжались, так как в одну из затянувшихся поездок ген. Сидорина на фронт, когда порвалась связь с ним, начальник Донского штаба, ген. Кельчевский выражал свое опасение: «как бы генералы не увлекли командующего на север».

Когда сведения о плане, предложенном Донским командованием, дошли до Добровольческого штаба, они вызвали там целую бурю: в намерении Донцов идти на север Добровольцы усматривали желание их пробиться на Дон и распылиться там, предоставив Добровольцев их собственной участи, если... не что-либо худшее.

В ночь на 2 марта правый фланг Донской армии, после неудачного боя под Кореновской, откатился к Пластуновской (30 в. от Екатеринодара), зшелонируясь между ней и Екатеринодаром. Добровольческий корпус сдерживал противника в районе Тимашевской — в 90 верстах от переправы через Кубань (ст. Троицкая), имея уже в своем тылу неприятельскую конницу. Это обстоятельство, в связи с общей неустойчивостью фронта и полной неудачей на Тихорецком направлении, побудило ген. Кутепова отдать приказ об отводе корпуса на переход назад. Ген. Сидорин отменил это распоряжение, приказав Добровольческому корпусу 2 марта перейти в контратаку и восстановить свое положение у Тимашевской... В этом распоряжении Добровольческий штаб увидел перспективу окружения и гибели ²⁸. Столкновение грозило принять крайне острые формы, и в целях умиротворения я счел необходимым изъять корпус ген. Кутепова из оперативного подчинения командующему Донской армией, подчинив его непосредственно мне.

Отступление продолжалось. Всякие расчеты, планы, комбинации разбивались о стихию. Стратегия давно уже перестала играть роль самодовлеющего двигателя операций. Психология массы довлела всецело над людьми и событиями.

4 марта я отдал директиву об отводе войск за Кубань и Лабу и об уничтожении всех переправ. Фактически переправа кубанских и донских частей началась еще 3-го и закончилась 4-го. 5-го перешел на левый берег Кубани и Добровольческий корпус после упорных боев с сильной советской конницей, пополненной восставшими кубанцами. Донесения отмечали доблесть славных Добровольцев и рисовали такие эпические картины, что, казалось, оживало наше прошлое. Движение, например, в арьергарде полковника Туркула с Дроздовским полком сквозь конные массы противника, стремившегося окружить и раздавить его... При этом Туркул, «неоднократно сворачивая полк в каре, с музыкой переходя в контратаки, отбивал противника, нанося ему большие потери».

Представители союзных держав, обеспокоенные стратегическим положением Юга, просили меня высказаться откровенно относительно предстоящих перспектив. Мне нечего было скрывать:

— Оборонительный рубеж — р. Кубань. Подымется казачество — наступление на север. Нет — эвакуация в Крым.

Вопрос об эвакуации за границу в случае преждевременного падения Крыма представлялся чрезвычайно деликатным: поставленный прямо союзникам, он мог бы повлиять на готовность их продолжать материальное снабжение армии; брошенный в массу — он мог бы подорвать импульс к продолжению борьбы. Но доверительные беседы с принимавшим горячее участие в судьбах Юга ген. Хольманом и с другими представителями союзников приводили меня к убеждению, что и в этом, крайнем случае мы не остались бы без помощи ²⁹.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Эпизод при обсуждении текста присяги членами Верховного Круга.
2. Этот ответ приведен в следующей главе.
3. 29 января представитель мой в Тифлисе заявил о признании главным командованием фактического существования правительств Грузии и Азербайджана.
4. Оно заключалось в признании границы, установленной на Версальской конференции, к западу от которой территория должна принадлежать бесспорно Польше, а к востоку должна войти в то или иное государство на основании плебисцита.
5. Телеграфные сношения 31 декабря и 3 января ген. Лукомского, №№ 0772, 15 и 79, мои №№ 17592 и 021847.
6. Челищев, Савич, при неофициальном участии проф. Новгородцева.
7. Председатель Донского правительства.
8. Председатель сов. мин. — Н. М. Мельников; министры: военно-морской — ген.-лейт. Кельчевский, иностр. дел — ген.-от-кавалерии Н. Н. Баратов, внутр. дел — В. Ф. Зеелер, юстиции — В. М. Краснов, земледелия — П. М. Агеев, финансов — М. В. Бернацкий, путей сообщения — Л. В. Зверев, торг. и пром. — Ф. С. Леонтович, нар. проsv. — Ф. С. Сушков, здравоохранения — Н. С. Долгополов, пропаганды — Н. В. Чайковский.

9. В аграрном вопросе декларация обещала « всю землю, чья бы она ни была, превышающую определенную законную норму (какую?), распределить между нуждающимися в земле». В области внешних сношений особливая забота уделялась упрочению дружественных отношений с Польшей, Азербайджаном, Грузией и Арменией.
10. По моему требованию кубанский атаман закрыл официоз «Кубанскую Волю», в которой помещены были эти резолюции, причем кубанский министр внутр. дел Белашев лично зашел в редакцию и занес распоряжение о закрытии «Куб. Воли» и одновременно разрешение на открытие газеты «Воли».
11. Сменил доблестного генерала Каппеля, умершего от обморожения.
12. Телеграмму эту (№ 13), посланную через мин. иностр. дел Сазонова, я получил в декабре 1920 г., в Брюсселе.
13. Телеграмма ген. Лукомскому 22 января, № 00604.
14. По распоряжению ген. Романовского семьи офицеров штаба подлежали эвакуации в последнюю очередь, после семей фронтовиков. Телеграмма его Лукомскому 2 января, № 017646.
15. Был разрешен свободный выезд за границу на собственный счет всем женщинам и детям, а также мужчинам непризывного возраста.
16. Тов. председателя кубанской рады.
17. Из записок донского полковника Добрынина.
18. Донская гвардейская дивизия навела порядок в нескольких станицах, но это делу не помогло.
19. Куб. и Терск. дивизии и Добров. бригада ген. Барбовича, сведенная из 5-го кавалерийского корпуса.
20. Корниловцы, Дроздовцы, юнкера.
21. Сменил ген. Мамонтова, который заболел сыпным тифом и вскоре умер в Екатеринодаре.
22. К 26 января подошел к армии 2-й куб. корпус.
23. Добровольцы в этих боях захватили 22 орудия, 163 пулемета, 6 бронепоездов, 4 тыс. пленных и проч.
24. В руки корпуса попали: 15 оруд., 20 пулем., 2 тыс. пленных, два нач. дивизий, штаб 13 див., полевой штаб 8 армии и проч.
25. 10 февраля Ставка из Тихорецкой переведена в Екатеринодар.
26. Штаб Донской армии перешел в Екатеринодар, Ставка — в Новороссийск.
27. Телеграмма, № 001588.
28. В этот день правый фланг Донцов в беспорядке отошел к ст. Динской, в переходе от Екатеринодара.
29. Первый раз вопрос этот был поднят официально 29 февраля.

Русское военное зарубежье: дела, люди и мысли (20—30-е годы)

И. В. Домнин

Ударной волной революции и гражданской войны были выброшены на чужбину сотни тысяч военнослужащих. Их численность в 20-е годы заметно превышала 0,5 млн. человек ¹. Они нашли прибежище на всех континентах. Центрами их сосредоточения были Югославия, Франция, Болгария, Германия, Китай, США, Аргентина.

Наиболее яркий по драматизму эпизод начального периода русского зарубежья — Галлиполийское сидение: пребывание остатков армии П. Н. Врангеля в лагере близ г. Галлиполи (европейская территория Турции, находившаяся тогда во французской оккупационной зоне). Свыше 25 тыс. из примерно 140 тыс., покинувших Крым ², прибыли туда в ноябре 1920 года. Галлиполийцы оказались в условиях палаток и землянок на пустынной продуваемой местности, при нехватке топлива, продовольствия и одежды, испытывая моральную депрессию.

В той обстановке генералу А. П. Кутепову, назначенному командовать 1-м армейским корпусом в Галлиполи, и его ближайшим помощникам хотелось прежде всего возродить Русскую армию. Для решения этой задачи они, помимо жестких организационных мер, делали ставку на военно-учебную деятельность. К весне 1921 г. была налажена регламентированная боевая подготовка. Функционировали также шесть военных училищ, военные курсы и школы (штаб-офицерские стрелковые курсы при 1-й пехотной дивизии, офицерская артиллерийская школа, офицерская инженерная школа, полевая радиотелеграфная школа, военно-административные курсы, а всего более 15); имелись высшие общеобразовательные курсы, гимназия.

Цикл преподававшихся в них дисциплин определялся задачами военной подготовки (ведь их руководители думали о возможности продолжения вооруженной борьбы и считали корпус Кутепова кузницей кадров будущей Русской армии), а также духовными запросами слушателей и требованиями жизни. В военных заведениях, наряду со специальными предметами, читались история военного искусства в России, военная психология, политэкономика; на военно-административных курсах, которые призваны были готовить управленцев на случай установления на родине военной диктатуры, — политический и национальный вопрос в России, законоведение, общая, педагогическая и военная психология, литература, религиозно-бытовой уклад, история и пр. Детей (их в лагере было свыше 300) обучали в гимназии (приходилось использовать несколько устаревшие учебники и пособия, аудиториями служили сараи, палатки или лужайки).

Духовная жизнь галлиполийцев шла в основном в русле православия. В воинских частях и учреждениях действовали походные церкви, чтились традиции,

Домнин Игорь Владимирович — старший научный сотрудник Военного университета.

устраиались молебны и парады по случаю праздников³. В каждой части выпускались журналы и газеты, в большинстве рукописные или напечатанные на машинках. Некоторые из них насчитывали до 60 стр. и множество иллюстраций карандашом и акварелью. Вот названия отдельных изданий: «Думки залетные», «Огонечек малешенек», «Развей горе в голом поле», «Млечный путь», «Эшафот» (юмористический), «Изгой».

Были созданы театральные группы: корпусная, лагерного сбора, дивизионная и полковые. Они поставили свыше 80 спектаклей, главным образом из классического репертуара. Действовал хор, постоянно организовывались концерты. Уровень сценического мастерства повышался благодаря активному участию певцов и актрис Н. Плевичкой, Е. Астровой, Н. Коваленской, разделивших судьбу с мужьями-офицерами.

Многие лучшие люди России сердцем были с «теми — в Галлиполи». М. И. Цветаева писала 31 декабря 1920 г.: «С Новым Годом, лебединый стан, // Славные обломки! // С Новым Годом — по чужим местам // Воины с котомкой! // С пеной у рта пляшет, не догнав, // Красная погоня. // С Новым Годом — битая, — в бегах, // Родина с ладонью!»⁴. «Галлиполи — часть того истинно великого и священного, что явила Россия за эти страшные и позорные годы, часть того, что было и есть единственной надеждой на ее воскресение и единственным оправданием русского народа, его искупление перед судом Бога и человечества», — писал И. А. Бунин. Ему вторил П. Б. Струве: «Галлиполийское сидение — один из славнейших эпизодов во всей русской истории. Он должен быть глубоко «впечатлен», как любили говорить наши отцы, в души всех русских патриотов»; как «крестный путь тех, кто на Родине и на чужбине, несмотря на лишения и страдания, сберег незапятнанным русское знамя» охарактеризовал Галлиполи генерал Врангель⁵.

Расселение личного состава корпуса Кутепова завершилось в основном зимой 1922 года. Бывшие галлиполийцы осели в Болгарии, Югославии, других странах, около 1 тыс. вернулось в Россию. Практически во всех странах рассеяния возникали Общества галлиполийцев, хранившие память о пережитом, издававшие свои журналы, газеты и бюллетени... 1 сентября 1924 г. приказом Врангеля был создан «Русский Общевоинский Союз» (РОВС). В него включались все воинские эмигрантские организации, изъявившие на то желание. В середине 20-х годов в РОВС состояло около 100 тыс. членов. Он делился на отделы, находившиеся в странах наибольшей концентрации воинов-мигрантов, что позволяло поддерживать связь между ними и сохранять организационное подобие армии.

«Небывалым еще в русской истории воинским братством», «орденски спаянным национально-патриотическим единомыслием, единочувствием и единоволем» называл РОВС один из идеологов «белого дела» И. А. Ильин. РОВС в разное время возглавляли генералы П. Н. Врангель, А. П. Кутепов, Е. К. Миллер, А. П. Архангельский, А. А. фон Лампе. В первые годы существования его руководители пытались организовать подрывную работу против СССР и планировали вооруженное выступление, если бы нашлось государство, готовое к интервенции. Но почти все замыслы лидеров РОВС'а, вследствие внедрения агенты в его ряды, становились известны советским спецслужбам, да и вообще сколько-нибудь серьезной военной угрозы РОВС для СССР не представлял. Более того, оба самых боевитых его начальника, Кутепов и Миллер, были похищены агентами НКВД в 1930 и 1937 годах.

Основной функцией РОВС'а была духовно-объединительная. Наряду с поддержанием традиций, пополнением военных знаний и сохранением военных реликвий группы и организации, его составлявшие, заботились также о материальной поддержке нуждающихся членов, инвалидов, больных. В этом возникла необходимость еще и потому, что из всех элементов послеоктябрьской эмиграции в самом тяжелом и гнетущем положении пребывали офицеры. Тут и материальная нищета, и каждодневные моральные страдания, вызванные утратой социального статуса и реальности применения тех знаний и дела, которым ранее была посвящена их жизнь. Что может быть печальнее и бессмысленнее осколков разбитой армии, доживающей век в чужеземье?!

«Смотри, Россия, и радуйся (если это может тебя радовать): твои офицеры, генералы... — как работают на ролях чернорабочих, писарей, сторожей чужих границ

и мелких чиновников. Они недаром проходили университетские курсы, разные академии! Теперь это им пригодилось для таскания камней и переписывания бумаг!»,— писал генерал П. И. Залесский ⁶. Подавленность усугублялась тем, что они зачастую не ощущали поддержки и не встречали уважения не только среди иностранцев, но даже в эмигрантской среде, большая часть которой быстрее приспособилась к условиям изгнания. «Обывательщина, одетая в модно сшитые смокинги, уже отвернулась от тебя, как она отворачивалась всегда, когда опасность была позади»,— констатировал полковник А. Мариюшкин. И он же подчеркивал: «Разбросанное по всем материкам..., придавленное и бесправное, растерявшее зачастую своих детей и зачастую же искалеченное, оно [воинство зарубежья] тем не менее не утратило красоты духа и... своих сил, которые приводят в изумление и друзей и врагов» ⁷.

Основное содержание творческой деятельности русского военного зарубежья составляли: написание трудов общественного, военно-специального и мемуарного характера, а также беллетристики; создание широкой сети военной периодики; организация просвещения и образования; сохранение традиций и реликвий (музейные коллекции, библиотеки, некрополь). Русскими военными в эмиграции (до второй мировой войны) издано более 1 тыс. книг и несколько десятков тысяч статей, выпускалось свыше 150 военно-периодических изданий, были подготовлены и прочитаны тысячи докладов и лекций в различных обществах, лекториях и в офицерских собраниях, созданы десятки музейных коллекций и многие десятки архивов, как личных, так и при музеях и редакциях.

Важнейшими направлениями деятельности русские военные считали развитие военной мысли, военного образования и военной периодики, тесно между собой переплетенных и зачастую обуславливавших друг друга.

Наиболее видным и авторитетным военным умом эмиграции заслуженно считался профессор генерал-лейтенант Николай Николаевич Головин (1875—1944), еще до первой мировой войны написавший ряд работ по военной психологии, службе Генерального штаба и методике обучения в высшей военной школе. Активный участник первой мировой войны, он не принял Октябрьскую революцию, полагая сущностью большевизма «ставку на преступные, темные стороны масс» и «разрыв с моралью». Но и в лагерь белых пришел не сразу, а оказался в нем, не желая сотрудничать с советской властью. В 1919 г., по просьбе адмирала А. В. Колчака, Головин временно руководил обороной Омска. Основной его деятельностью в годы гражданской войны была военно-дипломатическая миссия во Франции и Англии, где он добивался от правительств бывших союзников России помощи белым армиям.

С 1920 г. он — в эмиграции. Головин продолжал вести напряженную научную, преподавательскую и организаторскую деятельность. Именно ему принадлежит главная заслуга создания русской зарубежной военной школы. Всего им написано свыше 100 трудов, около 20 из которых являются крупными исследованиями. Частично они переведены на основные европейские языки. Головин преподавал на высших военных курсах, эпизодически читал лекции в военных академиях Франции, США, Югославии и Чехословакии, состоял профессором Русского историко-филологического факультета при Парижском университете, редактировал несколько печатных органов, сотрудничая с различными эмигрантскими и заграничными изданиями. После оккупации в 1940 г. немцами Парижа, где тогда жил и работал ученый, захватчиками было создано Управление делами русской эмиграции, а престарелый Головин назначен председателем Совещания при начальнике Управления. Но его деятельность сводилась к военным обзорам на страницах «Парижского вестника» (орган Управления). Будучи тяжело больным, он скончался 10 января 1944 года.

Еще в 20-е годы Головин одним из первых проанализировал роль танков и авиации в современной войне и пришел к выводу, что через несколько лет их применение будет определять успех в бою, причем выражал уверенность, что Россия станет великой танковой державой. Об авиации же писал как о новом методе действий не только в военном деле, но и в политике. Внимательно следил за состоянием Красной Армии. Скептически оценивая основы ее строительства в начале 20-х годов (до военной реформы), Головин пытался определить параметры «будущей Российской вооруженной силы», полагая, что необходимыми условиями

создания сильной армии должны быть тщательное изучение опыта минувших мировой и гражданской войн, наличие комплексной научной программы военного строительства и обязательно длительный период мира для России.

По мнению Головина, родина нуждалась в такой военной доктрине, которая представляла бы собой «чисто практическое приложение выводов военной науки в условиях определенной войны». Выработать эту доктрину без учета государственных, экономических и национальных условий жизни невозможно. Психологически она является «общественным мнением», состоящим из ряда идей, усвоенных и бытующих в сознании всего общества, а не только военных. В практической же основе доктрины будущей российской армии должна лежать «идея готовности к борьбе с западными соседями при полном уважении к боевым качествам их войск и к современности их вооружения».

В четырех больших томах Головин осуществил разбор кампании 1914 г. на Восточном фронте и пришел к выводам, что Россия была не готова к войне. Это выразилось и в ошибочном плане войны, и в преступной небрежности Военного министерства при снабжении армии. Стратегия была принесена в жертву политике: широкие боевые действия начинались не в соответствии со стратегической целесообразностью, и это приводило к неоправданным потерям. Фронт держался в основном благодаря боевому опыту и героизму офицеров и солдат. Ошибки и промахи начального периода войны во многом обусловили дальнейшие неудачи, которые приблизили революцию.

Анализ только военных действий Головина не удовлетворил, и он в работе «Военные усилия России в мировой войне» рассмотрел политические, исторические, правовые, демографические, экономические и социально-психологические факторы, влиявшие на ход войны, придя к заключению: страна не выдержала военного перенапряжения и «оказалась пораженной без решительной победы ее врагов над Российской армией на театре войны. Империя... начала разлагаться изнутри; это разложение передалось армии; развал же армии в свою очередь привел к развалу всего государства». Именно неудачи в войне сделали возможными новые революции. Они породили белое движение. Последнее в принципе могло победить, однако не победило.

Проследивая сложный путь развития контрреволюционного движения, Головин определил причины его поражения: рост антибольшевистских настроений в конце 1917 — начале 1918 г. не соответствовал внутренней консолидации контрреволюции; различные ее течения не нашли общего языка в силу социальной расчлененности, а «процесс социально-психологического выздоровления от революционного утара» оказался «расщеплен во времени», причем у крестьянства протекал гораздо медленнее. Восстания происходили стихийно и несогласованно. Белое движение, имевшее в своей основе офицерство и будучи продуктом психологии «большой войны», не созрело ни политически, ни социально, оказалось «оторванным от народных масс и изолированным». Существенной ошибкой белых вождей Головин считал их желание восстановить Россию в прежней форме.

Он пришел к убеждению, что прежде аналитики войны изучали главным образом способы ее ведения, а не войну как общественное явление, и изложил свое понимание проблемы в серии докладов, объединенных затем в книгу. Содействие в последней работе оказывал ему известный социолог П. А. Сорокин, поскольку, согласно мнению Головина, наука о войне должна представлять собой социологическое исследование, которое призвано «изучать законы статичности, динамики и эволюции войны». При этом основными опорами социологии войны «должны служить радикально перестроенная военно-историческая наука, психология войны как часть социальной психологии, статистика войны». Об их предназначении Головин высказался так: «Трудно ожидать, что это приблизит человечество к миру. Одно... можно утверждать — ходить около пропасти с открытыми глазами менее рискованно, нежели с завязанными»⁸.

Вообще же «мозгов и перьев» в среде военной эмиграции было в избытке. К категории такого рода лиц можно отнести и генерал-лейтенанта А. В. Геруа, одного из авторитетнейших военных писателей зарубежья. Главное убеждение, вынесенное им из катаклизмов 1914 г. и последующих лет, — опасность существования «вооруженного народа» для нормального государства и для самого народа. Сведения о жизни Геруа скудны. Даже в мемуарах его брата Б. В. Геруа, генерал-

майора и бывшего профессора Академии Генштаба, о нем почти ничего не говорится. Известно, что Александр Владимирович родился в 1870 г. в дворянской семье, по окончании Пажеского корпуса служил в лейб-гвардии Егерском полку, окончил Академию Генштаба, принимал активное участие в русско-японской войне, первую мировую прошел в Действующей армии на различных командно-штабных должностях и закончил ее начальником штаба Румынского фронта, сменив там Головина. В гражданскую войну в основном выполнял посланническую миссию, являясь военным представителем Добровольческой армии в Румынии. Там же провел и годы эмиграции.

Еще до 1917 г. вышли книги Геруа «Суворов-солдат» (1900 г.), «К познанию армии» и «После войны — о нашей армии» (1907 г.). В эмиграции он публиковался преимущественно в «Русском военном вестнике», «Вестнике военных знаний», «Военном сборнике» и газете «Новое время». Последняя известная нам его публикация — от 1939 года. Дальнейшая судьба Геруа нам не известна, как не знал ее и собиратель материалов о воинстве эмиграции, редактор «Военной были» А. А. Геринг⁹.

Геруа считал, что если народам пока не обойтись без вооружений, то надо активно стремиться к сокращению последних. Поскольку человечество еще не способно существовать без войн, то необходимы такие армии, которые обеспечивали бы скоротечность и возможную гуманность войн. Отсюда — его идея малых армий и их профессионализма при техническом совершенстве вооружений. Воевать, если придется, должны только хорошо обученные, качественные вооруженные силы, а не пушечное мясо. Военным кредо генерала было «сокращение страданий от войны». Вопросы государственной обороны Геруа тоже рассматривал сквозь призму социально-психологического фактора, ибо военную систему страны невозможно изменить «без изучения психологических особенностей армейской массы и среды, ее породившей, т. е. всего народа».

Главные его мысли нашли отражение в книге «Полчища». «Задача... труда доказать, что пока существует вооруженный народ», не может быть мира ни внешнего, ни внутреннего. «Для мира прежде всего нужен разоруженный народ». Как постепенно перейти от вооруженного народа к разоруженному — вот цель книги Геруа. Клич «Все к оружию!» должен быть заменен девизом «Долой оружие!», — писал он.

Видя тесную связь армии с политикой, Геруа так определил их соотношение: армия по отношению к политике может занимать четыре положения — активное, пассивное, нейтральное и политиканское. При первом идейные течения переливаются из верхушки армии в правящие круги и в народную массу, ведя за собой все общество; так было в Германии. При втором армия «не позволяет себе идейной агрессивности» и «идет на буксире политики»; так было во Франции. При третьем армия живет своим укладом, боясь политики, «как черт ладана» (большая часть армий). При четвертом, советском, политика «вливается в армию из масс снизу», а «войска направляются извне при посредстве политических органов, влитых в организацию армии», и «политика, не задерживаясь на вершинах командования, ...пронизывает сверху вниз весь аппарат армии». Тут армия может оказывать политическое воздействие путем «обратного тока» на правящие круги и на массы.

Ощущая острую зависимость военной стороны общества от совокупности социальных факторов, Геруа (как и Головин) пришел к выводу: «В настоящее время не только на очереди, но и на деле стоит перед нами социологический метод военной науки, организации и стратегии». Он полагал, что наибольший ущерб военному делу наносит односторонне-замкнутый подход к его проблемам. «Ни организация, ни наука не терпят монизма. Даже при «национальном творчестве» в этих областях необходим широкий многовековой международный фундамент. Только так мы не заблудимся среди полу-авторитетов, полу-мыслей, полу-дел», — писал он¹⁰.

Еще одним крупным представителем военной мысли русского зарубежья был генерал-лейтенант А. К. Баиов. Алексей Константинович Баиов (1871—1935) окончил Киевский кадетский корпус, Археологический институт и 2-е Константиновское военное училище, служил в лейб-гвардии Егерском полку. Увлечение русской военной стариной проявилось у него смолоду. Будучи скромным подпоручиком, он подготавил историю своего полка. По окончании Академии Генштаба, проходя службу в Виленском военном округе, написал труд «Русская армия в царствование

императрицы Анны Иоанновны». Став профессором Академии Генштаба и являясь с 1904 г. в ней «правителем дел», он создал «Курс истории русского военного искусства» и преподавал его в течение нескольких лет. Первую мировую войну прошел в Действующей армии. В годы гражданской войны, первоначально заняв нейтральную позицию, отказался от сотрудничества с Красной Армией и эмигрировал в Эстонию, где и провел оставшуюся жизнь: преподавал в военном училище, занимался научной работой.

Большая часть написанного им в эмиграции осталась неизданной, хотя он обладал авторитетом и влиянием в военной среде русского зарубежья. О нем писал в свое время Б. Штейфон (Национальная военная доктрина: профессор А. К. Баиов и его творчество. Таллинн. 1937). Основными в его творчестве были проблемы русского национального военного искусства, отечественной военной истории. В эмиграции его внимание в значительной мере сосредоточилось на разработке основ будущей армии России и ее военной доктрины.

Исходным моментом строительства такой армии он полагал духовное начало. Среди других путей воссоздания вооруженных сил России он выделял следование общим военным принципам; максимально выгодное использование современных технических средств; «преимущество качества над количеством»; высокий уровень подготовленности начальников. А всего он охарактеризовал свыше 20 таких принципов.

Баиов тоже не мыслил существования вооруженных сил без военной доктрины, которая должна быть «национальной, выработанной русскими самостоятельно и в соответствии с особенностями русского народа, из среды которого образуется русская армия, без подражания каким бы то ни было иностранцам — ни победителям, ни побежденным»; отражать духовную и материальную сторону военного дела, предполагая «для начальствующих лиц... широкое военное развитие..., умение научно мыслить в сфере военных идей и действий, знание современных технических средств»; необходимость постоянно учиться всем до генералов включительно. Понимая, что создать такую доктрину в условиях зарубежья невозможно, он призывал пока что «подготавливать ее, собирать... материал» и «не переставать быть русским... помнить духовное содержание русского народа»¹¹.

Влияние Баиова сказалось на творчестве такого своеобразного автора в эмиграции, как А. А. Керсновский (1907—1944). Покинув родину в 1920 г. тринадцатилетним подростком, в эмиграции он получил блестящее европейское образование (университет и дипломатическая школа) и мог бы сделать карьеру, но путь избрал иной. Утоляя свою природную страсть к военному делу, феноменально постиг его историю и теорию. С первых же на этой ниве публикаций в марте 1927-го привлек внимание русских и иностранных специалистов, и вскоре перед ним, почти юным, уже «снямали шляпу» седовласые генералы. «История Русской Армии», вышедшая в Белграде в 1933 — 1938 годах и переизданная сегодня у нас, мыслилась автором двенадцатитомным трудом. Составными частями были книги «История русских полков», «История русской конницы», «Очерки военного быта...», «Биографии военачальников», «Страницы славы русской армии» («Русские подвиги») и т. д. Большинство из них, а также «Русская стратегия в образцах», «Синтетический очерк современных кампаний», «Военное дело» и еще несколько рукописей уже ждали печати, но так и не дождались. В 1939-м удалось напечатать лишь «Философию войны» и очерк «Мировая война».

Активно проявил себя Керсновский и на поприще публицистики. Непрерывно, напряженно, до мелочей отслеживал военную динамику передовых стран, всесторонне отражал ее в многочисленных обзорах, «как бы неся службу Русского генерального штаба», по словам Н. Рклицкого. Неоднократно, на основе критического анализа «упущенных возможностей» прежней российской военной системы, моделировал элементы будущей. Много писал о политике, блистая способностью остро, порой иронично показать «подноготную» и скрытый смысл событий и всякий раз — сквозь призму интересов России¹². Главной ареной его выступлений был белградский еженедельник «Царский вестник». В нем он опубликовал около пятиста статей. Сотрудничал и с другими журналами и газетами зарубежья... Не все в наследии Керсновского равноценно, но нельзя не согласиться со словами генерала Б. А. Штейфона в адрес Антона Антоновича: «Только талант Божьей милостью может обнаруживать такое горение духа».

Значительная часть военных авторов в эмиграции сосредоточилась на историческом анализе российской жизни либо на написании мемуаров. К их числу принадлежал генерал-лейтенант П. И. Залесский. Павел Иванович Залесский в своей публицистической деятельности традиционно (а писал он с конца XIX в.) отличался сугубо критическим подходом к любому делу и остротой постановки вопросов. Он жестко и нелюбезно высказывался о социально-политическом, экономическом и военном укладе дореволюционной России. По его мнению, в русском государственном организме долгое время копились смертоносные бактерии, наличие которых ощущалось во всех войнах второй половины XIX — начала XX века. Армия страдала «хронической неготовностью... своей организации и великой бесталанностью верхов», власти же убаюкивали себя, не желая заниматься последовательным ее реформированием. Относительно революции вывод Залесского таков: «Катастрофа, постигшая Россию, слишком грандиозна (по пространству и последствиям); ее не могли создать отдельные лица или партии... Ее создали века безумия! Она — дело многих поколений»¹³.

Большим авторитетом как человек и как публицист пользовался в зарубежье генерал А. И. Деникин (1872—1947). Как историческая фигура Антон Иванович широко известен, публицистикой же занимался еще с 1890-х годов, печатаясь в военных изданиях. В эмиграции написал семь книг. Его «Очерки русской смуты», «Старая армия», «Путь русского офицера» были хорошо знакомы каждому читающему эмигранту. Он постоянно обращался и к политическим реалиям, анализируя их с точки зрения интересов и судьбы России; резко осудил вторжение фашистской Германии в СССР, до конца жизни (1947 г.) надеясь на освобождение родины от большевизма «изнутри», ибо советский режим неизбежно себя изживет. Он считал, что такое освобождение оздоровило бы и глобальное политическое положение, «вернув Россию на нормальных началах в международный товарообмен и открыв ему огромный рынок; оно предоставило бы широкое поле деятельности иностранному капиталу, техническим занятиям, энергии и труду — не для эксплуатации, конечно, России, а для сотрудничества в обоюдных интересах»¹⁴. Показательно, что Деникин выступал с 1939 г. против сотрудничества с гитлеровской Германией.

Достаточно знаменитым деятелем и писателем русского зарубежья был генерал П. Н. Краснов (1869—1947). Петр Николаевич публиковался в военных газетах с 1891 г., а в эмиграции написал более 30 романов и повестей, причем в 20-е годы был самым читаемым автором зарубежья. Его сочинения переведены на одиннадцать языков, включая японский. Будучи атаманом Войска Донского, в 1918 г. ввел в программу Новочеркасского военного училища курс военной психологии. То был первый опыт преподавания данного предмета в России. В 1927 г. в Берлине вышла его книга «Душа армии: очерки по военной психологии». Основной же формой изложения своих взглядов по теме «Россия — революция — армия» Краснов избрал беллетристику, полагая, что в изгнании нет условий для объективного исследования темы.

Войну он воспринимал как проявление «закона природы», призванного сохранять земные силы (подразумевая, что война дает толчок дальнейшему развитию и совершенствованию общества), но осуждал агрессии против мирного населения и выступал за «метод христианских войн»: боевые действия только против войск противника при милости к поверженным. Подчеркивая важность духовной стороны военного дела, Краснов старался обосновать необходимость военной психологии, ибо решающим фактором войны считал человека. Много писал он и о казачестве, ведя борьбу с теми, кто выступал за образование «самостоятельной Казаккии», и разъяснял историческую миссию казачьих поселений как форпоста российских рубежей, причем доказывал целесообразность сохранения или воссоздания этой функции казачества в посткоммунистической России. Как известно, Краснов продолжал в годы второй мировой войны формировать казачьи части для борьбы с Красной Армией и впоследствии был казнен по приговору советского суда.

Военная эмиграция, особенно флотская ее часть, с интересом относилась к работам адмирала А. Д. Бубнова. В основе его аналитических суждений лежала следующая мысль: «Вооруженная борьба будет существовать на Земле до тех пор, пока будет существовать само человечество, ибо она есть неизменный спутник его прогресса,— и до тех пор генеральные штабы будут направлять деятельность дипломатий, ибо первым условием существования народов является

их безопасность». Бубнов определял, что главная «русская морская проблема состоит в стремлении к обеспечению свободы и безопасности Черноморских морских путей», и полагал, что именно это должно «лечь в основание русской морской доктрины»¹⁵.

Значительный вклад в развитие военной мысли на чужбине внесли В. Баскаков, А. Болтунов, А. Гулевич, Ю. Данилов, С. Добrorольский, В. Доманевский, В. и А. Драгомировы, А. Зайцов, М. Иностранцев, А. Келчевский, Е. Месснер, И. Патронов, В. Пронин, Н. Пятницкий, В. Флуг, Б. Штейфон... В целом военная мысль русского зарубежья была несомненно уникальна. Очутившись как бы между двумя эпохами, старой и новой, она оказалась политически «беспризорной» и потому предельно вольной, что весьма ценно для военной мысли, особенно общественной ее части (стратегия, статистика, история). Основная же ее «слабость» заключалась в постепенном приостановлении саморазвития вследствие вымирания ее представителей. Поэтому хронологические рамки активной военно-мыслительной деятельности эмиграции и ограничены временем до второй мировой войны.

Многие офицеры, вдохновляемые командованием Русской армии за рубежом, еще надеялись послужить послебольшевистской России в рядах ее вооруженных сил. Но для этого была необходима современная военно-теоретическая и практическая подготовка. И в зарубежье возникла сеть военно-учебных заведений, причем использовались различные формы самообразования и обмена знаниями. В 1921 г. у Врангеля возникла мысль об открытии в Белграде Русской военной академии. Возглавить ее было предложено Головину, который, поддержав идею, обосновал длительность предварительной работы (подготовка преподавательского состава, разработка современных учебников и программ, отбор обучающихся). В 1922—1926 гг. Головин организовал «кружки высшего военного самообразования». Их было несколько десятков при более чем 500 участниках¹⁶. 22 марта 1927 г. в Париже, где находилось руководство РОВС, открылись «Военно-научные курсы систематического изучения современного военного искусства». К наименованию «академия» решено было не прибегать в силу формального с ней несоответствия курсов и политических ограничений для российской эмиграции, так что юридически курсы были зарегистрированы как «Общество русских комбатантов по изучению мировой войны и ее последствий». Позднее они стали называться «Зарубежные высшие военно-научные курсы генерала Головина».

Имея пятигодичную академическую программу, курсы были призваны поддерживать русскую военную науку на уровне современных требований, готовить кадры русских офицеров с европейским военным образованием, «способных мыслить и творить в совокупности всех явлений войны», распространять военные знания среди русской военной эмиграции¹⁷. К преподаванию были привлечены профессора генералы А. Гулевич, П. Ставицкий, Б. Геруа, П. Рябиков, полковник А. Зайцов, ученые П. Б. Струве, Б. Э. Нольде и др. Там читались такие дисциплины, как «Русская военная история», «Война и международное право», «Война и экономическая жизнь страны», «Военная психология», курсы стратегии, тактики (общей и по родам войск), специальные предметы. Впервые в мире читалась «Социология войны». Занятия проводились поздними вечерами, несколько раз в неделю, ибо днем слушатели зарабатывали средства к существованию. Учились лишь те, кто жаждал военных знаний и обладал волей. В 1931 г. открылось отделение этих курсов в Белграде, где им руководил генерал А. Н. Шуберский.

Из числа окончивших курсы в Париже (1932 г.) и Белграде (1935 г.) были образованы «Институты по изучению вопросов войны и мира». Они состояли из нескольких десятков человек и занимались разработкой проблем, «не имевших аксиоматического, более или менее общепринятого решения», а действовали в течение ряда лет, прекратив существование в Париже — в 1940 г., в Белграде — в 1944 году. Через них прошло свыше 500 человек, из которых около 150 окончили полный цикл¹⁸. Позднее «Отделы Института по изучению проблем войны и мира имени профессора Головина» были воссозданы его учениками и до 70-х годов существовали в Париже, Нью-Йорке и Буэнос-Айресе.

В 30-е годы в Париже функционировали «Военно-технические курсы». Там обучались офицеры и военные чиновники, а преподавали в основном профессора бывшей Николаевской Инженерной академии. В конце 30-х годов при «Союзе русских военных организаций в Болгарии» имела место попытка создания «Заочной

административно-политической школы русской эмиграции», которая должна была соединить военное и политико-административное образование. Организаторы рассчитывали, что уже начинавшаяся вторая мировая война приведет в СССР к гражданской войне, сталинизм падет, а новую жизнь придется налаживать посредством временной и умеренной военной диктатуры. Отсюда — необходимость подготовки кадров со знанием государственно-административного дела.

Дать эмигрантской молодежи начальное и среднее военное образование были призваны военные училища, офицерские курсы и кадетские корпуса. В Париже действовала «Офицерская школа усовершенствования военных знаний», в Белграде — «Курсы современного военного дела» и «Специальные курсы подготовки офицеров для родов войск», в Бельгии — «Военное училище при русской стрелковой дружине», а всего давали среднее военное образование более 10 учебных заведений. Начальную военную подготовку дети получали в кадетских корпусах, находившихся в Югославии. В 20-е годы их было несколько, к концу 30-х остался только 1-й русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус. Эти заведения окончили более 2 тыс. человек.

Функционировала также военная секция Русского научного института в Белграде. Ее возглавляли проф. В. И. Баскаков, и И. С. Свищев. В рамках секции с 1928 по 1938 г. М. Иностранцевым, А. Шуберским, В. Прониным, Л. Михеевым, В. Сергеевским и др. было прочитано около 50 докладов по военной тематике. 16 января 1933 г. состоялось торжественное собрание этого института по случаю 100-летия со дня основания (ноябрь 1832 г.) Академии Генерального штаба¹⁹. Действовали также, в разных местах, военно-научные общества, офицерские собрания, лектории, причем особенно активно в Белграде, где работало «Общество ревнителей военных знаний», а помимо того в Париже, Софии, Праге, Шанхае, Сан-Франциско и т. д.

Генерал Штейфон писал: «Военная часть нашей эмиграции всегда отличалась пристрастием к военным знаниям. В условиях, совсем не подходящих, мы все же продолжали думать по-военному. И совершенно уверенно можно сказать, что никакая иная эмиграция... не проявила и отдаленно в этом смысле такого напряжения ума и воли, как русская. Всюду у нее существуют разнообразные курсы, кружки... военного просвещения. После утомительного рабочего дня люди просиживают добровольно по ночам за книгами и учебниками, находя в учебных, а тем более научных занятиях освежающий их отдых». Основным же средством общения, интеллектуального обмена и корпоративной информации рассеянного по миру русского «военного братства» выступала военная периодика. «Нищие в массе, мы создали в изгнании такую военную прессу, какой не имеют и многие государства», — утверждал Штейфон²⁰.

Эта периодика существовала десятки лет. Продолжая традиции военной повременной печати дореволюционной России, эмиграция выпускала свыше 150 изданий. Наибольшее их количество выходило с середины 20-х по конец 30-х годов, то есть в период активной деятельности первой волны эмиграции. Среди них можно выделить по основной их тематике военно-общественные («Часовой», «Русский инвалид», «Армия и флот», «Русский военный вестник»), военно-научные («Военный сборник», «Война и мир», «Вестник военных знаний», «Осведомитель»), военно-исторические («Военная быль», «Военно-исторический вестник», «Вестник первоходника»), специальные («Морской журнал», «Артиллерийский журнал»). Объем, формат, периодичность и техническое их качество существенно различались. Одни имели до 500 страниц, другие насчитывали до 30. Одни лишь несколько раз увидели свет, другим были суждены десятилетия существования. Одни печатались типографски, другие — на пишущих машинках или даже размножались рукописно.

Визитной карточкой военной эмиграции служил «Часовой» — «журнал-памятка, орган связи русского воинства за рубежом», под редакцией В. В. Орехова, С. К. Терещенко и Е. В. Тарусского. Орехов оставался бессменным редактором до 1988 г., Терещенко и Тарусский ушли из жизни раньше. С января 1929 по 1988 г. вышло 668 номеров. Журнал имел отделы официальный, военный, политический, исторический, военно-морской и несколько постоянных рубрик, среди которых особенно любопытна рубрика о Красной Армии. В этом журнале печатался цвет русской эмигрантской военной мысли и публицистики: Головин, Баиов, Данилов, Доманевский, Керсновский, Краснов. С конца 30-х годов на его страницах помещались «журналы в журнале»: «Разведчик», «Вера, Родина, Семья». Тут неоднократно

выступал один из видных мыслителей зарубежья И. А. Ильин. Каждый номер содержал массу информации о русском воинстве на чужбине, а собранные воедино, они составляют летопись военной жизни русского зарубежья.

В 1921 г. в Белграде полковники В. Пронин и И. Патронов организовали «Военный сборник Общества ревнителей военных знаний». Этот журнал в 20-е годы был основным органом военно-научной мысли русского зарубежья. В его редактировании принимали участие Головин и Бубнов. За 10 лет существования вышло 11 книг, по 400—500 стр. каждая. Там помещали свои работы генералы А. и В. Драгомировы, Е. Новицкий, А. Баиов, А. Лукомский, В. Беляев, А. Болтунов, А. Розеншильд-Паулин, подполковник Е. Месснер. Они отражали проблемы современного военного искусства, анализировали операции первой мировой войны, военного строительства и управления, военной доктрины, воинского воспитания. До четверти объема журнала отводилось обзорам военно-научной жизни самых мощных государств.

Группу военных ученых объединял в начале 20-х годов журнал «Война и мир», выходивший в Берлине, — единственный военный журнал эмиграции, допускавшийся к распространению в СССР. По 1925 г. вышло 19 номеров этого издания, каждый по 400—450 страниц. Его редактировали генералы М. И. Тимонов и А. К. Келчевский, полковник В. В. Колосовский. Крупные работы в нем печатали генералы В. Борисов, С. Добророльский и сами редакторы. Некая связь журнала с СССР была эмигрантам очевидна, а Головин вообще называл это издание большевистским. В 30-е годы основным военно-научным органом русского зарубежья в Европе стал журнал «Вестник военных знаний» (Сараево, 1929—1935 гг.). Редактировал его К. К. Смигельский. Журнал содержал сведения по всем отраслям военных знаний в виде небольших статей. Постоянными авторами были в основном члены «Общества ревнителей военных знаний» в Югославии.

В Шанхае с середины 20-х годов по вторую половину 30-х активно действовал полковник Н. В. Колесников — председатель 1-го Русского военно-научного общества в Китае. Николай Владимирович Колесников (1882—1937) принадлежал к поколению капитанов первой мировой войны и полковников белой армии в конце гражданской войны. Он имел не только высшее военное образование, но и литературное. В 1912—1915 гг., проходя службу в Казанском военном училище, он издал до десятка книг по военно-специальной и военно-исторической тематике. В гражданскую войну, кочуя по России с различными поручениями «белых вождей», написал книги «Конница в гражданской войне», «Семь месяцев в армии Верховного правителя», «В армии генерала Деникина», «Война и революция 1914—1921», «Франция или Германия?», «Философия войны» и др. Некоторые из них, а также написанные уже в эмиграции, он опубликовал. Он же в 20-е годы редактировал самую большую газету китайской части эмиграции «Россия» и журнал для юношества «Святая Русь», вел занятия на «Курсе русского самообразования с подрастающим поколением».

Его журнал в Шанхае назывался «Армия и флот» (тематические разделы: «Официальный», «Политика», «Стратегия», «Тактика», «Морское дело», «Воспитание и обучение войск», «Казачьи думы», «Философия и психология»). Там публиковались работы «европейцев» и «дальневосточников», помещались переводы иностранных военных авторов. Особая роль отводилась обзорам политического положения на Дальнем Востоке, так что почти каждый номер начинался большой статьей такого рода. Журнал выпускался с 1925 по 1936 год.

С 1924 г. выходил белградский еженедельник «Русский военный вестник». В основу издания организаторы положили «две главные идеи: святое православие и русское воинство», решив сочетать «эти две силы так тесно, как они были связаны в начале русской истории». Редактором-издателем был поручик Н. П. Рклицкий. Сначала редакцию привлекали идеи евразийства, затем она сместила акцент на монархизм и переименовала еженедельник в «Царский вестник» (существовал до 1940 года). Содержание оставалось военным, но с военными материалами соседствовали публикации социально-философского и духовного характера. Почти ко всем номерам передовицы писал Рклицкий — приверженец «русской идеи», часто освещавший проблемы русской государственности и культуры, считая, что русский вопрос имеет всемирный характер и что он «самый грандиозный и самый сложный вопрос современного мира», «то или иное будущее всего человечества»²¹.

Одной из наиболее распространенных военных газет был «Русский инвалид», выходявший в Париже с 1927 по 1940 год. Своим названием он символизировал связь со старейшей военной газетой дореволюционной России, издававшейся с 1813 по 1917 год. В эмиграции, кроме указанного периода, в 60-е — начале 70-х годов ежегодно выходил один ее номер. Первоначально ее редактировали Г. Глинка, А. Филиппов и такие писатели, как Б. К. Зайцев и И. С. Шмелев. В 1930 г. редакцию возглавил генерал Н. Баратов, его помощником стал Головин. Основными военными авторами, кроме Головина и Баратова, были А. Зайцов, А. Гулевич, К. Попов, П. Краснов, А. Деникин, П. Ольховский. На страницах газеты отражалась жизнь зарубежья, велись рубрики «Военные заметки», «Обзор русской военной печати» (включая СССР). В литературном разделе печатались Зайцев, Шмелев, Саша Черный и др. Их имена привлекали внимание широкой читательской аудитории.

Среди более поздних изданий был и популярный исторический журнал «Военная быль» (с 1952 по 1974 г. вышло 129 номеров). Редактор-издатель — вышеупомянутый А. А. Геринг. «Многое из военного прошлого России запечатлено правдиво и уже навсегда,— писал он,— напечатанные статьи и заметки вносят свою каплю труда в восстановление истинного хода больших исторических событий... Они знакомят читателя с подлинным бытом и жизнью русской военной среды, дают ценные сведения о часто малоизвестных особенностях... В свое время это будет ценнейший материал для будущих военных писателей и историков, когда настанет время восстанавливать истинный лик военной истории на нашей родине» (слова из прощальной статьи Геринга в № 129). Сейчас этот журнал возобновлен в Москве, уже увидели свет четыре его номера.

Русская военная культура в зарубежье поддерживалась усилиями не только военных. Свой вклад в ее развитие внесли также гражданские наука и публицистика. К «серьезному и ответственному вниманию к войне и армии» штатских ученых и «просто желающих быть сознательными русских людей» призывал, в частности, историк и философ Л. П. Карсавин. Он считал войну существеннейшим фактом русской истории и писал, что «осмысление войны с русской точки зрения представляется для нас... практически в величайшей степени важным»²². Другая близкая этому кругу лиц фигура — И. А. Ильин. Как раз воинству посвящено множество его работ. В армии России он видел «воплощение нашей национальной рыцарственности», «ограду нашей... целостности и независимости», считая, что культура духа и оборона страны тесно связаны между собой и что такая связь часто бывает для народа судьбоносной²³. О войне и армии писали неоднократно также Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, П. А. Сорокин, Ф. А. Степун, Г. П. Федотов, многие другие известные умы эмиграции. Русское воинство в эмиграции усилиями тысяч своих представителей создало очень большой интеллектуально-творческий капитал. К сожалению, это наследие дошло до нас не в полном виде и недостаточно нами используется.

Примечания

1. Всю послеоктябрьскую эмиграцию принято исчислять примерно в 2 млн. человек. Около половины ее в 20-е годы составляли бывшие военные (Новый журнал, Нью-Йорк, 1948, кн. 20, с. 225; Кадетская переписка, Нью-Йорк, 1990, № 25, с. 13; Вестник военных знаний, 1929, № 1, с. 1).
2. Русские в Галлиполи. Берлин. 1923, с. 16, 197; Русский военный вестник, 1926, № 64, с. 1; Возрождение, 1956, тетр. 60, с. 33.
3. Вестник галлиполийцев, б. м., 1924, с. 95.
4. Галлиполи (газета), 1923, № 1, с. 1.
5. Там же, с. 3; автограф на «Русские в Галлиполи» (экз. в Российской государственной библиотеке).
6. ЗАЛЕССКИЙ П. И. Возмездие. Берлин. 1925, с. 263.
7. МАРИЮШКИН А. Трагедия русского офицерства. Новый Сад. 1923, с. 15, 16.
8. ГОЛОВИН Н. Н. Авиация в минувшую войну и в будущую.— Военный сборник, 1922, кн. 3, с. 50; его же. Танки в минувшую войну и будущую. Прага. 1924; его же. Мысли об устройстве будущей Российской Вооруженной силы: общие основания. Белград. 1939, с. 43;

- его же. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж. 1939, с. 5; его же. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Чч. I—V. Париж—Рига. 1937 (ч. V, кн. 12, с. 92—96); его же. Наука о войне: о социологическом изучении войны. Париж. 1938.
9. Вестник, Париж, 1966, № 138, с. 2.
 10. ГЕРУА А. Полчища. София. 1923, с. 7, 397; Вестник военных знаний, 1929, № 1, с. 12—15; там же, 1933, № 4, с. 26—28.
 11. Вестник военных знаний, 1933, № 4, с. 15, 22—24.
 12. КЕРСНОВСКИЙ А. А. Философия войны. Белград. 1939.
 13. ЗАЛЕССКИЙ П. И. Ук. соч., с. 11.
 14. ДЕНИКИН А. И. Мировые события и русский вопрос. Париж. 1939, с. 86.
 15. Морской журнал, 1935, № 89, с. 9; Зарубежный морской сборник, 1929, кн. 3, с. 70.
 16. Осведомитель, 1937, № 3, с. 14.
 17. Зарубежные высшие военно-научные курсы генерала Головина. Париж. 1931, с. 6.
 18. ШУБЕРСКИЙ А. Н. К 25-летию со дня основания курсов Головина в Белграде. Ментона. 1955.
 19. МАРКОВ А. Кадеты и юнкера: русские кадеты и юнкера в мирное время и на войне. Буэнос-Айрес. 1961, с. 247—250; СПЕКТОРСКИЙ Е. В. Десятилетие Русского научного института в Белграде. Белград, 1938, с. 17, 28—35.
 20. Военный журналист, 1941, № 31, с. 5.
 21. Царский вестник, 1929, № 36, с. 1.
 22. Евразийская хроника, 1927, вып. IX, с. 40.
 23. Спутник русского христианского националиста. Женева. 1937, с. 33, 37.

Виккерс на Волге (1913—1917 гг.)

В. В. Поликарпов

Русское акционерное общество артиллерийских заводов (РАОАЗ), соорудившее в Царицыне (ныне Волгоград) завод крупных морских орудий, привлекло к себе широкое внимание уже при его создании в 1913—1914 годах. Создать такой завод правительство решило в ноябре 1912 г., в той крайне тревожной обстановке, связанной с военно-политическим кризисом на Балканах, когда уже надвигалась тень большой, как тогда говорили, или «общей» войны. Выяснилось, что, несмотря на предельную загруженность российской промышленности военными заказами, вооруженные силы страны не получают скоро всей нужной им артиллерии. Решение Совета министров не называло конкретно предпринимателя, которому будет поручено экстренное создание нового завода.

Из-за наметившейся «жирной» концессии разгорелась борьба между русско-французской и русско-английской финансовыми группами. По общему мнению историков, английская фирма Виккерс, которую как раз и представляло в России РАОАЗ, одержала верх в этой борьбе «только с помощью огромных денежных затрат, наполнивших карманы высших чинов русского офицерского корпуса; глава фирмы Виккерс сэр Базиль Захаров обладал достаточным опытом в применении этого средства». Однако, даже если речь идет лишь о предпочтении, оказанном Виккерсу, коррупцией мало что можно объяснить: ведь конкуренты Виккерса не избегали такого же образа действий. Немецкие фирмы тоже были знакомы с общепризнанным своеобразным тарифом, воспринимавшимся как дополнительный налог на предпринимательство в России, как всеобщая взяточная повинность. Взятки являлись тогда в деловой среде системой¹. Кроме того, решение привлечь к созданию завода иностранную фирму зависело не только от чинов военного либо морского ведомств: определяющее значение имели заключения междуведомственных совещаний и Совета министров.

Правительство уступками в ценах, сроках и других условиях старалось заинтересовать наиболее авторитетные фирмы. Характеризуя обстоятельства, при которых решался вопрос, министр финансов П. Л. Барк и государственный контролер П. А. Харитонов позднее ссылались, как на само собой разумеющееся, на то, что первоначальный заказ на пушки был предоставлен РАОАЗ «по ценам, установленным специально в видах поощрения русского производства»; но те же орудия можно было «непосредственно приобрести за границей», причем дешевле. Не являлось секретом, что отвергнутая группа Русско-Азиатского банка и фирмы Шнейдер и К^о заявляла о своей готовности исполнить заказ по более низким ценам по сравнению

Поликарпов Владимир Васильевич — кандидат исторических наук.

с ценами Виккерса и соглашалась на большую неустойку. Кроме того, хотя русско-французская группа и ставила условием право ввезти из-за границы часть материалов для заказанных новому заводу пушек, но в значительно меньшем количестве, чем ее конкурент. Намеренно оказываемые льготы создававшемуся заводу выражались также в том, что некоторая часть заказов предоставлялась заводу «исключительно для поддержания на первое время его деятельности»².

Чрезвычайно важным было предоставленное РАОАЗ право получать будущие заказы вне конкуренции. Согласно позднейшей оценке Особого совещания по обороне, это стеснительное для казны условие «могло быть допущено лишь в видах скорейшего создания особого оборудования завода». Несколько преувеличивая, как оказалось в дальнейшем, этот успех, один из директоров правления фирмы докладывал коллегам в марте 1913 г., что в России Виккерсом достигнута «позиция абсолютного господства», «подлинная монополия в производстве орудий»³. При этом Царицынскому заводу предоставлялось исключительное право на дальнейшее развертывание производства крупных орудий. Даже из казенных заводов лишь Пермский мог получить в 1916—1926 гг. заказы более крупные, чем исполнявшиеся им в 1913 г., остальные же заводы — не большие, чем до 1913 года. Но и Пермскому заводу не полагались такие заказы, для исполнения которых потребовалось бы дополнительное оборудование сверх уже намеченного по плану его переустройства.

Договор с РАОАЗ получил широкую огласку и вызвал бурную реакцию со стороны оппозиции, обвинявшей правительство в том, что оно предоставило компании безграничные полномочия, урезающие права всех других казенных и частных заводов. Относящиеся к делу секретные документы, включая журналы Совета министров, думские деятели получили негласно, через посредников, от фактического главы сухопутного артиллерийского ведомства вел. кн. Сергея Михайловича. Выяснилось, что если, например, правительство захочет ввести на Пермском заводе производство 14-дюймовых пушек, то такое его расширение «может породить многочисленные осложнения и даже иски к казне»⁴. И в самом деле, еще до того, как было утверждено ассигнование Пермскому заводу 6,5 млн. руб. для изготовления 16-дюймовых орудий, правление РАОАЗ заявило протест, полагая, что Пермский завод получит те заказы, на которые оно само имеет право рассчитывать (10% прибыли по заказам 1916—1926 гг. оно обязано было платить Виккерсу).

Юристы Министерства финансов, обсуждавшие позднее сложившуюся ситуацию, нашли, что редакция договора наводит на мысль, что свобода действий правительства в отношении Пермского завода «в чем-то стеснена», но все же пришли к мнению, что «всякая недосказанность договора в этом отношении должна истолковываться в пользу казны». Ведь к договору не был приложен план переустройства, а «коль скоро Общество в договоре не сочло нужным определить, какой именно план переустройства оно имеет в виду», то тем самым оно согласилось на любой план и лишилось «права настаивать на том, чтобы этот план касался расширения завода только в таких-то пределах»; правительство же «должно быть признано сохранившим полную свободу действий»⁵.

Сообщая об этом конфликте на заседании думской Бюджетной комиссии 12 февраля 1914 г., член Комиссии по военным и морским делам Н. В. Савич заявил, что вопрос разрешен в благоприятном смысле и Пермский завод можно оборудовать для производства 16-дюймовых пушек. Ему в морском ведомстве сказали, что Общество настаивает теперь лишь на том, чтобы технические секреты Виккерса не были переданы той фирме, которой поручат переоборудование Пермского завода. Дума приняла формулировку с указанием на незаконность заключенного контракта, превышающего формальные полномочия ведомства и вредящего интересам государственной обороны. Специально обсудившее этот вопрос междуведомственное совещание нашло, что договор «не следует толковать в ограничительном для казны смысле», но признало, что в случае судебного иска к казне со стороны РАОАЗ предрешить исход тяжбы не представляется возможным. Компания, однако, уступила давлению и заявила, что «в силу условий означенного контракта никаких претензий иметь не может», если правительство расширит свои Обуховский и Петербургский орудийный заводы. Но умолчание о Пермском заводе настораживало. Поэтому решено было не придавать ее уступке значения и соблюдать в отношениях с Царицынским обществом осторожность⁶.

Объяснять выторгованные им условия лишь взяточничеством — значит от-

казаться от полного объяснения, причем ссылки на подкуп, как правило, не опираются на поддающиеся проверке источники. Характерен пример крикливых обвинений в коррупции, выдвинутых против морского министра И. К. Григоровича черносотенным журналистом Н. М. Португаловым. Когда дело дошло до формального расследования, оказалось, что ни он, ни указанные им «свидетели» не располагают абсолютно ничем, кроме слухов, догадок и сплетен. В то же время, увлечение версией о подкупе побуждает игнорировать документально подтвержденные мотивы действий власти и разрушает основу источниковедческого анализа.

В глазах думского деятеля Б. А. Энгельгардта, взятка сыграла свою роль, когда правительство делало выбор между предложениями Веккерса и Шнейдера. Он слышал, что вел. кн. Сергей Михайлович на великосветском рауте, «не без оттенка зависти», как добавляет историк ⁷, заявил: «Не знаю который, Григорович или Сухомлинов, а хапнули здорово». Но и В. А. Сухомлинов в свою очередь говорил о великом князе: «Не знаю, кто тут хочет хапнуть? Сам Сергей Михайлович или его Кшесинская?». В обоих случаях слова, приписываемые Сергею Михайловичу и Сухомлинову, дошли до мемуариста в передаче А. А. Игнатьева, чей рассказ имеет очевидный оттенок злословия, анекдота. В сводах сведений, собранных Верховной следственной комиссией, упоминалось также о «подарке» Сухомлинову от Веккерса в размере 50 тыс. руб., но сведения эти исходили от знаменитого сплетника кн. М. М. Андроникова и в окончательных выводах комиссии не отразились ⁸. На деле наиболее влиятельное покровительство фирме оказывал вел. кн. Михаил Михайлович, в 1910 г. разделявший досуги Альберта Веккерса на охоте и рыбалке, а в военное время — почетный председатель Англо-Русского комитета ⁹.

Подозрения Энгельгардта питались, в частности, тем, что перед думцами неубедительно, на его взгляд, защищал принятое решение помощник морского министра, утверждавший, что английские заводы имеют более совершенное оборудование, чем французские. Этот довод «не мог иметь решающего значения, так как предполагаемое оборудование Царицынского завода и не должно было превышать французского. Кроме того, это,— писал Энгельгардт,— не вполне совпадало с той мотивировкой, какую давали Сухомлинов и Григорович в Совете министров». Свидетельство Энгельгардта и в данном случае ненадежно. Аргументации Сухомлинова и Григоровича в Совете министров соответствовали соображения, высказанные в Думе вице-адмиралом М. В. Бубновым.

В журнале Совета министров (документ этот был известен Энгельгардту), рассматривавшего вопрос о Царицынском заводе 13 мая 1913 г., как раз указывалось, что «по мнению Совета министров, решающее значение в настоящем деле должна иметь не столько выгодность предложенных отдельными предпринимателями условий сооружения завода, сколько качество орудий», а «орудия крупных калибров из хромоникелевой стали выделяются пока только на заводе Веккерса», другие же фирмы, в том числе Шнейдер, «только предполагают перейти к производству орудий из означенной стали и, таким образом, не имеют еще за собою в указанной отрасли достаточного опыта. Уже одно это обстоятельство побуждает склониться» к предложению англичан ¹⁰. Принимая решение по аналогичному делу (договор с фирмой Шнейдер на переоборудование казенного Пермского пушечного завода), Совет министров подчеркнул военно-технические преимущества английской морской артиллерийской техники и прямо сослался на сугубо политическую обусловленность уступки французам относительно Перми.

Далее, помощником морского министра в думской комиссии 12 марта 1913 г. «было категорически заявлено, что... сдачи в аренду оборудованных казенных заводов произведено не будет». Это заверение было высказано в ответ на протест думской комиссии против обсуждавшейся аренды морских заводов. Но думцы ставили там вопрос в принципе ¹¹. Такая позиция Думы и Морского министерства имела значение для исхода конкуренции в пользу английской фирмы, добивавшейся, в отличие от Шнейдера, не аренды уже существующего завода в Перми, а разрешения построить в Царицыне новый. Таким образом, из всего, что сказано Энгельгардтом об этих спорах 1913—1914 гг., самое существенное — описание закулисной интриги со стороны вел. кн. Сергея Михайловича, осложнившей ход дела.

Вопрос же о роли подкупа имеет естественные границы. Помимо догадок, хотя бы и правдоподобных, о принятых чиновниками взятках имели место серьезные обстоятельства, склонившие решение правительства в пользу Веккерса. Именно

в этой колее военно-технической, внешней и экономической политики уместились и корыстные проделки чиновников и мошенников-капиталистов. Там, где взятка — общепринятое правило повседневного делового общения, едва ли одним предложением «отблагодарить» возможно побудить чиновников изменить размещение или объем заказов. Скорее было так, что сначала правительство приняло решение о сделке, а уж от этого зависело оказываемое чиновникам «внимание»¹². Вообще столь выгодный контракт, наоборот, служил правительству орудием давления на Виккерса. Когда потребовалось повлиять на ход борьбы между черноморскими судостроительными предприятиями «Руссуд» и «Наваль», Григорович объявил представителю Виккерса, что во избежание неприятных последствий Виккерсу лучше порвать деловые отношения с «Навалем», даже если придется уплатить неустойку; в противном случае Виккерс может быть отстранен от дел на Царицынском оружейном заводе, за проектирование которого фирме был назначен гонорар три млн. рублей. Угроза подействовала безотказно¹³.

По условиям контракта, заключенного 7 сентября 1913 г. (его проект был утвержден правительством 13 мая), РАОАЗ было обязано построить в Царицыне новый завод и выполнить заказ на морские и береговые орудия: 36 14-дюймовых, 30 8-дюймовых и 101 130-миллиметровое, всего на 10,6 млн. рублей. Условия договора формулировались так, чтобы предприниматели были заинтересованы не только в казенных авансах, но и в своевременном сооружении завода: если 24 из 36 14-дюймовых пушек разрешалось привезти в готовом виде с заводов Виккерса, то остальные 12 полагалось изготовить в Царицыне из поковок, полученных от Виккерса. Прочие пушки также подлежали изготовлению в Царицыне из поковок Виккерса. Чего-либо исключительного в предусмотренных договором льготах нет. Подобные приемы выращивания для себя поставщиков правительством практиковало по давней традиции. И, соблюдая его партнеров деловую «благонадежность», последующих осложнений, вероятно, могло бы не случиться.

Не прошло, однако, двух месяцев, как договор подвергся пересмотру. 31 октября 1913 г. Совет министров утвердил представление Морского министерства о передаче Виккерсу полного изготовления 8-дюймовых пушек, а морской министр заявил о необходимости изготовить в Англии еще и 24 130-миллиметровых. Согласие правительства было получено 23 января 1914 года. А год спустя, за 10 дней до установленного срока, к которому следовало закончить оборудование в Царицыне механической и скрепляющей мастерских, РАОАЗ, ссылаясь на военные обстоятельства (закрытие балтийских портов, захват турками английских станков для России в Дарданеллах), обратилось с просьбой продлить сроки строительства этих мастерских до июля 1916 г., а металлургического и отжигательного отделов — до декабря 1916 года¹⁴. Заодно оно выразило пожелание передать Виккерсу остаток заказа, что и было разрешено Советом министров 27 февраля 1915 года. Таким образом, вынужденное в условиях войны спешить с получением оружия, правительство пренебрегло теми условиями контракта, которые обязывали РАОАЗ изготовить часть пушек на новом заводе, и удовлетворило ходатайства о передаче этих заказов Виккерсу. Получилось, что вместо организации производства тяжелых орудий в России их в готовом виде привозили из Англии¹⁵.

Иначе отнеслось правительство к требованию продлить срок готовности завода. Сославшись на то, что теперь этот срок невозможно заранее точно определить, Морское министерство уклонилось от решения вопроса в окончательном виде. Позднее это дало формальное основание объявить договор недействительным. Вообще же судьба предприятия с самого начала зависела от того, насколько казна обеспечит его заказами, причем его организаторы понимали, что производство крупных орудий не может обеспечить заводу безбедное существование и что ему потребуется еще производство ружей, поковок, орудий мелких калибров и пр.¹⁶. Прибыли, полученные еще не построенным предприятием, на деле являлись наживой на посредничестве: своей продукции завод еще вовсе не давал, а принятые заказы переуступил Виккерсу или дружественным фирмам в России¹⁷.

С началом мировой войны РАОАЗ попыталось развернуть свое предприятие шире и вступило в борьбу за заказы на легкие полевые орудия и винтовки. Переговоры о 3-дюймовых полевых пушках начались в августе 1914 г.; осенью Виккерс сделал заказы необходимых для этой цели станков. 20 декабря царю было доложено о намерении РАОАЗ организовать производство таких пушек в Царицы-

не, если заводу будет заказано несколько тысяч орудий. Получив согласие, Сухомлинов распорядился, чтобы Главное артиллерийское управление провело по инстанциям заказ на 3000 пушек, но финансовое и контрольное ведомства выдвинули возражения, обратив внимание на «исключительно высокую цену» — почти в 1,5 раза выше цен Пермского завода, причем 3000 орудий — «почти половина всего количества сих орудий, состоящих по штатам на вооружении всей нашей армии», так что если дать заказ РАОАЗ, вызвав к жизни новое частное производство подобных пушек, то «вполне приспособленные и оборудованные для изготовления такого рода орудий казенные заводы горного ведомства должны будут сократить свое производство».

Поэтому сначала следовало бы выяснить, не возьмется ли за заказ Пермский завод, «на расширение производительности коего казною затрачены в последние годы значительные средства», иначе «может оказаться, что заказ этот будет оставлен не оборудованному еще частному заводу, в явный ущерб планомерному питанию» государственного. Учитывалось также, что Царицынский завод не относится к числу партнеров, «уже зарекомендовавших себя исправным выполнением казенных заказов»: он не справился с морскими заказами, «которые с разрешения Совета министров были переданы фирме Виккерса». Предупреждая о возможном повторении скандала, Министерство финансов потребовало отдать заказ на 3000 орудий Пермскому заводу, для чего расширить последний. В результате неуступчивости финансового ведомства дело должно было поступить на рассмотрение в Совет министров¹⁸.

Волокита длилась до отставки Сухомлинова. За месяц до нее он еще сумел навязать Военному совету решение в интересах РАОАЗ и 26 мая 1915 г. передал дело в Совет министров. Но взгляд правительства на роль частной промышленности в производстве вооружения вообще и на роль конкретно Царицынского завода выяснился уже 29 мая, при обсуждении на заседании Совета министров проталкиваемого Сухомлиновым одновременно проекта частного ружейного завода той же фирмы. Она расценивалась остальными министрами как не заслуживающий доверия посредник между казной и Виккерсом. Представление Военного министерства о пушечном заказе было возвращено Сухомлинову Советом министров без рассмотрения, с указанием перенести решение вопроса в Особое совещание по обеспечению действующей армии (предшественник Особого совещания по обороне, созданного в августе 1915 г.). Но Особое совещание, сославшись на то, что заказ рассчитан на исполнение в основном после войны, 13 июня (в день отставки Сухомлинова) постановило не брать решение вопроса на себя и вернуло дело Военному министерству для вторичного внесения в Совет министров.

Только что вступив в управление Военным министерством, А. А. Поливанов, не обращаясь в Совет министров, запросил Министерство торговли и промышленности, сможет ли Пермский завод изготовить 3000 пушек к 1920 году. «Для государства выгодней, — пояснил он, — развить существующий казенный завод, а не создавать частный завод, за заказы на котором казна всегда будет переплачивать»¹⁹. 25 июня министр торговли и промышленности ответил, что Пермский завод может поднять производительность в любых нужных пределах и на это потребуется не больше времени, чем Царицыну. Теперь дело получило новое направление, и 24 августа 1915 г. правительство рассмотрело вопрос о заказе 3000 орудий уже не Царицынскому, а Пермскому казенному заводу.

Не разделяя соображений Сухомлинова, Поливанов на заседании Совета министров обрисовал преимущества казенного производства, отметив, что «и вообще» он отдает «предпочтение, в смысле обеспечения потребностей государственной обороны, казенным заводам перед частными». То, что при передаче заказа Пермскому заводу «не будет достигнуто образование частного для выделки до 1200 полевых пушек ежегодно предприятия», искупалось развитием Пермского завода: вместо нынешних 900 он будет давать по 3000 пушек в год. Совет министров подтвердил, что такое мнение «отвечает точке зрения о преимуществах... казенных заводов, неоднократно выраженной Советом министров». От усвоенной им точки зрения, говорилось далее в журнале, правительство прежде допускало «частичные отступления», но это делалось «лишь в силу настояний ближайше ответственных за состояние нашей государственной обороны ведомств»²⁰.

Расстаться с возможностью получить заказ на 3000 орудий (23 млн. руб.)

дельцам РАОАЗ было нелегко, и 23 октября оно обратилось с жалобой к Николаю II: «Заказа на полевые пушки до сих пор, вот уже год, не последовало, несмотря на то, что этот вопрос дважды прошел в Военном совете в утвердительном смысле». Давая царю объяснение полгода спустя, Военное министерство докладывало: из жалобы «можно понять, что дело изготовления трехдюймовых орудий на названном заводе начато и налажено; между тем обследованием на месте установлено, что для изготовления их «выполнена лишь пристройка к зданию, но никаких дальнейших оборудований не имеется», а потому в действительности услугами Царицынского завода «правительство воспользовалось» в полной мере, «насколько позволяло оборудование этого завода». Имелось в виду предоставление заказа на 2500 пушек группе предприятий: завод Лесснера изготовлял затворы, Петроградский металлический — лафеты, Сормовский — тела орудий; Царицынский же завод, передавший своим партнерам выписанные из-за границы станки, получал за каждую из пушек барыш по 700 рублей ²¹.

Неудачей закончилась и попытка создать в Царицыне первое в России частное ружейное предприятие. Продвигая этот проект, Сухомлинов преодолевал сопротивление ГАУ и руководившего им вел. кн. Сергея Михайловича, а также Министерства финансов и Государственного контроля. Заручившись согласием царя, он трижды доводил проект до обсуждения в Совете министров (10 февраля и 29 мая; последнее состоялось при Поливанове, 27 ноября 1915 г.). Но правительство, проявив заинтересованность в приобретении комплекта ружейных станков, припасенного Виккерсом для Царицынского завода, отвергло самый проект и приняло точку зрения возражавших Сухомлинову Барка и Харитонов. Те считали, что не следует заказывать винтовки Царицынскому заводу «по непомерно повышенным ценам военного времени», и, возражая против устройства компанией своего ружейного завода, призывали «соблюдать в этом деле величайшую осторожность»: опыт устройства ею же орудийного завода не позволял надеяться обеспечить снабжение вооруженных сил «путем насаждения в России частной промышленности».

Согласие правительства, напоминали они, дано было «в том предположении», что удастся «прочно и беззамедлительно» наладить производство крупных орудий. И вот результат: вместо орудий отечественного изготовления «казна получает иностранные пушки по явно преувеличенным ценам», в то время как РАОАЗ, не изготовив ни одного орудия, уже выплачивает дивиденды. Устройство частного военного предприятия «в лучшем случае равносильно» постройке его «на казенный счет». Таким путем возникает лишь дорого оплачиваемый посредник между казной и заграничными рынками. Совет министров «признал всю вескость» этих возражений, и было решено вместо намеченного Виккерсом частного ружейного завода построить 4-й и 5-й казенные ружейные заводы и обслуживающий их 2-й сталелитейный. Упорные попытки Сухомлинова преодолеть это сопротивление не только не достигли цели, но и послужили главным основанием обвинения (оставшегося, впрочем, так и не доказанным) в корыстолюбии, выдвинутого против бывшего военного министра комиссией, расследовавшей его деятельность. По ее заключению, в деле о частном ружейном заводе «наиболее показательно выразилось покровительство» Сухомлинова фирме Виккерс ²².

Тем временем развертывалась дискуссия о распределении между правительством и «общественностью» ответственности за поражения на фронте. Лидеры различных группировок усмотрели в скандальных делах Царицынского и Путиловского заводов благодатный материал. Выступая 1 августа 1915 г. в Думе, Н. Е. Марков 2-й назвал РАОАЗ обществом «тех самых пушечных заводов, которые два года строятся, но никак не могут постройкой окончиться», и напомнил, что договором с ним создано такое положение, когда «частный пушечный завод, который еще ни одной пушки не поставил, ограничивает право русского правительства на развитие своих казенных заводов». Этот контракт показывает, насколько глубоко проникают интересы частной промышленности: «даже казенным пушечным заводам мешают развить свою производительность в полной силе, заставляют суживать ее». Тему развил 3 августа другой лидер правых, А. Н. Хвостов, объявивший наполовину немецким Путиловское общество, по отношению к которому, по его мнению, назрела необходимость секвестра ²³. В те дни дело Путиловского завода уже приобрело политическое значение и полгода спустя закончилось переходом завода под казенное управление.

Живейшее участие принимала в кампании и оппозиционная общественность. В августе 1915 г. А. И. Гучкову, участвовавшему в расследовании путиловского дела в качестве председателя Центрального военно-промышленного комитета, был передан донос «одного французского инженера», побывавшего будто бы в Царицыне и обнаружившего там злонамеренное промедление в строительстве оружейного завода. Гучков 11 сентября 1915 г. подал копию доноса в Военное министерство, приложив докладную записку Царицынского военно-промышленного комитета, которому поручено было проверить сообщение. Гучков считал, что «отмеченные Царицынским комитетом упущения требуют принятия соответствующих мер». Впрочем, существование такого «французского инженера» вызывает сомнение, так как в стиле Гучкова было выдвигать обвинения, хотя бы и надуманные, в расчете на то, что дальше все само собой образуется, а для начала важно «ткнуть головешку»²⁴. Той же линии держался А. И. Шингарев, давно склонявший товарищей по кадетскому ЦК ставить во главу угла оппозиционной борьбы вопрос о коррупции власти. 5 августа 1915 г. на соединенном заседании думских Бюджетной и Финансовой комиссий он напомнил о выданных РАОАЗ авансом 10 млн. руб. и обратился к участникам заседания: «А вы знаете, что там [в Царицыне] есть? Есть гостиница, жилой городок, недоконченные мастерские, ни одного поставленного станка и несомненно уголовное преступление»²⁵.

Царицынским заводом заинтересовалась созданная после смещения Сухомлинова «Верховная комиссия для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снабжения армии». Царицынским делом занимались в качестве членов комиссии сначала А. Н. Наумов (до назначения его 10 ноября 1915 г. министром земледелия), затем депутат Государственной думы (лидер «прогрессивных националистов») гр. В. А. Бобринский. Наумов вспоминал, что от председателя комиссии и морского министра получал замечания, что, занимаясь Царицыном, углубляется в посторонний вопрос, так как «это дело касается флота, а не армии», и в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства он привел слова, сказанные ему Григоровичем по поводу Царицынского завода: «Вы меня допекаете письмами, какое вам дело до флота, когда вам поручены совсем иные дела»²⁶.

В октябре 1915 — начале 1916 г. комиссией был собран обильный материал, почерпнутый из делопроизводства морского, военного и горного ведомств, и показания свидетелей. Между тем Григорович обратился 30 января 1916 г. в Совет министров с предложением о правительственном 17-миллионном «воспособлении» РАОАЗ и Обществу Николаевских заводов и верфей, бравшимся оборудовать свои предприятия для выпуска крупных поковок. Расширению крупнопоковочного отдела на Обуховском заводе морского ведомства препятствовал общий запрет на дальнейшее увеличение столичной военной промышленности. Расширение же Пермского завода требовало по меньшей мере двух лет, тогда как Царицынский завод брался начать выпуск крупных поковок (0,6 млн пудов в год) уже к июлю 1917 г., а Николаевское общество — даже к январю (0,5 млн пудов).

Это предложение рассматривалось в Совете министров 5 февраля 1916 года. Все министры за исключением Григоровича и Поливанова высказались против расширения частных заводов, особенно Царицынского: «Речь идет о создании на средства казны, притом по преувеличенным ценам военного времени, частного предприятия»; но «опыт текущей войны с наглядностью... доказал преимущества обеспечения первостепенных интересов государственной обороны производительностью казенных, а не частных заводов». Правда, Николаевское общество вроде бы вернет казне ссуду, испрашиваемую на оборудование нового завода, «но не подлежит, конечно, сомнению, что это обстоятельство будет учтено в цене поковок и в действительности вся стоимость оборудования окажется переложенною на казну». Министр торговли и промышленности В. Н. Шаховской потребовал, отклонив предложения обоих частных заводов, расширять Пермский²⁷.

Против очередного царицынского проекта выступил Наумов. «Я тогда же заявил, — рассказывал он на следствии, — что как бывший член Верховной комиссии... протестую против выдачи каких-либо авансов, так как я познакомился недавно с положением Царицынского завода». Он доложил Совету министров, что собранные Верховной комиссией данные «с полной определенностью устанавливают совершенное неустройство Царицынского завода, рассчитывать на возможность

оборудования коего впредь до коренной реформы всей его организации» нельзя. Выявились резкие разногласия, разрешить которые должен был царь. Но через три дня, еще до составления журнала заседания, «повергаемого» на рассмотрение императора, Шаховской предложил компромисс: «Принимая, однако, во внимание категорическое указание морского министра» и сжатый срок, намеченный Николаевским обществом, «я готов,— писал он 9 февраля председателю Совета министров,— не настаивать» на отклонении предложения Николаевского завода, но «при условии, что решение в этом смысле Совета министров отнюдь не останавливает необходимости устройства подобного же казенного оборудования» в Перми, а ссуда Николаевскому заводу будет обставлена серьезными гарантиями, включая неустойку²⁸.

11 февраля Совет министров вернулся к спорному вопросу и постановил дать ссуду Николаевскому заводу «с тем, конечно, чтобы одновременно с сим беззамедлительно было приступлено к надлежащему в том же направлении оборудованию Пермских заводов, в полном намеченном министром торговли и промышленности объеме». Подчеркивалось при этом, что Николаевскому обществу правительство идет навстречу исключительно из-за назначенного им краткого срока. Что касается Царицынского завода, то несмотря на преимущества его географического расположения²⁹, ссуда ему нецелесообразна и ввиду обстоятельств, доложенных Намумовым, и по существу, ввиду «предрешенного оборудования крупнопоковочного производства на Пермском пушечном заводе» мощностью 1,2 млн пудов поковок в год (первоначально намечалось 0,5 млн пудов)³⁰.

Пока тянулись допросы свидетелей и переписка следователей с ведомствами, стройку дважды осмотрели на месте комиссии Особого совещания по обороне. Первое обследование, продолжавшееся более двух месяцев, показало, что строительство не закончится даже в выпрошенные владельцами льготные продленные сроки. Это объяснялось тем, что, передав имевшиеся заказы на пушки Виккерсу, они лишились оснований спешить с капиталовложениями в постройку собственного завода³¹. 27 ноября состоялось заключительное заседание первой комиссии, 22 декабря в Царицын отправилась другая. 15 января 1916 г. она доложила Особому совещанию по обороне, что РАОАЗ «оказалось неисправным в исполнении принятых на себя по контракту обязательств и потому есть основания считать контракт нарушенным». Вновь было обращено внимание на то, что Царицынский завод, передав имевшиеся заказы Виккерсу, «совершенно не обеспечен заказами на будущее время», а потому администрация завода «лишена всякого побуждения к скорейшему его оборудованию». Отмечалось также, что некоторые мастерские могли бы помогать Обуховскому заводу в изготовлении 12- и 16-дюймовых гаубиц и обтачивать снаряды крупных калибров. Было решено, что, хотя «по имеющимся сведениям правление завода не особенно сочувствует» использованию предприятия для изготовления снарядов, все же «недопустимо, чтобы при острой нужде в предметах боевого снабжения оставалась неиспользованной возможная производительность Царицынского завода»³².

В тот момент вопрос об использовании завода рассматривался еще под углом зрения дальнейшего сотрудничества. Признавая неготовность завода, морское ведомство и Особое совещание по обороне предполагали ограничиться усилением надзора³³ за деятельностью заводской администрации и даже обеспечить завод новыми заказами на длительный срок, а нарушением с его стороны условий договора воспользоваться для того, чтобы изъять из него наиболее невыгодные для казны положения. Однако 22 января начальник Обуховского завода ген. В. В. Чорбо доложил министерству, что необходимо немедленно превратить Царицынский завод в филиал Обуховского, а в последующем перенести производство крупной артиллерии из Петрограда в Царицын. Предложение Чорбо обсуждалось 5 февраля в Главном управлении кораблестроения и было отклонено, ибо выкуп Царицынского завода считался допустимым «лишь в случае отказа его учредителей от дальнейшего продолжения оборудования и эксплуатации» предприятия. Учредители же М. С. Плотников и К. П. Федоров заявили, что отказываться не намерены. Но при этом выяснилось, что они уже поставили перед Морским министерством вопрос об очередном продлении договорных сроков. Поливанов немедленно вмешался и от имени Особого совещания по обороне потребовал, чтобы Григорович повременил вносить подобное ходатайство в Совет министров, так как согласие на отсрочку

лишит казну формального предлога для пересмотра договора. Исключить из контракта спорный параграф, ограничивавший расширение казенных заводов, удастся «лишь при условии, если по формальным причинам Морское министерство найдет возможным объявить существующий контракт утратившим свою силу»³⁴.

С идеей выкупа в казну военных предприятий носились правые. Она находила отклик также в бюрократических и «либеральных» кругах. На протяжении войны прошел ряд стачек под этим лозунгом, никак не вписывавшимся в стандартные классификации советской историографии рабочего движения. При обсуждении вопроса о постройке сталелитейного завода для артиллерийского ведомства представители Министерства финансов и Государственного контроля предложили использовать для этой цели Царицынский завод. Военное ведомство поддержало эту мысль, заявив, что если ГАУ придется построить для себя орудийный завод в Саратове и сталелитейный — в станице Каменской на Дону, то после этого существование частного Царицынского завода окажется трудно поддержать заказами, потому что, имея свои новые заводы, военное ведомство такой поддержки не предоставит.

Стремясь не выпустить Царицынский завод из своих рук и оградить его от секвестра, чреватого скандалом с Виккерсом (к решению о секвестре уже вплотную подошло 30 марта Особое совещание по обороне), Морское министерство в дальнейшем неизменно выступало за выкуп его в казну для собственных нужд, рассчитывая, что тогда удастся сохранить в силе соглашение с Виккерсом о техническом содействии заводу. Принятое 17 февраля 1916 г. компромиссное решение гласило: «Царицынский орудийный завод приобрести в казну Морским министерством с тем, что потребность военного ведомства в крупнокалиберной артиллерии (пушки) будет удовлетворяться морским ведомством»³⁵.

Вопрос об условиях выкупа обсуждался 4 и 12 марта в Совещании по судостроению. Предложенная правлением РАОАЗ цена — 42 млн руб., включая 15-процентную капитализированную прибыль, была признана преувеличенной. Участники обсуждения находили, что с финансовой точки зрения «приобретение завода в казну, по всей вероятности, явилось бы более выгодным, нежели неизбежное и бесконечное субсидирование... бездействующего, до крайней степени задолженного и лишённого оборотных средств предприятия». Условия выкупа надлежало выработать «на совершенно иных основаниях», чем предлагало правление РАОАЗ, причем «особенное внимание должно быть обращено на неисправность Общества» в исполнении договора с морским ведомством «и на все протекающие из сего юридические последствия». В том же смысле вынес решение Совет министров, поручивший Министерству финансов учредить междуведомственную комиссию для определения порядка, способа и условий выкупа.

К тому времени владельцы предприятия, стремясь избежать секвестра или принудительного отчуждения, снова представили на рассмотрение правительства свои условия продажи завода казне. 1 мая 1916 г. Григорович обратился к правительству за принципиальным разрешением на сделку с РАОАЗ «по добровольному согласию на выработанных уже с правлением Общества основаниях». Но Совет министров рассматривать эти основания не стал и «счел нужным определенно указать», чтобы создаваемая Министерством финансов комиссия обсудила вопрос об условиях выкупа «во всей его полноте, отнюдь не стесняясь» проектом соглашения, выработанным владельцами завода совместно с Морским министерством³⁶.

Снова в Царицын нахлынули комиссии, занимавшиеся выяснением технического состояния предприятия; на многочисленных заседаниях юристы и инженеры сравнивали различные способы подсчета стоимости приобретаемого от РАОАЗ имущества и изучали «обстоятельства, могущие послужить основанием к понижению оценки завода». По заключению технических экспертов, к середине июля 1916 г. было закончено строительство большой орудийной мастерской, мастерских средней артиллерии, прицелов, закалочной, чугуно- и меднолитейной, модельной, ремонтно-котельной, ремонтно-механической, электростанции, нефтекачки, нефтехранилищ; заканчивалось сооружение зданий сталелитейной, прессовых и кузнечной мастерских, путей сообщения, водопровода, рабочего поселка. На полное приведение в готовность завода могло потребоваться до полугода. Наибольшие пробелы в оборудовании создавало отсутствие двух из трех прессов, включая самый мощный, не отправленных из Англии до конца 1916 г., и передача Сормовскому заводу части полученных станков из мастерских средней артиллерии и прицелов; в большой

орудийной ожидалась доставка двух длинных токарных станков взамен захваченных турками.

Комиссия Министерства финансов не согласилась с оценкой завода, данной правлением РАОАЗ (33,6 млн. руб. на 1 июля 1916 г.), находя, что правление предлагает казне оплатить такие расходы, которые не являлись обязательными для выполнения контракта. Пересмотрев оценку, эксперты вывели цифру в 26 млн. руб. (по другому исчислению — около 24 млн. руб.), а затем подготовительное совещание той же комиссии понизило ее до 20 млн. рублей. Окончательное заключение комиссии установило «стоимость той части имущества, которая ныне выяснена и оценена», в 18.286 тыс. руб., остальные расходы считались требующими уточнения после фактического приема завода в казну. Англичане попытались защитить ущемленные финансовые интересы фирмы Виккерс путем демаршей своего посла, но успеха Дж. Бьюкенен не имел, о чем и доложил в Лондон 14 января 1917 года ³⁷.

Переговоры с правлением затянулись, а после Февральской революции, когда предпринимательским кругам стало легче защищать свои интересы перед властью, самая идея выкупа Царицынского завода была поставлена под сомнение. Министерство финансов по соглашению с морским ведомством 11 августа 1917 г. обратилось к Временному правительству с предложением отменить состоявшееся 26 апреля и 6 мая 1916 г. постановление о выкупе. В качестве причин указывались неопределенность политической конъюнктуры, «сокращение ныне казенного военно-морского строительства» и «тяжелые экономические условия». На общем собрании акционеров РАОАЗ, состоявшемся 8 августа, было объявлено, что «предполагавшийся переход в казну Царицынского завода окончательно решен в отрицательном смысле», и группа Петроградского международного банка решила произвести «фузию» (слияние) трех своих основных предприятий, передав в порядке взаимного обмена часть акций РАОАЗ обществам Сормовского и Коломенского заводов ³⁸.

Однако после падения Риги эвакуация петроградской военной промышленности приобрела экстренный характер. 6 сентября Особое совещание по обороне распорядилось перевезти оптические мастерские Обуховского завода в Царицын и потребовало «выяснить вопрос о приобретении Царицынского завода в казну». Туда начали перевозить из Петрограда оборудование морских заводов и Путиловского. 18 сентября 1917 г. Морское министерство ответило, что вопрос о выкупе решен «в утвердительном смысле». Газетам, поторопившимся распространить слухи о якобы состоявшемся приобретении Царицынского завода Сормово-Коломенским объединением, пришлось напечатать опровержения. Принципиальное соглашение об условиях продажи было достигнуто 19 сентября, причем в уплату владельцы завода должны были принять облигации Займа Свободы и краткосрочные обязательства Государственного казначейства. Облигации Займа Свободы принадлежали к числу такого рода ценных бумаг, какие Государственный банк навязывал тем своим клиентам, «которые были не в состоянии сопротивляться» ³⁹.

После этого владельцам предприятия еще дважды почудилось, что есть возможность вернуть утраченное. После свержения Временного правительства, ввиду неясной обстановки, в ноябре 1917 г. предпринималась попытка провести какую-то операцию с акциями, и Лондон был заново запрошен о согласии на взаимный обмен крупных пакетов акций между РАОАЗ, Сормовским и Коломенским обществами. Не успели директора Виккерса дать ответ, как из России поступила депеша об отмене намеченной операции. Вновь оправдалась максима царских юристов о том, что всякая неясность в отношениях подлежит истолкованию в пользу казны. Затем, уже в феврале 1924 г., Лондона достигли, вызвав там живой интерес, неопределенные известия, основанные на неофициальных разговорах в Москве, о готовности большевиков выплатить Виккерсу некоторую компенсацию, если со стороны англичан последует согласие на техническое сотрудничество с Сормово-Коломенским объединением. Проверить эти сообщения не смог даже Захаров. После этого администрация компании Виккерс закрыла свое делопроизводство по пушечному заводу в Царицыне, полностью, однако, сохранив соответствующую статью в активах.

В конце концов оказалось, что по характеру оборудования для изготовления крупнокалиберной артиллерии этот завод (в советское время названный «Баррикады») стал перспективным соперником Пермскому, который по сравнению с Царицынским выглядел «старой калошей». Такое сравнение в 1925 г. пришло на ум

управляющему Пермским заводом А. Кивгиле, прежде служившему полтора года директором Царицынского завода ⁴⁰.

Примечания

1. ХАЛЬГАРТЕН Г. Империализм до 1914 года. М. 1961, с. 634; БЕРЛИН П. Всероссийская взятка.— Южный край, Харьков, 9. VIII. 1915; KIRCHNER W. Über «Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Rußlands».— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 38, 1988, Hf. 4, S. 618—619; SCOTT J. D. Vickers: A History. Lnd. 1962, p. 81; TREBILCOCK C. Legends of the British Armament Industry, 1890—1914: A Revision.— Journal of Contemporary History, vol. 5, 1970, № 4, p. 15—19.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 29, оп. 3, д. 731, л. 95 (Особый журнал Совета министров (ОЖСМ) 29.V.1915); ф. 504, оп. 10, л. 178, л. 49об., 82об., 138; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1779, оп. 2, д. 264, л. 2об.
3. NEILSON K. Strategy and Supply: The Anglo-Russian Alliance, 1914—17. Lnd. 1984, p. 75; РГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 222, л. 75.
4. ЭНГЕЛЬГАРТД Б. А. Воспоминания камер-пажа (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 218.09, № 927, с. 275—277); е го же. Потонувший мир. Воспоминания (там же, ф. 218.305.3, с. 410—411); Доклады Бюджетной комиссии Государственной думы (ДБК) IV/2. Вып. 4. СПб. 1914, № 43, с. 36; Приложение к № 34 (стенограмма), с. 3—4.
5. ГАРФ, ф. 1779, оп. 2, д. 264, л. 116об.—118об.
6. Там же, л. 16—17об., 117; РГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 40, л. 57; ДБК IV/2. Вып. 3. СПб. 1914, приложение к № 34 (стенограмма), с. 7; Речь, 23.II.1914.
7. БОХАНОВ А. Н. Крупная буржуазия России. М. 1992, с. 57; ОР РГБ, ф. 218.09, № 927, л. 405, 408.
8. РГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 43, л. 21 об.—22об.; ф. 234, оп. 1, д. 17, л. 74.
9. TREBILCOCK C. The Vickers Brothers. Lnd. 1977, p. 34.
10. РГВИА, ф. 504, оп. 10, д. 178, л. 49 об.
11. Государственная дума. Созыв IV, сессия 1-я. Приложения к стенографическим отчетам. Вып. 3. СПб. 1913, № 342, с. 4.
12. TREBILCOCK C. Legends, p. 18; e j u s d. The Vickers Brothers, p. 131—132.
13. ШАЦИЛЛО К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России. М. 1992, с. 198; РГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 91, л. 9.
14. СИДОРОВ А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М. 1973, с. 132 (у автора описка: 1915, вместо 1916 г.); ГАРФ, ф. 1779, оп. 2, д. 264, л. 15об., 18, 19; РГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 222, л. 74; ф. 504, оп. 10, д. 178, л. 316 и об.
15. ПОГРЕБИНСКИЙ А. П. Государственно-монополистический капитализм в России. М. 1959, с. 178.
16. ГАРФ, ф. 1779, оп. 2, д. 264, л. 181об.; РГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 128, л. 438об. (ср.: БОВЫКИН В. И. Банки и военная промышленность России накануне первой мировой войны.— Исторические записки, 1959, т. 64, с. 123—124).
17. СИДОРОВ А. Л. Ук. соч., с. 432; ПОГРЕБИНСКИЙ А. П. Ук. соч., с. 179. История Царицынского предприятия изложена Погребинским с неточностями. Разъясняя, что имел в виду Совет министров, когда отмечал 29 мая 1915 г. неизготовление этим заводом ни одного из заказанных орудий, Погребинский утверждал, что подразумевался заказ артиллерийского ведомства на 1500 полевых орудий, принятый Царицынским заводом от имени группы предприятий. Но этот заказ (на 2500, а не 1500 пушек) был выдан через РАОАЗ группе заводов лишь 17 августа 1915 г., так что неисполнение его не могло подразумеваться Советом министров в мае; в действительности речь шла о морских орудиях больших калибров.
18. РГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 46, д. 1125, л. 2, 6, 21—22, 24—25, 34—35; ф. 234, оп. 1, л. 18, л. 135—139; ф. 504, оп. 6, д. 16, т. 1, л. 304.
19. Там же, ф. 29, оп. 3, д. 731, л. 111—114; ф. 1, оп. 1, т. 46, д. 1125, л. 39—42, 45, 46, 55; Журналы Особого совещания по обороне государства (ЖОСО): 1915 год. М. 1975, с. 62—63. В комментарии к журналу Особого совещания по обороне от 13 июня 1915 г. (с. 562, 554) вопрос о заказе 3000 пушек Царицынскому заводу, равносильном отпуску денег на постройку нового частного завода, совмещен (как в книге Погребинского)

- с рассматривавшимся одновременно вопросом о заказе 2500 таких же орудий через тот же завод — группе предприятий, уже существовавших независимо от данного заказа (РГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 46, д. 1125, л. 45, 46, 55).
20. РГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 46, д. 1125, л. 64—65. ОЖСМ, утвержден царем 7 сентября 1915 года.
 21. РГВИА, ф. 29, оп. 3, д. 781, л. 5об.—6, 45. В записке Общества излагались претензии к правительству также и по поводу препятствий к созданию в Царицыне ружейного и крупнопоковочного производств.
 22. СИДОРОВ А. Л. Ук. соч., с. 430—431; РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 78771, л. 2—11об.; ф. 29, оп. 3, д. 731, л. 82—92, 94об.—95; ф. 970, оп. 7, д. 2037, л. 14—15об., 25.
 23. Государственная дума. Созыв IV. Сессия 4-я. Стенографические отчеты (СОГД IV/4). Ч. 1. Пг. 1915, стб. 287—288 (Марков), 365—366 (Хвостов).
 24. См.: Александр Иванович Гучков рассказывает... М. 1993, с. 97; РГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 34, л. 26—30.
 25. ВИШНЕВСКИ Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М. 1994, с. 166; Прилож. к СОГД IV/4. Пг. 1915. Вып. 1. Прилож. к №№ 26 и 38, с. 86.
 26. Падение царского режима (ПЦР). Т. 1. М.-Л. 1926, с. 359, 384.
 27. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1276, оп. 1, д. 229, л. 9—12, 34—44.
 28. ПЦР. Т. 1, с. 440; РГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 222, л. 91; ф. 29, оп. 3, д. 781, л. 8; ф. 1, оп. 1, т. 46, д. 1125, л. 66; РГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 229, л. 1—6.
 29. Николаев проигрывал из-за расположения на берегу, допускающего нападение с моря, и из-за затруднительности железнодорожных перевозок с юга на север; в пользу Царицына говорила близость к Уралу и возможность пользоваться речными путями.
 30. РГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 229, л. 43—44. Навалло и Руссуду совместно была выдана 10-миллионная ссуда из 4% годовых (ШАЦИЛЛО К. Ф. Из истории финансового капитала. В кн.: Первая мировая война, 1914—1918. М. 1968, с. 197—198).
 31. ЖОСО, 1915 год, с. 274, 574—575; СИДОРОВ А. Л. Ук. соч., с. 132; РГВИА, ф. 1779, оп. 2, д. 264, л. 21—26.
 32. РГВИА, ф. 29, оп. 3, д. 781, л. 30—32.
 33. Материалы архива фирмы Виккерс, однако, показывают, что еще в ноябре 1915 г. ей дали понять, что ввиду условий военного времени пушечный завод подлежит национализации (GOLDSTEIN E. R. *Vickers Limited and the Tsarist Regime.*— *Slavonic and East European Review*, vol. 58, 1980, № 4, p. 568). Это совпало по времени с первой попыткой секвестровать Путиловский завод.
 34. ГАРФ, ф. 1779, оп. 2, д. 264, л. 31об.—32об.; РГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 222, л. 37—38.
 35. РГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 222, л. 67—68; ф. 29, оп. 3, д. 781, л. 25—28, 21.
 36. РГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 222, л. 86—88об.; ф. 2011, оп. 1, д. 16, л. 15—16. ОЖСМ 26 апреля и 6 мая 1916 г. «О приобретении в казну Царицынского артиллерийского завода»; ГАРФ, ф. 1779, оп. 2, д. 264, л. 48.
 37. LINKE H. G. *Das zarische Russland und der erste Weltkrieg.* München. 1982, S. 72; РГВИА, ф. 1779, оп. 2, д. 264, л. 173—212. Имеющиеся в литературе сведения (ПОГРЕБИНСКИЙ А. П. Ук. соч., с. 179), будто РАОАЗ сумело передать другим заводам все оборудование, заготовленное для Царицынского завода, неточны. Указанные 77 станков оно перевезло на Сормовский завод, спасая их от реквизиции в начале 1915 г. (РГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 40, л. 62об.—63об.).
 38. ГАРФ, ф. 1779, оп. 2, д. 264, л. 172—172об.; ГОЛИКОВ А. Г. Первая мировая война и российские монополии.— *Вопросы истории*, 1981, № 6, с. 110—111.
 39. ЖОСО, 1917 год. М. 1979, с. 752; ЖОСО, 1916 год. М. 1977, с. 195; РГВИА, ф. 505, оп. 3, д. 20, л. 567; ГАРФ, ф. 1779, оп. 2, д. 264, л. 226; ф. 3348, оп. 1, д. 158, л. 10; ВОЛОБУЕВ П. В. *Экономическая политика Временного правительства.* М. 1962, с. 277; STONE N. *The Eastern Front: 1914—1917.* N. Y. 1975, p. 291; ГОЛИКОВ А. Г. *Российские монополии в зеркале прессы.* М. 1991, с. 130—131.
 40. GOLDSTEIN E. Op. cit., p. 568—569; Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, ф. 17, оп. 84, д. 924, л. 93—93об. Ошибался автор, полагавший, что Царицынский завод «так и не был выстроен» (ПОГРЕБИНСКИЙ А. П. Ук. соч., с. 179).

«Всесоюзная демократическая партия»

А. И. Тарасов

Во время учебы в Московском институте международных отношений, с 1945 г., я подружился с Виктором Исаевичем Белкиным на почве антисталинизма. Забираясь на пустовавший пятый этаж здания, что у Крымского моста, мы отдавались опасным и увлекательным беседам на антисоветские темы, Белкин — как историк, я — как экономист. Это именовалось «пятиэтажной философией». Белкин пытался склонить на свою сторону и других студентов, за что его в 1947 г. исключили из института. Он уехал на родину, в Воронеж, и там продолжил учебу в университете. Лето 1948 г. Белкин провел у меня в Кунцево, тогдашнем дачном пригороде столицы. Наши споры стали более глубокими и плодотворными. Тогда-то, по предложению Белкина, мы с ним решили создать подпольную антисталинскую Демократическую партию, он — в Воронеже, я — в Москве. По иронии судьбы, наше решение было принято в лесу, совсем недалеко от кунцевской дачи Сталина. «Мы с Тарасовым, — писал Белкин, — исходя из теории кризиса, выстроили свою концепцию и сколотили в 1948 г. группу с целью создания марксистского кружка. Назвали нашу организацию не иначе, как Всесоюзная демократическая партия»¹.

Антиправительственные настроения среди студенчества стали в ту пору сильны, и несмотря на жесточайший террор через пару месяцев с нашей партией сотрудничало уже более десяти человек. Некоторые поддерживали осторожную связь только с руководителями, другие работали непосредственно в организации, встречаясь друг с другом. Этими активными членами стали студенты Воронежского университета Виктор Белкин, Семен Черепинский, Василий Гаркавцев, Анна Винокурова, Василий Климов, Людмила Михайлова; в Москве — Анна Заводова из института иностранных языков, Борис Воробьев из авиационного института, Израиль Мазус из авиационного технологического института и я — из института международных отношений. Мы проводили политические беседы, начали выпуск нелегальной литературы на пишущей машинке, отрабатывали теорию, готовились к расширению антибольшевистской деятельности. Кроме того, со мной поддерживали связь Галина Семенова из института иностранных языков, Семен Соколовский — курсант военного училища и Лебедев, преподаватель из Очакова, бывший фронтовик. Семенова напечатала нашу первую программу и от дальнейшей работы отказалась, считая, что ничего, кроме горя себе и другим, мы не принесем. Соколовский помогал мне в поиске химикатов для множительной техники и потом исчез. С Лебедевым же мы часто беседовали, но окончательного выбора он не сделал.

Для оценки нашей Демпартии полезно привести рассуждения Белкина: «Наша группа занимает поистине исключительное положение в истории российского освободительного движения. В сущности, между Рютиным и всевозможными группировками, появившимися уже в 60-х, при совершенно иной общественно-политической и, главное, режимной обстановке,

Тарасов Александр Иванович — доктор экономических наук, г. Жуковский.

кроме нас, никого не было. Те группы, которые за этот огромный период возникли (настоящие, а не выдуманные), в общем не имели сформулированных политических целей (например, группа В. Красина или воронежская «Компартия молодежи», о которой писал А. Жигулин)»². Белкин, очевидно, не знал о возникшей в 1957 г. организации московских историков во главе с Львом Краснопевцевым, проделавшей большую теоретическую работу, но действовавшей и вправду в иной режимной обстановке, уже в «оттепель»³.

Белкин мечтал подготовить монографию о Демпартии. Никак не претендуя на полноту анализа, я стараюсь во исполнение последней просьбы друга вспомнить то, что могу. Примечательна тут и оценка Мазуса, который интересовался историей нашей группы. Он считает, что «мы были первой антисоветской организацией в стране... и в какой-то мере наше появление стало для Ведомства Страх нежданностью»⁴. Что касается меня, то я тоже не встречал в лагерях участников каких-либо антиправительственных организаций среди исконно советского населения, если не считать религиозных сектантов.

Какова была программа Демократической партии? В чем состояла суть нашего тогдашнего мировоззрения? Главное — борьба со всеильной, гнетущей диктатурой. Мы же с самого начала оказались людьми разными, потом эта несхожесть еще больше увеличилась, но ненависть к сталинизму объединяла нас. Обратимся к мнению Белкина: «Мы предвосхитили большинство, если не все, наиболее передовые положения, появившиеся у прославленных прорабов перестройки. Это и понятие о сущности системы как госкапитализма, о распространении на нее всех пороков капитализма в том виде, как они проступают из марксовской теории о неизбежности чисто экономического кризиса системы. В сущности, мы интуитивно, в первом приближении, прикинули весь механизм, который должен привести к кризису, включая экстенсивный рост, закон тенденции нормы прибыли к понижению. Конечно, очень многое мне, например, стало ясно впоследствии, но мы имели фору по сравнению с остальными в 20 лет».

Тут необходимо объяснить, что Белкин был и остался на всю жизнь пламенным марксистом. Он начал запоем читать исторические работы Маркса с 13-ти лет, и я не встречал никого, кто знал бы их лучше Белкина. И в 62 года он повторит о марксизме: «Отвергать это учение — нелепо. Представьте безумца, который отверг бы первые три закона Ньютона. Здесь то же самое»⁵. Но Белкин — марксист в самом лучшем смысле этого слова, он использовал Маркса против сталинизма. Нашим идеалом стал социализм без чекистской диктатуры, но на основе планового хозяйства — демократичная регулируемая экономика.

В московской группе, однако, уже тогда возникло недоверие к марксизму. У меня это произошло в результате чтения А. Смита и Э. Бем-Баверка. Смит убедил, что рыночное саморегулирование, где свободные цены, словно «невидимая рука», управляют национальной экономикой, совсем не хуже планового хозяйства, руководимого из единого центра. Бем-Баверк разъяснил, что цена товара определяется не столько затратами труда, сколько его полезностью. Жизнь подбрасывала тому много примеров, но особенно я почувствовал правоту блестящего австрийского экономиста на собственной шкуре в лагере, работая на лесозаготовках. Каждый день, выходя на валку леса, я мечтал, чтоб на моей деланке деревья оказались покрупней. Чем толще дерево, тем гораздо легче заготовить кубометр и получить дополнительную пайку хлеба. И цена крупной древесины намного выше. Вот и выходит, что в лесу между затратами труда и ценностью продукции связь может быть не прямой, а обратной. Вообще, марксистский принцип, что в основе цены лежат издержки производства, обернулся в советской практике пороком — наращиванием издержек.

Или тот же закон о понижении нормы прибыли, упомянутый Белкиным. Не мудрствуя лукаво, легко заметить, что он исходит из ложной посылки Маркса, якобы только капитал, вложенный в наем рабочей силы, способен давать прибыль (поэтому Маркс назвал его «переменным», способным к росту). Напротив, деньги, расходуемые на технику, прибыли, мол, не дают (поэтому классик такой капитал окрестил «постоянным», к росту не способным). Получается, что технический прогресс прибыли не дает, а уменьшение трудоемкости продукции грозит капитализму крахом. Выходит, техническая революция губительна для экономики? Я привожу тут лишь те несуразности Маркса, которые были предметом нашего с Белкиным обсуждения летом 1948 года. Вооружившись знаниями современной экономики, легко найти у Маркса сходные ошибки на каждой странице. Марксизм хорош для озлобления рабочих, но не для созидательного труда.

Наша программа была демократичной, но мы не призывали к развалу государства ради националистических идеалов. Впрочем, при общественных потрясениях цели и результаты очень часто оказываются разными. Это — вечная проблема пропасти между прекрасными идеалами и ужасными результатами в истории человечества.

Мазус вспоминает о московской группе: «Тарасов говорил: не будем торопиться, соберем

силы; когда же в стране вспыхнут народные волнения — тут мы их и возглавим. А сейчас читайте». И мы читали. Существенную информацию о большевизме я получил в библиотеке кунцевского клуба «Заветы Ильича», где с разрешения директора М. П. Воробьевой, матери моего товарища, я мог целыми днями копаться на книжных полках. Там имелись стенографические отчеты партийных съездов, история ВКП(б), написанная Бубновым, и мн. др. Благодаря этой литературе мне удалось воссоздать интригующую историю восхождения Сталина к власти. Помните, я рассказывал ее в московской группе. Изложу суть дела.

После смерти Ленина в большевистской партии сложились четыре соперничающие фракции: троцкисты, каменевцы, бухаринцы и сталинисты. Вначале Сталину удалось объединить три фракции против Троцкого. Когда троцкистов разбили, Сталин в союзе с Бухариным обрушился на Каменева. Тогда Сталин разыграл роль защитника Бухарина. После разгрома Каменева Сталин уже мог разделаться со своим другом Бухариным. Отдадим должное вождю. Он разработал остроумный план расправы с соперниками и блестяще его осуществил. Это был истинный гений зла, творивший его не только умно, но и артистично.

Естественно, чтобы лучше понять Сталина, неплохо было бы его увидеть. Мне это удалось лишь раз — на Первомайском параде 1948 года. Вождь стоял на трибуне и был так молоджав, а усы так черны, что я решил: это не Сталин, а его двойник. Настолько не походил он на 69-летнего старика.

Из истории российской социал-демократии напрашивался важный вывод. Революционеры по природе своей — любители поливать друг друга грязью, а дорвавшись до власти, — рубить друг другу головы. Классический тому пример — Великая Французская революция, историю которой Белкин, обладавший феноменальной памятью, знал буквально по дням.

Мы понимали, разумеется, что нас пересекают. Частенько напевали наш гимн, сочиненный Мазусом: «Мы знаем, что домом нам станет тюрьма, но лучше ли жить на коленях?» В ту пору повального доносительства и слежки много не следовало ждать. По теории вероятности, привлечение в партию новых членов грозило неизбежным крахом.

И вот в октябре 1948 г. Белкин сообщил мне письмом, что нас, возможно, предали, и просил срочно приехать в Воронеж. Там я узнал, что студентка Вольтер, кстати, дочь репрессированного, изменила нам. Мазус сообщает, что девушку звали Галей. Он рассказывает, что в Бутырской тюрьме встретил нашего боевика Климова, которому поручили убить Галю. Климов подкараулил девушку, но, к счастью, пистолет дал осечку. Оружия в послевоенном Воронеже было много, достать его не составляло труда. Приехав в Воронеж, я посоветовал отказаться от казни Вольтер. Если она предала, расправа не поможет.

Через 43 года Мазус напишет о тех событиях: «Тогда в Воронеж приехал Саша Тарасов. Он понимал, что когда дело принимает такой оборот (покушение на Вольтер), провал совершенно неизбежен. Им владел страх, от которого он не смог избавиться даже по возвращении в Москву. Однажды ночью во двор его дома въехала какая-то машина. Может, это была скорая помощь, милиция — я не знаю. Тарасов прибежал к своему брату Борису (Воробьеву) и заявил, что его хотели арестовать. Мы спрятали Сашу». «Беспочвенность моих опасений» несколько не вяжется с информацией Мазуса же о покушении на Вольтер, совершенной неизбежности провала и некоторыми другими событиями, о которых пойдет речь.

Два дня я прожил в семье Белкиных. Уезжая в Москву, на вокзале оказался в ситуации, значение которой оценил чуть позже. На перроне ко мне подошел милиционер и попросил паспорт. Потом долго разглядывал прописку. Так долго, что показался безграмотным. На самом же деле за мной уже начали слежку, а милиционеру на всякий случай велели установить мой адрес. Вернувшись в Москву, я легкомысленно продолжал встречи с товарищами. Но 18 ноября в Кунцево ко мне прибежала соседка (родственница Заводовой) и тайно рассказала, что к ней приходили из милиции и расспрашивали про меня, приказав об этом помалкивать. Однако соседка твердо верила, что я не уголовник, наивно полагая, что у нас преследуют лишь бандитов и воров. Только тогда я догадался, наконец, связать в единую цепочку информацию Белкина о Вольтер, милиционера на перроне и рассказ соседки. Вспомнил еще сосед по плацкартному вагону: богатырского телосложения, сытый, со сладкими глазками, вежливо опекавший меня от Воронежа до самой Москвы.

В тот же день я написал письмо Белкину, что за мной следят и я попытаюсь скрыться, сжег все бумаги, связанные с нашей партией. К сожалению, я не уничтожил дневник. Там не было ни слова о Демпартии, но много надрывных юношеских глупостей и честолюбивых высказываний, которые потом использовало следствие.

Когда стемнело, я пошел к Воробьеву, и он спрятал меня в сарае. Через два дня Мазус устроил меня на пустующей квартире у своих родственников в Давыдково. Топить там печь было нельзя, потому что соседи могут увидеть дым и доложить, куда надо. Поэтому промерз

я страшно. Жизнь на нелегальном положении оказалась трудноватой. Когда после освобождения из лагеря я встретился с Белкиным, он рассказал, что получил мое письмо, но воспользоваться предупреждением никто не смог. В то строгорегимное время скрыться от госбезопасности было чрезвычайно трудно, а таким горе-конспираторам, как мы, вообще невозможно.

На девятые сутки, 27 ноября, после неудачной попытки найти на зиму теплую квартиру мы с Мазусом поздней ночью вернулись в Давыдково... В темной комнате нас ждали чекисты, находились они и на улице, отрезая нам путь к бегству. Нас повели по Можайскому шоссе в школу, туда, где позже построили райком партии. Там расположился целый штаб по нашему захвату. Тут нас с Мазусом развели по разным комнатам. Через час я оказался на Лубянке. Там меня посадили в странную камеру. Этакий каменный мешок площадью метр на метр (я его точно замерил). Вначале обрадовался: до того хотелось выспаться и согреться, сразу лег, свернувшись калачиком. Но меня тут же подняли, а блаженное тепло обернулось удушающей духотой. Начало казаться, что сходишь с ума. Впрочем, по законам следствия органы не допустили бы умопомешательства. В лагере сходить с ума и умирать разрешалось, на Лубянке — нет.

За девять дней мытарств, понимая, что арестуют, я многое обдумал. Простое запирательство ничего не даст. Госбезопасность нас раздавит и проглотит, в порошок сотрет. Все, что делалось коллективно, обречено на провал. Всю ответственность за вовлечение членов московской группы я беру на себя. Мазус пишет: «Меня не пытали. Может, потому, что я был очень хлипким. Врач меня осмотрел скептически и... отправил в камеру. А буквально через час — вызывают к следователю, на очную ставку с Тарасовым. Саша мне говорит: «Изя, им все известно. Ничего не скрывай. Собственно, ты ничего и не знаешь — не мучай себя»⁶. Добавлю, что от своих убеждений я на следствии не отказывался. У меня создалось тогда впечатление, что узники Лубянки, у которых была вина перед властью, которые боролись с ней, прошли застенки гораздо легче тех, у кого никакой вины не было, но нечеловеческие страдания заставили их оговаривать самих себя. Парадокс, но порой виноватым бывает легче, чем невиновным. Вместе с тем оказалось возможным спасти тех участников, которые были связаны только со мной: Семенова, Соколовский и Лебедев остались на воле.

Воронежец А. В. Жигулин вспоминает, что в 1949 г., перед арестом, их группе стало известно, что в университете захватили Беляева и Быховского⁷. Но, разумеется, он не располагал точной информацией: Белкина он назвал Беляевым, а Быховского у нас вообще не было. Кому-то в госбезопасности хотелось раздуть наше дело и представить группу Жигулина как «метастаз» нашей организации. Во всяком случае, в 1949 г. Белкина из лагеря привезли в Воронеж, чтобы связать с «Компартией молодежи». Однако никаких контактов с Жигулиным не существовало.

Любопытно, конечно, доложили ли о нашей группе Сталину? Тогдашний министр госбезопасности Абакумов, подписавший ордер на мой арест, разумеется, следил за делом. Известно, что в те годы он был близок к вождю, почти ежедневно виделся с ним и, возможно, рассказал про нас. Но вскоре Сталин приказал арестовать Абакумова, который разделил участь всех руководителей госбезопасности той эпохи (Ягоды, Ежова) и был расстрелян. Воистину, зло сталинских лет было по-шекспировски потрясающим. Впрочем, массовые расправы нравились толпе, она обожала Сталина. Вспомним и Великую Французскую революцию, когда публичные казни превращались в народные праздники.

Следствие по нашему делу продолжалось полгода. Затем меня вызвал прокурор Дорон и задал один-единственный вопрос: раскаиваюсь ли я в содеянном. Хотелось сказать «нет», но на сей раз я осторожно уклонился: «Позвольте не отвечать на ваш вопрос». Вскоре по приказу Берия Дорона арестовали. После расстрела Берия его освободили, но Дорон не перенес тюремного стресса и, выйдя на свободу, умер.

По окончании следствия нас с Лубянки перевезли в Бутырку. Чудесная тюрьма с огромными камерами, большими окнами и видом во двор, а главное — многолюдная. Так, на Лубянке за полгода мне встретилось всего семь человек, тут же — сразу около ста. Все интересные люди, со всех концов света, разных убеждений, верований, национальностей, профессий. Открылся новый и совсем не известный мир идей, страстей, теорий. Здесь я впервые встретился с опытным экономистом немарксистских взглядов, сразу нашел с ним общий язык, и у меня больше не осталось никаких иллюзий относительно марксовой политэкономии. Появились сомнения в возможности демократии при госмонополии в народном хозяйстве, то есть демократичной регулируемой экономики вообще. Выходит, сталинское плановое хозяйство и демократия — несовместимы. За несколько бесед с этим человеком, фамилию которого я, к сожалению, уже забыл, я получил знаний больше, чем за весь курс лекций по экономике в институте международных отношений. Думаю, в сталинские годы уровень гуманитарных

наук по политическим тюрьмам был значительно выше, чем на воле, в официальном мировоззрении.

Через неделю всем десяти арестованным членам Демпартии огласили приговор «Особого совещания» по статьям 58—10 и 58—11. Белкину и мне — по 10 лет; Виноградовой, Гаркавцеву, Заводовой, Климову, Михайловой, Черепинскому — по 8; Воробьеву и Мазусу — по 7. Мазус пишет: «Нас осудили очень мягко. А в январе 1951 года, если мне не изменяет память, вышел закон о смертной казни. Его приняли специально для подавления сопротивления... С этого момента ситуация в корне изменилась: ребят начали ставить к стенке». Думаю, нас арестовали во-время, случись это немного позже, когда бы в ход пошло оружие без осечки, большинство было бы расстреляно. Воспитанные на идеях большевизма, чуждые религии, в пылу борьбы мы могли легко скатиться в пропасть экстремизма. Таким образом, возможное ожесточение борьбы с нашей стороны при действительном ужесточении репрессий со стороны госбезопасности, вероятно, закончились бы трагично — для нас.

После приговоры всех демпартийцев развезли по разным лагерям. Почти весь срок Белкин отбыл на Воркуте в страшном «Речлаге». Он принял активное участие в забастовках, организованных заключенными под лозунгом «Нет свободы — нет угля». Стачки начались со сталинских времен и кончились при Хрущеве. За этот период было расстреляно около сотни политических эзков, однако в конечном счете забастовки завершились освобождением арестантов. Но до того зачинщиков выявляли и отправляли в штрафные изоляторы. Попал туда и Белкин. Содержание в лагерных тюрьмах было таково, что у него началась гангрена ног, их с трудом спас от ампутации врач-заключенный Конский.

Моя лагерная жизнь сложилась не столь бурно и драматично. Меня послали в Коми на Устьвымлаг — лесозаготовительный гигант из сотен больших и малых лагерей. Первые два года пришлось вкалывать по 12 часов в сутки на самых тяжелых работах, но потом освоился, стал лесным специалистом, появилось свободное время. Тогда же начал собирать новые данные про Сталина. Например, немцы рассказали об одном интересном изречении Гитлера: «Когда я завоюю Советский Союз, то назначу Сталина гауляйтером. Здорово он с этими русскими расправляется». Узнал еще много любопытного и решил написать биографию вождя, взяв за основу историю восхождения Сталина к власти. Так в 1951 г. появилась рукопись в одну тетрадь.

Этой информацией особенно заинтересовался эзк Борис Карпов, заведовавший электростанцией, стоявшей рядом с лесозаводом, где я работал. Карпов через пару месяцев заканчивал свой десятилетний срок и обещал распространить мою рукопись на воле. Я хотел отдать ему тетрадь в его каморке на электростанции. Он прочитал, похвалил, но Карпова тут же вызвали к телефону, в соседнюю комнату. Карпов попросил меня спрятать пока рукопись и занести попозже. Я положил ее под рубашку, но он пожурил за неосторожность и велел перепрятать в валенок под кальсоны. Я вышел во двор и увидел вдруг двух надзирателей, бегущих ко мне. «Почему не работаешь, пойдем в изолятор», — приказали они. Но в изоляторе раздевают до белья и обыскивают. Можно было бы избавиться как-то от тетради, не спрячь я ее так далеко... Короче, через полчаса стоял я голый перед оперуполномоченным мингрельцем Лемонджава — со злосчастной рукописью о вожде. Так вот почему Карпов вернул мне рукопись, а потом велел подальше спрятать! Опять пошли одиночки и допросы. Только теперь они не очень пугали — человек ко всему привыкает.

Тактика моей защиты была проста: осведомитель Карпов якобы сам уговорил меня написать историю про Сталина, спровоцировал, договорившись с оперуполномоченным; так что оба они тоже виноваты. Такая самозащита в какой-то мере поставила Лемонджаву в тупик. Но все же, казалось, нового суда не избежать. Тут оперуполномоченный стал вербовать меня в стукачи, а получив отказ, поступил коварно. Он сказал, что пока не станет давать делу ход, а отложил его. Когда же я буду кончать свой «червонец», дело поднимут, и новые десять лет мне обеспечены. «Сегодня ты срока не боишься, — сказал Лемонджава, — а тогда поплачешь!» Было это еще при Сталине, когда земной бог казался бессмертным, и такая угроза звучала зловеще.

Но Сталин умер, и в 1954 г. мать Воробьева написала в Верховный Совет просьбу о помиловании сына. Начались гуманные времена, и наше дело было полностью пересмотрено. Всех, кроме Белкина и меня, освободили со снятием судимости. Мои московские товарищи вернулись в столицу, помогали друг другу, получили высшее образование. Белкина выпустили по зачетам, которые ввели после казни Берия, лишь в 1955 г., а реабилитировали только в 1989 году. Этот блестящий историк превратился в нефтяника, за два года закончил геологоразведочный факультет Пермского университета, стал кандидатом геологических наук. Меня освободили позже всех, в 1956 г., реабилитировали в 1993 году.

Задержка с моим освобождением произошла, видимо, из-за «бомбы замедленного действия», подложенной Лемонджава. Срок мой уже несколько раз кончался по зачетам, но начальство находило предлоги, чтобы снять зачеты и продлить заключение. Думаю, оно хотело оттянуть решение до выяснения политической обстановки. Это было для меня страшное время. Лет 20 потом я видел комшарный сон: срок кончается, а на волю не пускают. Но тут грянул XX съезд КПСС. Хрущев выступил с осуждением Сталина, и меня тут же, буквально за несколько часов выставили из лагеря. Великое спасибо Никите Сергеевичу! Возможно, где-то еще хранится дело, которое завел на меня Лемонджава, там должна быть и тетрадь про Сталина.

Из лагеря я решил ехать на Кавказ. Проездом остановился у родителей. В Москве меня больше всего поразила ностальгическая любовь народа к Сталину. Люди вспоминали его грандиозные похороны, море пролитых слез, испытывая даже восторг по поводу смертельной давки в толпе. «И сотни душ растоптанных сограждан траурный составили венок», — умилился какой-то поэт. С тех пор я перестал верить принципу, что глас народа есть глас божий, и понятней стало, что каждый народ достоин своего правительства.

На Кавказе я начал работать в лесу, встретил чудесную девушку Марию, которая стала другом мне и матерью моих детей. Опять же ирония судьбы: Мария оказалась родом из Гори и провела детство рядом с домиком сапожника Джугашвили — отца Сталина. Нужно признать, что лагерь, как это ни парадоксально, многое повернул в моей жизни к лучшему. Там я бросил пить, курить и, главное, пришел к Богу. Хотя, каюсь, остался грешником. Лесу же я остался верен на всю жизнь. Заочно окончил Ленинградскую лесотехническую академию и стал доктором экономических наук. Огромную помощь оказал мне при этом профессор Т. С. Лобовиков, считавший своим долгом поддержать бывшего политзаключенного.

Демократизация оживила мои связи с Белкиным. Его письмо ко мне от 29 апреля 1989 г. содержало оценку и социального развития Советского Союза: «Сам механизм системы — это просто азиатский способ производства, то есть тупиковый ход в развитии цивилизации, который всегда приводил к гибели ту страну, которая на него ступала... После 1929 г. Запад и Восток испытывали не конвергенцию, как полагали многие советологи, а дивергенцию. В то время как они двигались к некому «постиндустриальному обществу», мы двигались, наоборот, в сторону азиатского способа производства... Поэтому при анализе обеих систем не видно общих задач, за исключением случайных совпадений технико-экономического характера. Отсюда же нелепость затеи кого-то «догонять и перегонять», двигаясь примерно в противоположном направлении, невозможность найти точки отсчета на пути «соревнующихся систем». Говоря об азиатском производстве, Белкин видит его недостаток в развале товарно-денежного обращения и натурализации хозяйства.

Так Белкин снова включился в борьбу. Раньше она велась, по его словам, «при Сталине — против Сталина», теперь при сталинистах — против сталинизма. Тут уж нет обвинения советской системы в госкапитализме, а скорее, сожаление об отсутствии капиталистических отношений. И действительно, в Советском Союзе в лагерях было что-то вроде рабства, в колхозах — скорее госфеодализм. Элементов капитализма с его рыночным регулированием и свободным предпринимательством оставалось исключительно мало. Сегодня мы с большим опозданием узнали, как трудно внедрить в наше общество рыночную систему. Что казалось в сталинскую эпоху пройденным, отсталым, обернулось для нас слишком сложным, недостижимым (ориентация на рынок, банковская система, валютная политика, денежная эмиссия, акции и векселя, преодоление иждивенчества). Капитализм оказался не позади нас, а далеко впереди.

С начала перестройки Белкин весь в поиске, вероятно, мучительном, что характерно для многих думающих личностей, видевших не только преимущества демократии и рынка, но и гигантские трудности переходного периода. В 1989 г. Белкин выступает в печати за широкое кооперативное движение, но обязательно при жестком партийном контроле в государственной экономике. Одновременно он, понимая опасность разрушительных националистических движений, ради спасения страны настаивает на сохранении единой сильной идеологии.

В 1990 г. Белкин предлагал построить общество мелких хозяйств, работающих на рынок, но без наемной рабочей силы, чтобы не было эксплуатации трудящихся⁸. Однако без наемных работников невозможно государство (армия, администрация, учителя) и, главное, большие и средние предприятия, то есть современная технология. Это, быть может, красивая, но беспочвенная коммунистическая утопия. Вообще марксизм, овладев умами миллионов, не мог быть реализован на практике, а сталинизм, выросший из марксизма, стал гигантской реальной силой, повергнув человечество в ужас.

В 1990 г. Белкин принял активное участие в Московском съезде социал-демократов

и предложил свою программу этому движению. Она предусматривала максимальную демократизацию с постепенным отмиранием государства, интеграцию советских республик с дальнейшим включением во всемирную интеграцию, достижение социалистического идеала в экономике путем превращения большинства труженников в самостоятельных производителей, а также сокращение паразитического класса. «Сейчас настало, наконец, мое время!» — сказал Белкин родным. Но его время было уже сочтено: 1 июля 1991 г. Виктор Исаевич скончался.

Все мы оказались разными людьми, но в далеком 1948 г. объединились в общей борьбе со сталинизмом, и, насколько я знаю, никто не сожалел о своем участии в Демократической партии, а многие — гордились этим.

Примечания

1. БЕЛКИН В. И. Нельзя жить без убеждений.— Тюменский комсомолец, 5.XI.1989.
2. Письмо В. И. Белкина А. И. Тарасову от 29 апреля 1989 г. Архив автора.
3. «Дело» молодых историков (1957—1958 гг.) — Вопросы истории, 1994, № 4.
4. МАЗУС И. А. Но лагеря дали нам внутреннюю свободу.— Знамя юности, Минск, 19.I.1991.
5. БЕЛКИН В. И. Ук. соч.
6. МАЗУС И. А. Ук. соч.
7. ЖИГУЛИН А. В. Черные камни. М. 1989, с. 48.
8. БЕЛКИН В. И. Социалистический идеал: общество свободных труженников.— Коммунист, 1990, № 17.

Инженер-кораблестроитель В. И. Юркевич

И. Ф. Цветков

Владимир Иванович Юркевич принадлежит к тем деятелям отечественного судостроения, которые были вынуждены часть своей жизни, может быть, лучшую в смысле творчества, провести за границей. Эмиграция деятелей русской науки и техники, в частности в области судостроения, происходила в основном в 1920—1924 годах. Основные причины этого массового исхода — отсутствие работы, средств к существованию, голод, репрессии со стороны новой власти. Инженеры-кораблестроители, особенно офицеры, генералы и адмиралы, фактически стояли перед выбором — покинуть родину или в самое ближайшее время умереть.

Репрессии против них начались в 1918 г., когда власти провозгласили так называемую демобилизацию военной промышленности. На деле она вылилась в прекращение финансирования военных заказов при полном отсутствии гражданских, поскольку последние просто некому было делать в разоренной войной стране. Инженеров, если они не являлись на службе руководить изготовлением лопат или зажигалок, как правило, объявляли саботажниками и арестовывали, заводы закрывали, рабочих выгоняли на улицу, а затем мобилизовали и отправляли на фронты гражданской войны. В это время в концлагерь недалеко от Новгорода в с. Медведь чекистами была помещена чуть ли не вся арестованная за саботаж научно-техническая интеллигенция бывшего Санкт-Петербурга. Некоторым инженерам-судостроителям удалось, к счастью, оттуда быстро выбраться, когда начались ремонт и перевооружение кораблей и подводных лодок для Волжской и Каспийской военных флотилий. Их освобождали из лагеря только потому, что некому было руководить работами по установке артиллерии, подкреплению палуб, подготовке кораблей к переброске на Волгу и Каспий.

Многие офицеры-кораблестроители погибли как заложники, взятые после убийства Урицкого осенью 1918 года. Среди них были председатель объединенного правления Балтийского и Адмиралтейского судостроительных заводов, начальник Балтийского завода известный кораблестроитель генерал-лейтенант корпуса корабельных инженеров А. И. Моисеев, начальник Главного управления кораблестроения Морского министерства вице-адмирал В. К. Гирс, помощник начальника Адмиралтейского завода генерал-майор корпуса корабельных инженеров В. И. Невражин и др. Гибель Невражина поражает своей бессмысленностью — он был арестован, как выяснилось позже, по ошибке вместо своего брата жандармского генерал-майора, имевшего такие же инициалы ¹.

Выехать за границу на жительство было не так легко — «железный занавес» уже был опущен. Царские паспорта отменены, а удостоверением личности стала служить трудовая книжка, где отмечалась также и прописка по месту жительства. Заграничные паспорта выдавались в Смольном только тем, кто получал разрешение ГПУ-НКВД на выезд. Процедура

Цветков Игорь Федорович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПб филиала Института истории естествознания и техники РАН.

оформления документов на выезд была крайне сложной и унизительной, требовала много времени, обходилась очень дорого и не ограничивалась стоимостью паспорта. Выезжающий должен был иметь двух поручителей из числа коммунистов, подписи которых заверялись печатями партийных организаций.

Оставался единственный выход — покинуть страну нелегально. Так поступил, например, известный кораблестроитель профессор кораблестроительного отдела Петербургского Политехнического института и Института путей сообщения, признанный специалист по паровым двигателям флота генерал-майор Г. Н. Пио-Ульский. Он перебрался в Крым, приобрел там парусную лодку и однажды, выйдя в море с семьей как бы на прогулку, ушел к берегам Болгарии. Профессор того же института А. П. Фан-дер-Флит зимой по льду Финского залива добрался до Финляндии.

Пришлось покинуть родину выдающемуся специалисту по прочности судов и сооружений профессору С. П. Тимошенко и замечательному организатору судостроительной промышленности России директору завода «Руссуд» в Николаеве А. И. Дмитриеву, а также и более молодым инженерам-кораблестроителям — В. И. Юркевичу, А. М. Петрову, А. Н. Жаркевичу и мн. др. По-разному сложилась судьба русских инженеров-эмигрантов на чужбине — одни встретили там свой «звездный час», другие, не найдя достойного занятия по своей специальности, ушли из жизни незамеченными.

Имя морского инженера Юркевича мало известно широким кругам нашей общественности, и лишь немногие связывают его со знаменитым французским суперлайнером-трансатлантиком «Нормандия». Владимир Юркевич родился в Москве 18 (5) июня 1885 г. в семье действительного статского советника Ивана Юркевича, женатого на Александре Ивановой. Окончив 4-ю Московскую гимназию с золотой медалью, Владимир в 1903 г. поступил по конкурсу на кораблестроительный отдел открывшегося в 1902 г. петербургского Политехнического института им. Петра Великого. 26 мая 1909 г., защитив дипломный проект, Юркевич получил квалификацию морского инженера и право, как говорилось в свидетельстве, «сооружать всякого рода суда и судовые машины и механизмы», «заведовать фабриками и заводами, производить всякого рода строительные работы и составлять проекты всяких зданий и сооружений»².

Хотя учебный план был рассчитан на пять лет, выпуск набора 1903 г. произошел только через шесть лет — причиной тому была революция 1905—1907 гг., когда институт был закрыт в течение 18 месяцев из-за студенческих волнений. Во время «плавательных практик» на 4-ом и 5-ом курсах студент Юркевич выполнял разнообразные обязанности по обслуживанию корпуса и механизмов судна, побывал во многих портах Европы, Азии, Средиземноморья, в Сингапуре, Шанхае и др. После окончания института Юркевич сразу же изъявил желание служить в военно-морском флоте. По существовавшему тогда положению при зачислении на флот ему было присвоено сначала звание гардемарина, а через год после практики на боевых кораблях флота и сдачи соответствующих экзаменов — подпоручика корпуса корабельных инженеров (1910 г.) с назначением для дальнейшего прохождения воинской службы на казенный Балтийский завод морского ведомства.

Первые два года службы на Балтийском заводе подпоручик трудился в техническом бюро завода, где разрабатывались чертежи линейных кораблей-дреднаутов типа «Севастополь». В январе 1911 г. его назначают помощником строителя линкора «Севастополь», и он переходит работать непосредственно на стапель, где стоял почти готовый к спуску на воду корабль. Здесь молодой инженер приобрел новые практические знания и опыт работы с людьми. В декабре 1912 г. Юркевич приказом по Морскому министерству производится в поручики. В 1913 г. он награждается орденом св. Станислава 4-й степени, в 1914 г. производится в штабс-капитаны, а в 1915 г. награждается еще одним орденом — св. Анны 3-й степени. Ему были также вручены памятные медали «300-летия Дома Романовых» и «200-летия Гангутской победы»³. В 1915 г. Юркевича переводят в отдел плавания Балтийского завода и назначают строителем подводных лодок «Форель» и «Ерш». В 1916 г. Юркевич производится в капитаны.

26 апреля 1915 г. в Петербурге был основан Союз морских инженеров России, одним из учредителей которого стал Юркевич. На 10 июня 1917 г. Союз объединял 142 члена, в том числе 86 морских инженеров. Секретарем этого общественного объединения был избран Юркевич⁴. В марте 1918 г. капитана Юркевича переводят в Николаев помощником заведующего Николаевским отделением Балтийского завода. В этот период там заканчивалась сборка подводных лодок типа «АГ» («Американский Голланд»). В наиболее высокой степени готовности находились подводные лодки «АГ-21», «АГ-22» и «АГ-23», вступившие в строй соответственно в 1918, 1919 и 1920 годах⁵. В их достройке и испытаниях активное участие принимал Юркевич.

В результате ударов Красной Армии, нанесенных денкинским войскам в первой

половине января 1920 г. под Ростовом и Таганрогом, фронт Добровольческой армии окончательно распался. 31 января 1920 г. передовые части 14-й армии красных, отгеснив группу войск генерала Д. И. Шиллинга, вступили в Николаев. Перед захватом города Юркевич с семьей успел перебраться в Одессу, но ее судьба тоже была предрешена. 7 февраля кавбригада Г. И. Котовского ворвалась на окраины города. В огромной толпе, штурмовавшей одесские причалы, где стояли последние пароходы, отправлявшиеся в Константинополь, была и семья Юркевича. Утром 8 февраля после упорных уличных боев Одесса пала. Владимир Иванович не предполагал, что покидает родину навсегда.

Сначала он обосновался в Константинополе и совместно с несколькими инженерами-эмигрантами открыл мастерскую по ремонту автомобилей. Но затеянное им дело не имело успеха, и через два года Юркевич переехал в Париж, поступив там на завод автомобильной фирмы «Рено» простым токарем.

Эмигрантская жизнь во Франции была нелегкой. По свидетельству, например, А. А. Ширинской-Манштейн ⁶, там существовал, как мы сказали бы сегодня, запрет на профессии, введенный правительством Э. Эррио. Русским эмигрантам разрешалось работать лишь консьержами, шоферами, шахтерами, литейщиками, мелкими государственными служащими и т. п. Именно поэтому среди русской эмиграции было так много шоферов, швейцаров, официантов. Не избежал этой участи и Юркевич. Накопив немного денег, он решил возвратиться к своей прежней профессии и переехал из Парижа в небольшой французский городок Сен-Назер в устье р. Луары, где находилась судостроительная верфь Пенёе. Юркевича приняли на работу в конструкторское бюро верфи чертежником.

В этот период там проектировался первый послевоенный трансатлантический лайнер «Иль-де-Франс». 14 марта 1926 г. он был спущен на воду. Новый лайнер не отличался ни чрезмерными размерами, ни скоростью. В 1927 г. «Иль-де-Франс» выступил в строй, а верфь Пенёе в Сен-Назере через некоторое время получила заказ на проектирование и строительство нового суперлайнера — трансатлантика «Нормандия». Юркевич после долгих раздумий принял дерзкое решение — самостоятельно спроектировать обводы корпуса этого судна. Когда работа была закончена, Юркевич по протекции бывшего вице-адмирала русского флота С. С. Погуляева, хорошо знавшего администрацию верфи, предложил руководству верфи разработанный им вариант конструкции корпуса «Нормандии».

К проекту никому не известного рядового чертежника, естественно, отнеслись весьма скептически. Тем не менее благодаря Погуляеву было принято решение построить по чертежам Юркевича масштабную модель судна и вместе с другими 25-ю моделями французских инженеров провести ее испытания в Гамбурге. Модель Юркевича при заданной скорости полного хода показала себя наилучшим образом.

Известный германский ученый-кораблестроитель Кемпф, пораженный результатами испытаний, сразу же подсчитал, что обводы корпуса, предложенные Юркевичем, дают возможность уменьшить мощность судовой энергетической установки на 12 тыс. лошадиных сил. Этот выигрыш в мощности должен сэкономить топлива за один рейс между Европой и Америкой на сумму 7,5 млн. франков, или 110 млн. франков в год при обычно принятой частоте рейсов судов такого класса ⁷.

Суть изобретения Юркевича заключалась в том, что подводную оконечность носовой части судна он спроектировал в виде бульба (от лат. *bulbus*, англ. *bulb* — луковица), придав ему полусферическую форму, что значительно снижает волновое сопротивление и интенсивность ударов носа судна о воду. При той же мощности судовой энергетической установки носовой бульб по сравнению с иной формой обводов позволяет повысить скорость. Он также несколько умеряет размахи килевой качки, что создает более комфортные условия для путешествия пассажиров. Носовые обводы, предложенные Юркевичем, стали теперь неотъемлемой частью корпуса любого океанского судна. Проект Юркевича была полностью реализован в корпусе лайнера «Нормандия». В проектировании «Нормандии» участвовали еще два русских морских инженера-эмигранта — А. Н. Жаркевич (гребные винты) и А. М. Петров (энергетическая установка), которые тоже внесли определенный вклад в создание лайнера.

«Нормандия» строилась в открытом эллинге верфи в Пенёе в Сен-Назере и была спущена на воду 20 октября 1932 года. Всего семь секунд потребовалось, чтобы гигантское судно вошло в воду. Но при этом огромная волна, устремившаяся на берег, унесла с собой более ста человек, стоявших слишком близко от воды. К счастью, вынужденное купание окончилось благополучно — все были спасены. «Нормандия» вступила в строй, когда мир был охвачен экономической депрессией. Начинать эксплуатацию судна в этих условиях было слишком рискованно. Поэтому правление судоходной компании «Женераль Трансатлантик» объявило, что первый рейс нового лайнера откладывается до 1935 года ⁸.

«Нормандия» была одним из первых судов с турбозлектрической энергетической установ-

кой. Выбор пал именно на этот вид двигателя неслучайно — он характеризуется отсутствием жесткой связи между турбиной и винтом, автономностью работы каждой линии вала и поэтому обеспечивает хорошую адаптацию к условиям плавания, высокую маневренность и надежность. Энергетическая установка «Нормандии» была четырехвальной. Наличие четырех гребных винтов также свидетельствовало о высоких маневренных качествах судна. Общая мощность энергетической установки лайнера составляла 160 тыс. индикаторных л.с., то есть по 40 тыс. л. с. на каждый винт. При работе всех четырех агрегатов на полную мощность энергетическая установка обеспечивала расчетную скорость судна 32,64 узла. Развитию такой высокой скорости, как уже говорилось, во многом способствовала почти идеальная с точки зрения аэро- и гидродинамики форма корпуса лайнера. Размеры судна по тому времени были поистине гигантскими. При водоизмещении 83 423 т наибольшая длина судна достигала 313,75 м, ширина — 36,4 м, высота борта — 28 м и осадка — 11,2 метра. Пассажировместимость лайнера была 2200 человек, а экипаж во главе с капитаном, включая персонал, обслуживающий пассажиров, насчитывал 1300 человек.

В создании «Нормандии» в течение пяти лет принимали участие 25 инженеров, 250 чертежников, израсходовавших 300 тыс. кв. м бумаги, и 14 тыс. рабочих всевозможных специальностей. Постройка судна в общем обошлась в огромную сумму — около 60 млн. долл. (7000 млн. франков). Значительную часть расходов судостроительной компании субсидировало французское правительство. Дизайн лайнера, несмотря на его огромные размеры, потрясал воображение изяществом форм и красотой линий. Носовая оконечность, устремленная вперед, изящные обводы корпуса, три слегка наклоненные дымовые трубы, несколько понижавшиеся по высоте к корме, белоснежные палубные надстройки и огромные иллюминаторы придавали судну необычайную легкость и стремительность.

По выражению газеты «Фигаро», «Нормандия» сочетала в себе «грациозность прогулочной яхты и великолепия Версальского дворца». Никогда еще пассажирам не предоставлялось таких удобств, особенно занимавшим каюты 1-го класса. Обеденный салон имел размеры 90х13 м и был даже длиннее знаменитого зеркального зала Версальского дворца. В салоне все сверкало от обилия люстр, хрустала и позолоты. Самые дорогие каюты имели четыре спальни, гостиную, столовую, четыре комнаты и изолированную площадку для прогулок на верхней палубе. К услугам пассажиров были оранжереи, зимний сад с экзотическими растениями и птицами, огромный универсальный магазин, церковь, синагога, мечеть и молельни других религиозных конфессий. В третьей — фальшивой — трубе были устроены каюты-клетки для собак, которые следовали с состоятельными пассажирами. Среди пассажиров «Нормандии» в разное время были и наши отечественные знаменитости. Так, в июле 1937 г. В. П. Чкалов, Г. Ф. Байдуков и А. В. Беляков возвращались на «Нормандии» домой после перелета по маршруту Москва — Северный полюс — Америка.

В сентябре 1934 г. Англия спустила на воду свой суперлайнер — трансатлантик «Куин Мэри», который отправился в первый рейс 24 марта 1936 г. и сразу же завоевал почетный приз «Голубая лента Атлантики» — за рекордную скорость при пересечении океана (четверо суток без 3 мин.). Вторая половина 30-х годов прошла под знаком соперничества двух гигантских трансатлантиков, а по существу соревновались Англия и Франция. О «Нормандии» и «Куин Мэри» много говорили и писали в прессе. Счастливица, которой удалось путешествовать и на «Нормандии» и на «Куин Мэри», однажды заметила: «Куин Мэри» — это английская леди в спортивном костюме, а «Нормандия» — юная французенка в балльном платье». Между тем даже специалистам трудно было отдать предпочтение какому-либо из этих судов. Один из датских инженеров, специализировавшийся в области морских путешествий и круизных лайнеров, сказал: «Французы построили отель и вокруг него соорудили судно, а англичане построили судно, а внутри него оборудовали отель»⁹.

Первый рейс через Атлантику из Гавра в Нью-Йорк «Нормандия» совершила в начале мая 1935 года. На борту находилось всего 1013 пассажиров, которых обслуживало 1300 членов экипажа судна. При следовании в Нью-Йорк «Нормандия» развила скорость 29,94 уз., а в обратном рейсе — 31,2 уз., сразу же завоевав «Голубую ленту Атлантики». Среди пассажиров первого рейса был и Юркевич.

Возвратившись из Нью-Йорка, Юркевич сразу же уволился с верфи в Сен-Назере и открыл собственную проектно-судостроительную контору. Запатентовав обводы корпуса «Нормандия» в восьми странах (Франции, Германии, Великобритании, США, Италии, Испании, Бельгии и Японии), он начал принимать заказы на проектирование корпуса судов с изобретенным им носовым бульбом. В бюро Юркевича поступали заказы не только на проектирование новых судов, но и на переделку старых. За два года в бюро были спроектированы обводы французских судов «Мальгаш», «Ардеш», «Кохинхина», переделаны «Галло», «Альве», «Жан Ламбард», «Атлантик». Из Германии были получены заказы на проекты обводов судов

«Бремен», «Швейдервальде», «Нидервальде», из Италии — кораблей «Рома», «Аугуста», «Эсперия» и др. Бюро выполняло также заказы из США, Португалии, Японии и других стран. Спроектированные Юркевичем морские суда были в свое время самыми быстроходными и самыми экономичными в мире.

В 1937 г. Юркевич передал право использования своих патентов французскому агентству и переехал на жительство в США. В Америке он открыл новую проектную контору. Одновременно он служил в качестве инженера-консультанта в ряде судостроительных фирм и судоходных компаний.

Между тем «Нормандия» в очередной раз пересекла Атлантику и 28 августа 1939 г. прибыла из Европы в Нью-Йорк. Это был ее последний рейс, после чего лайнер задержали в Америке из-за начавшейся второй мировой войны. Поскольку в 1940 г. Франция была оккупирована германскими и итальянскими войсками, а на части ее территории возник профашистский марионеточный режим, «Нормандия» превратилась фактически в военный трофей США. Ее переименовали в «Лафайет» в честь французского военачальника и политического деятеля, участвовавшего в войне США за независимость в XVIII в., и подняли на судне американский флаг¹⁰. Правительство Ф. Рузвельта приняло решение переоборудовать лайнер в военный транспорт с возможностью размещения на нем и перевозки 10 тыс. солдат и соответствующего количества военной техники. К переоборудованию был привлечен Юркевич, получивший в 1940 г. должность консультанта ВМС США.

Переоборудование осуществлялось в Нью-Йоркском порту. 9 февраля 1942 г. от искры газовой горелки на судне неожиданно вспыхнул пожар. При его тушении на верхних палубах лайнера скопилось много воды (только пожарные катера накачали в верхние помещения около 3500 т, а работало еще и 24 береговых насосных станции). Поскольку система спуска воды в нижние помещения отсутствовала, то это привело к потере остойчивости. Судно начало крениться на левый борт и перевернулось, но из-за малой глубины у причала не затонуло полностью и легло на грунт с креном 80°. В 1943 г. судно было поднято, но от его восстановления из-за большой стоимости ремонтных работ отказались. Проект подъема разработал Юркевич. В 1946 г. «Нормандию» — «Лафайет» продали на металлолом всего за 162 тыс. долларов. Такова трагическая судьба этого детища Юркевича, сыгравшего столь значительную роль в его жизни.

В годы второй мировой войны Юркевич выполнял проекты танкеров так называемого трубного типа дедвейтом (полная грузоподъемность) 100—300 т, по которым был построен опытный образец танкера «Фантом» дедвейтом 300 тонн. Владимир Иванович вел активную работу по сбору денежных средств для оказания помощи Советскому Союзу, организовал через американские средства массовой информации кампанию поддержки СССР в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, установил тесные контакты с советским посольством в США.

В послевоенные годы бюро Юркевича продолжало выполнять довольно редкие заказы на проектирование судовых обводов, но к началу 60-х годов их количество настолько сократилось, что фирма фактически перестала существовать. Последней большой работой, выполненной фирмой Юркевича в 1955—1961 гг. под его непосредственным руководством и тоже ставшей вехой в истории мирового судостроения, был проект океанского лайнера на 6 тыс. пассажиров водоизмещением 78 тыс. т и скоростью 34 узла. Главной особенностью этого лайнера, которая перевернула сложившиеся стереотипы проектирования судов такого типа, являлось размещение всех пассажиров в каютах примерно одного класса, преимущественно двухместных, площадью 9 кв. м, с индивидуальным санузлом и кондиционером, и частично не имеющих естественного освещения (расположенных ниже ватерлинии). Стоимость билета (без питания) за рейс в один конец через Атлантику ориентировочно должна была составлять всего 50 долл., то есть в четыре раза меньше стоимости самого дешевого билета на такой рейс на «классовых» лайнерах («Франс», «Куин Элизабет», «Юнайтед Стейс» и др.). Эксплуатация лайнеров Юркевича намечалась на линии Нью-Йорк — Зеэбрюгге — Куксхафен.

Заказ на проектирование лайнера фирме Юркевича был выдан американским миллиардером Х. В. Кантором, а строительство двух однотипных судов предполагалось передать одной из западногерманских судостроительных фирм. Стоимость одного лайнера приближалась к 200 млн. долл., что вызвало значительные осложнения в финансовых делах заказчика, и работы по строительству этих крупнейших в мире быстроходных судов пришлось прекратить. Вскоре Юркевич создал инициативный проект суперлайнера на 5 тыс. пассажиров и предложил советско-американскому торговому предприятию «Амторг» построить его на Балтийском заводе в Ленинграде. Но в это время (1960—1961 гг.) в СССР проектировалось быстроходное пассажирское судно на 1100 пассажиров, и предложение Юркевича не было принято.

Наряду с проектированием судов Юркевич в военные и послевоенные годы занимался также научно-педагогической деятельностью — читал лекции по теории проектирования судов в Мичиганском университете и Массачусетском технологическом институте. В течение многих лет он был председателем «Союза русских морских инженеров», на заседаниях которого отмечались памятные даты российского кораблестроения, в частности 50-летие кораблестроительного образования в России (1952 г.)¹¹. Страстный любитель парусного спорта, он стал одним из организаторов яхт-клуба на р. Гудзон в Джерси-Сити (район Нью-Йорка). Поддерживая тесные связи с советским посольством, Юркевич был неизменным участником приемов по случаю празднования Дня Победы, Дня Военно-морского флота и других мероприятий.

Владимир Иванович скончался 14 декабря 1964 г. в своем доме в пригороде Нью-Йорка Йонкерсе. Похоронен на кладбище женского православного монастыря Ново-Дивеево неподалеку от Йонкерса в Спринг-Валли. В последний путь его провожали вдова О. В. Юркевич¹², сын Юрий, падчерица Мария Эдвард Тобер, внук Александр и три внучки. В конце 1966 г. вдова Владимира Ивановича посетила Москву. Выполняя волю покойного мужа, она привезла с собой личный архив Юркевича и передала его на хранение Центральному государственному архиву народного хозяйства (ныне Российский государственный архив экономики).

Эти документы образовали личный фонд В. И. Юркевича (ф. 341). Фонд подразделяется на две примерно равные части. Первая содержит проектно-конструкторскую документацию трех вариантов суперлайнеров, которые были разработаны Юркевичем соответственно в 1936—1944, 1955—1956 и в 1961 годах. Вторую часть составляют технические документы, относящиеся к другим работам Юркевича, в частности материалы главного изобретения Юркевича — обводов бульбообразной формы носовой оконечности судна, а именно: подробные технические обоснования, описания, чертежи и полученные им патенты. Изучение материалов архива Юркевича поможет более подробно восстановить жизненный и творческий путь этого замечательного русского инженера.

Примечания

1. Памяти судостроителей — жертв репрессий. Вып. 499. Л. 1990, с. 13, 29, 30.
2. ХОЛОДИЛИН А. Н. Ленинградский кораблестроительный — факультет, институт, университет. СПб. 1992, с. 74—75.
3. Список личного состава судов флота и учреждений Морского ведомства. СПб. 1916.
4. ХОЛОДИЛИН А. Н. Ук. соч., с. 86.
5. См. БЕРЕЖНОЙ С. С. Корабли и суда ВМФ СССР. 1928—1945 гг. Справочник. М. 1988, с. 70—71.
6. Ширина-Манштейн Анастасия Александровна (р. 1913) — дочь старшего лейтенанта А. С. Манштейна, командира эскадренного миноносца «Жаркий». 2 ноября 1920 г. вместе с отцом и матерью покинула Севастополь на борту эсминца «Жаркий». Всю жизнь прожила в Бизерте, долгое время была хранительницей храма-памятника русским морякам в Бизерте, сооруженного в 1936 году. В 1990 г. посетила Ленинград и Центральный военно-морской музей, где с ней встречался автор этих строк.
7. ФРИД Е. Г. Владимир Иванович Юркевич. — Развитие отечественного флота, вып. 491, Л., 1990, с. 14.
8. БЕЛКИН С. И. Голубая лента Атлантики. Л. 1990, с. 122—128.
9. Морской энциклопедический словарь. В 3-х тт. Т. 2. СПб. 1993, с. 166, 378.
10. Там же. Т. 3. СПб. 1993, с. 378.
11. Имеется в виду дата основания петербургского Политехнического института им. Петра Великого, в составе которого был кораблестроительный отдел (факультет). Занятия в институте начались осенью 1902 года. Первым ректором этого высшего технического учебного заведения стал князь А. Г. Гагарин, деканом кораблестроительного отдела — полковник корпуса корабельных инженеров К. П. Боклевский. Принимать дату основания Политехнического института за начало кораблестроительного образования в России не совсем правильно. К этому времени уже существовали Морское инженерное училище им. Николая I в Кронштадте, основанное в 1799 г. как училище корабельной архитектуры, и кораблестроительный отдел Морской академии в Николаеве, которые выпускали военных инженеров-кораблестроителей.
12. Юркевич Ольга Всеволодовна — дочь известного русского писателя В. В. Крестовского (1840—1895), автора ряда популярных в свое время романов: «Петербургские трущобы», «Кровавый пух», «Тьма Египетская», «Торжество Ваала» и др.

Монеты императора Ивана Антоновича

В. В. Уздеников

Согласно воле императрицы Анны Ивановны, не имевшей детей, после ее смерти 17 октября 1740 г. российский престол перешел к сыну принцессы мекленбургской Анны Леопольдовны и принца брауншвейгского Антона-Ульриха: Анна Леопольдовна была внучкой царя Ивана Алексеевича, старшего брата Петра I, и, таким образом, приходилась племянницей усопшей императрице. Новому императору Иоанну III (больше известному под именем Ивана Антоновича) ¹ только что исполнилось два месяца, а потому по завещанию Анны Ивановны регентом стал ее фаворит герцог курляндский Э.-И. Бирон. Однако уже на 23-й день своего регентства он был арестован фельдмаршалом Э. Минихом и сослан со всем семейством в г. Пелым, а правительницей была провозглашена Анна Леопольдовна, несмотря на недовольство некоторых высших сановников.

Младенческий возраст императора стал причиной не только ожесточенной борьбы за регентство, но и создал неожиданные трудности в монетном производстве. Дело в том, что еще со времен Петра I на лицевой стороне русских монет старших достоинств помещался портрет правящего государя, а потому с началом каждого нового царствования происходила смена портрета на монетах. Но о каком портрете могла идти речь, когда требовалось воссоздать в малой пластике достоверный образ двухмесячного младенца? Задача эта оказалась настолько сложной, что пришлось прибегнуть к ряду компромиссных решений.

В течение двух первых месяцев правления сначала Бирона, а затем Анны Леопольдовны монетные дворы вообще никаких указаний не получали, хотя обычно сразу же после восшествия на престол нового императора разрабатывались проектные рисунки монет нового образца, а на одном из монетных дворов по этим рисункам изготавливались пробные монеты, поступающие затем на высочайшее утверждение. Поэтому Московская монетная канцелярия дважды докладывала главному директору Монетного правления обер-гофмейстеру Х. В. Миниху (30 сентября и 1 декабря 1740 г.) о том, что она все еще не имеет указаний о виде новых монет.

Только 15 декабря 1740 г. канцелярией Монетного правления был издан указ, согласно которому, впредь до специального решения монеты следовало чеканить старыми штемпелями, то есть с портретом покойной императрицы. Таким образом, хотя и противу правил, но текущий выпуск монет был обеспечен, и Монетное правление могло продолжить и без того затянувшийся поиск приемлемого оформления монет нового образца. Сколько всего существовало проектов такого оформления, неизвестно. До нас дошли два, из которых один был отклонен, а другой получил воплощение в монетах массовой чеканки ².

Отклоненный проект, представленный несколькими чрезвычайно редкими экземплярами пробного серебряного рубля 1740 г., предусматривал выпуск монет вообще без портрета

Уздеников Василий Васильевич — ведущий научный сотрудник Государственного исторического музея (Москва).

императора: вместо портрета предлагалось поместить на монетах императорский вензель. Этот проект был забракован согласно определению канцелярии Монетного правления от 2 января 1741 года. Для массового выпуска Анна Леопольдовна утвердила 30 января 1741 г.³ отчеканенные Петербургским монетным двором образцы монет с портретом. Фактически это было гипотетическое изображение императора в возрасте 7—8 лет, что существенно облегчало работу граверов, вырезавших монетные штемпели вручную. Тем не менее, граверы Московского монетного двора никак не могли освоить воспроизведение на штемпелях этого не совсем обычного портрета, хотя штемпели с портретом Анны Ивановны, изготовленные на этом же дворе, отличались достаточно высоким художественным уровнем.

18 марта 1741 г. обер-гофмейстер обязал Московский монетный двор исправить портрет императора на штемпеле рублевой монеты, поскольку оказалось, что «лицо старо». Согласно записи в журнале канцелярии Монетного правления от 27 июня 1741 г., на Московский монетный двор был направлен резчик Петербургского двора Федор Нагибин, поскольку московские штемпели имели ряд недостатков «как в персоне Его Императорского Величества, так и в прочем». В том же журнале запись от 6 октября 1741 г. свидетельствует о том, что ввиду неудовлетворительного исполнения портрета императора на гривенниках московской работы Петербургскому двору было поручено изготовить и передать Московскому двору портретные штемпели для чеканки этих монет⁴.

На всех дошедших до нас монетах, от самых «неудачных» московских и до самых «красивых» петербургских, император предстает в виде отрока в римской тоге со знаками высшей власти (лавровым венком и орденом Андрея Первозванного), с печальным выражением одутловатого лица и с отрешенным, устремленным в пространство взглядом. Слово художник проектного рисунка монеты предугадал страшную участь, уготованную венценосному младенцу. Как известно, Иван Антонович пробыл императором всего год и два месяца: 25 ноября 1741 г. в результате дворцового переворота императрицей была провозглашена дочь Петра I Елизавета. Вся Брауншвейгская фамилия была выслана из Петербурга под строгий надзор сначала в Ригу, затем в крепость Динамюнде, потом в г. Раненбург и окончательно в 1745 г. — в Холмогоры. «Принц Иоанн», так теперь именовался Иван Антонович, в 1756 г. был оторван от семьи и переведен в Шлиссельбургскую крепость, в которой пробыл в одиночном заключении восемь лет, а в 1764 г. был убит при попытке его освобождения: тюремщики выполнили данную им на этот случай инструкцию.

Какие же монеты чеканились в царствование Ивана Антоновича? Это были серебряные рубли, полтины, полуполтинники и гривенники, а также медные полукопейки (денги) и четверть копейники (полушки); золотые монеты в этот период не чеканились. Серебряные монеты по весу и содержанию в них чистого серебра не отличались от монет предыдущего царствования, и только в гривенниках наличие серебра было несколько уменьшено (указ правительницы от 10 июня 1741 г.)⁵. Внешний вид монет массового выпуска достоинством в рубль, полтину и полуполтинник также остался неизменным (если не считать замену портрета), а вот оформление гривенников было существенно изменено: с 1741 г. портрет императора стали помещать на них впервые. Что же касается медных монет, то они оставались безымянными и потому были совершенно такими же, как и при Анне Ивановне.

Взойдя на престол, Елизавета Петровна не только сразу же изолировала своего возможного соперника, но и приняла меры для того, чтобы связанные с ним документы были засекречены, а вещи ликвидированы. Среди этих мер одной из первых было уничтожение монет с именем и изображением Ивана Антоновича. Именной указ от 31 декабря 1741 г. обязал всех подданных сдавать государству имеющиеся у них монеты с портретом «принца Иоанна». До 1 января 1743 г. эти монеты подлежали обмену на новые серебряные и медные деньги из расчета копейка за копейку, а после указанного срока их должны были выкупать по цене 92,5 коп. за рубль. Сенатский указ от 14 декабря 1742 г. содержал напоминание о приближении срока, когда будет завершен равноценный обмен, а сенатским указом от 27 февраля 1743 г. цена на монеты Ивана Антоновича была снижена до 91,5 коп. за рубль. Наконец, сенатский указ от 17 декабря 1744 г.⁶ установил окончательный срок выкупа монет Ивана Антоновича — 17 июня 1745 г.; по истечении этого срока предписывалось монеты отбирать «безденежно», а с их владельцами поступать как с преступниками, «без всякого милосердия».

Выкупленные и конфискованные у населения рубли и полтины Ивана Антоновича перерабатывались в рубли и полтины Елизаветы Петровны путем перечеканки: при изготовлении монет нового образца монеты Ивана Антоновича просто использовались в качестве заготовок. Такой способ переработки оказался возможным вследствие того, что серебряные монеты Елизаветы Петровны по весу и содержанию в них драгоценного металла вначале не претерпели никаких изменений по сравнению с монетами Ивана Антоновича. А применение перечеканки не

только позволяло избежать значительных материальных затрат при уничтожении «крамольных» монет, но и существенно ускорило выпуск монет с портретом и именем новой императрицы. Действительно, при перечеканке из производственного цикла исключались такие трудоемкие операции, как переплавка устаревших монет, прокатка полос, вырубка из полос кружков-заготовок и повторная переплавка отходов, оставшихся после вырубки кружков.

Однако перечеканка приводила к ухудшению внешнего вида монет: они оказались «раздавленными» повторным воздействием штемпелей и на них почти всегда оставались следы от исходной монеты. Поэтому на многих рублях и полтинах Елизаветы Петровны, изготовленных путем перечеканки, наряду с ее именем и титулом можно довольно легко прочесть: «Иоанн III император...» Что же касается полуполтинников и гривенников Ивана Антоновича, то вследствие малой толщины их кружка для перечеканки они не годились, а потому поступали на переплавку.

Несмотря на достаточно строгие меры, принятые правительством Елизаветы Петровны для изъятия и уничтожения монет с изображением и именем Ивана Антоновича, эти монеты тем не менее можно встретить в настоящее время не только в любом государственном собрании, но и в подавляющем большинстве частных коллекций. В этой связи интересны итоги операции по их изъятию у населения, доложенные Монетной канцелярией в Сенат 4 декабря 1751 г.: было выпущено монет с изображением «принца Иоанна» на общую сумму 693 181 руб.; с начала обмена и по 17 июня 1745 г. у населения было выкуплено монет на сумму 665 158 руб. 50 коп.; с 17 июня 1745 г. по 4 декабря 1751 г. у населения было изъято «безденежно» монет на сумму 4231 руб. 40 коп.; следовательно, на руках у населения осталось монет с изображением «принца Иоанна» на общую сумму 23 791 руб. 10 копеек ⁷.

Вот эти-то утаенные от конфискации, часто с опасностью для жизни, монеты и дошли до нас в качестве свидетелей одной из трагических страниц отечественной истории.

Примечания

1. В современной историографии Иван Антонович считается Иваном VI, поскольку отчет русских правителей с именем «Иван» ведется от московского князя Ивана Калиты. На монетах же Иван Антонович значится как «Иоанн III» — в этом случае отчет производился от первого русского царя Ивана Грозного.
2. ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ, вел. кн. Монеты царствования императора Иоанна III. СПб. 1901, с. 1, док. № 1; с. 3, док. № 4; с. 4, док. № 6.
3. Там же, с. 6, док. № 9; с. 8, док. № 14.
4. Там же, с. 14, док. № 27; с. 23, док. № 49; с. 35, док. № 59.
5. Там же, с. 21, док. № 44.
6. Там же, с. 1; Полный свод законов Российской империи, № 8494, 8690, 8712, 9093.
7. ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ, вел. кн. Монеты царствования императрицы Елизаветы I и императора Петра III. Т. I. СПб. 1896, с. 118, док. № 154. К моменту вступления на престол Елизаветы монеты с изображением Ивана Антоновича на общую сумму около 418 тыс. руб. находились в казне, откуда сразу же поступили на переработку.

Наполеон как журналист

Д. М. Туган-Барановский

Как известно, великий полководец, когда дело шло о прессе, славился не столько своим покровительством ей, сколько ее преследованием. Уже через несколько месяцев после своего прихода к власти, будучи первым консулом, 17 января 1800 г. он запретил 60 из 73 парижских газет без обоснованной мотивировки, лишь на том одном основании, что «часть газет служит орудием в руках врагов Республики». К концу 1800 г. число парижских газет сократилось до 9, потом до 8. Е. В. Тарле писал, что Наполеон вообще придерживался принципа: чем меньше газет, тем лучше. Французские газеты стали тогда настолько бессловесными, что англичане называли их «носовыми платками». Пресса полностью контролировалась министерством полиции, где существовал отдел, ведавший общественным мнением¹.

И все же было бы ошибочно считать, что Наполеон стремился только к всевозможному стеснению печатного слова. Его воззрения на печать были более сложными. Мало того, первый консул, потом император Франции, был одним из государственных деятелей, реально понимавших необходимость формирования общественного мнения в направлении, благоприятном режиму, и придававших этой задаче исключительное значение. Приведем несколько примеров вторжения Наполеона в данную сферу. Они малоизвестны и прошли мимо внимания многих специалистов, включая Е. В. Тарле и А. З. Манфреда.

В 1919 г. бывший редактор газеты «Фигаро» А. Перивье опубликовал фундаментальный труд о журналистской деятельности Наполеона. По мнению профессионального газетчика, существует в принципе два типа журналистов: организаторов и пишущих. Наполеон же совмещал эти два типа в одном лице. Оказывается, в годы консульства он частенько вторгался в издательскую деятельность, но делал это анонимно. Перивье удалось доказать авторство первого консула в отношении многих статей, без подписи опубликованных в «Монитёре», и сейчас эти статьи включены в новое собрание сочинений Наполеона. По-видимому, с черновиками его статей ознакомился А. Тьер, который писал: «Мы знаем в «Монитёре» статьи, написанные Бонапартом с 1800 по 1803 г., где он отвечал на выпады иностранных газет; они были шедевром разума, красноречия и стиля». В архивах «Монитёра», до пожара 1858 г., хранились также многочисленные корректурные листы с исправлениями, сделанными рукой Наполеона. Наконец, известны письма государственного секретаря Маре редактору «Монитёра», где говорилось, что первый консул желает такие-то статьи увидеть завтра опубликованными; эти статьи обычно прилагались к письму².

Из 13 газет, оставленных Наполеоном после установления консульства, только «Монитёр» был объявлен «единственной официальной газетой». Формально он находился в частных руках, и его редактором был некий С. Франсуа, за которым сохранялось, впрочем, только одно право: ведать театральной рубрикой. Первый же консул непосредственно через «Монитёр»

Туган-Барановский Джучи Михайлович — доктор исторических наук, профессор Волгоградского университета.

высказывал свое мнение. У Наполеона имелась мысль сделать официальной газетой еще и «Парижский бюллетень», который редактировал один из активных брюмерянцев Р. де Сен-Жан д'Анжели. Но Наполеона отговорили, убедив, что будет достаточно одной газеты. Статьи из «Монитёра» потом перепечатавали департаментские газеты. В значительной мере именно благодаря Наполеону «Монитёр» получил громкое признание в XIX веке. Газета издавалась затем до 1901 года. На ее страницах печатались многие видные публицисты и писатели ³.

А свою первую анонимную статью генерал Бонапарт написал вечером 19 брюмера 1799 г. при участии еще двух лиц. Она была посвящена оправданию государственного переворота и совершенного над депутатами «Совета 500» насилия. «Мы видим,— говорилось там,— постоянную борьбу свободы, равенства против привилегий и привилегий против равенства... Если благородные умы возвысились до идеи Республики, то оставались еще умы ленивые или непослушные: воспоминания, чувства, монархические предубеждения воздвигали пропасть между новым правительством и бывшим»; и чем более острый характер принимала борьба, «чем более были выражены страсти», тем более насильственной и жестокой была сама схватка. Вторая статья последовала через 7 дней, 17 ноября 1799 года. В ней речь шла об интригах английского правительства и осуждался его глава У. Питт; статья заканчивалась призывом к миру. В дальнейшем слово «мир» нашло постоянную прописку на страницах «Монитёра» и употреблялось в разных политических вариантах ⁴.

Приведем такой пример. 22 января 1800 г. «Монитёр» сообщил о встрече двух германских поэтов, которые решили вместе написать пьесу. Факт незначительный, но он послужил поводом для наполеоновской анонимной ремарки: «Два самых крупных правительства Европы не могут договориться, не могут решить вопрос о мире. А вот тогда мы бы имели исключительный шедевр». Много статей на международные темы было опубликовано при заключении Люневильского и Амьенского мира. 11 июля 1801 г. в «Монитёре» появилась очередная резкая статья против Питта, в которой первый консул говорил, что хотел бы отправить в военные лагеря Питта и его министров, чтобы там показать им войну во всех ее проявлениях. 2 февраля 1802 г. последовала заметка в защиту экспедиции в Санто-Доминго (англичане критиковали эту экспедицию) ⁵.

Потом появились статьи против английских газет и парламента. Несколько реплик первый консул посвятил полемике с теми английскими изданиями, где часто публиковались направленные лично против него заметки и карикатуры. Постепенно тон французской прессы становился все более угрожающим. 23 мая 1803 г., в момент организации Булонского лагеря, предназначенного для десанта в Англию, Наполеон написал статью, в которой изображал Францию страной, стремящейся к миру, а Англию — источником агрессии: «Дух безумия с некоторых пор опять овладел английским правительством. Оно думает, что у нас нет ни армий, ни чернил». В начале 1804 г., воспользовавшись раскрытием в Париже англо-роялистского заговора, Наполеон в очередной статье послал английскому правительству известное библейское предостережение «Мене, текел, фарес», означавшее, что грехи Англии уже «исчислены, взвешены, разделены». Данному делу Наполеон придавал столь большое значение, что даже посылал в Англию (как и в другие страны) доверенных лиц с целью написания репортажей. В Англию ездил Ж. Фьеве, статьи которого так понравились первому консулу, что в 1802 г. были изданы в Париже отдельной книгой.

Наполеона как человека эмоционального и даже ранимого особенно сильно раздражали английские карикатуры. Первый консул после Амьенского мира 1802 г. сумел заставить британское правительство возбудить судебный процесс против одного из карикатуристов. Неудивительно, что «Монитёр» он использовал для ответа насмешникам, а вообще же не терпел никаких упреков в свой адрес. Когда парижская газета «Друг законов» намекнула на его пристрастие к расточительности, «Монитёр» напечатал следующую заметку: ««Друг законов» говорит, что первый консул хочет организовать праздник на сумму 100 тыс. франков. Это ложь! Первый консул знает, что на 200 тыс. франков одна бригада может существовать шесть месяцев; и вскоре «Друг законов» был закрыт. Иногда Наполеону удавалось высмеять царя Александра I. Когда стало известно об убийстве Павла I в Петербурге, к чему были причастны англичане, в «Монитёре» появилась следующая заметка: «Павел I скончался в ночь с 24 на 25 марта. Английская эскадра прошла Зунд 31-го. История установит связь, которая может существовать между этими двумя событиями».

Тот же сюжет Наполеон затронул в 1804 г., в связи с казнью герцога Энгийенского. Этого потомка Бурбонов французские солдаты выкрали с территории другого государства, нарушив его суверенитет. Затем герцог был обвинен в организации антифранцузского заговора и расстрелян. Когда французское правительство получило возмущенную ноту по этому поводу со

стороны России, первый консул продиктовал министру иностранных дел Ш. М. Талейрану язвительный ответ: «В чем причины странной претензии России? Когда император Павел скончался под ударами убийц, нанятых Англией, не первой ли Франция предложила воспользоваться международным правом и выяснить обстоятельства этой ужасной тайны? И если бы организаторы заговора были арестованы в двух лье от русской границы на чужой территории, то запросил ли бы петербургский кабинет объяснения по поводу этого нарушения границы?»⁶.

За невинным вопросом скрывался большой смысл: Наполеон как бы указывал Александру I, что убийцы его отца не только не арестованы, но находятся в русской столице и пользуются благами и привилегиями, а царь, следовательно, является одним из главных виновников убийства его отца. Эта заметка в «Монитёре» свидетельствует о Наполеоне как о мастере политической полемики. Позднее, на о. Св. Елены, Наполеон не раз с удовольствием вспоминал о своих литературных выступлениях. Однажды, когда он что-то диктовал и потом, прочитав написанное, остался недоволен, то сказал писарю с раздражением, что тот изменил его стиль. «Но, сир,— возразил писавший,— где можно познакомиться с Вашим стилем? Осмелюсь Вас просить, что Вы написали, чтобы мы могли судить? — Смотрите мои прокламации и статьи в «Монитёре»,— последовал ответ»⁷.

Когда в 1816 г. Наполеону прислали на о. Св. Елены книги, среди которых находилась коллекция «Монитёра», он погрузился в ее комплекты и долго не отрывался, перечитывая собственные статьи. А потом сказал с удовольствием: «И они (англичане.— Д. Т.-Б.) осмелились утверждать, что я не умею писать». Но, будучи первым консулом, он, впрочем, не часто туда заглядывал, а своему секретарю, который предлагал ему для просмотра газеты, говорил: «Я знаю, что в них есть: они говорят то, что мне угодно». И предпочитал знакомиться с английской и немецкой прессой. А при формировании общественного мнения он руководствовался любопытным принципом: «Если происходит какое-то событие, неблагоприятное для правительства, то не следует торопиться сообщать о нем в газетах; нужно подождать, пока не будут известны детали; когда же оно станет хорошо известно, то тем более не следует сообщать, исходя из того, что и так все будут о нем осведомлены»⁸.

Вместе с тем Наполеон тщательно заботился о поддержании своего престижа и не позволял, чтобы слава о нем хоть на секунду умолкала. С этой целью он распорядился, в частности, публиковать в «Монитёре» с небольшими перерывами описание Египетского похода. Его не смущало, что французская армия в Египте была фактически брошена на произвол судьбы и ее новое командование оказалось в тяжелом положении. В «Монитёре», наряду с описанием похода, было опубликовано воззвание первого консула к Восточной армии, где имелись такие слова: «Доверяйте Клеберу [новый командующий] так же, как и мне. Он это заслужил». После этих слов никому бы и в голову не пришло, что письмо Ж. Б. Клебера было полно обвинений в адрес Наполеона.

Иной раз первый консул вдохновлял близких к нему литераторов на описание политических сочинений. В ноябре 1800 г. появилась анонимная брошюра «Сравнение между Цезарем, Кромвелем, Монком и Бонапартом», вызвавшая немалый общественный резонанс. В ней апологетически доказывалось, что Бонапарт совершил больше славных подвигов, чем его предшественники, и что его нельзя сравнивать не только с Кромвелем и Монком, но даже с Цезарем, поскольку первый консул не только выдающийся полководец, а еще и объединитель и умиротворитель нации⁹.

Общественное мнение сразу рассмотрело в этом памфлете, грубо славившем Наполеона, опасную тенденцию: его стремление к единоличной власти. Поскольку он действительно желал усиления авторитарных начал, для него эта брошюра стала пробным камнем в соответствующей подготовке общественного мнения. Его секретарь в своих мемуарах рассказал об истории появления брошюры. Когда он ее прочитал, то пришел к тому же выводу, что и все: в ней проповедуется наследственная монархия. А вскоре узнал, что брошюра вышла из стен Министерства внутренних дел, которое возглавлял брат Наполеона Люсьен Бонапарт. Спустя несколько дней у секретаря состоялся разговор об этом с Наполеоном. Первый консул спросил: читал ли тот эту штуку и что о ней думает. Секретарь ответил: «Я думаю, генерал, что эта книжка способна произвести величайшее зло в общественном мнении; она кажется мне преждевременной, ибо слишком рано открывает Ваши замыслы». Наполеон, взял брошюру, бросил ее на пол. Уже на другой день ближайшие к Парижу префекты прислали ее экземпляры первому консулу, в одном из донесений указав, что «такое сочинение может обратить против него [Наполеона] кинжалы новых убийц».

Наполеон вызвал к себе министра полиции Ж. Фуше. Разговор состоялся в присутствии секретаря: «Что это за книжка? Что о ней говорят в Париже?» — сердито спрашивал первый консул. «Генерал,— отвечал министр,— все единогласно считают ее весьма опасной.— Если

так, то зачем вы допустили ее издать? Это непростительно...— Но, генерал, Ваш брат Люсьен взял эту книжку под свое покровительство; она напечатана и издана по его приказанию; одним словом, она вышла из Министерства внутренних дел.— Мне все равно! В таком случае Вы как министр полиции обязаны были взять Люсьена под стражу и посадить в Тамплъ. Этот сумасброд не знает, что еще выдумать, чтобы навредить мне». И после этих слов вышел из кабинета, хлопнув дверью... «Посадить сочинителя в Тамплъ? — сказал Фуше секретарю.— Это было бы трудновато». И далее рассказал о том, что ему известно: «Как только я узнал об этой книжке, тотчас отправился к Люсьену, дабы дать ему почувствовать его неосторожность; Люсьен тогда вместо ответа сходил за рукописью, которую он мне показал, и что же я увидел? Поправки и отметки, сделанные рукой первого консула»¹⁰.

Наполеон был также автором ряда ловко сформулированных лозунгов: «Революция закончилась..., нужно выявить ее «реальности»; необходимо объединить нацию, создав подлинно народное правительство»; «ни красных колпаков, ни красных каблуков» [т. е. ни якобинцев, ни аристократов]; «Франция желает мира» и др. Эти идеи далее развивались журналистами и писателями и превращались в своеобразные стереотипы мышления.

Примечания

1. ОЛАР А. Политическая история Французской революции. М. 1938, с. 866; ТАПЛЕ Е. В. Печать во Франции при Наполеоне. В кн.: ТАПЛЕ Е. В. Собр. соч. Т. IV. М. 1958, с. 489.
2. ТЬЕР А. История консульства и империи. Т. 3. СПб. 1848, с. 44; PERIVIER A. Napoléon journaliste. P. 1919; NAPOLÉON BONAPARTE. Oeuvres littéraires et écrits militaires. Tt. 1—3. P. 1968; GUILLOIS A. Napoléon, l'homme, le politique, l'orateur. T. 2. P. 1889, p. 433.
3. Histoire générale de la presse française. Т. 1. P. 1969, p. 558.
4. NAPOLÉON BONAPARTE. Op. cit. Т. 3, p. 21—22, 23—28.
5. Le Moniteur universel, 22.I.1800; NAPOLÉONE BONAPARTE. Op. cit. Т. 3, p. 37—40, 43—44.
6. NAPOLÉON BONAPARTE. Op. cit. Т. 3, p. 55—58, 71—72, 74.
7. FIÉVÉE J. Des lettres sur l'Angleterre. P. 1802; NAPOLÉON BONAPARTE. Op. cit. Т. 3, p. 29, 33, 77—78; MONTHOLON A.-H. Souvenirs de Sainte-Hélène. P. 1901, p. 154.
8. БУРИЕНН. Записки о Наполеоне. Т. 2, ч. III. СПб. 1835, с. 196; PERIVIER A. Op. cit, p. 27.
9. БУРИЕНН. Ук. соч., с. 187—188; Parallèle entre César, Cromvell, Monk et Bonaparte. P. Brumaire IX.
10. БУРИЕНН. Ук. соч. Ч. IV, с. 204—205.

Ментальное измерение истории: поиски метода

Е. Ю. Зубкова, А. И. Куприянов

Термин «менталитет» часто употребляется скорее как дань моде, нежели как результат осознанного понимания необходимости изменить сам подход к историческому исследованию. Немецкий историк Ф. Граус, которому принадлежит одна из самых обстоятельных попыток определить понятие «менталитет» применительно к интересам исторической науки, в этой связи заметил: понятия не могут быть «правильными» или «неправильными» — они могут быть либо «работающими», либо «не работающими»¹.

Анализ литературы, посвященной истории ментальностей, а она поистине огромна², убеждает, что в интересах дела, возможно, было бы предпочтительнее не углубляться дальше в абстрактные рассуждения (тем более, что уже имеющийся набор определений вряд ли удастся дополнить чем-то принципиально новым), а рассмотреть историю ментальностей в более широком контексте — в русле развития новых подходов в историческом исследовании. Подобный ракурс имеет не только прикладное значение, но и позволяет в наибольшей степени отразить генезис и эволюцию самого понятия «менталитет», обстоятельность его проникновения в сферу исторической науки.

Считается, что приоритет в постановке самой проблемы исторических ментальностей и необходимости их изучения принадлежит школе «Анналов» и связан с именами М. Блока и Л. Февра. Однако задолго до появления «Анналов» историческое знание стало испытывать на себе воздействие импульсов, постепенно оформлявшихся в новую тенденцию, которая в обобщенном виде может быть определена как поворот к человеку, утверждение антропологического взгляда на историю. Она была обусловлена внутренними потребностями не только исторической науки, но и развития гуманитарного знания в целом, прежде всего психологии и этнологии.

Долгое время история и психология развивались независимо одна от другой. XIX в. принес в историческую науку понятие — «исторический колорит», а вместе с тем и осознание очевидного: люди прошлого не только похожи, но и отличны от наших современников, они мыслят, действуют, живут по другим законам. Чтобы понять прошлую эпоху и ее людей, историк должен вжиться в эту эпоху, — так коротко может быть выражен главный смысл начавшихся поисков, следы которых проступают еще в работах О. Тьерри, Ж. Мишле, Т. Карлейля. Не случайно представители школы «Анналов» именно этих историков считали своими предшественниками. Однако историки XIX в. только сформулировали проблему, но не нашли научно обоснованного метода ее решения.

С точки зрения развития метода, позволяющего оценить особенности мышления и образа действий людей прошлого, безусловный интерес представляют исследования

Зубкова Елена Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН; *Куприянов Александр Иванович* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

В. О. Ключевского. В этой связи можно вспомнить серию его исторических портретов или рассуждения о характере великороссов. Подход Ключевского достаточно определенно прочитывается в его конкретно-исторических исследованиях. Это — учет географических факторов и, шире — природной среды, материальных и социальных условий жизни людей; вся совокупность обстоятельств, окружающих и формирующих характер и поведение конкретных людей на протяжении всей их жизни. Характер человека, образ мыслей, мотивация поступков были для Ключевского такими же необходимыми компонентами исследования, как описание непосредственных деяний того или иного исторического персонажа. Исторические портреты Ключевского, написанные по принципу «личность в контексте эпохи», в какой-то степени предвосхищали — в жанре исторической биографии — традицию «Анналов».

Вторая половина XIX и начало XX вв. отмечены рождением социальной психологии как особой научной дисциплины. Непосредственно на развитие исторической мысли повлияли работы французского этнолога Л. Леви-Брюля «Ментальные функции примитивных обществ» и «Первобытное мышление». Собственно из книг Леви-Брюля и проник в исторические исследования сам термин — «менталитет». Психологи пользовались этим термином для характеристики образа мышления и поведения людей, стоящих на тех ступенях культурной эволюции, когда бессознательное еще превалирует над сознательным, а коллективное подчиняет себе индивидуальное. Когда проблема изучения ментальностей встала в исторической науке, то под этим термином сначала тоже понимали прежде всего коллективно бессознательное. Блок и Февр, которые ввели в лексикон понятие «менталитет», обращали внимание своих коллег на тот пласт сознания, который в силу своей слабой отрефлектированности не получил прямого отражения в источниках, а потому и постоянно ускользает из поля зрения историков.

Для основателей школы «Анналов» обращение к истории ментальностей не являлось самоцелью. Это было одно из направлений в поисках новых подходов, новых методов исследования в условиях, когда вполне обозначился кризис позитивистской историографии. Полемицируя с историками-позитивистами, которые наивно полагали, что добросовестно пересказывая источники, они действительно пишут историю «как она есть», Блок и Февр противопоставили описательному принципу свой — реконструктивный. И в центр исторической реконструкции был поставлен человек — как отражение и носитель всех особенностей своей эпохи. Проникнуть в глубины сознания людей, усвоить символы их веры, выявить мотивы поступков, — значит понять эпоху, как бы из нее самой. Историческое исследование, таким образом, обретало новое видение, новый угол зрения, новый фокус, и это позволило анналистам поставить и сформулировать главный для них принцип — «тотальной истории», т. е. принцип восприятия и изучения прошлого в единстве и взаимодействия всех, самых различных сторон жизни людей: от бытовых деталей до политических пристрастий, от элементарных материальных интересов до тончайших душевных эмоций.

В человеческом сознании в той или иной форме находят свое преломление самые разные проявления бытия, закрепляясь в системе образов, представлений, символов. Именно поэтому изучение образа мыслей людей, способов и форм организации мышления, конкретных и образных картин мира, запечатленных в сознании, рассматривалось представителями «новой исторической науки» как своего рода «ключ», который помогает понять логику исторического процесса как в целом, так и применительно к отдельным историческим феноменам.

Анналисты, будучи инициаторами ментального измерения истории, никогда не настаивали на универсальности этого подхода. Их отношение к истории ментальностей, как и к самому понятию «менталитет» отличалось большой гибкостью. При этом анализ сознания, образов и представлений людей прошлых эпох истории школы «Анналов» никогда не замыкался на исследовании собственно ментальных установок.

История ментальностей, как она понималась вначале, была ориентирована прежде всего на изучение неосознанного, повседневного, неотрефлектированного в сознании человека. Ментальность, по выражению А. Я. Гуревича, — представляет собой «тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания, — люди ими пользуются, обычно сами того не замечая»³. Ментальность выступает как система определенных установок, вместе с тем и сами эти установки используются людьми (чаще всего не вполне осознанно) в качестве инструмента познания окружающего и во многом формируют их мысли и поступки. Это функциональное свойство (или функциональная сущность) ментальности и позволяет ставить вопрос о ментальном измерении истории как методе исторического познания, методе исторической науки.

Приверженцы этого метода, как правило, избегают жестких формулировок в отношении самого понятия — «ментальность». Некоторые историки, например, Ж. Ле Гофф или Ж. Ревель, усматривают в известной «размытости» данного понятия не только его уязвимость, но и определенное преимущество: методологическую пластичность, открывающую перед историком новые возможности познания прошлого⁴. Во всяком случае, многочисленные попытки ввести понятие «ментальность» в какие-то более или менее фиксированные рамки, так и не увенчались успехом: в одних случаях оно смыкается с распространенным, но столь же нечетким понятием «общественное сознание», а в других — сводится к описанию простейших психических реакций. По-видимому, надо согласиться с мнением Грауса, который полагает, что ввиду отсутствия четких контуров ментальность вообще невозможно описать достаточно предельно, ее можно лишь «тестировать», «считывать» по внешним формам проявления. В качестве таких конкретных форм проявления ментальности Граус выделяет мнение и поведение⁵.

В настоящее время определились два направления в изучении истории ментальностей, различающиеся своими исходными принципами. Для первого, продолжающего традицию Блока и Февра, обращение к проблеме ментальности и шире — мировидения человека — представляет способ, метод изучения общественных и цивилизационных структур, исторического процесса в целом. В данном случае изучение ментальностей выступает как метод исторического синтеза.

Другое направление сосредоточилось на изучении собственно ментальностей конкретной эпохи, конкретного времени. В русле этого направления исследуются представления людей о жизни и смерти, отношение к браку, проблемам восприятия возраста и старения, смены поколений и т. д. Здесь подход историка во многом смыкается с методикой, распространенной в этнологии и социальной психологии. Междисциплинарность вообще можно считать общим свойством всех исследований, так или иначе связанных с изучением исторических ментальностей. Очевидно это одно из характерных свойств метода исторического синтеза, как такового. Вместе с тем, как любой метод исследования, он нуждается в конкретизации, позволяющей оценить возможности его применения.

Первый вопрос, который должен быть задан в этой связи, это вопрос о потенциальном уровне исследования, который выводит историка на проблему носителей ментальной информации. В историографии этот вопрос является дискуссионным, но нам представляется наиболее обоснованной позиции Гуревича, который полагает, что следует признать как наличие некоего общего ментального фонда, так и ментальностей, присущих разным группам и классам общества поэтому возможны самые различные уровни исследования ментальностей⁶. На уровне цивилизации эту проблему решал Ле Гофф⁷, элиту средневекового общества исследовал Ж. Дюби⁸, представления и верования крестьян нашли отражение в работах Л. Ладюри⁹, в более общем плане народную культуру, или «культуру безмолвствующего большинства», исследовали М. Бахтин¹⁰ и А. Гуревич¹¹.

Если иметь в виду конкретных носителей ментальной информации, то проблема ментальностей изучается достаточно широко. Однако довольно очевидные историографические пристрастия в основном ограничиваются пока Западной Европой и рамками средневековья, частично захватывая начало нового времени. Впрочем это обстоятельство свидетельствует не столько об ограниченных возможностях применения методов изучения ментальностей, сколько об инерции сложившейся традиции, которая постепенно преодолевается. В качестве подтверждения можно привести развитие такого историографического направления, как «повседневная история»¹², приверженцы которого изучают жизнь, представления, психологию «простых людей». Первоначально эти исследования, особенно распространенные в Германии, концентрировались на средневековье, однако очень скоро интересы историков «повседневности» значительно расширились и распространились на историю XX века.

Становление нового направления проходило отнюдь не безболезненно. В ФРГ процесс самоопределения «истории повседневности» в 80-е годы сопровождался довольно жесткими дискуссиями историков, в которых помимо теоретических пристрастий явно проявлялись черты конфликта поколений. Что должно находиться в фокусе зрения историка: структуры и процессы или действия и чувства людей? — так кратко можно определить суть возникших тогда споров. Если предмет традиционной социальной истории, как его обозначил еще в 50—60-е годы В. Конце¹³, включал в себя процессы и структуры (отсюда понятие «структурная история»), то историки повседневности больше тяготели к историко-антропологическим исследованиям. В этой дискуссии наиболее конструктивной представляется позиция Ю. Кокки, который полагает, что противопоставление друг другу структурной и эмпирической истории вряд ли плодотворно, поскольку «социальная история является

и структурной и эмпирической историей одновременно», а задача историка состоит прежде всего в поиске методов исторического синтеза, позволяющего адекватно оценить как суть глобально-исторических процессов, так и мотивы поступков отдельных людей¹⁴.

Проблемы социальной истории России до недавнего времени больше привлекали не отечественных, а зарубежных специалистов. В 80—90-е годы появились оригинальные исследования, посвященные отдельным группам и слоям советского общества в 1920—1930-е годы: крестьянству, учительству, юристам, партийной бюрократии и др.¹⁵ Среди работ более общего плана, то есть анализирующих тенденции развития советского предвоенного общества в целом, можно выделить книги В. Данхем, М. Левина, Л. Гордона и Э. Клопова, Л. Холмса¹⁶. Социальные историки, как правило, не обходят вниманием вопросы, связанные с формированием ментальных установок, мировосприятия и других представлений общества и его отдельных групп. Главной проблемой исследования в данном случае выступает система отношений общество — власть, что соответствующим образом организует и само изучение собственно исторических ментальностей.

Что касается специальных исследований историко-психологической направленности, то России в этом смысле «не повезло». Практически единственной работой, сделанной в этом направлении, можно считать вышедшую еще в 1947 г. книгу Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси». Всплеск интереса к исторической психологии в середине 60-х годов обозначил новую тенденцию в отечественной историографии, итогом которой стала книга Б. Ф. Поршнева и несколько сборников статей¹⁷. Однако уже в 70-е годы это направление было фактически свернуто. Единственное исключение составило изучение семиотики русской культуры, связанное прежде всего с именами Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского¹⁸.

Таким образом, тенденция изучения исторических ментальностей на материалах России, едва обозначившись, не получила развития. Впрочем существует и другая точка зрения, согласно которой в последнее время наблюдается, по словам В. А. Ходонова, «нарастание интереса к работам, в которых история менталитета выступает в качестве основного предмета исследования. Думается, что такой интерес отвечает и внутренней логике развития исторической науки, которая на протяжении десятилетий практически игнорировала исследования субъективных моментов изучаемых ею классовых и других массовых явлений»¹⁹. Правда, автор не указал ни одной работы, которая могла бы служить иллюстрацией этого оптимистического заявления. Не обнаружили таких работ и мы, если не считать альманахов «Одиссей» и «THESIS», занимающихся методологическим просвещением российских исследователей.

Изучение ментальностей, как и любое историческое исследование, тесно связано с состоянием источниковой базы. Иногда приходится слышать, что отсутствие работ уровня «Анналов» по отечественной истории, объясняется недостатком необходимых источников. Подобные заявления звучат тем более странно, что историков ментальностей от представителей других направлений отличает как раз готовность использовать самые различные источники. Нет такого источника, в котором в той или иной форме не отразились бы взгляды, мнения, настроения людей, их личные или групповые пристрастия, т. е. все то, что характеризует ментальный фонд. Можно лишь говорить о переменах в иерархии источников: для изучения ментальностей важны в первую очередь не официальные документы, а материалы личного происхождения (завещания, дневники, автобиографии, художественные произведения и др.).

Пока изучение ментальностей концентрировалось на жизни людей отдаленных эпох, историку приходилось иметь дело лишь с тем документальным фондом, который дошел до наших дней. В отличие от этнологов или психологов он был лишен возможности проводить «полевые исследования». Но вместе с обращением к проблемам современной истории, источниковый арсенал историка значительно расширяется. Возникло целое направление — «устная история»²⁰, существенно дополнившее источниковую базу исторических исследований. В 1967 г. была создана «Ассоциация устной истории» в США, аналогичные исследования получили развитие в ФРГ. Среди последних выделяются проект по изучению социальной культуры Рурской области в 30—60-е годы, осуществленный под руководством Д. Нитхаммера, а также более поздние исследования, проведенные уже на территории Восточной Германии²¹.

В отечественной историографии «устная история» долгое время поддерживалась почти исключительно за счет энтузиазма краеведов. Проводились и целенаправленные опросы людей, как правило, связанные с осуществлением больших исследовательских проектов, например, при собирании документального материала для «Истории фабрик и заводов» в 30-е годы, или для истории движения за коммунистический труд — в 60-е. Тем не менее эта

работа имела преимущественно эпизодический характер и только с конца 80-х годов с возникновением специальных лабораторий можно говорить об оформлении самостоятельного научно-практического направления в этой области исторических исследований.

Материалы «устной истории», воспоминания современников имеют исключительное значение для изучения исторических ментальностей. Именно они со всей очевидностью показали, что рубежи «большой» и «малой» истории не всегда совпадают, как не совпадают с общепринятыми личными оценки и личные восприятия человеком отдельных исторических событий, синхронных его жизни. Так, согласно результатам исследования по Рурской области, большинство «простых» немцев вообще «не заметили» прихода к власти нацистской партии, хотя для «большой» истории 1933 г. является значительной хронологической вехой. Годы укрепления фашистской диктатуры (вплоть до начала второй мировой войны) большинством современников оценивались как «хорошее время», поскольку тогда были гарантированы работа и заработок.

Среди старшего поколения наших соотечественников нередко также можно встретить позитивные мнения относительно 30-х — начала 50-х годов, где в качестве одного из главных аргументов выступают воспоминания о «сталинском порядке», противопоставляемом современному российскому хаосу. В данном случае мы имеем дело с характерной особенностью личных воспоминаний и «устной истории»: складыванием ретроспективных оценок под влиянием опыта, не только прошлого, но и сегодняшнего. Эта особенность «устной истории» вызывает споры среди профессионалов о корректности использования ее материалов в качестве базы данных для исторического исследования. Нам представляется, что в данном случае речь скорее идет не об использовании этой категории источников в принципе, а об особой методике работы с материалами «устной истории», предполагающей учет особенностей их происхождения. Если же оценивать «устную историю» как одно из направлений современного исторического знания, то ее можно рассматривать как ступень в развитии и совершенствовании методов исторического познания.

Новое время расширило, по сравнению со средневековьем, количество и качество источников для реконструкции исторических ментальностей. По мере распространения грамотности круг людей, голос которых мы можем услышать непосредственно, становится шире. Уже из XVIII в. до нас дошло немало источников личного происхождения, принадлежавших представителям некогда «молчаливых» слоев общества — купцам, мещанам, крестьянам. Письма, дневники, воспоминания, пометы на книгах, оставленные зачастую малограмотными людьми, с трудом выражавшими на бумаге свои мысли и чувства или же, напротив, излагающими их легко и свободно, но без всякого соблюдения норм грамматики, очень существенны для изучения эмоций, чувств, настроений простых людей. Эти свидетельства значительно ценнее для историка, чем аналогичные источники, исходящие от представителей образованных слоев общества. Здесь невозможен словесный флер, изысканно камуфлирующий подлинные чувства автора, который иногда называют «ложью на уровне грамматики».

Иерархию достоверности источников личного происхождения можно в схематизированном виде представить следующим образом: предназначенные для широкого круга читателей-современников или написанные в назидание собственным потомкам; адресованные друзьям, родным и знакомым; интимные мемуары, написанные, как правило, глубоко верующими людьми для немногих духовно близких им лиц. Разумеется, откровенность личных источников определялась не только тем, для кого они создавались, но и психологическими особенностями их авторов. И все же можно утверждать, что именно информация, содержащаяся в последней (самой малочисленной) группе источников, предоставляет исследователю наибольшую возможность для того, чтобы проникнуть в подлинный духовный мир людей изучаемой эпохи.

Проиллюстрируем это на примере эпистолярного наследия жены декабриста Н. Д. Фонвизиной. Ее письма знакомым можно считать типичным примером соблюдения принятых в тогдашнем обществе норм учтивости. Они содержат информацию о здоровье, а круге повседневных занятий семьи Фонвизиных, о переменах в служебной или частной жизни общих знакомых, о некоторых событиях общественной и культурной жизни города. Эта информация (иногда действительно уникальная) носит поверхностно-событийный характер. Если же обратиться к переписке Фонвизиной со ссыльными декабристами, то тематика писем несколько меняется, расширяясь за счет данных, касающихся положения декабристов в разных городах, разнообразных контактов между ними, а также сведений об интеллектуальных занятиях четы Фонвизиных. Сведения, содержащиеся в них, носят более конфиденциальный и более интимный характер. И все же историк, читающий их, неизбежно

ощущает перед собой стену, за которой скрываются «тайники души» этой неординарной женщины. Иной уровень откровенности в ее письмах духовным единомышленникам, прежде всего священнику С. Я. Знаменскому и «духовной сестре» Е. Ф. Непряхиной. Обращаясь к этим людям, Наталья Дмитриевна нередко демонстрирует пронзительную искренность, потрясающую абсолютную доверительность. Такая же интимная и беспощадно аналитическая тональность свойственна и ее дневнику²². Один этот дневник дает неизмеримо больше для понимания мира эмоций и страстей русской женщины, чем десятки мемуаров и дневников, созданных в назидание потомкам.

В литературе по истории быта, календарных праздников, народной медицины, семьи уже давно используются такие содержательные источники, как этнографические описания. Историков ментальности также могут заинтересовать сведения, которые имеются в этих нарративных свидетельствах, помогающих реконструировать картины мира, свойственных разным социальным группам. Особый интерес представляют относящиеся к 1840-м — началу 1850-х годов этнографические описания, которые были составлены не профессиональными исследователями, а любителями (в их числе немало мещан и крестьян), откликнувшимися на призыв Географического общества. Эти описания содержат не только богатейшую информацию о народных верованиях и представлениях, этических нормах и обычаях, о восприятии социальной структуры общества и о календарных праздниках, но и сведения об иерархии ценностей, существующей в народном сознании. В свою очередь, и оценочные суждения авторов, отношение их к бытованию тех или иных обрядов и обычаев сами могут служить материалом для изучения ментальности людей того времени.

Ментальная информация, разумеется, необязательно связана только с источниками личного происхождения, особенно в России, где частная жизнь находилась под постоянным государственным надзором, (в отличие, например, от Франции: в ее государственных архивах по свидетельству историков, почти не отложились документы о частной жизни граждан²³). В фондах и материалах российских государственных архивных учреждений сохранилась богатая информация, отражающая общественные настроения и представления людей, в том числе и весьма интимного характера.

Как известно, общественным мнением в нашей стране первыми стали интересоваться не ученые, а люди в «голубых мундирах». Одной из важнейших обязанностей «высшей полиции», как писал один из ее руководителей граф А. Ф. Орлов, было следить «за общим мнением и толками насчет правительства»²⁴. До сих пор документы, вышедшие из недр III Отделения использовались историками преимущественно как источник для изучения революционной борьбы и революционных настроений. Историки долго и упорно выискивали факты классовой борьбы крестьян против крепостного права. Но при этом, сосредоточившись на социальной структуре общества и социальных противоречиях, они игнорировали целый материк частной жизни. И, по-видимому, напрасно. Так, согласно официальной статистике, в 1843 г. во всей Российской империи крестьянами было убито 13 помещиков и 15 управляющих имениями. Потери же на семейном «фронте» были куда весомее: отцеубийств — 12, детоубийств — 153, братоубийств — 17, мужеубийств — 15, женоубийств — 48²⁵. Таким образом, можно утверждать, что подлинные трагедии в XIX в., как правило, разыгрывались совсем не там, где их искали — не на классовой сцене, а на подмостках семейной жизни.

Информация, содержащаяся в фондах III Отделения богата и разнообразна. Даже наиболее идеологизированные документы — отчеты — дают при источниковедческой фильтрации ценный материал для изучения массовых настроений, политических представлений, нравов, семейных конфликтов и других явлений общественной и частной жизни. Еще более интересный материал для изучения городской жизни, мировидения образованных слоев общества можно извлечь из служебных записок жандармских офицеров «О лицах, обращающих на себя почему-либо внимание правительства». Разумеется, информация, содержащаяся в них, подлежит перекрестному сопоставлению с источниками, вышедшими из других ведомств, а также с материалами личного происхождения.

Традиции «изучения» общественных настроений государственными учреждениями продолжались и в советскую эпоху. Начатые было после революции социологические исследования уже в конце 20-х — начале 30-х годов были прекращены. Публичные социологические службы не функционировали в СССР до 1960-х годов. Учет общественных настроений в те годы проводился главным образом двумя структурами: органами государственной безопасности и управлением пропаганды ЦК ВКП(б). Сводки об общественных настроениях оставались, как правило, либо по результатам общей инспекторской проверки определен-

ной области (района, края, республики), либо по конкретному случаю, т. е. с целью выявить отношение населения к конкретному политическому событию, например, выборам в Верховный Совет СССР, денежной реформе, той или иной идеологической кампании и др.

Информацию об общественных настроениях можно найти и в такой группе источников как судебно-следственные материалы. Эти источники как будто хорошо известны и давно освоены, но опять-таки исключительно с точки зрения изучения социальных конфликтов и классовых борьбы. В остальном же они остаются невестрбованными. Более того, среди немалой части отечественных историков к судебно-следственным материалам отношение не столько критическое, сколько какое-то боязливое (как бы изучение этих массовых источников не исказило картину прошлого!), поскольку эти документы фиксируют не норму, а отклонение от нее, своего рода социальную патологию. В действительности же комплекс судебно-следственной документации позволяет реконструировать в совокупности как правовые и нравственные нормы, так и отклонения от них. Более того, в этих источниках имеется разнообразная информация о культуре и ментальности людей. Так, в случаях «повальных обысков», они порой содержат данные о возрасте, поле, исповедании, социальном и семейном положении, образовательном уровне, о соблюдении важнейших христианских норм (исповедь, причастие), поддающиеся социологическому анализу.

Невысокий профессиональный уровень служителей полиции и юстиции, которые в до-реформенную эпоху редко имели специальное образование, приводил к тому, что в судебно-следственных материалах часто оказывались сведения и справки, «которые были до того странны, что их можно отнести только или к намеренному продолжению дела, или к весьма мелочному, вовсе не служебному любопытству». Такую ситуацию обнаружил в 1854 г. в тюменском суде новый тобольский гражданский губернатор В. А. Арцимович²⁶.

Сама процедура получения свидетельских показаний иногда может очень много сказать об этических нормах, традиционных установках сознания людей того времени. Например, практика допросов проституток в качестве свидетелей без приведения их к присяге, в отличие от других граждан, в некоторых провинциальных городах даже в конце 1820-х годов высвечивает, во-первых, настолько негативное отношение горожан к лицам, занятым данным промыслом, что фактически ставило их вне рамок общества; во-вторых, своеобразное осознание правовых норм чиновниками, занимавшими нижние ступени лестницы государственного управления.

Если говорить в целом о проблемах источниковедческого подхода в изучении ментальностей, то здесь играет роль не столько отбор источников, сколько угол зрения историка. Информация ментального характера редко фиксируется в источниках непосредственно. Поэтому перед исследователем всегда стоит задача расшифровки текста, уяснения символики языка, поиска «скрытого смысла». При работе с текстом источника используются самые разнообразные приемы: от контент-анализа до семиотики. Текстуальный ряд источников дополняет ряд визуальный, который также несет определенную смысловую информацию о символике данного времени.

Только при таком всестороннем анализе можно ставить вопрос об адекватной реконструкции языка эпохи, образа мыслей и действий конкретных людей, их коллективных эмоций и настроений. Напоминание о приемах научной реконструкции представляется нам тем более важным, что не так уж редко в работах, претендующих на научность, приходится встречаться с вульгаризацией методов исторической психологии. Подчас происходит смешение научного и художественного жанров, и тогда с легкой руки историка читателю преподносят якобы сокровенные мысли умирающего Ленина или размышления Сталина накануне подписания пакта Молотова — Риббентропа.

С точки зрения обеспечения корректности источниковедческого анализа можно выделить еще один момент: содержание источника в плане отражения особенностей мышления эпохи всегда шире, чем собственно информация ментального характера. Попытки вычлени ее в «чистом виде», помимо заведомой обреченности, могут существенно ограничить и поле зрения историка, стремящегося составить представление о мировидении и мироощущении людей прошлого. У новой российской историографии нет необходимости «впадать в менталитет», повторяя ошибки некоторых своих зарубежных предшественников. Гораздо разумнее было бы прислушаться к голосам тех, кто, руководствуясь собственным научным опытом, наряду с преимуществами метода ментального измерения истории, отмечает и его ограниченность (Ле Гофф, Ревель, Гуревич). Новые перспективные направления исследований в настоящее время разрабатываются в русле уже не столько истории ментальностей, сколько исторической антропологии²⁷, которая, сохранив главный фокус исследования — человека, провоцирует новые вопросы к источнику и ответы на них.

Когда-то Февр, рассуждая о сущности работы историка, бросил фразу: «Историк — не тот, кто знает. Историк — тот, кто ищет». К этому можно было бы добавить: главное, чтобы этот поиск не кончался.

Примечания

1. GRAUS F. Mentalität — Versuch einer Begriffsbestimmung und Methoden der Untersuchung.— Mentalitäten im Mittelalter. Sigmaringen. 1987, S. 11.
2. Подробную библиографию по данной проблеме см. ГУРЕВИЧ А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М. 1993.
3. ГУРЕВИЧ А. Я. Уроки Люсьена Февра. В кн.: Февр. Л. Бои за историю. М. 1991, с. 517.
4. Споры о главном. М. 1993, с. 58.
5. GRAUS F. Op. cit., S. 15.
6. ГУРЕВИЧ А. Я. Исторический синтез, с. 194.
7. ЛЕ ГОФФ Ж. Цивилизация средневекового Запада. М. 1992.
8. DUBY G. Le Chevalier, la Femme et le Prêtre. P. 1981; ejusd. Guillaume le Maréchal, ou le meilleur chevalier du monde. P. 1984.
9. LE ROY LADURIE F. Montailou, village occitan de 1294 à 1324. P. 1975; ejusd. Les paysans de Languedoc. T. 1—2. P. 1966.
10. БАХТИН М. М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. 1965.
11. ГУРЕВИЧ А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М. 1990.
12. См., например: Alltagsgeschichte. Frankfurt a/M., N. Y. 1989.
13. CONZE W. Die Stellung der Sozialgeschichte in Forschung und Unterricht.— Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. Köln. 1957; ejusd. Sozialgeschichte.— Moderne deutsche Sozialgeschichte. Köln. 1966, S. 19—26.
14. КОККА Ю. Социальная история между структурной и эмпирической историей.— THESIS. 1993. Весна, с. 174—189.
15. См., например: HUSKEY E. Russian Lawyers and Soviet State: the Origins and Development of the Soviet Bar. 1917—1939. [W. p.] 1986; HOLMES L. The Kremlin and the Schoolhouse. Bloomington. 1992; FITZPATRICK SH. Stalin's Peasants: the Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. N. Y., Oxford. 1994.
16. DUNHAM V. In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. Lnd., N. Y., Melbourne. 1976; LEVIN M. The Making of the Soviet System. N. Y. 1985; ГОРДОН Л. А., КЛОПОВ Э. В. Что это было? М. 1989; ХОЛМС Л. Социальная история России: 1917—1941. Ростов-на-Дону. 1994.
17. ПОРШНЕВ Б. Ф. Социальная психология и история. М. 1966; История и психология. М. 1971 и др.
18. ЛОТМАН Ю. М. Избранные статьи. В 3-х тт. Таллинн. 1992; его же. Беседы о русской культуре. СПб. 1994; УСПЕНСКИЙ Б. А. Избранные труды. Т. 1—2. М. 1994.
19. ХОДОНОВ А. С. История ментальности в современной французской историографии.— Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 21. Томск. 1994, с. 129.
20. Анализ современного состояния исследований, осуществленных в русле «устной истории», а также библиографию см.: Oral History. Mündlich erfragte Geschichte. Göttingen. 1990.
21. «Die Jahre weiss man nicht, wo man die heute hinsetzen soll»: Faschismuserfahrungen im Ruhrgebiet. Brl., Bonn. 1983; «Hinterher merkt man, dass es richtig war, dass es schiefgegangen ist»: Nachkriegserfahrungen im Ruhrgebiet. Brl., Bonn. 1983. См. также: NIETHAMMER L., PLATO A. v., WIERLING D. Die volkseigene Erfahrung. Brl. 1990; PLATO A. v., MEINICKE W. Alte Heimat — neue Zeit. Brl. 1991.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 279, оп. 1, д. 303.
23. A History of Private Life. Vol. 4. Lnd. 1990, p. 3.
24. ГАРФ, ф. 109, оп. 221, д. 1а, с. 2.
25. Там же, оп. 223, д. 8, л. 82 об., 83, 159.
26. СКРОПЫШЕВ Я. С. Тобольская губерния в пятидесятых годах: 1854—1858.— В. А. Арцимович. Воспоминания. Характеристики. СПб. 1904, с. 22.
27. Historische Antropologie. Göttingen. 1984; ГУРЕВИЧ А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов», и др.

Профессор, доктор исторических наук, А. А. Анিকেев рассматривает историографию ГДР под углом зрения объединения двух немецких государств, социально-экономических, политических и духовных предпосылок немецкого единства. Работа написана на основе архивных документов научных и учебных центров, стенограмм конгрессов Общества историков и протоколов конференций историков. Используются также монографии и коллективные обобщающие труды, учебники и периодика.

Автор стремился выявить тенденции развития исторической мысли, новые теоретические положения и выводы, показать обусловленность того пути, по которому развивалась историческая наука в Восточной Германии. Историография рассматривается как форма общественного сознания, раскрыты причины влияния деформации общественного строя ГДР на углубление кризиса исторической науки.

Как показано в книге, в послевоенный период, в Восточной Германии была осуществлена система мер, способствовавших формированию вначале антифашистской, а затем марксистской историографии. Были достигнуты известные результаты в изучении национальной истории, наследия и традиций немецкого народа, сравнительной истории буржуазных революций, а также истории стран Азии и Африки. Однако со второй половины 80-х годов историческая наука в ГДР начала быстро утрачивать свои главные функции. Историки не признавали приоритета общечеловеческих ценностей, слабо разрабатывали методологические проблемы, не уделяли должного внимания объективному изучению теории современного капитализма и социализма. Восприняв концепцию «социализма в цветах ГДР», они не видели альтернативы командно-административной системе. В самой исторической науке усиливались начетничество и однобокость. Был выдвинут тезис о формировании на территории ГДР «немецкой социалистической нации». Достижения западногерманской историографии игнорировались. Руководящий состав профессионального исторического сообщества окостеневал (с. 76).

В книге охарактеризованы основные центры и исследовательская база восточногерманской историографии, освещена деятельность академических институтов и вузовских секций по истории, обществ историков, система государственных архивов, музеев и библиотек, издание журналов. Приведенные в книге факты убеждают, что историки Восточной Германии располагали разветвленной исследовательской базой. Однако в условиях отсутствия демократического законодательства, регулирующего деятельность научных учреждений и учебных заведений, архивное, музейное и библиотечное дело, результативность и общественный престиж исторической науки падали (с. 142).

В течение многих лет она, как и в целом обществоведение ГДР, служили объектом жесткой идеологической регламентации. Научной мысли принудительно навязывались идеологизмы, привносимые политической конъюнктурой и канонизированными политическими авторитетами. Разработка методологических проблем осуществлялась лишь в тех пределах, которые были определены господствующей парадигмой научной мысли (с. 143—144). Автор подвергает анализу решение проблем методологии в историографии ГДР (предмет и функции истории, методы исторического познания, закономерности смены общественно-экономических формаций, связь науки и искусства и др.), описывает систему партийно-государственного контроля над исторической наукой, характеризует взаимоотношения с немарксистской историографией.

«Кризисное положение в исторической науке ГДР, пишет Анিকেев, характеризовалось тремя особенностями: во-первых, слабым ее воздействием на общественные процессы; во-вторых, утратой чувства реальности при оценке общественного развития; в-третьих, юридическим запаздыванием в анализе событий. Историки недооценили глубину и характер перемен, происшедших в общественном сознании, уходили от освещения острых вопросов и как результат, значительная часть ученых, оказалась как бы на обочине политической жизни. Историческая наука оказалась неподготовленной к общественно-политическому кризису 1989—1990 годов» (с. 203).

Ряд вопросов, затронутых в книге, заслуживает более детальной проработки. Речь идет прежде всего о немарксистских авторах. Как известно, несмотря на жесткий партийно-государственный контроль, в ГДР продолжали работать либерально-демократические и христианско-демократические историки. Многие из них, правда, уехали на Запад. Эта сторона развития восточногерманской историографии требует более глубокого изучения. У читателя естественно возникает вопрос: что же произошло с восточногерманской историографией после объединения двух немецких государств? В прессе появились сообщения о расформировании многих институтов и специальных заведений на востоке Германии и изменении позиций ряда видных ученых¹. Все это заслуживает специального разбора.

Е. А. ПАЛАМАРЧУК

Примечания

1. HESTRICH A. Geschichte heute.— Deutsche Tribune, 17.IV.1992.

Объективное осмысление национального движения на территории СССР способствует более обоснованному ответу на актуальнейший вопрос: закономерны ли распад этой державы и рост националистических движений в России. Для того, чтобы определить, насколько перспективны тенденции сближения России и Казахстана, намечающиеся в последнее время, необходимо учитывать исторический опыт народов, который в числе прочего свидетельствует и о том, что переселенческое движение не могла не задевать интересы местных жителей. С 1866 по 1915 гг. в Казахстан переехали 1197803 человека, для которых от казахских аулов была отчуждено более 20 млн. десятин земли. Переселенческая политика способствовала и обострению национально-религиозных вопросов. Очень сложным рубежом стал 1917 год.

Автор рецензируемой работы Д. А. Аманжолова, кандидат исторических наук, доцент Государственной академии сферы быта и услуг стремится проследить историю зарождения и развития движения Алаш, показать его характер и состав, идейную и политическую платформу, социальную базу, взаимоотношения с казахскими массами, связи с различными политическими силами на разных этапах его развития. обстоятельно рассмотрена в книге имеющаяся литература по теме. Аманжолова возражает против точки зрения многих весьма серьезных ученых 20-х годов о том, что Алаш как партия существовала уже в 1917 г. и руководила всей политикой Алаш-Орды во время гражданской войны. Она правильно улавливает тенденцию к политизации исторических оценок, все более проявлявшуюся на рубеже 20 — 30-х годов, когда отношение к движению Алаш стало в Казахстане важнейшим критерием лояльности в отношении коммунистической партии и советской власти. В последнее десятилетие делались попытки преодолеть указанные недостатки. Расширился круг источников и литературы. Однако и новым работам были присущи конъюнктурный подход, а также крайности в оценках и субъективизм.

Аманжолова значительно расширила круг источников по данной проблеме, что позволило ей закрыть ряд «белых пятен» в истории движения Алаш, особенно в том, что касается взаимоотношений его, с одной стороны, с большевистскими и советскими органами, а с другой, с белыми правительствами, что помогает лучше понять причины поражения этого движения.

В монографии показаны условия его зарождения и трудности становления. Революция 1905—1907 гг. дала толчок развитию оппозиционных движений в национальных регионах Российской империи. Во многом это было связано с аграрными проблемами и переселенческой политикой царского правительства. Прослеживается автором

и влияние российских политических партий, кадетов, прежде всего, на движение Алаш. Уже в 1905 г. была предпринята попытка создать казахскую конституционно-демократическую партию, а лидер Алаш А. Н. Букейханов вступил в партию народной свободы. Однако казахский филиал кадетской партии, созданный группой местной интеллигенции, не имел сколько-нибудь широкой социальной опоры. Вместе с тем участие казахских политических деятелей в работе I и II Государственных дум давало им возможность приобрести известный политический опыт.

Автор по-новому ставит вопрос о значении печатного органа национального движения — газеты «Казах», показывая ее большую роль не только в пропаганде культурно-просветительских знаний, но и в формировании определенной политической культуры в массах. Однако, как правильно подчеркивает Аманжолова, решающую роль в оформлении движения Алаш сыграло народное восстание 1916 года. Как показано в монографии, после Февральской революции — весной и летом 1917 г. в атмосфере всеобщего общественного подъема в различных областях Казахстана проходили съезды, сыгравшие большую роль в расширении социальной базы казахского национального движения и формулировании важнейших его требований. Автор считает, что именно летом 1917 г. началась трансформация движения Алаш в партию, оставшаяся незавершенной. Автор считает, что движение Алаш так и не переросло в партию, а его успех на выборах в Учредительное собрание объясняется не только своеобразием казахского политического менталитета, но и общим ростом национализма в России.

Говоря о взаимоотношениях движения Алаш с большевиками после прихода последних к власти, Аманжолова правильно отмечает, что причиной возникшего в конце концов между ними противостояния являются различия в понимании путей дальнейшего развития общества и автономии казахов. Центр, как об этом свидетельствуют документы, считал возможной автономию только на базе признания советской власти в центре и на местах. Многие аспекты взаимоотношений в тот период советов с национальными массами еще недостаточно изучены, так же как и роль органов зарождающейся власти. Однако уже в силу своего состава и методов действий советы не всегда выражали интересы большинства казахов. Движение Алаш могло использовать и это обстоятельство, как и трудности экономического характера.

В книге достаточно полно показан, на первый взгляд, нелогичный поворот движения Алаш к союзу с белыми, с колчаковским правительством. Но движению Алаш не удалось добиться реализации своих программных целей при помощи Временного

Сибирского правительства, претендовавшего на полную власть в крае. Имели место столкновения Сибирского правительства с Кочучем, наиболее тесно в антисоветском лагере сотрудничавшего с националами, но также не сумевшего упрочить союз с ними. Директория, исходя из идеи «единой и неделимой» России, отвергла автономию казахов. Военные формирования Алаш-Орды, пишет автор, поддерживали своими действиями как эти правительства, так и Колчака, который даже ужесточил великодержавную национальную политику. Анализируя военную деятельность движения Алаш, автор привлекает много новых источников, в том числе документы реввоенсоветов армий и соединений Туркестанского фронта, а также и белогвардейских формирований, что позволяет подробно рассмотреть развертывание боевых действий на территории Казахстана и Киргизии, участие в них алашских частей. Аманжолова даже несколько увлекается этим. Значительное место в книге отведено вопросам поддержания разоренного войной народного хозяйства, транспорта.

Представляется обоснованным вывод автора: «Трагедия Алаш-Орды заключалась в том, что, не приняв идеи и практику большевизма и примкнув в поисках своего пути к социальному прог-

рессу к антисоветским силам, она не нашла понимания и поддержки в этом лагере и оказалась как бы между молотом и наковальней. Панросийские традиции белого движения, отвергавшего самостоятельность ранее угнетавшихся народностей России, проявлялись на протяжении всей истории отношений с ним Алаш-Орды. Недоверие к инородцам пронизывало политику всех попеременно действовавших на территории края правительств» (с. 136—137). Не случайно поэтому росло сочувствие масс советской власти. В связи с поражениями белого движения части Алаш переходили на сторону красных армий. Несмотря на это, с победой советов движение Алаш было ликвидировано. В монографии прослеживается судьба его лидеров.

Автор стремится не идти на поводу как у тех, кто затушевывает, так и у тех, кто преувеличивает роль национального фактора. И эту позицию следует поддержать. Только такие исследования будут способствовать затуханию национальной розни и объединению наций. Вот почему рецензируемая монография имеет не только теоретическое значение, но и практическую ценность.

В. П. МИХЕЕНКОВ

И. И. КОСТЮШКО. *Аграрная реформа 1848 г. в Австрии*. М. 1993. 238 с.

Изданная Институтом славяноведения и балканистики РАН монография ведущего научного сотрудника этого института доктора исторических наук И. И. Костюшко посвящена предпосылкам и основным аспектам аграрной реформы 1848 г. в Австрии и ее проведению в жизнь. Автор уже более 30 лет разрабатывает проблематику, связанную с аграрными преобразованиями. Им опубликованы монографии, посвященные зарождению капиталистических отношений в польской деревне, аграрной реформе 1864 г. в Королевстве Польском, аграрной реформе XIX в. в Пруссии.

Монография написана на основе широкого круга литературы на немецком и славянских языках и источников — прежде всего, законодательных актов и официальных данных о проведении реформы, использованы некоторые архивные материалы. По справедливому замечанию автора, в литературе «в большей мере изучена ситуация в деревне накануне 1848 года. Что касается самой реформы, то... преобладают краткие обзоры проблематики и суждения общего характера» (с. 3—4). В приложении даны статистические таблицы, содержащие сведения о характере феодальных повинностей крестьян в разных регионах Австрийской империи и об основных чертах и особенностях поведения выкупных операций.

В книге подробно рассмотрены поземельные

отношения в различных регионах Австрийской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX вв., когда аграрный строй основывался на феодальной собственности на землю, личной зависимости крестьян и прикреплении их к земле. Земля в феодальном поместье делилась на доминиальную (безусловная собственность землевладельца) и рустикальную (крестьянская, пользование которой обуславливалось повинностями в пользу помещика). В книге показаны характерные черты и региональные особенности земельных отношений, рассматривается ряд мер, осуществленных Марией Терезией и Иосифом II в духе просвещенного абсолютизма и направленных на ослабление социальных противоречий и укрепление государственной власти. Эти преобразования способствовали регулированию отношений между феодалами и зависимыми от них крестьянами. Крепостное состояние было заменено умеренным подданством (сохранившимся до 1848 г.), что существенно изменило положение крестьян. Впрочем, как отмечает автор, «меры властей по опеке над крестьянами имели ограниченное значение» (с. 21—22). Низшая административная и судебная власть сохранилась за владельцем поместья.

Подробно рассмотрены в книге особенности поведной администрации и юрисдикции в различных регионах империи и сделан вывод, что они

существенно ограничивали личную свободу крестьян и помогали помещикам держать их в повиновении.

Большое внимание автор уделяет специфике крестьянского землепользования в Австрии, его формам и размерам. В книге рассматриваются различные категории крестьян по отношению к земле, их права и обязанности, особенности их положения в разных провинциях. В рассматриваемый период произошли существенные изменения в поземельных правах крестьян. Была закреплена неприкосновенность крестьянской земли, временное пользование землей постепенно заменялось пожизненным, а пожизненное — наследственным. Некоторые крестьяне выкупили свои наделы. Однако феодальные отношения по-прежнему тормозили развитие сельского хозяйства (с. 42).

В монографии детально описаны феодальные повинности крестьян (барщина, денежная и продуктовая рента и др.). Помимо повинностей помещику, крестьянин должен был выполнять таковые и в пользу церкви, и по отношению к своей общине. Тяжелым бременем ложились на его плечи государственные подати и повинности, особенно рекрутская. Монархия стремилась ограничить помещичий произвол, часто ущемлявший интересы государственной казны и вызывавший волнения крестьян.

Во второй половине XVIII в. вышел ряд указов, регулирующих феодальные повинности. Однако, как отмечает Костюшко, правительственные меры по устранению злоупотреблений помещиков своими правами «оказывались мало эффективными или вовсе безрезультатными» (с. 75). Под влиянием антифеодальных движений крестьян (особенно подробно повествуется о восстании 1846 г. в Галиции) некоторые крестьянские повинности (как правило значительные) были отменены безвозмездно, другие уменьшились или видоизменились. Несмотря на то, что помещичий гнет к середине XIX в. несколько ослаб, «все более очевидной становилась необходимость ликвидации феодальных повинностей» (с. 80).

Потрясенная революционными событиями 1848—1849 гг. монархия уже не была в состоянии сдерживать ширящиеся крестьянские выступления, принудить крестьян, требовавших безвозмездной отмены феодальных повинностей, трудиться на господской земле по-старому. Назрела необходимость проведения серьезных реформ в аграрных отношениях. Принятый рейхстагом и 7 сентября 1848 г. одобренный императором закон в основном упразднил феодальные отношения в деревне. Согласно правительственному патенту от 4 марта 1848 г. крестьянину следовало частично выплатить стоимость повинностей (с. 92). Рустикальные и часть доминиальных земель, находившихся в пользовании или владении крестьян, становились их собственностью. Предусматривалось регулирование лесных и пастбищных сервитутов. Поместное землевладение осталось нетронутым. Некоторые

повинности упразднились без компенсации, но большинство — за выкуп. К сожалению, в монографии отсутствует анализ борьбы мнений в период, предшествовавший принятию этих законов, а также характеристика разных вариантов аграрной реформы. Может быть, стоило более детально остановиться на самой процедуре выработки нового законодательства в период революции.

Характеризуя особенности реализации аграрной реформы в разных регионах империи, автор рассматривает виды и размеры выкупных повинностей, работу комиссий, занятых их определением. Приведенные в книге данные о среднем размере повинностей, подлежащих выкупу, дают представление о том, в каких провинциях преобладала барщина, а где были значительными натуральные поборы и денежные платежи (с. 110).

Поместным владельцам, учреждениям и другим правомочным лицам полагалось вознаграждение за отмену крестьянских повинностей. На долю помещиков приходилось 84,5% общей суммы этого платежа (с. 115). Костюшко подробно останавливается на способах проведения завершившейся лишь к концу XIX в. выкупной операции в различных районах империи. Он приходит к обоснованному выводу, что в результате выкупной операции «поместные владельцы в основном возместили свои потери, связанные с отменой феодальных повинностей крестьян», а полученное ими вознаграждение позволяло им перейти к капиталистической системе ведения хозяйства (с. 118). Особо рассматриваются в книге вопросы, связанные с регулированием сервитутов, выкупом повинностей в пользу церковью, приходом и школ, а также со спецификой аграрных преобразований в венгерской части империи.

Большой интерес представляет сопоставительный анализ аграрных реформ, проводившихся в XIX в. в Австрии, Пруссии и Королевстве Польском. Костюшко указывает на ряд существенных различий в аграрном законодательстве Австрии и Пруссии. Размеры поместного землевладения в Австрии в результате реформ существенно не изменились, в то время как в Пруссии они значительно увеличились. В Австрии крестьяне приобретали свои наделы в собственность сразу же с изданием законов 1848 и 1849 годов, в Пруссии же они становились собственниками лишь в результате длительного процесса проведения «регулирования». В Пруссии вознаграждение помещику крестьянин выплачивал в полном размере, в Австрии — одну треть и т. д. В Австрии при более низком уровне социально-экономического развития, более острых социальных противоречиях в деревне «условия ликвидации феодальных отношений оказывались менее выгодными для владельцев поместий и менее обременительными для крестьян» (с. 153).

По своей сути аграрные преобразования в Австрии были буржуазными, они способствовали

утверждению капиталистических отношений в сельском хозяйстве. В Королевстве Польском аграрная реформа была осуществлена позже, в связи с восстанием 1863—1864 гг., и имела более радикальный характер. Сравнивая аграрные реформы на польских землях Австрии, Пруссии и России, автор приходит к выводу, что они могут рассматриваться как варианты буржуазной аграрной эволюции прусского типа (с. 155).

Костюшко справедливо полагает, что соот-

ношение социальных сил и события революционного характера — главное, что определило особенности проведения аграрных реформ. Глубина аграрных преобразований зависела от силы революционного взрыва.

Рецензируемая монография представляет интерес для историков и экономистов, исследующих проблемы европейской истории XIX века.

Л. А. КИРИЛИНА

С. Ф. БЛУМЕНАУ. *Споры о революции во французской исторической науке второй половины 60-х — 70-х годов.* Брянск. Издательство Брянского пединститута. 1994. 137 с.

Исследование доцента Брянского пединститута, кандидата исторических наук С. Ф. Блуменау — продолжение его работы по изучению процессов, происходивших во французской исторической науке в последние полвека. Если предыдущая книга была посвящена «ревизионистскому» направлению во французской историографии революции¹, то в рецензируемой рассматривается практически вся совокупность работ, вышедших по этой теме во второй половине 60-х — 70-х годах. Главным критерием оценки этих трудов Блуменау считает их познавательную значимость, а не идейные настроения и политические взгляды их авторов.

Развернувшаяся в анализируемый период острейшая полемика вокруг проблем, связанных с историей Французской революции конца XVIII в., стимулировала, как считает Блуменау, активный исследовательский поиск, в том числе и по тем проблемам, что до сих пор не пользовались вниманием историков. Так, концепция «элиты» заставила по настоящему взяться за разработку истории буржуазии и дворянства XVIII века.

Блуменау отмечает, что вклад в изучение истории буржуазии сделали представители разных направлений: и «ревизионисты», и сторонники «классического» толкования истории революции, и марксисты. Их изыскания побуждают к размышлению о руководящих силах революционного лагеря. Практически все исследователи сходятся на том, что среди активных деятелей революции явно преобладали судейские, администраторы, рантье и прочие представители буржуазии, не связанные непосредственно с капиталистическим производством. Вместе с тем, автор, ссылаясь на выводы Л. Бержерона и М. Агюлона, подчеркивает рост экономических и политических позиций предпринимателей в ходе революции и особенно после нее (с. 65—66, 69).

Историографические дискуссии второй половины 60-х — 70-х годов, имели как продемонстрировано в книге, весьма поляризованный характер, что мешало поиску объективной научной истины.

Каждому тезису «ревизионистов» марксисты стремились противопоставить контртезис и наоборот. В результате одни недооценивали антифеодальные тенденции в крестьянских выступлениях пред-революционной поры и революционного времени, другие «не замечали» эволюции сеньории в сторону капитализма, настаивали на том, что дворянство было сплошь реакционной кастой.

Острая дискуссия развернулась и в рядах марксистов. Новаторские поиски встречали активное неприятие ортодоксов во главе с А. Собулем, которым была свойственна убежденность в господстве феодализма в экономике накануне революции. Большую часть буржуазии, за исключением якобинцев образца 1793 г., они относили к консерваторам, тяготеющим с самого начала революции к компромиссу с дворянством и монархией (с. 28). Другая группа, в которой, как показывает автор, наиболее активную роль играла Р. Робен, признавала факт продвинутости капиталистического развития Франции в XVIII в. и наличие слоя либеральных дворян, подчеркивала распространенность идеологии Просвещения в разных слоях общества, обращала внимание на стремление абсолютизма к саморегулированию, размышляла о перспективах такого курса и даже говорила о возможности избежать революции. Блуменау близки выводы этой группы французских историков, хотя он считает, что абсолютизм при известной двойственности своей политики все же отстаивал отношения, связанные с привилегиями, а это делало призрачными надежды на мирное развитие событий (с. 40—41).

Блуменау стремится рассмотреть данный этап развития французской историографии революции в контексте ее полувекового движения. В отличие от послевоенного двадцатилетия, анализируемый в книге временной отрезок был наполнен не только активной разработкой конкретных вопросов, но и интенсивными попытками осмысления истории революции в целом. Если в послевоенный период преобладали исследования по социально-экономической истории, то в 80-е годы на первый план

вышли работы по массовому сознанию, культуре, политическим представлениям. Вторая же половина рассматриваемого периода была отмечена перемещением акцента с рассмотрения аграрных и вообще производственных отношений на изучение тех или иных групп населения, их «манеры жить», поведения, настроений и взглядов.

Тогда же «Анналы» заявили о «возврате к бытию», что означало «реабилитацию» политической истории. Усилился интерес к Директории, изменилась оценка этого этапа революции (с. 74—80). В отечественной научной литературе время после термидора прежде часто выводили за «пределы» революции, а политику Директории трактовали как отступление от принципов и идеалов 1789 г., иногда даже как контрреволюцию. Однако, в последние годы меняются оценки и российских историков. Складывается мнение, что «в целом режим Директории создавал благоприятные возможности для развития буржуазных отношений»².

Заслугой Блуменау следует считать обращение к литературе, касающейся историко-антропологических аспектов, массового сознания, культуры и образования. Ранее мало или вовсе не затрагивались историками такие темы как франкмасонство и революционные праздники, религиозные настроения и дехристианизация, представления о браке и семье, жизни и смерти, болезни и борьба с ними, т. е. все то, что проливает свет на менталитет людей того времени. По мнению одних исследователей, прежний строй мышления был по настоящему поколеблен только революцией; по представлениям других, изменения подспудно

накапливались уже давно и к 1789 г. поворот в настроениях отчасти уже свершился. Блуменау склоняется ко второй точке зрения, отмечая, что определенные перемены в сознании обнаруживались в середине XVIII века. Но представления о дореволюционной дехристианизации, охватившей якобы умы широких слоев населения, в том числе, и сельского, кажутся ему (вслед за Ж. Шолви) преувеличением (с. 94).

Блуменау высказывает некоторые соображения о развитии исторической науки во Франции. Можно только сожалеть, что изучение истории революции, не всегда вписано в общий ход эволюции французской историографии после второй мировой войны и до наших дней. Серьезный интерес представил бы анализ процессов, протекавших в историографии революции в 80-е годы, на подходах к празднованию 200-летнего ее юбилея и после него.

Н. И. ПЛАТУНОВ

Примечания

1. БЛУМЕНАУ С. Ф. «Ревизионистское» направление в современной французской историографии Великой буржуазной революции конца XVIII века. Брянск. 1992.
2. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ ДЖ. М. На пути к брюмеру: Буржуазия и политическая борьба в 1797—1799 гг.— В кн.: Буржуазия и Великая Французская революция. М. 1987, с. 107.

С. В. КОНДРАТЬЕВ. *Юристы в предреволюционной Англии.* (Политические и правовые воззрения). Шадринск. ПО Исеть. 1993. 125 с.

Принятая к печати издательским домом «Юридическая литература» книга историка из Тюмени С. В. Кондратьева, чьи работы уже завоевали признание не только российских коллег, но и авторитетных специалистов в Англии и США, выпущена частной фирмой в далеком районном центре после того, как столичный издательский гигант потерпел финансовый крах. Впрочем, скромные выходные данные и неброское оформление не должны смущать читателя — перед ним серьезное и оригинальное исследование одной из важнейших проблем идейно-политической предыстории Английской революции XVII века.

До недавней поры изучение идейных предпосылок «Великого мятежа» сводилось в нашей историографии в основном к анализу религиозных доктрин различных направлений пуританизма. Другим же сторонам социально-политической мысли предреволюционной Англии внимания уделялось несравнимо меньше. Это можно сказать и в от-

ношении экономических идей и юридических учений. Монография Кондратьева представляет собой попытку вторжения в эту малоизведанную для историков область.

Роль юристов в подготовке Английской революции и в ее ходе трудно переоценить. Как отмечает автор, в подавляющем большинстве многочисленных конфликтов между королем и парламентами первой половины XVII в. — заходила ли речь о налогах, об объединении Англии и Шотландии; о правах и вольностях подданных, о прерогативах короны и т. д. — действия правительства и оппозиции оценивались ими самими прежде всего с точки зрения английского общего права. Правовые принципы неизменно находились в центре идейной борьбы и во время революции. Да это и не удивительно, ведь по меньшей мере половина членов Долгого парламента имела юридическое образование.

Автор подробно описывает сложную и довольно запутанную систему политических и судебных

учреждений предреволюционной Англии, их полномочия и причины конфликтов между государственными институтами, стремившимися расширить свои права. В деталях показана и многоступенчатая иерархия английских юристов: от рядового барристера до председателя суда королевской скамьи и лорда-канцлера.

Ядром исследования является анализ политических и правовых взглядов английских юристов общего права и соответственно — идейной основы острого конфликта между этой весьма влиятельной социально-политической группой и королевской властью. Нарисованная автором картина идейно-политической борьбы в Англии кануна революции сильно отличается от упрощенных схем наших учебников недавнего прошлого. Он убедительно показывает, что в тот период главный импульс политических преобразований исходил не от антиабсолютистской оппозиции, а от самих Стюартов. Именно короли, стремясь к концентрации власти в своих руках и к централизации государственного управления по континентальным образцам, настаивали на расширении сферы применения римского гражданского права (имевшего, как принято считать в нашей специальной литературе, «буржуазный» характер) за счет ограничения традиционного, «средневекового» общего права.

Подобная ситуация порождала множество коллизий, плохо вписывающихся в привычную схему: «прогрессивная буржуазия против феодально-абсолютистской реакции». Любопытна в данной связи роль известного мыслителя, «основателя философии нового времени» Ф. Бэкона, занимавшего важный государственный пост генерального атторнея. Прогрессивные, с абстрактной точки зрения, требо-

вания Бэкона кодифицировать право и централизовать административно-судебный аппарат вели в конкретных условиях Англии начала XVII в. к усилению абсолютизма и ограничению свобод подданных.

Антиабсолютистская оппозиция в лице юристов общего права, наоборот, выступала против «опасных новшеств», за сохранение традиционных вольностей и привилегий, за неизменность существующих правовых норм. Разумеется, такая неизменность была чисто иллюзорной: с развитием общественных отношений старые юридические формы наполнялись новым содержанием. Иными словами, имел место конфликт между приверженцами различных путей обновления общества, причем под лозунгом преемственности и постепенности выступала именно оппозиция, тогда как радикальных политических перемен добивались король, двор и англиканская церковь.

Данный конфликт разрешила лишь революция, одной из важных причин которой он и был. Однако считать победу парламента над королем торжеством «буржуазного права над средневековыми привилегиями»¹ можно лишь при очень высокой степени абстрагирования от конкретных исторических реалий.

Книга Кондратьева помогает разрушению ложных стереотипов и расширению научных представлений об истории Английской революции.

А. В. ЧУДИНОВ

Примечания

1. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 6, с. 116.

Ł. KADZIELA. *Między zdradą a służbą Rzeczypospolitej. Fryderyk Moszyński w latach 1792—1793*. Warszawa. Volumen. 1993. 383 s.

Л. КОНДЗЕЛЯ. *Между изменой и службой Речи Посполитой. Фридрих Мошинский в 1792—1793 годах*

Книга доктора исторических наук, доцента исторического факультета Варшавского университета Л. Кондзели представляет большой интерес для изучающих историю внутренней политики Польши и российско-польских отношений в период второго раздела Речи Посполитой.

Мошинский никогда не занимал первых мест среди деятелей польской истории конца XVIII в., да и написано о нем, как замечает сам автор, немного. И все же его судьба и типична, и исключительна. Выходец из средней шляхты он едва ли смог бы сделать значительную карьеру, если бы не бабушка Тереза из Оссолинских. Как его отец и старший брат, Мошинский служил по ведомству государственных финансов, что вряд ли открывало дорогу на

авансцену польской политики, хотя и свидетельствовало, что это человек нового склада, отличающийся от большинства шляхтичей и магнатов. Он по-иному понимал функции и потребности государственного аппарата, с которым непосредственно был связан. В его сознании роль денег и государственных финансов не сводилась к традиционным средневековым представлениям о «презренном металле». Принадлежность Мошинских к фискальному ведомству обусловила в известной мере их близость сначала к саксонской династии, а позднее и к королю Станиславу-Августу, как и принадлежность к партии двора. Это ставило Мошинского в особое положение среди борющихся магнатских группировок, открывая возможность

в тех или иных обстоятельствах примыкать как к старошляхетской партии, так и к «патриотам».

Структура книги отражает основные этапы биографии Мошиньского. Первая часть «Путь к карьере» повествует о его деятельности до присоединения к Тарговицкой конфедерации. Главное внимание автор уделяет формированию воззрений Мошиньского как финансиста и статистика, его участию в Четырехлетнем сейме (1788—1792 гг.) Вторая часть «Тарговица» посвящена деятельности Мошиньского в Тарговицкой конфедерации, его роли в подготовке различных фискальных проектов и проектов государственного устройства Речи Посполитой накануне Гродненского сейма. Третья часть «Гродно» содержит, в основном анализ внутривнутриполитических вопросов, рассмотренных на Гродненском сейме. Период 1792—1793 гг., и является главным предметом исследования в монографии. Автор сознательно избегает определенных оценок как деятельности Мошиньского, так и событий, в которых он участвовал.

В книге содержится богатый и подробный фактический материал, и вместе с тем поставлены весьма существенные проблемы польской истории указанного периода. Автор использовал практически все материалы, хранящиеся в Польше и во Франции. Однако, как он отмечает, часть архива Мошиньского в Виннице оказалась для него недоступной, как и другие, находящиеся в России архивные собрания, содержащие многие важные источники. Использование материалов из российских архивов позволило бы, очевидно, прояснить многие спорные проблемы, в том числе, и относящиеся к Тарговицкой конфедерации и Гродненскому сейму 1793 года¹.

Жизненный путь Мошиньского, как показано в книге, нес на себе отпечаток перемен, происходивших в шляхетской Речи Посполитой в последние годы ее существования. Автор анализирует его деятельность в области государственных финансов, начиная с 1766 г., когда Мошиньский был включен в состав скарбовой комиссии сейма, и ставит ряд важных проблем, связанных с историей финансов, государственного хозяйства и сословного строя Польши последней трети XVIII века. Разбирая финансовые и фискальные проекты Мошиньского, Кондзеля отмечает, что тот выступал за единую и равную для налогоплательщиков систему обложения, за то, чтобы основным предметом налогообложения было имущество, а не «дым», т. е. крестьянский двор, как это было ранее.

Автор справедливо относит Мошиньского к камералистам, исходившим из того, что стабильность и благосостояние государства базируется на эффективной налоговой системе, однако его камерализм сформировался в иное время и в иных условиях, нежели классический камерализм XVII—XVIII веков. Во-первых, настаивая на имуществе как предмете налогообложения, Мошиньский, по крайней мере в теории, отодвигал на второй план тра-

диционное для феодального общества представление о налогах как повинности сугубо сословной. Здесь отразился очень важный поворот в осознании польским обществом экономических и правовых отношений, присущих новому времени. Во-вторых, классический камерализм был характерен для абсолютизма, со становлением которого в XVII в. он и был непосредственно связан. Польский же камерализм, идейным представителем которого был Мошиньский, возникает в XVIII в. в шляхетской Речи Посполитой, а его проводниками становятся люди, выступавшие за развитие шляхетского сословного народовластия. Идеологически он обосновывался — в духе идей Просвещения — интересами не государства, а общества. Таким образом, объективная потребность политической централизации, выражением которой являлся камерализм в области податной политики, несла в Польшу не монархо-абсолютистскую, а преимущественно республиканскую тенденцию.

Мошиньский смог, как показал автор, проводить подобные взгляды и на Гродненском сейме, когда налоговые нововведения реформаторов были уже ликвидированы, в частности, в ходе разработки под его руководством проекта бюджета. Депутация, готовившая под руководством Мошиньского проект бюджета, выступила за сохранение дееспособного государства, в том числе и войска, но при условии реальной оценки налоговой базы и финансовых возможностей. Аналогичный подход Мошиньский и его сторонники продемонстрировали при выработке постановлений Гродненского сейма о банках. Попытка сейма поддержать варшавские банки, в которой Мошиньскому принадлежала центральная роль, представляется явлением весьма характерным, отражающим некоторые существенные тенденции в польской политике 1793 года.

Главной идеей было признание необходимости мер для взыскания долгов и того, что меры эти должны быть приняты польским государством, по возможности, согласованно и на равных основаниях с Россией и Пруссией, осуществившими второй раздел Речи Посполитой. Такая постановка вопроса свидетельствовала о стремлении части правящих кругов Польши к сохранению государственного суверенитета, о наличии уже в 1793 г. в среде магнатской олигархии тенденции к противодействию угрозе окончательной ликвидации польского государства. Особенно определенно эта тенденция проявилась в ходе работы над проектами государственного устройства Речи Посполитой.

Этой проблеме уделено большее внимание в книге, хотя, как замечает автор, сам Мошиньский участвовал в разработке этих проектов преимущественно в части, относящейся к разверстке и сбору налогов. Тем не менее его влияние, считает Кондзеля, было весьма значительным, что объяснялось, во-первых, близостью его к российскому послу Я. Я. Сиверсу, а во-вторых, особым значением,

которое приобрел фискальный вопрос из-за сокращения численности населения и территории Речи Посполитой, особенно в результате второго ее раздела.

Кондзеля замечает, что распространенные до сих пор версии на тему гродненских проектов государственного устройства в своей совокупности позволяют проследить роль разных политических центров в формировании государственного строя Речи Посполитой, определенного Гродненским сеймом. Особый интерес в этом плане представляет сравнение проектов короля Станислава-Августа и составленных еще накануне сейма проектов Мошиньского, входившего в круг королевских сторонников.

Мнение автора о стремлении короля повторить удавшийся в 1776 г. маневр и добиться российского согласия на компромиссный проект Мошиньского представляется вполне убедительным. Если традиционно в нашей историографии Тарговицкая конфедерация и Гродненский сейм рассматривались как явления сугубо реакционные, а повторение в гродненских конституциях отдельных решений Четырехлетнего сейма объяснялось исключительно влиянием революционного времени и уступками российского правительства «патриотической» оппозиции, то рецензируемая книга дает возможность выделить среди тарговичан и гродненцев различно ориентированные, как по своим идеологическим позициям, так и по политическим программам и тактике, группы. Это опровергает сложившееся мнение об исключительной пассивности и безразличии правящих кругов и особенно короля к судьбе Польши, позволяет по-иному взглянуть на политику правительства Речи Посполитой накануне восстания Т. Костюшко.

Главными элементами этой политики были попытки стабилизировать внутреннее и международное положение Польши, которая еще обладала ограниченным суверенитетом после второго раздела Речи Посполитой, с целью сохранения польской государственности и поддержания ее надежд на восстановление в будущем независимости. Эта политика, направляемая королем, находила поддержку на сейме среди послов, выразивших мнение тех кругов шляхты, которые пытались достичь компромисса с Россией. Это особенно проявилось в обсуждении вопроса о польско-русском союзе и о ликвидации Тарговицкой конфедерации. История последней недостаточно освещена в литературе². Монография является существенным шагом вперед в исследовании этой проблемы.

В литературе Тарговицкая конфедерация изображается исключительно как плод политики России и орудие ее интервенции, а ее ликвидация, как

продиктованная только намерениями российского посла в Варшаве. Эта точка зрения ставится автором под сомнение. Он пишет о борьбе вокруг вопроса о ликвидации конфедерации, о роли в этом Станислава-Августа и стоящих за ним политических сил. Кондзеля ставит также важную проблему — о политической роли Станислава-Августа после его присоединения к Тарговице³. В книге показано, что практически ни один вопрос на сейме не решался без активного участия короля. В этой связи мнение российской историографии об утрате польским королем какого-либо политического значения в этот период нуждается в пересмотре.

Одним из важнейших вопросов для польских политиков XVIII в. был вопрос о заключении польско-русского союза. На Гродненском сейме в подготовке этого союза принял участие и Мошиньский. Если в политическом отношении королю и его сторонникам на сейме не удалось добиться каких-либо позитивных изменений в положении Польши относительно России после заключения с нею трактата о дружбе и союзе, то, в области торговли, как показал автор, Польша получила, во многом благодаря стараниям Мошиньского, некоторые преимущества.

Среди лишавших Речь Посполитую государственного суверенитета статей этого трактата принципиальную роль играло уравнение в правах польской шляхты с российским дворянством, что являлось фактически решающим шагом на пути к включению всей оставшейся после второго раздела Польши в состав России. Дискуссии по поводу этой статьи, развернувшиеся на сейме, показали, что польские правящие круги еще не осознали опасности окончательной ликвидации Речи Посполитой, что живы были еще надежды на сохранение польской государственности.

Б. В. НОЦОВ

Примечания

1. См.: ИЛОВАЙСКИЙ Д. Гродненский сейм 1793. М. 1870; SMOLEŃSKI W. Konfederacya Targowicka. Kraców. 1903; WĄSICKI J. Konfederacya Targowicka i ostatni sejm Rzeczypospolitej z 1793 r. Poznań. 1952. Работ, отвечающих современным требованиям, пока нет.
2. KĄDZIELA Ł. O potrzebie badań nad dziejami Targowicy.— *Przegląd Historyczny*. 1989, t. 80.
3. ZAHORSKI A. Spór o Stanisława Augusta. Warszawa. 1988; ZERNACK K. Stanislaus August Poniatowski.— *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1967, Bd. 15, S. 377—392

Новая книга доктора исторических наук, профессора исторического факультета Московского университета И. Л. Маяк задумана, с одной стороны, как очерк жизни Рима в период ранней Республики, деяний ее легендарных героев на фоне острых внутренних конфликтов и непрерывных войн, а с другой — как некий синтез современных научных знаний о культурно-историческом развитии Рима, эволюции его социально-политической структуры, формировании гражданского коллектива, вызревании и юридическом оформлении институтов римского государства. Красной нитью проходит в книге центральная тема — определение социально-экономической базы римского полиса, эволюция социального состава римского гражданства и генезис общественно-политической структуры и экономической основы ранне-римского полиса (*civitas*).

Скудные, разбросанные по разным текстам сведения о ранней Республике исследователю приходится черпать из поздних сочинений античных авторов, зачастую дошедших до нас в неполном виде. Поэтому перед историком встает двойная трудность: помимо выявления скрытой информации в необычайно широком круге памятников самого разнообразного характера требуется еще и критическая оценка ее достоверности. Маяк обнаружила не только знание многочисленных источников, но и умение использовать новейшие данные археологии и эпиграфики.

Автор выступает за решительный отход от довлеющего долгое время над историками античности гиперкритицизма, особенно присущего западному антиковедению, восстановление доверия к античной письменной традиции о глубокой древности Рима. При этом Маяк придерживается принципа комплексного, сравнительно-исторического исследования источников, она не следует слепо традиции, но стремится критически анализировать и взаимно проверять содержащиеся в источниках нередко модернизированные данные.

На наш взгляд, вводная глава — «От царей к консулам», посвященная историческому развитию Лация и Рима и их легендарному обрамлению — от эпохи бронзы (II тыс. до н. э.) до свержения Тарквиния Гордого в 510 г. до н. э., страдает некоторой беглостью и пунктирностью изложения. Тем не менее читатель получает представление как об индивидуальных образах римских царей и их свершениях, так и об основных этапах социально-политического развития римского поселения от гентильно-куриатной общины до государственного образования. Важнейшей вехой на пути к этому автор по праву считает центуриатную реформу общественного устройства.

Характеризуя историю Рима ранней Республики (V—IV вв. до н. э.), автор рассматривает политические институты и этапы развития конституционных норм.

Одной из сильных сторон книги является преломление исторического развития и общественных катаклизмов через призму деятельности исторических личностей — «героев» Республики, консулов и трибунов, законодателей и полководцев. Маяк прослеживает судьбы родов, составивших славу Республики — как древних и впоследствии сошедших на нет патрицианских, так и плебейских, незаслуженно отодвинутых в тень пропатрицианской традицией. Можно согласиться в автором, что именно в ходе соперничества видных представителей верхушки обоих сословий протекали важнейшие общественно-политические процессы, сформировавшие особый вид социального бытия — римский полис (*civitas*).

Изначальная гетерогенность римского общества всегда ставила перед историками проблему соотношения: «патриции», «плебеи» и связь с ними сословий. Автор выносит на первый план вопрос о социальном составе римского гражданства (*cives*) и юридической дефиниции понятия «народ» (*populus*) — в их историческом развитии. Отталкиваясь от идеи историка XIX в. Б. Г. Нибура о совпадении в царский период понятий «*populus*» и «патриции», автор подвергает анализу эволюцию употребления в эпоху античности терминов «*populus*», «демос», «плебс» и «патриции». Возражая распространенным теориям о социальном расстройстве как основном факторе различий между патрициями и плебеями, Маяк вскрывает наличие у плебеев с самого начала Республики не только богатой верхушки, но и родов, аналогичных патрицианским.

Автор высказывает принципиальное соображение о том, что различие патрициев и плебеев коренилось в изначальном отстранении последних от куриально-трибальной организации (с. 75). Анализируя историческую ситуацию в период царствования Анка Марция (конец VII в.), автор на иной источниковой основе подтверждает мнение Нибура о возникновении плебейства как особой социальной общности именно в тот период и проводит четкую методологическую грань в смешиваемых до сих пор вопросах об источниках пополнения плебса (за счет переселенцев и социального расщепления) и о факте его происхождения, определившем его дальнейшую неполноправность (с. 68). Эту гипотезу автор убедительно обосновывает.

Принципиальные выводы автора о патрицианском характере римского *populus'a* вплоть до IV в. до н. э., о недопущении плебеев в сенат и курии (вероятно, до конца III в. до н. э.) не воспринимаются как окончательные суждения. Маяк не игнорирует «неудобные» факты и сведения традиции, а подвергает их сравнительно-историческому анализу в общем контексте изучаемой проблемы. Убедителен вывод, сделанный в книге, о том, что в начале Республики стратифицированному

populus'у противостоял плебс, в имущественном отношении также дифференцировавшийся. В совокупности же *populus* и *plebs* составляли гражданство (*civitas*) (с. 91—92).

Таким образом, Маяк выдвигает и отстаивает оригинальную социально-правовую характеристику раннереспубликанского общества. Плебеи рассматриваются ею не как бесправная масса пришельцев-метэков и не как низшая часть *populus'a*, беднота, простонародье (чем они стали в поздней Республике), а как граждане (*cives*) — после реформы Сервия Туллия. Но именно их неравноправное положение перед лицом патрицианского *populus'a* стало основной причиной их борьбы за экономические и политические права, в процессе которой плебеи постепенно продвигались по пути вступления в *populus*. Переломным рубежом на пути отождествления *populus* и *cives* Маяк считает принятие в 445 г. до н. э. закона Канулея, снявшего запрет на браки патрициев и плебеев. Законодательство Лициния — Секстия 367 г. до н. э. окончательно уравнило патрициев и плебеев и ускорило слияние их верхушек в единый господствующий слой — нобилитет, а рядовых патрициев и плебеев в новый слой — плебс, в значении «простонародье».

Выводы Маяк вызвали дискуссии в историографии. Можно посетовать, что автор не в полной мере учитывает важность огромного влияния на становление *civitas* военного фактора и изначальной военно-политической ипостаси *populus'a* как «вооруженного народа». После реформы Сервия Туллия прежний патрицианский *populus* растворился в новой системе комплектования военных сил, а само понятие эволюционирует в сторону охвата новых граждан. Но сохранение куриатной организации привело к замыканию патрициев в привилегированное сословие, что инициировало ответное стремление плебса, как уже вошедшего в военный *populus*, так и оставшегося на первых порах вне войска, искать решения своих проблем в консолидированной своей, плебейской организации и, в частности, во введении плебейского трибуната. Представляется, что уже в первой половине V в. до н. э. борьба велась не столько между *populus'ом* и плебсом, как полагает Маяк, а между оставшейся неравноправной даже в *populus'e* (вследствие сохранения куриатной организации) частью плебеев при поддержке стремящейся войти в военную организацию остальной массы плебеев и куриатной организацией патрициев во главе с сенатом. Законодательство XII таблиц отразило завершение вхождения плебеев в военный *populus*, что перевело борьбу патрициев и плебеев на новый уровень — за достижение равноправия их уже внутри единого *populus'a*.

Автор с новых позиций определяет степень развития рабовладения в раннеримском обществе (патриархальное рабство с преобладанием долговой кабалы), что позволяет выдвинуть кардинальный

тезис о том, что в раннеклассовом обществе ранней Республики основными действующими лицами были патриции и плебеи, а не рабы и рабовладельцы (с. 100).

Привлекая данные ономастики и топонимики, Маяк рисует динамику развития хозяйства древнейшего Рима, насыщая ее экскурсами в область мифологии, религиозных культов и сельскохозяйственных празднеств, одновременно опровергая утверждения ряда ученых о неразвитости торгово-денежных отношений в архаическом Риме. С помощью данных археологии она восстанавливает достоверность сообщений о чеканке ассов уже в VI в. до н. эры.

Выдвигая на первый план проблему отношений патрициев и плебеев к земле как критерий их социально-экономической идентификации, автор разрабатывает категоричный аппарат, характеризующий отношение римлян к земле; собственность (*dominium*), владение (*possessio*) и пользование (*usus*). Разделяя идеи Э. Перуцци и Е. М. Штаерман о существовании частной собственности на землю уже ко времени ранней Республики, Маяк на основе анализа документов (законов XII таблиц, аграрного закона III в. до н. э. и терминологии римских агрименсоров, или громатиков) прослеживает строгое разграничение в Риме собственности и владения.

Маяк выдвигает тезис о частнособственническом характере плебейского землевладения, будь то при выведении в период ранней Республики многочисленных колоний, или при наделении (ассигнации) земель на завоеванных территориях. Анализ же сведений источников о патрицианском землевладении обнаруживает, что большая его часть, помимо коллективных земель родов и курий, состояла из занятой (окупированной) на правах владения практически бесплатной общественной земли (с. 121), которая обеспечивала экономическое благополучие этого сословия в отличие от подверженных постоянным опасностям и легко утрачиваемых наделах плебса.

Аграрный вопрос в жизни ранней Республики тесно увязывается в работе с долговым, что позволяет глубже раскрыть суть требований плебса о передаче в его руки всего *ager publicus*, в том числе издавна занятого патрицианскими родами, о равном праве с патрициями на весь общенародный земельный фонд (без ограничения вновь завоеванными). Плебеи вовсе не были отстранены от *ager publicus* и эксплуатировали общественную землю на правах частной собственности (с. 119, 120, 123, 126), как до сих пор полагает большинство исследователей. Автор указывает на принципиально иную постановку вопроса в аграрной борьбе, чем просто желание ассигнирования, т. е. единовременного наделения частными наделами, на что патриции всегда были вынуждены соглашаться, чтобы не лишиться большего (с. 125—126). Но, заметим, соглашаться не без упорного сопротивле-

ния и проволочек, так как ассигнация уменьшала находящийся в их распоряжении *ager publicus*.

Очищая от поздних наслоений первоначальное содержание понятия *ager publicus*, автор указывает, что это — завоеванная в ходе войн земля общины (с. 128). В историографии господствует точка зрения, что этот термин обозначает всю общинную землю. Маяк опровергает это мнение, доказывая, что *ager Romanus* состоял из разных категорий земель: частных (в основном, плебейских) и общественных, бывших в собственности разных коллективов как гентильных и соседских общин (курий), так и всего государства в целом. И только эта последняя категория, утверждает автор, носила название *ager publicus*. Маяк возражает против распространенной в науке (особенно итальянской) теории о том, что изначально *ager publicus* формировался из коллективных земель патрицианских родов.

В противовес выдвигается оригинальная и плодотворная идея о том, что *ager publicus* уже с начала царской эпохи складывался как особый, резервный фонд, откуда черпали землю цари и для своих нужд, и для курий, и для обездоленных людей, что в корне отличало его от коллективных земель курий и родов, на которые никогда не посягали аграрные реформаторы. В республиканское время он расширялся в ходе завоеваний и, несмотря на изъятие из него ассигнированных плебейам и выделяемых колониям земель, оставался в общенародной собственности. Значительная часть его использовалась как резервный фонд, которым с незапамятных времен пользовались патриции на правах бесплатного владения (*possessio*), а с V в. до н. э. арендаторами и субарендаторами его становились и плебеи.

Неравноправие плебса и патрициата, подчеркивает автор, проявлялось в недоступности для первого лишь той части *ager publicus*, которая составляла земли, оккупированные патрицианскими посессорами бесплатно. Следовательно, патриции и плебеи различались между собой не только в юридическом, но и в социально-экономическом отношении, т. е. обладали и сословными, и классовыми признаками, что составляло специфику римского архаического общества. Исходя из этого, Маяк определяет патрициев и плебеев как архаичные классы-сословия, а государство такого типа как раннеклассовое, но еще не рабовладельческое (с. 135). Более того, даже в ходе слияния плебейской верхушки с патрициатом в господствующий рабовладельческий класс — нобилитет (с середины IV в. до н. э.) и трансформации общества в ранне рабовладельческое сословное деление в Риме, по убеждению автора, сохраняется, а плебс, лишенный разбогатевшей и отколовшейся от него части,

остается классом-сословием. Эта, в корне отличающаяся от прежних догматических представлений, теория позволяет по новому осветить генезис римского государства и открывает более широкие перспективы для изучения римского полиса.

Маяк принимает определение полиса как гражданской общины с античной формой собственности, но вносит в него существенные уточнения. Прежде всего полис предстает как явление государственной эпохи; следовательно, член гентильного коллектива еще не гражданин. Этот нюанс зачастую игнорируется, особенно в зарубежной историографии, в которой абсолютизируются как объект исследования политико-правовые дефиниции. Положение о том, что в Риме образование государства хронологически предшествовало оформлению *civitas*, подтверждается выявлением двойственной сути античной формы собственности на землю и ее римской разновидности — общенародного *ager publicus*. Эта двойственность, по мнению автора, проецировалась на социальный облик римских классов-сословий: патриции, будучи обеспечены как коллективной родовой землей, так и свободным доступом к общенародной, отражали ее коллективность, а плебеи — ее частнособственническое начало.

Маяк рассматривает вопрос о различии форм полиса в Греции и в Риме. По сравнению с афинскими метэками плебеи оказались более социально устойчивой и жизнеспособной группой, так как не были лишены совсем доступа к земле, а со времени включения Сервием Туллием в военную организацию и к гражданству. Все это позволило плебсу сыграть основную роль в формировании *civitas*, позволило последней преодолеть полисную узость и, сохранив полисные гарантии для граждан, построить мощное централизованное государство. Это суждение позволяет автору выдвинуть неожиданный тезис о демократизме римского полиса, идущий вразрез с доминирующими представлениями о его аристократичности и олигархичности.

Автор удачно подчеркивает диалектичность развития в Риме полисных и рабовладельческих начал, оставляя историкам задачу проследить этапы и формы их взаимодействия. Закономерным рубежом своего исследования Маяк полагает середину IV в. до н. э., когда после законов Лициния — Секстия Рим начал превращаться в патрицианско-плебейскую *civitas*.

По глубине проникновения в тему рецензируемая книга займет достойное место в историографии и явится серьезным стимулом для дальнейших исследований сложной и бурной эпохи ранней Республики в Риме.

В. Н. ТОКМАКОВ

Неоправданное реформирование исторического образования в школе

В соответствии с «Законом об образовании» школа переходит с линейной на концентрическую структуру обучения истории и обществоведению: первый концентр — основная школа (5—9-е классы) и второй концентр — полная средняя школа (10—11 классы) ¹.

Таким образом намечается провести кардинальную реформу исторического образования. Во-первых, предусматривается изучение истории на основе не формационного, а цивилизационного подхода. Во-вторых, в основной школе вместо отечественной и всеобщей истории вводится курс «Россия и мир». В 6-м классе будет изучаться предмет «Россия и мир в средние века»; в 7-м и 8-м — «Россия и мир в новое время», а в 9-м — «Россия и мир в новейшее время». Переход на новую структуру образования предполагается осуществить уже в 1995/96 учебном году. Учебников и учебных пособий по новым предметам пока нет.

Министерство предлагает «Временный государственный стандарт» — Программу и «Требования к историческому образованию учащихся в средней школе» ². В этих документах прежде всего налицо антиисторизм. Авторы Программы исходят из социологической схемы. В соответствии с нею будет строиться преподавание применительно к новой истории: в Программе вначале идет раздел об экономике, далее Программа предлагает изучать классовые отношения. Затем наступает очередь политической надстройки, ну, а после этого идут социальные революции и массовые движения. Заключительные разделы Программы касаются духовной культуры и внешней политики различных стран мира в новое время.

Это логическое построение не соответствует историческому развитию, так как прежде чем говорить об изменениях в экономической, социа-

льной и политической структурах обществ в новое время, необходимо рассмотреть Английскую революцию XVII в., Американскую и Французскую революции XVIII в., которые вызвали эти изменения. Но разве можно понять Американскую или Французскую революции без изучения идеологии Просвещения XVIII века? Общеизвестно, какое важное место идеология «просвещенного монархизма» занимала в политике Екатерины II. Но в Программе не нашлось места ни ей, ни Елизавете Петровне, ни Петру I.

Программа полностью исключает имена великих деятелей истории и ее события. Она вычеркивает из новой истории империю Наполеона I, Венский конгресс, революции в Европе 1848—1849 гг., Гражданскую войну в Америке и многое другое. Зато особое внимание уделяется проблемам религии. При этом редуцируется история духовной культуры в новое время, которая сводится к Реформации XVI в., к религии в XVII—XIX вв. в Европе и православной церкви в России. В разделе о внешней политике сведены воедино все войны нового времени. Возникает вопрос, какая связь существует, скажем, между Тридцатилетней войной и Отечественной войной 1812 г., между наполеоновскими войнами и Крымской войной.

Издержки социологического подхода в еще большей степени проявляются в программе применительно к новейшей истории. Следуя той же схеме, ее авторы полностью игнорируют хронологическую последовательность событий, отказываются от конкретно-исторического их анализа и вместо него предлагают набор общих рассуждений. В самом начале рекомендуется рассмотреть вроде бы социально-экономические проблемы ³. После этого наступает черед классовым отношениям. Ну, а потом идут политическая система и ее эволюция,

реформы и революции. Программа подменяет историю социологией, политологией, экологией. Авторы ее не проявляют интереса даже к великим событиям, к тем крупнейшим деятелям XX в., которые определяли ход мировой истории. Программа обезличена по своему содержанию и чрезмерно схематизирована по своей концепции.

«Требования к историческому образованию» показывают, что учащимся не обязательно знать конкретную историю, они должны «давать общую характеристику», «характеризовать сущность и главные направления», «называть основные этапы и тенденции», «характеризовать основные черты развития» и т. д.⁴ При этом не требуется знаний дат, имен, событий. К чему это может привести в исторических познаниях учащихся, не трудно себе представить.

Название курса «Россия и мир» предполагает, что приоритетное место в нем отводится России, она как бы стоит на первом плане. В действительности же Программа отводит России второстепенную, подчиненную роль: она выступает фактически в качестве некоего «придатка» к экономическим, социальным, политическим и духовным процессам, протекавшим на Западе. Здесь мы сталкиваемся с проблемой социальной функции исторического образования. Ведь Россия в новое и новейшее время отставала от ведущих стран Европы, и министерская Программа постоянно это подчеркивает: там — становление индустриального общества, промышленные революции, у нас — крестьянская реформа; там — рост свободных аграриев, буржуазии, купечества, у нас — крепостничество; там — развитие парламентаризма, утверждение конституционных порядков, у нас — политическое бесправие, укрепление самодержавия и т. д. Но всегда ли справедливы такого рода социологические параллели, принижение прошлого своей страны, подчеркивание ее извечной отсталости, вторичности ее исторического пути по сравнению с Западом?

По-своему содержанию курс «Россия и мир» страдает также европоцентризмом, ориентированностью на Запад. Восток упоминается в программе, но только иногда и ему отводится второстепенная роль в мировой истории. Такому курсу скорее отвечало бы название «Запад и Россия». Ориентированность на Запад не позволяет авторам Программы раскрыть своеобразие пути Российского государства, необычность его судьбы, показать истинное место России в мировой истории, где она была (и есть) частью не только Европы, но и Азии.

Предстоящая реформа исторического образования в школе таит в себе опасность для истории, как учебного предмета. Понятно желание Министерства образования поднять преподавание в российской школе на мировой уровень. Но насколько немечаемая реформа соответствует современной мировой практике? Едва ли найдется в Европе страна, которая поступала бы со своей историей

подобным образом. Каждая страна дорожит национальной историей, на фактах которой воспитываются поколения молодых граждан.

Попытка реформировать школьное историческое образование в угоду новомодным веяниям глобализма, структурализма и социологизма была предпринята во Франции в 70-х годах и закончилась полным фиаско⁵. Даже М. Ферро, один из руководителей школы «Анналов», вынужден был признать разрушительные последствия этой реформы: «История цивилизаций была введена в программы как обновленная история: это объясняли необходимостью соответствовать современному уровню развития гуманитарных наук. Но то, что у ученых было прогрессом по сравнению с историей событийной, в системе передачи и приобретения знаний, да еще в руках министерских чиновников стало шагом к разрушению исторических представлений»⁶.

В школах США отечественная и всемирная история уже давно преподается на основе цивилизационного подхода, но и там нет такого предмета, как «США и мир». Приоритетными в области исторического образования органы просвещения США считают три направления: американская история, история западной цивилизации и всемирная история. При этом отечественная история является предметом, который изучается в течение всех лет учебы. Всемирной истории также отводится большое место, и она выступает в качестве самостоятельной учебной дисциплины.

В учебнике Дж. Томпсона и К. Хедберга «Люди и цивилизации. Всемирная история» последовательно рассматриваются ранние цивилизации, классический Китай и классическая Греция, средневековая Европа и Япония, исламская цивилизация, возвышение Европы, промышленная революция, национализм и империализм, социальный и политический порядок в современном мире. Учебник «Глобальная история человека» включает разделы: человек до появления цивилизации, цивилизация и регионализм, цивилизация и глобальное единство человечества, Россия, Латинская Америка, Китай, Индия, Северная Африка, Средний Восток, мир сегодня. В учебнике У. Мак Нейлла «Вселенная. История человечества» прослеживается история первобытного человека, речных и морских цивилизаций, древнегреческой, древнеиндийской и древнекитайской цивилизаций, американской, европейской, исламской и европейской цивилизаций в новое время, первой и второй мировых войн, современного мира. Аналогичные темы освещаются и в новейшем учебнике «Всемирная история: традиции и новации», популярном не только в США, но и в Англии, Канаде и Австралии.

Нетрудно заметить коренное отличие цивилизационного подхода американских ученых и авторов программы «Россия и мир». Подход американских ученых к изучению всемирной истории основывается на строгой хронологической последовательно-

сти, дифференциации цивилизаций по отдельным странам или регионам мира, выделении важнейших событий глобального масштаба и признании значительной роли Востока в судьбах человечества.

Как известно, после октября 1917 г. большевики ликвидировали исторические факультеты в вузах, восстановив их только в 1934 г.— с появлением историков-марксистов. Нечто подобное происходит и ныне. Прежние историки с их классовой и партийной методологией уже не могут отвечать новым реалиям. Новые кадры только начинают появляться, но, учитывая опыт предшественников, не спешат активно выступить с новых позиций. Поэтому Министерство образования взялось за реформу исторического образования в стране и начало это со школы. Необходимы срочные меры, чтобы нейтрализовать негативные последствия намечаемой реформы, сохранить в школе историю как учебную дисциплину, разумеется, очистив ее от прошлых искажений и конъюнктурных подходов.

Прежде всего, необходимо собрать «круглый стол» с участием представителей Министерства образования, учителей истории, вузовских и академических ученых и на нем детально обсудить все возможные варианты реализации реформы исторического образования. Министерство образования обязано провести открытое обсуждение макетов будущих учебников с привлечением всех заинтересованных сторон. Кроме того, вполне

реально создание на полиграфической базе Министерства образования альтернативных программ и учебников по истории для школ. Сегодня Министерство образования признает, что школа имеет право сама выбирать образовательную программу по истории, содержащую «федеральный компонент» и отвечающую требованиям государственного стандарта⁷. То, что учащиеся не будут больше учиться по одному учебнику и одной школьной программе, станет весомым вкладом в формирование подлинно демократических порядков в нашем обществе.

*А. Л. Литвин, И. И. Шарифжанов,
доктора исторических наук, профессора.*

Примечания

1. Преподавание истории в школе, 1993, № 4, с. 45.
2. Там же, с. 55—59; № 5, с. 45—51.
3. Там же, № 4, с. 58—59.
4. Там же, с. 51.
5. СМЕРНОВ В. П., ПОСКОНИН В. С. Традиции Великой Французской революции в идейно-политической жизни Франции 1789—1989. М., 1991, с. 112—120.
6. ФЕРРО М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М. 1992, с. 151.
7. Преподавание истории в школе, 1993, № 4, с. 45.

Contents

The Political Archives of the XXth Century. Materials of the February — March 1937 Plenary Meeting of the CC CPSU (B). Articles: **A. N. Sakharov**. The War and Soviet Diplomacy: 1939—1945. **Th. C. Prousis**. Commerce with the Enemy: Black Sea Trade in 1809—1810. Historical Profiles: **M. Ts. Arzakanjan**. Edouard Balladur. Historical Journalism: **H.-A. Jacobsen**. The Second World War: Some Results. History and Fates: **A. I. Denikin**. The Essays of the Troubled Time in Russia. Communications: **I. V. Domnin**. The Russian War Emigration: Problems, People and Ideas (the 20s—30s Years). **V. V. Polikarpov**. The Vickers at the Volga (1913—1917). People. Facts. Events. **A. I. Tarasov**. «The All-Union Democratic Party». **I. F. Tsvetkov**. The Engineer — shipbuilder **V. I. Jurkevich**. **V. V. Uzdenikov**. The Coins of the Emperor Ivan Antonovich. **D. M. Tugan-Baranovskij**. Napoleon as a Journalist. Historiography: **E. Zubkova**, **A. Kuprijanov**. The Mental Dimension of History: in Search of Method. **Reviews on Books**: **A. A. Anikeev**. Historiography of Eastern Germany: Rise and Crisis. **D. A. Amanzholova**. The Kazakh Autonomy and Russia. The History of Alash Movement. **I. I. Kostjushko**. The Agrarian Reform of 1848 in Austria. **S. F. Blumenau**. Debates about Revolution in the French Historical Science in the Second Half of the 60s—70s Years. **S. V. Kondratjev**. The Lawyers on the Eve of the Revolution in England. (Political and Legal Views). **L. Kadziela**. Miedzy zdrada a sluzba Rzeczypospolitej. Fryderyk Moszyński w latach 1792—1793. (Warszawa). **I. L. Majak**. Romans in the early Days of Republic. Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 7, 1995

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер. 1/2. Телефон: 209—96—21

Технический редактор **Е. П. Лебедева**

Сдано в набор 22.05.95. Подписано в печать 04.07.95. Формат 70x108/16. Бумага газетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18,5. Тираж 10 000. Заказ № 794. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Индекс 70145

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**